СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ X

GENÈVE. — IMPRIMERIE TROUSSOFF.

„Пров 49“

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ X

БЫЛОЕ И ДУМЫ
1867—1868

РАЗНЫЯ СТАТЬИ

GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1879
Tous droits réservés.

„Пров 3[illegible]
„Пров 4[illegible]
1 шк.
[illegible]
БИБЛИО[illegible]
56969

БЫЛОЕ И ДУМЫ*)

(1867—1868)

БЕЗЪ СВЯЗИ

I.

ШВЕЙЦАРСКІЕ ВИДЫ**)

Лѣтъ десять тому назадъ, идучи позднимъ зимнимъ, холоднымъ сырымъ вечеромъ по Геймаркету, я натолкнулся на негра, лѣтъ семнадцати, онъ былъ босъ, безъ рубашки и, вообще, больше раздѣтъ тропически, чѣмъ одѣтъ по лондонски. Стуча зубами и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ попросилъ у меня милостыни. Дня черезъ два я опять его встрѣтилъ, а потомъ еще и еще. Наконецъ я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ говорилъ ломанымъ англо-испанскимъ языкомъ, но понять смыслъ его словъ было не трудно.

— Вы молоды, сказалъ я ему, крѣпки, что же вы не ищите работы?

— Никто не даетъ.

— Отчего?

— Нѣтъ никого знакомаго, кто бы поручился.

*) *Эта часть была напечатана въ Пол. Зв. Т. VIII (1868.).*

**) Небольшіе отрывки изъ этого отдѣла были напечатаны въ „Колоколѣ.“

— Да вы откуда?

— Съ корабля.

— Съ какого?

— Съ испанскаго. Меня капитанъ очень билъ, я и ушелъ.

— Что вы дѣлали на кораблѣ?

— Все: платье чистилъ, посуду мылъ, каюты прибиралъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю.

— Да вѣдь вы умрете съ холода и голода, по крайней мѣрѣ навѣрно схватите лихорадку.

— Что же мнѣ дѣлать? говорилъ негръ съ отчаяніемъ, глядя на меня и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода.

Ну, подумалъ я, была не была, не первая глупость въ жизни, „Идите со мной, я вамъ дамъ уголъ и платье, вы будете чистить у меня комнаты, топить камины и останетесь сколько хотите, если будете вести себя порядкомъ и тихо. Se no — no.“

Негръ запрыгалъ отъ радости.

Въ недѣлю онъ потолстѣлъ и весело работалъ за четырехъ. Такъ прожилъ онъ съ полгода; потомъ, какъ-то вечеромъ, явился передъ моей дверью, постоялъ молча и потомъ сказалъ мнѣ:

— Я къ вамъ пришелъ проститься.

— Какъ такъ?

— *Теперь довольно*, я пойду.

— Васъ кто нибудь обидѣлъ?

— Помилуйте, я всѣми доволенъ.

— Такъ куда же вы?

— На какой нибудь корабль.

— Зачѣмъ?

— Очень соскучился, не могу, я сдѣлаю бѣду, если останусь, мнѣ надобно море. Я поѣзжу и опять пріѣду, а *теперь довольно.*

Я сдѣлалъ опытъ остановить его, дня три онъ подождалъ и во второй разъ объявилъ, что это сверхъ силъ его, что онъ долженъ уйти, что *теперь довольно.*

Это было весной. Осенью онъ явился ко мнѣ снова тропически раздѣтый, я опять его одѣлъ; но онъ вскорѣ надѣлалъ разныхъ пакостей, даже грозилъ меня убить, и я былъ вынужденъ его прогнать.

Послѣднее къ дѣлу не идетъ, а идетъ къ дѣлу то, что я совершенно раздѣляю воззрѣніе негра. Долго живши на одномъ мѣстѣ и въ одной колеѣ, я чувствую, что на нѣкоторое время *довольно*, что надобно освѣжиться другими горизонтами и физіономіями... и съ тѣмъ вмѣстѣ взойти въ себя, какъ бы это ни казалось страннымъ. Поверхностная разсѣянность дороги не мѣшаетъ.

Есть люди предпочитающіе отъѣзжать *внутренно*, кто при помощи сильной фантазіи и *отвлекаемости* отъ окружающаго—на это надобно особое помазаніе, близкое къ геніальности и безумію—кто при помощи опіума или алкоголя. Русскіе, напримѣръ, пьютъ запоемъ недѣлю-другую, потомъ возвращаются ко дворамъ и дѣламъ. Я предпочитаю передвиженіе всего тѣла передвиженію мозга, и круженіе по свѣту—круженію головы.

Можетъ отъ того, что у меня похмѣлье тяжело.

Такъ разсуждалъ я, 4 Октября 1866, въ небольшой комнатѣ дрянной гостиницы на берегу Невшательскаго озера, въ которой чувствовалъ себя какъ дома, какъ будто въ ней жилъ всю жизнь.

Съ лѣтами странно развивается потребность одиночества и главное тишины... На дворѣ было довольно

тепло, я отворилъ окно... все спало глубокимъ сномъ, и городъ, и озеро, и причаленная барка, едва-едва дышавшая, что было слышно по небольшому скрыпу и видно по легкому уклоненію мачты, никакъ не попадавшей въ линію равновѣсія и переходившей ее то на право, то на лѣво...

... Знать, что никто васъ не ждетъ, никто къ вамъ не взойдетъ, что вы можете дѣлать что хотите, умереть пожалуй... и никто не помѣшаетъ, никому нѣтъ дѣла... разомъ страшно и хорошо. Я рѣшительно начинаю дичать и иногда жалѣю, что не нахожу силъ принять свѣтскую схиму.

Только въ одиночествѣ человѣкъ можетъ работать во всю силу своей могуты. Воля располагать временемъ и отсутствіе неминуемыхъ перерывовъ — великое дѣло. Сдѣлалось скучно, усталъ человѣкъ—онъ беретъ шляпу и самъ ищетъ людей и отдыхаетъ съ ними. Стоитъ ему выйти на улицу—вѣчная каскада лицъ несется нескончаемая, мѣняющаяся, неизмѣнная, съ своей искрящейся радугой и сѣдой пѣной, шумомъ и гуломъ. На этотъ водопадъ вы смотрите какъ художникъ. Смотрите на него какъ на выставку, именно потому, что не имѣете практическаго отношенія. Все вамъ постороннее, и ни отъ кого ничего не надобно.

На другой день я всталъ ранехонько и уже въ 11 часовъ до того проголодался, что отправился завтракать въ большой отель, куда меня съ вечера не пустили за неимѣніемъ мѣста. Въ столовой сидѣлъ англичанинъ съ своей женой, закрывшись отъ нея листомъ Теймса, и французъ лѣтъ тридцати, изъ новыхъ, теперь слагающихся, типовъ, толстый, рыхлый, бѣлый, бѣлокурый, мягко-жирный; онъ, казалось, готовъ былъ расплыться, какъ желе въ теплой комнатѣ, еслибъ ши-

рокое пальто и панталоны изъ упругой матеріи не удерживали его мясовъ Навѣрно сынъ какого нибудь князя биржи или аристократъ демократической имперіи. Вяло, съ недовѣріемъ и пытливымъ духомъ продолжалъ онъ свой завтракъ; видно было, что онъ давно занимается и усталъ.

Типъ этотъ, почти не существовавшій прежде во Франціи, началъ слагаться при Людовикѣ Филиппѣ и окончательно разцвѣлъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Онъ очень противенъ, и это, можетъ, комплиментъ французамъ. Жизнь кухоннаго и винаго эпикурсизма не такъ искажаетъ англичанина и русскаго, какъ француза. Фоксы и Шериданы пили и ѣли за глаза довольно, однако остались Фоксами и Шериданами. Французъ безнаказанно предается одной *литературной* гастрономіи, состоящей въ утонченномъ *знаніи* яствъ и витійствѣ, при заказѣ блюдъ. Ни одна нація не *говоритъ* столько объ обѣдѣ, о приправахъ, тонкостяхъ, какъ французы; но это все фіоритура, риторика. Настоящее обжорство и пьянство француза заѣдаетъ, поглощаетъ... оно ему не по нервамъ. Французъ остается цѣлъ и невредимъ только при самомъ многостороннемъ волокитствѣ, это его національная страсть и любимая слабость—въ ней онъ силенъ.

— „Прикажете десертъ?“ спросилъ гарсонъ, видимо уважавшій француза больше насъ. Молодой господинъ варилъ въ это время пищу въ себѣ и потому, медленно поднимая на гарсона тусклый и томный взглядъ, сказалъ ему: „я еще не знаю,“ потомъ подумалъ и прибавилъ: „une poire!“

Англичанинъ, который въ продолженіи всего времени молча ѣлъ за ширмами газеты, встрепенулся и сказалъ: „Et à moâ aussi!“

Гарсонъ принесъ двѣ груши, на двухъ тарелкахъ, и одну подалъ англичанину; но тотъ съ энергіей и азартомъ протестовалъ: „No, no! aucune chose pour poire!“ Ему просто хотѣлось пить. Онъ напился и всталъ; я тутъ только замѣтилъ, что на немъ была дѣтская курточка, или спенцеръ, свѣтло-коричневаго цвѣта и свѣтлые панталоны въ обтяжку, страшно сморщившіеся возлѣ ботинокъ. Встала и леди; она подымалась все выше, выше и, сдѣлавшись очень высокой, оперлась на руку приземистаго своего мужа и вышла.

Я ихъ проводилъ улыбкой невольной, но совершенно беззлобной; они все же мнѣ казались вдесятеро больше люди, чѣмъ мой сосѣдъ, растегнувшій, по случаю удаленія дамы, третью пуговицу жилета.

Базель.

Рейнъ—естественная граница, ничего не отдѣляющая, но раздѣляющая на двѣ части Базель, что не мѣшаетъ нисколько невыразимой скукѣ обѣихъ сторонъ. Тройная скука налегла здѣсь на все: нѣмецкая, купеческая и швейцарская. Ничего нѣтъ удивительнаго, что единственное художественное произведеніе, выдуманное въ Базелѣ, представляетъ пляску умирающихъ со смертью; кромѣ мертвыхъ здѣсь никто не веселится, хотя нѣмецкое общество сильно любитъ музыку, но тоже очень серьезную и высшую.

Городъ—транзитный: всѣ проѣзжаютъ по немъ и никто не останавливается, кромѣ коммиссіонеровъ и ломовыхъ извощиковъ высшаго порядка.

Жить въ Базелѣ, безъ особой любви къ деньгамъ, нельзя. Впрочемъ, вообще въ швейцарскихъ городахъ жить скучно, да и не въ однихъ швейцарскихъ, а во всѣхъ небольшихъ городахъ. „Чудесный городъ Фло-

ренція, говоритъ Бакунинъ, точно прекрасная конфета... ѣшь, не нарадуешься, а черезъ недѣлю намъ все сладкое смертельно надоѣдаетъ.“ Это совершенно вѣрно; что же и говорить послѣ этого о швейцарскихъ городахъ? Прежде было покойно и хорошо по берегу Лемана; но съ тѣхъ поръ, какъ отъ Вевея до Вето все застроили подмосковными и въ нихъ выселились изъ Россіи цѣлыя дворянскія семьи, исхудалыя отъ несчастія 19 Февраля 1861, нашему брату тамъ не рука.

Лозанна.

Я въ Лозаннѣ проѣздомъ. Въ Лозаннѣ всѣ проѣздомъ, кромѣ аборигеновъ.

Въ Лозаннѣ посторонніе не живутъ, не смотря ни на ея удивительныя окрестности, ни на то, что англичане ее открывали три раза: разъ послѣ смерти Кромвеля, разъ при жизни Гиббона и теперь, строя въ ней домы и виллы. Живутъ туристы только въ Женевѣ.

Мысль о ней для меня неразрывна съ мыслью о самомъ холодномъ и сухомъ великомъ человѣкѣ и о самомъ холодномъ и сухомъ вѣтрѣ, о Кальвинѣ и о бизѣ. Я обоихъ терпѣть не могу.

И вѣдь въ каждомъ женевцѣ осталось что-то отъ бизы и отъ Кальвина, которые дули на него духовно и тѣлесно, со дня рожденія, со дня зачатія и даже прежде, одинъ изъ горъ, другой изъ молитвенниковъ.

Дѣйствительно, слѣдъ этихъ *двухъ простудъ*, съ разными пограничными и черезполосными оттѣнками: савойскими, валійскими, пуще всего французскими, составляетъ основный характеръ женевца, хорошій, но не то, чтобъ особенно пріятный.

Впрочемъ, я теперь описываю путевыя впечатлѣнія,

а въ Женевѣ *я живу*. Объ ней я буду писать, отойдя на артистическое разстояніе...

... Въ Фрибургъ я пріѣхалъ часовъ въ десять вечера... прямо къ Zæhringhoff'у. Тотъ же хозяинъ, въ черной бархатной скуфьѣ, который встрѣчалъ меня въ 1851 году, съ тѣмъ же правильнымъ и высокомѣрно-учтивымъ лицомъ русскаго оберъ-церемоніймейстера или англійскаго швейцара, подошелъ къ омнибусу и поздравилъ насъ съ пріѣздомъ.

... И столовая таже, тѣже складные четырехугольные диванчики, обитые краснымъ бархатомъ.

Четырнадцать лѣтъ прошли передъ Фрибургомъ, какъ четырнадцать дней! Таже гордость каѳедральнымъ органомъ, таже гордость цѣпнымъ мостомъ.

Вѣяніе новаго духа, безпокойнаго, мѣняющаго стѣны, разбрасывающагося, поднятаго экваторіальными бурями 1848 года, мало коснулось городовъ, стоящихъ въ нравственной и физической сторонѣ, въ родѣ іезуитскаго Фрибурга и піэтистическаго Невшателя. Города эти тоже двигались, но черепашьимъ шагомъ, стали лучше, но намъ кажутся отсталыми въ своей каменной одеждѣ, сшитой не по модѣ... А вѣдь многое въ прежней жизни было не дурно, прочнѣе, удобнѣе; она была лучше разочтена для *малаго* числа избранныхъ и именно поэтому не соотвѣтствуетъ огромному числу вновь приглашенныхъ, далеко не такъ избалованныхъ и не такъ трудныхъ во вкусѣ.

Конечно, при современномъ состояніи техники, при ежедневныхъ открытіяхъ, при облегченіи средствъ можно было устроить привольно и просторно новую жизнь. Но западный человѣкъ, владѣющій мѣстомъ, довольствуется малымъ. Вообще на него наклепали и, главное, наклепалъ онъ самъ то пристрастіе къ комфорту и ту из-

балованность, о которой говорятъ. Вте это у него риторика и фраза, какъ и все прочее; были же у него свободныя учрежденія безъ свободы, отчего же не имѣть блестящей обстановки для жизни узкой и неуклюжей. Есть исключенія. Мало ли что можно найти у англійскихъ аристократовъ, у французскихъ камелій, у іудейскихъ князей міра сего... все это личное и временное: лорды и банкиры не имѣютъ будущности, а камеліи наслѣдниковъ. Мы говоримъ о *всемъ свѣтѣ*, о золотой посредственности, о хорѣ и коръ-де-бале, который теперь на сценѣ и жупруетъ, оставляя въ сторонѣ отца лорда Станлей, имѣющаго тысячъ двадцать франковъ дохода въ день, и отца того двѣнадцатилѣтняго ребенка, который на дняхъ бросился въ Темзу, чтобъ облегчить родителямъ пропитанье.

Старый, разбогатѣвшій мѣщанинъ любитъ толковать объ удобствахъ жизни, для него все это еще ново, *что онъ баринъ*, qu'il a ses aises, „что его средства ему позволяютъ, что это его не раззоритъ.“ Онъ дивится деньгамъ и знаетъ ихъ цѣну и летучесть въ то время, какъ его предшественники по богатству не вѣрили ни въ ихъ истощаемость, ни въ ихъ достоинство и потому раззорялись. Но раззорялись они со вкусомъ. У „буржуа“ мало смысла широко воспользоваться накопленными капиталами. Привычка прежней узкой, наслѣдственной, скупой жизни осталась. Онъ, пожалуй, и тратитъ большія деньги, но не на то, что надобно. Поколѣніе, прошедшее прилавкомъ, усвоило себѣ не тѣ размѣры, не тѣ планы, въ которыхъ привольно, и не можетъ отъ нихъ отстать. У нихъ все дѣлается, будто на продажу и они естественно имѣютъ въ виду какъ можно большую выгоду, барышъ и казовый конецъ. „Пропріетеръ“ инстинктивно уменьшаетъ размѣръ комнатъ и увеличи-

ваетъ ихъ число, не зная, почему дѣлаетъ небольшія окны, низкіе потолки; онъ пользуется каждымъ угломъ чтобъ вырвать его у жильца или у своей семьи. Уголъ этотъ ему не нуженъ, но на всякій случай онъ его отнимаетъ у кого нибудь. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ устроиваетъ двѣ неудобныхъ кухни, вмѣсто одной порядочной, устроиваетъ мансарду для горничной, въ которой нельзя ни работать, ни повернуться, но за то сыро. За эту экономію свѣта и пространства онъ украшаетъ фасадъ, грузитъ мебелью гостинную и устроиваетъ передъ домомъ цвѣтникъ съ фонтаномъ, наказаніе дѣтямъ, нянькамъ, собакамъ и насмѣшникамъ.

Чего не испортило скряжничество, то додѣлываетъ нерасторопность ума. Наука, прорѣзывающая мутный прудъ обыденной жизни, не мѣшаясь съ ней, бросаетъ на право и на лѣво свои богатства, но ихъ не умѣютъ удить мелкіе лодочники. Вся польза идетъ гуртовщикамъ и цѣдится каплями для другихъ; гуртовщики мѣняютъ шаръ земной, а частная жизнь тащится возлѣ ихъ паровозовъ въ старой колымагѣ, на своихъ клячахъ... Каминъ, который бы не дымился—мечта; мнѣ одинъ женевскій хозяинъ успокоительно говорилъ: „каминъ этотъ *только* дымитъ въ бизу,“ т. е. именно тогда, когда всего больше надобно топить, и эта биза какъ будто случайность или новое изобрѣтеніе, какъ будто она не дула до рожденія Кальвина и не будетъ дуть послѣ смерти Фази. Во всей Европѣ, не исключая ни Испаніи, ни Италіи, надобно, вступая въ зиму, писать свое завѣщаніе, какъ писали его прежде, отправляясь изъ Парижа въ Марсель, и въ половинѣ апрѣля служить молебенъ иверской божіей матери.

Скажи эти люди, что они не занимаются суетой суетствій, что у нихъ другого дѣла много, я имъ прощу

и дымящіеся камины, и замки, которые разомъ отворяютъ дверь и кровь, и вонь въ сѣняхъ и проч., но спрошу, въ чемъ ихъ дѣло, въ чемъ ихъ высшіе интересы? *Ихъ нѣтъ*... они только выставляютъ ихъ для скрытія невообразимой пустоты и безсмыслія...

Въ средніе вѣка люди жили напскверпѣйшимъ образомъ и тратились на совершенно ненужныя и не идущія къ удобствамъ постройки. Но средніе вѣка не толковали о страсти къ удобствамъ; напротивъ, чѣмъ неудобнѣе шла ихъ жизнь, тѣмъ она ближе была къ ихъ идеалу; ихъ роскошь была въ благолѣпіи дома божія и дома общиннаго, и тамъ они ужъ не скупились, не жались. Рыцарь строилъ тогда крѣпость, а не дворецъ и выбиралъ не наиудобнѣйшую дорогу для нея, а неприступную скалу. Теперь защищаться не отъ кого, въ спасеніе души отъ украшенія церквей никто не вѣритъ; отъ форума и ратуши, отъ оппозиціи и клуба мирный гражданинъ порядка отсталъ; страсти и фанатизмы, религіи и геропзмы—все это уступило мѣсто матеріальному благосостоянію, *а оно-то и не устроилось*.

Для меня во всемъ этомъ есть что-то печальное, трагическое, точно этотъ міръ живетъ кой-какъ въ ожиданіи, что земля разступится подъ ногами, и ищетъ не устроиться, а забыться. Я это вижу не только въ озабоченныхъ морщинахъ, но и въ боязни передъ серьезной мыслью, въ отвращеніи отъ всякаго разбора своего положенья, въ судорожной жаждѣ недосуга, внѣшней разсѣянности. Старики готовы играть въ игрушки, „лишь бы дѣло не шло на умъ.“

Модный оттягивающій пластырь—всемірныя выставки. Пластырь и болѣзнь вмѣстѣ, какая-то перемежающаяся лихорадка съ перемѣнными центрами. Все несется, плыветъ, идетъ, летитъ, тратится, домогается, глядитъ,

устаетъ, живетъ еще неудобнѣе, чтобъ слѣдить за *успѣхомъ*—чего? Ну, такъ за успѣхами. Какъ будто въ три-четыре года можетъ быть такой прогрессъ во всемъ, какъ будто при желѣзныхъ дорогахъ такая крайность возить изъ угла въ уголъ—домы, машины, конюшни, пушки, чуть не сады и огороды...

... Ну, а выставки надоѣдятъ—примутся за войну, начнутъ разсѣеваться грудами труповъ, лишь бы не видѣть какихъ-то *черныхъ точекъ* на набесклонѣ...

II.

БОЛТОВНЯ СЪ ДОРОГИ И РОДИНА ВЪ БУФЕТѢ.

. . . . . .

— Есть мѣсто въ Андерматъ?

— Вѣроятно будетъ.

— Въ кабріолетѣ?

— Можетъ быть, вы заходите въ половинѣ одинадцатаго...

Я смотрю на часы, три безъ четверти... и я съ чувствомъ какого-то бѣшенства сажусь на лавочку передъ кафе... Шумъ, крикъ, таскаютъ чемоданы, водятъ лошадей, лошади стучатъ безъ нужды по камнямъ, трактирные гарсоны завоевываютъ путешественниковъ, дамы роются между саками... щелкъ, щелкъ, одинъ дилижансъ поскакалъ... щелкъ, щелкъ, другой поскакалъ за нимъ... площадь пустѣетъ, все разошлось... жаръ смертельный, свѣтло до безобразія, камни поблѣднѣли, собака легла было середь площади, но вдругъ вскочила съ негодованіемъ и побѣжала въ тѣнь. Передъ кафе сидитъ толстый хозяинъ въ рубашкѣ, онъ постоянно дремлетъ. Идетъ баба съ рыбой. „По чемъ рыба?“ спрашиваетъ

съ видомъ страшной злобы хозяинъ. Женщина говоритъ цѣну.— „Carrogna," кричитъ хозяинъ.— „Ladro," кричитъ женщина.—„Иди мимо, старая чертовка." — Берешь что ли, разбойникъ"?—„Ну, отдавай за *три венты* фунтъ."—„Чтобъ тебѣ умереть безъ исповѣди!" Хозяинъ беретъ рыбу, женщина деньги, и дружески разстаются. Всѣ эти ругательства—одна принятая форма, въ родѣ вѣжливостей, употребляемыхъ нами.

Собака продолжаетъ спать, хозяинъ отдалъ рыбу и опять дремлетъ, солнце печетъ, сидѣть дольше невозможно. Иду въ кафе, беру бумагу и начинаю писать, не зная вовсе, что напишу... Описаніе горъ и пропастей, цвѣтущихъ луговъ и голыхъ гранитовъ — все это есть въ гидѣ... Лучше посплетничать. Сплетни—отдыхъ разговора, его десертъ, его соя, одни идеалисты и абстрактные люди не любятъ сплетней... Но о комъ сплетничать?... Разумѣется, о предметѣ самомъ близкомъ нашему патріотическому сердцу—о нашихъ милыхъ соотечественникахъ. Ихъ вездѣ много, особенно въ хорошихъ отеляхъ.

Узнавать русскихъ все еще также легко, какъ и прежде. Давно отмѣченные зоологическіе признаки не совсѣмъ стерлись при сильномъ увеличеніи путешественниковъ. Русскіе говорятъ громко тамъ, гдѣ другіе говорятъ тихо, и совсѣмъ не говорятъ тамъ, гдѣ другіе говорятъ громко. Они смѣются вслухъ и разсказываютъ шопотомъ смѣшныя вещи; они скоро знакомятся съ гарсонами и туго съ сосѣдями, они ѣдятъ съ ножа, военные похожи на нѣмцевъ, но отличаются отъ нихъ особенно дерзкимъ затылкомъ, съ оригинальной шетинкой, дамы поражаютъ костюмомъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ такъ какъ англичанки за table d'hôte'омъ и пр.

Тунское озеро сдѣлалось цистерной, около которой насѣли наши туристы высшаго полета. Fremden List словно выписанъ изъ „памятной книжки,“ министры и тузы, генералы всѣхъ оружій и даже тайной полиціи отмѣчены въ немъ. Въ садахъ отелей наслаждаются сановники, mit Weib und Kind, природой и въ ихъ столовой ея дарами. — „Вы черезъ Гемми или Гримзель?“ спрашиваетъ англичанка англичанку. — „Вы въ Jungfraublick'ѣ или въ Викторіи остановились“? спрашиваетъ русская русскую.—Вотъ и Jungfrau! говоритъ англичанка. — Вотъ и Рейтернъ, министръ финансовъ, говоритъ русская...

. . . . . .

Intcinq minutes d'arret...
Intcinq minutes d'arret...

и все, что было въ вагонахъ, высыпалось въ залу ресторана и бросплось за столъ, торопясь съѣсть обѣдъ въ какія нибудь двадцать минутъ, изъ которыхъ дорожное начальство непремѣнно украдетъ пять-шесть, да еще прежде испугаетъ апетитъ страшнымъ звонкомъ и крикомъ: En voiture.

Взошла высокая барыня въ темномъ и ея мужъ въ свѣтломъ, съ ними двое дѣтей... взошла съ застѣнчивымъ, неловкимъ видомъ, бѣдно одѣтая дѣвушка, у которой на рукахъ были какіе-то мѣшечки и баульчики. Она постояла... потомъ пошла въ уголъ и сѣла почти возлѣ меня. Зоркій взглядъ гарсона ее замѣтилъ; прорѣевъ съ тарелкой, на которой лежалъ кусокъ ростбифа, онъ спустился, какъ коршунъ, на бѣдную дѣвушку и спросилъ ее: „что она желаетъ заказать“?—„Ничего,“ отвѣчала она и гарсонъ, котораго кликалъ англійскій клержиманъ, побѣжалъ къ нему... но черезъ минуту онъ

опять подлетѣлъ къ ней и, махая салфеткой, спросилъ ее: „Что бишь вы заказали“?

Дѣвушка что-то прошептала, покраснѣла и встала. Меня такъ и кольнуло. Мнѣ захотѣлось предложить ей чего нибудь, но я не смѣлъ.

Прежде чѣмъ я рѣшился, черная дама повела черными глазами по залѣ и, увидя дѣвушку, подозвала ее пальцемъ. Она подошла, дама указала ей на недоѣденнѣй дѣтьми супъ, и та *стоя*, середь ряда сидящихъ и удивленныхъ путешественниковъ, смущенная и потерянная, съѣла ложки двѣ и поставила тарелку.

Essieurs les voyageurs pour Ucinnungen onctiou, et tontuyx —en voiture!

Всѣ бросились съ ненужной поспѣшностью къ вагонамъ.

Молчать я не могъ и сказалъ гарсону (не коршуну, другому): „Вы видѣли“?

— „Какъ же не видать—это *русскіе*.“

III.

ЗА АЛЬПАМИ

. . . Архитектуральный, монументальный характеръ итальянскихъ городовъ, рядомъ съ ихъ запущенностью, подъ конецъ надоѣдаетъ. Современный человѣкъ въ нихъ не дома, а въ неудобной ложѣ театра, на сценѣ котораго поставлены величественныя декораціи.

Жизнь въ нихъ не уравновѣсилась, не проста и не удобна. Тонъ поднятъ, во всемъ декламація и декламація итальянская (кто слыхалъ чтеніе Данта, тотъ знаетъ ее). Во всемъ та натянутость, которая бывала въ

ходу у московскихъ философовъ и нѣмецкихъ *ученыхъ* художниковъ; все съ высшей точки, vom höhern Standpunkt. — Взвинченность эта исключаетъ abandon, вѣчно готова на отпоръ и проповѣдь съ сентенціями. Хроническая восторженность утомляетъ, сердитъ.

Человѣку не всегда хочется удивляться, возвышаться душой, имѣть *тригоды*, быть тронутымъ и носиться мыслію далеко въ быломъ, а Италія не спускаетъ съ извѣстнаго діапазона и безпрестанно напоминаетъ, что ея улица не просто улица, а что она памятникъ, что по ея площадямъ не только надобно ходить, но должно ихъ изучать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все, особенно изящное и великое въ Италіи (а можетъ и вездѣ) граничитъ съ безуміемъ и нелѣпостью — по крайней мѣрѣ напоминаетъ малолѣтство... Piazza Signoria.—это дѣтская флорентинскаго народа; дѣдушка Бонаротти и дядюшка Челлини надарили ему мраморныхъ и бронзовыхъ игрушекъ, а онъ ихъ разставилъ зря на площади, гдѣ столько разъ лилась кровь и рѣшалась его судьба — безъ малѣйшаго отношенія къ Давиду или Персею... Городъ въ водѣ, такъ что по улицамъ могутъ гулять ерши и окуни... Городъ изъ каменныхъ щелей—такъ что надобно быть мокрицей или ящерицей, чтобъ ползать и бѣгать по узенькому дну — между утесами, составленными изъ дворцовъ... А тутъ бѣловѣжская пуща изъ мрамора. Какая голова смѣла создать чертежъ этого каменнаго лѣса, называемаго Миланскимъ соборомъ, эту гору сталактитовъ? Какая голова имѣла дерзость привести въ исполненіе сонъ безумнаго зодчаго... и кто далъ деньги, огромныя, невѣроятныя деньги!

Люди только жертвуютъ на ненужное. Имъ всего дороже ихъ фантастическія цѣли. Дороже насущнаго хлѣ-

ба, дороже своей корысти. Въ эгоизмъ надобно воспитаться также какъ въ гуманность. А фантазія уноситъ безъ воспитанія, увлекаетъ безъ разсужденій. Вѣка вѣры были вѣками чудесъ.

Городъ по новѣе, но менѣе историческій и декоративный — Туринъ.

— Такъ и обдаетъ своей прозой.

— Да, а жить въ немъ легче — именно потому, что онъ просто городъ, городъ не въ собственное свое воспоминаніе, а для обыденной жизни, для настоящаго, въ немъ улицы не представляютъ археологическаго музея, не напоминаютъ на каждомъ шагу Memento mori, — а взгляните на его работничье населеніе, на ихъ рѣзкій, какъ альпійскій воздухъ, видъ — и вы увидите, что это кряжъ людей бодрѣе Флорентинцевъ, Венеціанъ, а можетъ и постойчѣе Генуэзцевъ.

Послѣднихъ впрочемъ я не знаю. Къ нимъ присмотрѣться очень трудно, они все мелькаютъ передъ глазами, бѣгутъ, суетятся, снуютъ, торопятся. Въ переулкахъ къ морю народъ кипитъ, но тѣ, которые стоятъ, не генуэзцы — это матросы всѣхъ морей и океановъ — шкиперы, капитаны. — Звонокъ тамъ, звонокъ тутъ—Partenza!—Partenza!—и часть муравейника засуетилась—одни нагружаютъ, другіе разгружаютъ.

IV.

ZU DEUTCH

... Три дня льетъ проливной дождь, выйти невозможно, работать не хочется... Въ окнѣ книжной лавки выставлена „Переписка Гейне“ два тома. Вотъ спа-

сенье, я взялъ ихъ и принялся читать впредь до расчищенія неба.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Гейне писалъ Мозеру, Иммерману и Варнгагену.

Странное дѣло — съ 1848 года мы все пятились, да отступали, все бросали за бортъ, да сжились, а кой что сдѣлалось и все исподволь измѣнилось. Мы ближе къ землѣ, мы ниже стоимъ, т. е. тверже, плугъ глубже врѣзывается, работа не такъ казиста, чернѣе—можетъ оттого, что это въ самомъ дѣтѣ работа. Донъ-Кихоты реакціи пропороли много нашихъ воздушныхъ шаровъ, дымные газы улетучились, аэростаты опустились, и мы не носимся больше какъ духъ божій надъ водами съ цѣвницей и пророческимъ пѣснопѣніемъ, а цѣпляемся за деревья, крыши и за мать сыру землю.

Гдѣ эти времена, когда „юная Германія“, въ своемъ „прекрасномъ-высоко“, *теоретически* освобождала отечество и въ сферахъ чистаго разума и искусства покончивала съ міромъ преданій и предразсудковъ? Гейне было противно на ярко освѣщенной морозной высотѣ, на которой величественно дремалъ подъ старость Гёте, грезя не совсѣмъ складные, но умные сны второй части Фауста—однако и онъ ниже книжнаго магазина не опустился, это все еще академическая aula, литературные кружки, журнальные приходы, съ ихъ сплетнями и дрязгами, съ ихъ книжными Шейлохами въ видѣ Коты или Гофмана и Кампе, съ ихъ гетингенскими архіереями филологіи и епископами юриспруденціи въ Галле или Боннѣ. Ни Гейне, ни его кругъ, народа не знали, и народъ ихъ не зналъ. Ни скорбь, ни радость низменныхъ полей не подымалась на эти вершины — для того, чтобъ понять стонъ современныхъ человѣческихъ трясинъ, имъ надобно было переложить его на латин-

скіе нравы и черезъ Гракховъ и пролетаріевъ добраться до ихъ мысли.

Бакалавры міра *сублимированнаго*, они выходили иногда въ жизнь, начиная какъ Фаустъ съ полпивной и всегда какъ онъ съ какимъ нибудь духомъ школьнаго отрицанья, который имъ, какъ Фаусту, мѣшалъ своей рефлексіей просто глядѣть и видѣть. Оттого-то они тотчасъ возвращались отъ живыхъ источниковъ къ источникамъ историческимъ, тутъ они чувствовали себя больше дома. Занятія ихъ, это особенно замѣчательно, не только не были *дѣломъ*, но и не были *наукой*, а такъ сказать ученостью и литературой пуще всего.

Гейне подчасъ бунтовалъ противъ архивнаго воздуха и аналитическаго наслажденія, хотѣлъ чего-то другаго, а письма его совершенно *нѣмецкія письма*, того нѣмецкаго періода, на первой страницѣ котораго Бетина-дитя, а на послѣдней Рахель еврейка. Мы свѣжѣе дышемъ, встрѣчая въ его письмахъ страстные порывы юдаизма, тутъ Гейне въ самомъ дѣлѣ увлекающійся человѣкъ — но онъ тотчасъ стынетъ, холодѣетъ къ юдаизму и сердится на него за свою собственную, далеко не безкорыстную измѣну.

Революція 1830 и потомъ переѣздъ Гейне въ Парижъ сильно двинули его. Der Pan ist gestorben! говоритъ онъ съ восторгомъ и торопится *туда* — туда, куда и я нѣкогда торопился такъ болѣзненно-страстно — въ Парижъ; онъ хочетъ видѣть „великій народъ“ и „сѣдаго Лафайета, разъѣзжающаго на сѣрой лошади“. Но литература вскорѣ беретъ верхъ, наружно и внутренно письма наполняются литературными сплетнями, личностями въ пересыпочку съ жалобами на судьбу, на здоровье, на нервы, на худое расположеніе духа, сквозь котораго просвѣчиваетъ безмѣрное, оскорбительное са-

молюбіе. И тутъ же Гейне беретъ фальшивую ноту. Холодно вздутый риторическій бонапартизмъ его становится также противенъ, какъ брезгливый ужасъ гамбургскаго хорошо вымытаго жида передъ народными трибунами, не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Онъ не могъ переварить, что рабочіе сходки не представлялись въ чопорной обстановкѣ кабинета и салона Варнгагена, „фарфороваго“ Варнгагена фонъ Энзе, какъ онъ его самъ назвалъ.

Чистотой рукъ и отсутствіемъ табачнаго запаха, впрочемъ, и ограничивается чувство его собственнаго достоинства. За это винить его трудно. Чувство это не нѣмецкое, не еврейское и по несчастію тоже не русское.

Гейне кокетничаетъ съ прусскимъ правительствомъ, заискиваетъ въ немъ черезъ посла, черезъ Варнгагена, и ругаетъ его*). Кокетничаетъ съ баварскимъ королемъ и осыпаетъ его сарказмами, больше чѣмъ кокетничаетъ съ „высокой“ германской діэтой и выкупаетъ свое дрянное поведеніе передъ ней ѣдкими насмѣшками.

Все это не объясняетъ-ли отчего учено-революціонная вспышка въ Германіи такъ быстро лопнула въ 1848 году? Она тоже принадлежала литературѣ и исчезла какъ ракета, пущенная въ Кроль-гарденѣ; она имѣла своихъ вождей-профессоровъ и своихъ генераловъ отъ филологіи, она имѣла свой народъ въ бот-

*) Не тоже-ли дѣлалъ и геній *на содержаніи* прусскаго короля? Его двуипостасность навлекла на него колкое слово. Послѣ 1848, король гановерскій, ультра консерваторъ и феодалъ, пріѣхалъ въ Потсдамъ. На лѣстницѣ дворца его встрѣтили разные придворные и Гумбольтъ въ ливрейномъ фракѣ. Злой король остановился, и улыбаясь сказалъ ему: „Immer derselbe, immer Republicaner und immer im Vorzimmer des Palastes.“

фортахъ и беретахъ, народъ студентовъ измѣнившихъ революціонному дѣлу, какъ только оно перешло изъ метафизической отваги и литературной удали на площадь.

Кромѣ нѣсколько забѣжавшихъ или завлеченныхъ работниковъ, народъ не шелъ за этими блѣдными *фюрерами*, они ему такъ и остались посторонними.

— Какъ вы можете выносить всѣ обиды Бисмарка, спросилъ я, за годъ до войны, у одного лѣваго депутата изъ Берлина, въ самое то время, когда графъ набивалъ себѣ руку для того, чтобъ повышибать зубы но крѣпче Грабова и К°.

— Мы все сдѣлали, что могли innerhalb конституціи.

— Ну такъ вы бы по примѣру правительства попробовали ausserhalb.

— То есть что-же? сдѣлать воззваніе къ народу, остановить платежи налоговъ?... Это мечта... *ни одинъ человѣкъ не двинулся бы за насъ*, не поддержалъ бы насъ... и мы дали бы новое торжество Бисмарку, свидѣтельствуя сами нашу слабость.

— Ну такъ и я скажу какъ вашъ президентъ при всякомъ заушеніи: „Воскликните троекратно Es lebe der Kœnig! и разойдитесь съ миромъ!“

V.

СЪ ТОГО И ЭТОГО СВѢТА

I.

СЪ ТОГО

... Villa Adolphina... Адольфина?... что бишь такое?... Villa Adolphina, grands et petits appartements, jardin, vue sur la mer...

Вхожу, все чисто, хорошо, деревья, цвѣты, англійскіе дѣти на дворѣ, толстые, мягкіе, румяные, которымъ отъ души желаю никогда не встрѣчаться съ антропофагами... выходитъ старушка и, спросивъ о причинѣ прихода, начинаетъ разговоръ съ того, что она не *служанка*, „а больше по дружбѣ," что Mme Adolphine поѣхала въ больницу или въ богадѣльню, въ которой она патронесса. Потомъ ведетъ меня показывать „необыкновенно удобную квартиру," которая первый разъ еще не занята во время сезона и которую сегодня утромъ приходили осматривать два американца и одна русская княгиня, въ силу чего служащая „больше по дружбѣ" старушка искренно совѣтовала мнѣ не терять времени. Поблагодаривъ ее за такое внезапное сочувствіе и предпочтеніе, я обратился къ ней съ вопросомъ: Sie sind eine Deutsche?

— Zu Diensten, und der gnädige Herr?

— Ein Russe.

— Das freut mich zu sehr. Jch wohnte so lange, so lange in Petersburg. Признаться сказать, такого города, кажется, нѣтъ и не будетъ.

— Очень пріятно слышать. Вы давно оставили Петербургъ?

— Да не вчера таки, мы вотъ ужъ здѣсь живемъ на худой конецъ лѣтъ двадцать. Я съ дѣтства была подругой съ Mme Adolphine и потомъ никогда не хотѣла ее покинуть. Она мало хозяйствомъ занимается, все у нея идетъ такъ, некому присмотрѣть. Когда meine Gönnerin купила этотъ маленькій *парадизъ*, она меня тотчасъ выписала изъ Брауншвейга...

— А гдѣ вы жили въ Петербургѣ? спросилъ я вдругъ.

— О, мы жили въ самой лучшей части города, гдѣ lauter Herrschaften und Generäle живутъ. Сколько разъ

я видѣла покойнаго государя, какъ онъ въ коляскѣ и въ саняхъ на одной лошади проѣзжалъ so ernst... можно сказать, настоящій потентатъ былъ.

— Вы жили на Невскомъ, на Морской?

— Да, т. е. не совсѣмъ на Нефскомъ, а тутъ возлѣ, у Полицей- брюкѣ.

Довольно... довольно, какъ не знать, думаю я, и прошу старушку, чтобъ она сказала, что я приду къ самой Mme Adolphine переговорить о квартирѣ.

Я никогда не могъ безъ особаго умиленія встрѣчаться съ развалинами давнишняго времени, съ полуразрушенными памятниками храма ли Весты или другого бога, все равно... Старушка „по дружбѣ“ пошла меня провожать черезъ садъ къ воротамъ. „Вотъ нашъ сосѣдъ, тоже долго жилъ въ Петербургѣ“... она указала мнѣ большой, кокетливо убранный домъ, на этотъ разъ съ англійской надписью: Large and small app. (furnished or unfurnished)... Вы вѣрно помните Флоріани? Coiffeur de la cour былъ возлѣ Милльонной; онъ имѣлъ одну непріятную исторію... былъ преслѣдованъ, чуть не попалъ въ Сибирь... знаете, за излишнее снисхожденіе, тогда были такія строгости.

Ну, думаю, она непремѣнно произведетъ Флоріани въ мои „товарищи несчастья.“

— Да, да, теперь я смутно вспоминаю эту исторію, въ ней были замѣшаны синодскій оберъ-прокуроръ и другіе богословы и гвардейцы...

— Вотъ онъ самъ.

... Высохшій, беззубый старичишка въ маленькой соломенной шляпѣ, морской или дѣтской, съ голубой лентой около тальи, въ коротенькомъ, свѣтло-гороховомъ полупальто и въ полосатыхъ штанишкахъ... вышелъ за ворота. Онъ поднялъ скупосухіе, безжизненные глаза и

пожевывая тонкими губами, кивнулъ головой старушкѣ „по дружбѣ."

— Хотите я его позову?

— Нѣтъ, покорно благодарю... *я не по этой части* — видите бороду не брѣю... Прощайте. Да скажите пожалуйста, ошибся я или нѣтъ, у Monsieur Floriani красная ленточка.

— Да, да, онъ очень много жертвовалъ!

— Прекрасное сердце.

Въ классическія времена писатели любили сводить на томъ свѣтѣ давно и недавно умершихъ за тѣмъ, чтобъ они покалякали о томъ и о семъ. Въ нашъ реальный вѣкъ все на землѣ и даже часть *того свѣта на этомъ свѣтѣ*. Елисейскія поля растянулись въ Елисейскіе берега, Елисейскія взморья и разсыпались тамъ-сямъ по сѣрнымъ и теплымъ водамъ, у подножія горъ на рамкахъ озеръ, они продаются акрами, обработываются подъ виноградъ... Часть умершаго въ треволненной жизни отправляетъ здѣсь первый курсъ переселенія душъ и гимназическій классъ Чистилища.

Всякій человѣкъ, прожившій лѣтъ пятьдесятъ, схоронилъ цѣлый міръ, даже два—съ его исчезновеніемъ онъ свыкся и привыкъ къ новымъ декораціямъ другаго акта—вдругъ имена и лица давно умершаго времени являются чаще и чаще на его дорогѣ, вызывая ряды тѣней и картинъ, гдѣ-то хранившихся, на всякій случай, въ безконечныхъ катакомбахъ памяти, заставляя то улыбнуться, то вздохнуть, иной разъ чуть не расплакаться...

Желающимъ, какъ Фаустъ, повидаться „съ матерями" и даже „съ отцами," не нужно никакихъ Мефистофелей, достаточно взять билетъ на желѣзной дорогѣ и ѣхать къ Югу. Съ Кана и Граса начиная, бродятъ грѣющіяся тѣни

давно утекшаго времени; прижатыя къ морю, онѣ, покойно сгорбившись, ждутъ Харона и свой чередъ.

На дорогѣ этой Citta, не то чтобъ очень dolente, стоитъ привратникомъ высокая, сгорбленная и величавая фигура лорда Брума. Послѣ долгой, честной и исполненной безплоднаго труда жизни, онъ всѣмъ существомъ и одной сѣдой бровью ниже другой выражаетъ часть Дантовской надписи: „Voi ch'entrate, *съ мыслью домашними средствами поправить застарѣлое, историческое зло* lasciate ogni speranza." Старикъ Брумъ, лучшій изъ вѣтхихъ деньми, защитникъ несчастной королевы Каролины, другъ Роберта Оуэна, современникъ Каннинга и Байрона, послѣдній, ненаписанный томъ Маколея, поставилъ свою виллу между Грасомъ и Каномъ, и очень хорошо сдѣлалъ. Кого было бы, какъ не его, поставить примиряющей вывѣской въ преддверіи временнаго Чистилища, чтобъ не отстращать живыхъ?

За тѣмъ мы en plein въ мірѣ умолкшихъ теноровъ, потрясавшихъ наши восемнадцатилѣтнія груди лѣтъ-*тридцать* тому назадъ—ножекъ, отъ которыхъ таяло и замирало наше сердце вмѣстѣ съ сердцемъ цѣлаго партера, ножекъ, оканчивающихъ теперь свою карьеру въ стоптанныхъ, собственноручно вязанныхъ изъ шерсти туфляхъ, пошлепывающихъ за горничной изъ безцѣльной ревности и по хозяйству изъ очень цѣлесообразной скупости...

... И все-то это съ разными промежутками продолжается до самой Адріатики, до береговъ Комскаго озера и даже нѣкоторыхъ нѣмецкихъ водяныхъ *пятенъ* (Flecken). Здѣсь villa Taglioni, тамъ Palazzo Rubini, тутъ Campagne Fanny Elsner и другихъ *лицъ*... du prétérit défini et du plus que parfait.

Возлѣ актеровъ, сошедшихъ со сцены маленькаго те-

атра, актеры самыхъ большихъ подмостковъ въ мірѣ, давно исключенные изъ афишъ и забытые—они въ тиши доживаютъ вѣкъ Цинцинатами и философами противъ воли. Рядомъ съ артистами, нѣкогда отлично представлявшими царей, встрѣчаются цари, скверно разыгравшіе свою роль. Цари эти захватили съ собой, какъ индійскіе покойники, берущіе на тотъ свѣтъ своихъ женъ, двухъ-трехъ преданныхъ министровъ, которые такъ усердно помогли имъ пасть и сами свалились съ ними. Въ ихъ числѣ есть вѣнценосцы, освистанные при дебютѣ и все еще ожидающіе, что публика придетъ къ больше справедливой оцѣнкѣ и опять позоветъ ихъ. Есть и такіе, которымъ impresario историческаго театра не позволилъ и дебютировать—мертворожденные, имѣющіе *вчера*, но не имѣющіе *сегодня*—ихъ біографія оканчивается до ихъ появленія на свѣтъ; астеки давно ниспровергнутаго закона престолонаслѣдія, они остаются шевелящимися памятниками угасшихъ династій.

Далѣе идутъ генералы, знаменитые побѣдами, одержанными надъ ними, тонкіе дипломаты, погубившіе свои страны, игроки, погубившіе свое состояніе и сморщенныя, сѣдыя старухи, погубившія во время оно сердца этихъ дипломатовъ и этихъ игроковъ. Государственные фосили, все еще понюхивающіе табакъ, такъ какъ его нюхали у Поццо ди Борго, лорда Абердина и князя Эстергази, вспоминаютъ съ „ископаемыми“ красавицами временъ Mme Recamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибранъ и дивятся, что Патти смѣетъ послѣ этого пѣть... И въ тоже время люди зеленаго сукна, прихрамывая и крехтя, полурасшибленные параличомъ, полузатопленные водяной, толкуютъ съ другими старушками о другихъ салонахъ и другихъ знаменитостяхъ, о смѣлыхъ ставкахъ, о графинѣ Ки-

селевой, о Гомбургской и Баденской рулеткѣ, объ игрѣ покойнаго Сухозанета, о тѣхъ патріархальныхъ временахъ, когда владѣтельные принцы нѣмецкихъ водъ были въ долѣ съ содержателями игръ и опасный, средневѣковый грабежъ путешественниковъ перекладывали на мирное поприще банка и rouge ou noir...

... И все это еще дышетъ, еще движется, кто не на ногахъ, въ перамбулаторѣ, въ коляскѣ, укрытой мѣхомъ, кто опираясь вмѣсто клюки на слугу, а иногда опираясь на клюку за неимѣніемъ слуги. „Списки иностранцевъ“ похожи на старинные адресъ-календари, на клочья изорванныхъ газетъ „временъ наваринскихъ и покоренія Алжира.“

Возлѣ гаснущихъ звѣздъ трехъ первыхъ классовъ сохраняются другія кометы и свѣтила, занимавшія собою лѣтъ тридцать тому назадъ праздное и жадное любопытство, по особому кровавому сладострастью, съ которымъ люди слѣдятъ за процессами, ведущими отъ труповъ къ гильотинѣ и отъ кучей золота на каторгу. Въ ихъ числѣ разные освобожденные отъ суда за „неимѣніемъ доказательствъ,“ отравители, фальшивые монетчики, люди кончившіе курсъ нравственнаго леченія гдѣ нибудь въ центральной тюрьмѣ или колоніяхъ „контюмасн“ и проч.

Всего меньше встрѣчаются въ этихъ теплыхъ чистилищахъ тѣни людей, всплывшихъ середь революціонныхъ бурь и неудавшихся народныхъ движеній. Мрачные и озлобленные горцы *якобинскихъ* вершинъ, предпочитаютъ суровую бизу, угрюмые Лакедемоняне, они скрываются за лондонскими туманами...

II.

СЪ ЭТОГО

I.

ЖИВЫЕ ЦВѢТЫ—ПОСЛѢДНЯЯ МОГИКАНКА

— „Поѣдемте на bal de l'Opera, теперь самая пора, половина втораго," сказалъ я, вставая изъ-за стола въ небольшомъ кабинетѣ Café Anglais, одному русскому художнику, всегда кашлявшему и никогда вполнѣ не протрезвлявшемуся. Мнѣ хотѣлось на воздухъ, на шумъ и къ тому же я побаивался длиннаго tête à tête съ моимъ невскимъ Клодъ Лореномъ.

— Поѣдемте, сказалъ онъ, и налилъ себѣ еще рюмку коньяку.

Это было въ началѣ 1849 года, въ минуту ложнаго выздоровленья между двухъ болѣзней, когда еще хотѣлось, или казалось, что хотѣлось, иногда дурачества и веселья.

... Побродивши по оперной залѣ, мы остановились передъ особенно красивой кадрилью напудренныхъ дебардеровъ съ намазанными мѣломъ Пьерро. Всѣ четыре дѣвушки очень молодыя, лѣтъ 18-19, были милы и граціозны, плясали и тѣшились отъ всей души, незамѣтно переходя отъ кадрили въ канканъ. Не успѣли мы довольно налюбоваться, какъ вдругъ кадриль разстроился, „по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ танцовавшихъ," какъ выражались у насъ журналисты въ счастливыя времена цензуры. Одна изъ танцовщицъ и, увы, самая красивая такъ ловко, или такъ неловко, опустила плечо, что рубашка спустилась, открывая половину

груди и часть спины, немного больше того, какъ дѣлаютъ англичанки, особенно пожилыя, которымъ нечѣмъ взять кромѣ плечей, на самыхъ чопорныхъ раутахъ и въ самыхъ видныхъ ложахъ Ковентгардена (вслѣдствіе чего во второмъ ярусѣ рѣшительно нѣтъ возможности съ достодолжнымъ цѣломудріемъ слушать Casta diva или Sul salice.

Едва я успѣлъ сказать простуженному художнику: „давайте-ка сюда Бонароти, Тиціана, берите вашу кисть, а то она поправится," какъ огромная черная рука, не Бонароти и не Тиціана, а gardien de Paris схватила ее за воротъ, рванула вонъ изъ кадриля и потащила съ собой. Дѣвушка упиралась, не шла, какъ дѣлаютъ дѣти, когда ихъ собираются мыть въ холодной водѣ, но человѣческая справедливость и порядокъ взяли верхъ и были удовлетворены. Другія танцовщицы и ихъ Пьерро переглянулись, нашли свѣжаго дебардера и снова начали поднимать ноги выше головы и отпрядывать другъ отъ друга для того, чтобъ еще яростнѣе наступать, не обративъ почти никакого вниманія на похищеніе Прозерпины. „Пойдемте посмотрѣть, что полицейской сдѣлаетъ съ ней," сказалъ я моему товарищу. „Я замѣтилъ дверь, въ которую онъ ее повелъ."

Мы спустились по боковой лѣстницѣ внизъ. Кто видѣлъ и помнитъ бронзовую собаку, внимательно и съ нѣкоторымъ волненіемъ смотрящую на черепаху, тотъ легко представитъ себѣ сцену, которую мы нашли. Несчастная дѣвушка въ своемъ легкомъ костюмѣ сидѣла на каменной ступенькѣ и на сквозномъ вѣтру, заливаясь слезами; передъ ней сухопарый, высокій муниципалъ, съ хищнымъ и серьезно глупымъ видомъ, съ запятой изъ волосъ на подбородкѣ, съ полусѣдыми усами

и во всей формѣ. Онъ съ достоинствомъ стоялъ, сложивъ руки, и пристально смотрѣлъ, чѣмъ кончится этотъ плачъ, приговаривая: Allons, allons!

Для довершенія удара, дѣвушка сквозь слезы и хныканье говорила; „...Et... et on dit,.. on dit que... que... nous sommes en République... et... on ne peut danser comme l'on veut!..“

Все это было такъ смѣшно и такъ въ самомъ дѣлѣ жалко, что я рѣшился идти на выручку военнополѣнной и на спасеніе въ ея глазахъ чести республиканской формы правленія.

— Mon brave, сказалъ я съ расчитанной учтивостью и вкрадчивостью полицейскому, что вы сдѣлаете съ Mademoiselle?

— Посажу au violon до завтрашняго дня, отвѣчалъ онъ сурово.

Стенанья увеличиваются.—„Научится, какъ рубашку скидывать“ — прибавилъ блюститель порядка и общественной нравственности.

— Это было несчастье, Brigadier, вы бы ее простили.

— Нельзя. La consigne.

— Дѣло праздничное...

— Да вамъ что за забота; Etes-vous son réciproque?

— Первый разъ отъ роду вижу, parole d'honneur! имени не знаю, спросите ее сами. Мы иностранцы и насъ удивило, что въ Парижѣ такъ строго поступаютъ съ слабой дѣвушкой, avec un être frêle. У насъ думаютъ, что здѣсь полиція такая добрая... И зачѣмъ позволяютъ вообще канкинировать, а если позволяютъ, г. бригадиръ, тутъ иной разъ по неволѣ, или нога поднимется слишкомъ высоко, или воротъ опустится слишкомъ низко.

— Это-то пожалуй и такъ, замѣтилъ пораженный

моимъ краснорѣчіемъ муниципалъ, а главное задѣтый моимъ замѣчаніемъ, что иностранцы имѣютъ такое лестное мнѣніе о парижской полиціи.

— Къ тому-же, сказалъ я, посмотрите, что вы дѣлаете. Вы ее простудите — какъ же изъ душной залы полуголое дитя посадить на сквозной вѣтеръ.

— Она сама не идетъ. Ну да вотъ что, если вы дадите мнѣ честное слово, что она въ залу сегодня не взойдетъ, я ее отпущу.

— Браво! впрочемъ, я меньше и не ожидалъ отъ г. бригадира—я васъ благодарю отъ всей души.

Пришлось пуститься въ переговоры съ освобожденной жертвой. „Извините, что не имѣя удовольствія быть съ вами знакомымъ лично, вступился за васъ“. Она протянула мнѣ горячую, мокрую рученку и смотрѣла на меня еще больше мокрыми и горячими глазами. „Вы слышали въ чемъ дѣло? Я не могу за васъ поручиться если вы мнѣ не дадите слова, или лучше, если вы не уѣдете сейчасъ. Въ сущности жертва не велика, я полагаю теперь часа три съ половиной“.

— Я готова, я пойду за мантильей.

— Нѣтъ—сказалъ неумолимый блюститель порядка — отсюда ни шагу.

— Гдѣ ваша мантилья и шляпка?

— Въ ложѣ—такой-то, №—въ такомъ-то ряду. Артистъ бросился было, но остановился съ вопросомъ „да какъ-же мнѣ отдадутъ?“

— Скажите только что было и то, что вы отъ *Леонтины-маленькой*... Вотъ и балъ!—прибавила она съ тѣмъ видомъ, съ которымъ на кладбищѣ говорятъ „Спи спокойно“.

— Хотите, чтобъ я привелъ фіакръ?

— Я не одна.

— Съ кѣмъ-же?

— Съ однимъ другомъ.

Артистъ возвратился окончательно распростуженный съ шляпой, мантильей и какимъ то молодымъ лавочникомъ, или Commis-voyageur. „Очень обязанъ", сказалъ онъ мнѣ, потрогивая шляпу—потомъ ей: „всегда надѣлаешь исторій!" Онъ почти также грубо схватилъ ее подъ руку, какъ полицейскій за воротъ, и изчезъ въ большихъ сѣняхъ оперы... бѣдная... достанется ей... и что за вкусъ... она... и онъ!

Даже досадно стало. Я предложилъ художнику выпить—онъ не отказался.

Прошелъ мѣсяцъ. Мы сговорились человѣкъ пять: Венскій агитаторъ Таузенау, генералъ Г., Миллеръ С. и еще одинъ господинъ ѣхать другой разъ на балъ. Ни Г., ни Миллеръ ни разу не были. Мы стояли въ кучкѣ. Вдругъ какая-то маска продирается, продирается и прямо ко мнѣ, чуть не бросается на шею и говоритъ: „Я васъ не успѣла тогда поблагодарить..."

— Ah! Mademoiselle Léontine... очень, очень радъ, что васъ встрѣтилъ, я такъ и вижу передъ собой ваше заплаканное личико, ваши надутыя губки — вы были ужасно милы—это не значитъ, что вы теперь не милы.

Плутовка, улыбаясь, смотрѣла на меня, зная, что это правда.

— Неужели вы не простудились тогда?

— Ни мало.

— Въ воспоминанье вашего плѣна, вы должны были бы—если бы вы были очень, очень любезны—

— Ну что-же? Soyez bref.

— Должны бы отъужинать съ нами.

— Съ удовольствіемъ, ma parole, но только не теперь.

— Гдѣ же я васъ сыщу?

— Не безпокойтесь, я васъ сама сыщу. ровно въ четыре. Да вотъ что, я здѣсь не одна...

— Опять съ вашимъ другомъ—и мурашки пробѣжали у меня по спинѣ.

Она расхохоталась—„онъ не очень опасенъ"—и она подвела ко мнѣ дѣвочку лѣтъ семнадцати, свѣтло-бѣлокурую, съ голубыми глазами. „Вотъ мой другъ".

Я пригласилъ и ее.

Въ четыре Леонтина подбѣжала ко мнѣ, подала руку и мы отправились въ Café Riche. Какъ ни близко это отъ Оперы, но по дорогѣ Г. успѣлъ влюбиться въ Мадону Андрея Del Sarto, то есть въ блондинку. И за первымъ блюдомъ, послѣ длинныхъ и курьезныхъ фразъ о тинторетовской прелести ея волосъ и глазъ, Г., только что мы усѣлись за столъ, началъ проповѣдь о томъ, какъ съ лицомъ Мадонны и выраженіемъ чистаго ангела не эстетично танцовать канканъ. „Armes, holdes Kind!" добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Зачѣмъ вашъ другъ, сказала мнѣ Леонтина на ухо, говоритъ такой скучный fatras?—да и зачѣмъ вообще онъ ѣздитъ на оперные балы—ему бы ходить въ Мадлену.

— Онъ *нѣмецъ*, у нихъ ужъ такая болѣзнь — шепнулъ я ей.

— Mais c'est qu'il est ennuyeux votre ami avec son mal de sermont. Mon petit saint finira-tu donc bientôt?

И въ ожиданіи конца проповѣди, усталая Леонтина бросилась на кушетку. Противъ нея было большое зеркало, она безпрестанно смотрѣлась и не выдержала, она указала мнѣ пальцемъ на себя въ зеркалѣ и сказала: „А что, въ этой растрепавшейся прическѣ, въ этомъ смятомъ костюмѣ, въ этой позѣ я и въ самомъ

дѣлѣ будто не дурна". Сказавши это, она вдругъ опустила глаза и покраснѣла, покраснѣла откровенно, до ушей. Чтобъ скрыть, она запѣла извѣстную пѣсню, которую Гейне изуродовалъ въ своемъ переводѣ и которая страшна въ своей безискусственной простотѣ:

Et je mourrai dans mon hôtel,
Ou à l'Hôtel-Dieu.

Странное существо, неуловимое, живое. „Лацерта" гётевскихъ элегій, дитя въ какомъ-то безсознательномъ чаду. Она дѣйствительно, какъ ящерица, не могла ни одной минуты спокойно сидѣть, да и молчать не могла. Когда нечего было сказать, она пѣла, дѣлала гримасы передъ зеркаломъ, и все съ непринужденностью ребенка и съ граціей женщины. Ея frivolité была наивна. Случайно завертѣвшись, она еще кружилась... неслась... того толчка, который бы остановилъ на краю или окончательно толкнулъ ее въ пропасть, еще не было. Она довольно сдѣлала дороги, но воротиться могла. Ее въ силахъ были спасти свѣтлый умъ и врожденная грація.

Этотъ типъ, этотъ кругъ, эта среда не существуютъ больше. Это la petite femme студента былыхъ временъ, гризетка, переѣхавшая изъ латинскаго квартала по сю сторону Сены, равно не *дѣлающая* несчастнаго *тротуара* и не имѣющая прочнаго общественнаго положенія камеліи. Этотъ типъ не существуетъ, такъ какъ не существуетъ конверсацій около камина, чтеній за круглымъ, столомъ, болтанья за чаемъ. Другія формы другіе звуки, другіе люди, другія слова... Тутъ своя скала, свое crescendo. Шаловливый, нѣсколько распущенный элементъ тридцатыхъ годовъ—du lest, de l'espièglerie—перешелъ въ *шикъ*—въ немъ былъ каенскій перецъ, но еще оставалась кипучая, растрепанная гра-

ція, оставались остроты и умъ. Съ увеличеніемъ дѣлъ, коммерція отбросила все излишнее и всѣмъ внутреннимъ пожертвовала выставкѣ, эталажу. Типъ Леонтины — разбитной парижской gamine, подвижной, умной, избалованной, искрящейся, вольной и въ случаѣ надобности гордой—не требуется, и *шикъ* перешелъ въ *собаку*. Для бульварнаго Ловласа нужна женщина-собака и пуще всего собака, имѣющая своего хозяина. Оно экономнѣе и безкорыстнѣе—съ ней онъ можетъ охотиться на чужой счетъ, уплачивая одни extra. „Parbleu, говорилъ мнѣ старикъ, котораго лучшіе годы совпадали съ началомъ царствованія Людовика Филиппа, je ne me retrouve plus—où est le fion, le chique, où est l'esprit?... Tout cela, Monsieur... ne parle pas, Monsieur,—c'est bon, c'est beau welbredet, mais... c'est de la charcuterie... c'est du Rubens.

Это мнѣ напоминаетъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ добрый, милый Таляндье, съ досадой влюбленнаго на свою Францію, объяснялъ мнѣ съ музыкальной иллюстраціей ея паденіе. „Когда, говорилъ онъ, мы были велики, въ первые дни послѣ февральской революціи, гремѣла одна Марсельеза — въ кафе, на улицахъ, въ процессіяхъ—все Марсельеза. Во всякомъ театрѣ была своя Марсельеза, гдѣ съ пушками, гдѣ съ Рашелью. Когда пошло плоше и тише... монотонные звуки Mourir pour la patrie замѣнили ее. Это еще ничего, мы падали глубже... Un sous-lieutenant accablé de besogne... drin, drin, din, din, din... эту дрянь пѣлъ весь городъ, столица міра, вся Франція. Это не конецъ, вслѣдъ за тѣмъ мы заиграли и запѣли Partant pour la Syrie—вверху и Qu'aime donc Margot... Margoë—внизу, т. е. безмыслицу и непристойность. Дальше идти нельзя".

Можно! Таляндье не предвидѣлъ ни Je suis la femme

à barbe, ни Сапера — онъ еще остался въ *шикѣ* и до *собаки* не доходилъ.

Недосужій, мясной развратъ взялъ верхъ надъ всѣми фіоритурами. Тѣло побѣдило духъ и, какъ я сказалъ еще десять лѣтъ тому назадъ. Марго, la fille de marbre вытѣснила Лизету Беранже и всѣхъ Леонтинъ въ мірѣ. У нихъ была своя гуманность, своя поэзія, свои понятія чести. Онѣ любили шумъ и зрѣлища больше вина и ужина, и ужинъ любили больше изъ за постановки, свѣчей, конфетъ, цвѣтовъ. Безъ танца и бала, безъ хохота и болтовни онѣ не могли существовать. Въ самомъ пышномъ гаремѣ онѣ заглохли бы, завяли бы въ годъ. Ихъ высшая представительница была Дежазе — на большой сценѣ свѣта и на маленькой théâtre des Variétés. Живая пѣсня Беранже, притча Вольтера, молодая въ сорокъ лѣтъ. Дежазе, мѣнявшая поклонниковъ какъ почетный караулъ, капризно отвергавшая свертки золота и отдававшаяся встрѣчному, чтобъ выручить свою пріятельницу изъ бѣды.

Нынче все опрощено, сокращено, все *ближе къ цѣли*, какъ говорили встарь помѣщики, предпочитавшіе водку вину. Женщина съ *фіономъ* интриговала, занимала — женщина *съ шикомъ* жалила, смѣшила и обѣ, сверхъ денегъ, брали время. *Собака* съ разу бросается на свою жертву, кусаетъ своей красотой и тащитъ за полу sans phrase. Тутъ нѣтъ предисловій — тутъ въ началѣ эпилогъ. Даже благодаря попечительному начальству и факультету, нѣтъ двухъ прежнихъ опасностей. Полиція и медицина сдѣлали большіе успѣхи въ послѣднее время.

... А что будетъ послѣ *собаки?* Pieuvre Гюго рѣшительно не удалась, можетъ оттого, что слишкомъ похожа на pleutre — не остановиться же на собакѣ. Впро-

чемъ оставимъ пророчества. Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы.

Меня занимаетъ другое.

Которое-то изъ двухъ будущихъ Касандриной пѣсни исполнилось надъ Леонтиной? Что ея нѣкогда граціозная головка, покоится-ли на подушкѣ обшитой кружевами въ *своемъ* отелѣ, или она склонилась на жесткій, больничный валекъ, для того, чтобъ уснуть на вѣки, или проснуться на горе и бѣдность. А можетъ не случилось ни того, ни другого и она хлопочетъ, чтобъ дочь выдать замужъ, копитъ деньги, чтобъ купить подставнаго сыну... Вѣдь она ужъ не молода теперь, и не бось давно перегнула за тридцать.

II

МАХРОВЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ *нашей Европѣ* повторялось въ уменьшенномъ по количеству и въ увеличенномъ или искаженномъ по качеству видѣ все, что дѣлалось въ Европѣ *европейской*. У насъ были ультра-католики изъ православныхъ, либеральные буржуа изъ графовъ, императорскіе роялисты, канцелярскіе демократы и Лейбъ-Гвардіи Преображенскіе или Конногвардейскіе бонапартисты. Мудрено-ли, что и по дамской части не обошлось безъ своихъ chique и chien. Съ той разницей, что нашъ demi monde былъ *одинъ съ четвертью*.

Наши Травіаты и Камеліи большей частью титулярныя, т. е. почетныя, растутъ совсѣмъ на другой почвѣ и цвѣтутъ въ другихъ сферахъ, чѣмъ ихъ парижскіе первообразы. Ихъ надобно искать не внизу, не долу, а на вершинахъ. Онѣ не поднимаются какъ туманъ, а

опускаются какъ роса. Княгиня-Камелія и Травіата съ тамбовскимъ или воронежскимъ имѣніемъ — явленіе чисто русское и я не прочь его похвалить.

Что касается до нашей не Европы, ея нравы много были спасены крѣпостнымъ правомъ, на которое теперь такъ много клевещутъ. Любовь была печальна въ деревнѣ, она своего кровнаго называла „болѣзнымъ“, словно чувствуя за собой что она краденая у барина и онъ можетъ всегда хватиться своего добра и отобрать его. Деревня ставила на господскій дворъ дрова, сѣно, барановъ и своихъ дочерей по обязанности. Это былъ священный долгъ, коронная служба, отъ которой отказываться нельзя было, не дѣлая преступленія противъ нравственности и религіи, и не навлекая на себя розогъ помѣщика и кнута всей имперіи. Тутъ было не до *шику*, а иногда до топора, чаще до рѣки, въ которой гибла никѣмъ не замѣченная Палашка или Лушка.

Что сталось послѣ освобожденія, мы мало знаемъ, и потому больше держимся барынь. Онѣ дѣйствительно за границей мастерски усвоиваютъ себѣ и съ чрезвычайной быстротой и ловкостью всѣ ухватки, весь habitus лоретокъ. Только при тщательномъ разсматриваніи замѣчается, что чего-то не достаетъ. А не достаетъ самой простой вещи—*быть лореткой*. Это все Петръ I, работающій молотомъ и долотомъ въ Саардамѣ, воображая, что дѣлаетъ дѣло. Наши барыни изъ ума и праздности, отъ избытка и скуки *шутятъ въ ремесло*, такъ какъ ихъ мужья играютъ въ токарный станокъ.

Этотъ характеръ ненужности, махровости мѣняетъ дѣло. Съ русской стороны чувствуется превосходная декорація, съ французской — правда и необходимость. Отсюда громадныя разницы. Травіату tout de bon бываетъ часто душевно жаль, „dame aux perles“ почти

никогда; надъ одной подчасъ хочется плакать, надъ другой всегда смѣяться. Имѣя наслѣдственныхъ двѣ, три тысячи душъ, сперва вѣчно, нынѣ временно раззоряемыхъ крестьянъ, многое можно — интриговать на игорныхъ водахъ, эксцентрически одѣваться, лежа сидѣть въ колескѣ, свистать, шумѣть, дѣлать скандалы въ ресторанахъ, заставлять краснѣть мущинъ, мѣнять любовниковъ, ѣздить съ ними на parties fines, на разныя „каллистеническія упражненія и конверсаціи,“ пить шампанское, курить гаванскія сигары и ставить пригоршни золота на „черное или красное“... можно быть Мессалиной и Екатериной, — но, какъ мы сказали, лореткой быть нельзя, не смотря на то, что лоретки не родятся, какъ поэты, а дѣлаются. У каждой лоретки своя исторія, свое посвященіе, втѣсненное обстоятельствами. Обыкновенно бѣдная дѣвушка идетъ, не зная куда, и наталкивается на грубый обманъ, на грубую обиду. Отъ сломленной любви, отъ сломленнаго стыда у нея являются dépit, досада, своего рода жажда мести и съ тѣмъ вмѣстѣ жажда опьяненья, шума, нарядовъ — кругомъ нужда—деньги только *однимъ* путемъ и можно достать, а потому—vogue la galère. Обманутый ребенокъ безъ воспитанія вступаетъ въ бой, побѣды ее балуютъ, завлекаютъ (тѣхъ, которыя не побѣдили, мы не знаемъ, тѣ пропадаютъ безъ вѣсти), у ней въ памяти свои Маренго и Арколи — привычка владычества и пышности входитъ въ кровь. Она же всему обязана одной себѣ. Начавъ съ одного своего тѣла, она тоже пріобрѣтаетъ души и также раззоряетъ временно привязанныхъ къ ней богачей, какъ наша барыня своихъ нищихъ мужиковъ.

Но въ этомъ *также* и лежитъ вся непереходимая даль между лореткой по положенію и камеліей по ди-

летантизму. Та даль и та противоположность, которая такъ ярко выражается въ томъ, что лоретка, ужиная въ какомъ нибудь душномъ кабинетѣ Maison d'or, мечтаетъ о своемъ будущемъ салонѣ—а русская дама, сидя въ своемъ богатомъ салонѣ, мечтаетъ о трактирѣ.

Серьезная сторона вопроса состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, откуда у насъ взялась въ дамскомъ обществѣ эта потребность разгула и кутежа, потребность похвастаться своимъ освобожденіемъ; дерзко, капризно пренебречь общественнымъ мнѣніемъ и сбросить съ себя всѣ вуали и маски? И это въ то время, когда бабушки и матушки нашихъ львицъ, цѣломудренныя и патріархальныя, краснѣли до сорока лѣтъ отъ нескромнаго слова и довольствовались, тихо и скромно, тургеневскимъ нахлѣбникомъ, а за неимѣніемъ его — кучеромъ или буфетчикомъ.

Замѣтьте, что аристократическій камелизмъ у насъ не идетъ дальше начала сороковыхъ годовъ.

И все новое движеніе, вся возбужденность мысли, исканья, недовольства, тоски идетъ отъ того же времени.

Тутъ-то и раскрывается человѣческая и историческая сторона аристократическаго камелизма. Это своего рода полусознанный протестъ противъ старинной, давящей какъ свинецъ семьи, противъ безобразнаго разврата мужчинъ. У загнанной женщины, у женщины, брошенной дома, былъ досугъ читать, и когда она почувствовала, что „домострой“ плохо идетъ съ Ж. Сандъ, и когда она наслушалась восторженныхъ разсказовъ о Бланшахъ и Селестинахъ—у нея терпѣнье лопнуло и она закусила удила. Ея протестъ былъ дикъ, но вѣдь и положеніе было дико. Ея оппозиція не была формулирована, а бродила въ крови—она была обижена. Она чувствовала

униженье, подавленность, но самобытной волп внѣ кутежа и чада не понимала. Она протестовала поведеніемъ, ея возмущеніе было полно избалованности и дурныхъ привычекъ, каприза, распущенности, кокетства, иногда несправедливости; она разнуздывалась не освобождаясь. Въ ней оставался внутренній страхъ и неувѣренность, но ей хотѣлось дѣлать на зло и попробовать *этой другой* жизни. Противъ узкаго своеволья притѣснителей она ставила узкое своеволье лопнувшаго терпѣнья, безъ твердой направляющей мысли, но съ заносчивой отроческой бравадой. Какъ ракета, она мерцала, искрилась и падала съ шумомъ и трескомъ, но очень не глубоко. Вотъ вамъ исторія нашихъ Камелій съ гербомъ, нашихъ Травіатъ съ жемчугомъ.

Конечно и тутъ можно вспомнить желчеваго Ростопчина, говорившаго на смертномъ одрѣ о 14 Декабрѣ: „У насъ все на изнанку, во Франціи la roture хотѣла подняться до дворянства, ну оно и понятно; у насъ дворяне хотятъ сдѣлаться чернью, ну чепуха!“

Но намъ именно этотъ характеръ вовсе не кажется чепухой. Онъ идетъ очень послѣдовательно изъ двухъ началъ: изъ чуждости образованія, которое вовсе для насъ не обязательно и изъ основнаго тона другаго общественнаго порядка, къ которому мы сознательно или безсознательно стремимся.

Впрочемъ это принадлежитъ къ нашему катехизису— и я боюсь увлечься въ повторенія.

Травіаты наши въ исторіи нашего развитія не пропадутъ, онѣ имѣютъ свой смыслъ и значеніе и представляютъ удалую и разгульную ширингу авангардныхъ охотниковъ и пѣсельниковъ, которые съ присвистомъ и бубнами, куражась и подплясывая, идутъ въ первый огонь, покрывая собой болѣе серьезную фалангу, у ко-

торой нѣтъ недостатка ни въ мысли, ни въ отвагѣ, ни въ оружіи съ „иголкой.“

III.

ЦВѢТЫ МИНЕРВЫ.

Эта фаланга—сама революція, суровая въ семнадцать лѣтъ... огонь глазъ смягченъ очками, чтобъ дать волю одному свѣту ума... Sans crinolines идущія на замѣну Sans culot'амъ.

Дѣвушка-студентъ, барышня-буршъ ничего не имѣютъ общаго съ барынями-Травіатами. Вакханки посѣдѣли, оплѣшивѣли, состарѣлись и отступили, а студенты заняли ихъ мѣсто, еще не вступивши въ совершеннолѣтіе. Камеліи и Травіаты салоновъ принадлежали николаевскому времени. Такъ какъ выставочные генералы того же времени, щеголи-шагисты, побѣдители своихъ собственныхъ солдатъ, знавшіе всю туалетную часть военнаго дѣла, все кокетство вахтпарадовъ, и не замаравшіе мундира непріятельской кровью. Публичныхъ генераловъ, рысисто „дѣлавшихъ тротуаръ“ на Невскомъ, разомъ прихлопнула Крымская война. А „блескъ упоительный бала,“ будуарная любовь и шумныя оргіи *генеральшъ* круто смѣнились академической аудиторіей, анатомической залой, въ которой подстриженный студентъ въ очкахъ изучалъ тайны природы.

Тутъ надобно забыть всѣ камеліи и магноліи, забыть, что существуютъ два пола. Передъ истиной науки, im Reiche der Wahrheit различія половъ стираются.

Камеліи наши—Жиронда, оттого онѣ такъ и смахиваютъ на Фобласа.

Студенты-барышни—Якобинцы, Сенъ-Жюстъ въ амазонкѣ—все рѣзко, чисто, безпощадно.

У Камелій маска loup изъ теплой Венеціи.

У студентовъ маска же, но маска изъ невскаго льда. Первая можетъ прилипнуть, вторая непремѣнно растаетъ... но это впереди.

Тутъ настоящій, сознательный протестъ, протестъ и переломъ. Ce n'est pas une émeute, c'est une révolution. Разгулъ, роскошь, глумленье, наряды отодвинуты. Любовь, страсть на третьемъ-четвертомъ планѣ. Афродита съ своимъ голымъ оруженосцемъ надулась и ушла; на ея мѣсто Паллада съ копьемъ и совой. Камеліи шли отъ неопредѣленнаго волненія, отъ негодованія, отъ несытаго и томнаго желанія... и доходили до пресыщенія. Здѣсь идутъ отъ идеи, въ которую вѣрятъ, отъ объявленія „правъ женщины," и исполняютъ обязанности, налагаемыя вѣрой. Однѣ отдаются по принципу, другія невѣрны по долгу. Иногда *студенты* уходятъ слишкомъ далеко, но все же остаются дѣтьми—непокорными, заносчивыми, но дѣтьми. Серьезность ихъ *радикализма* показываетъ, что дѣло въ головѣ, въ теоріи, а не въ сердцѣ.

Онѣ страстны въ общемъ и въ частную встрѣчу вносятъ не больше „патоса" (какъ говаривали встарь), какъ всякія Леонтины. Можетъ меньше. Леонтины играютъ, играютъ огнемъ и, очень часто вспыхнувъ съ ногъ до головы, спасаются отъ пожара въ Сенѣ; утянутыя жизнью, прежде всякихъ разсужденій, имъ иной разъ трудно побѣдить свое сердце. Наши бурши начинаютъ съ анализа, съ разбора; съ ними тоже многое можетъ случиться, но сюрпризовъ не будетъ, и паденій не будетъ; онѣ падаютъ съ теоретическимъ парашютомъ.

Онѣ бросаются въ потокъ съ руководствомъ о плаваніи и намѣренно плывутъ противъ теченія.

Долго ли проплывутъ онѣ à livre ouvert, я не знаю, но мѣсто въ исторіи займутъ по всей справедливости.

Самые недогадливѣйшіе въ мірѣ люди догадались объ этомъ.

Старички наши, сенаторы и министры, отцы и дѣдушки отечества съ улыбкой снисхожденья и даже поощренья смотрѣли на столбовыхъ камелій (если только онѣ не были супругами ихъ сыновей)... но *студенты* имъ не понравились... ничего не похожи на „милыхъ шалуній,“ съ которыми они иногда любили языкомъ отогрѣть старое сердце.

Давно гнѣвались старички на суровыхъ нигилистокъ и искали случая ихъ подвести подъ сюркупъ.

А тутъ, какъ нарочно, Каракозовъ выстрѣлилъ... „Вотъ оно, государь (стали ему нашептывать), что значитъ не по формѣ одѣваться... всѣ эти очки, клочки.“ „Какъ? не по утвержденной формѣ,“ говоритъ государь, „строжайше предписать.“ „Попущенье, в. в., попущенье! Мы только и ожидали милостиваго разрѣшенія спасать священную особу вашего величества.“

Дѣло не шуточное, принялись дружно. Совѣтъ, сенатъ, синодъ, министры, архіереи, военноначальники, градоначальники и другія полиціи совѣщались, думали, толковали и рѣшили, во первыхъ, изгнать студентовъ женскаго пола изъ университетовъ. При этомъ одинъ изъ архіереевъ, боясь подлога, приснопамятствовалъ, какъ во время оно въ лже-каѳолической церкви на папежъ избрана была папиха Анна, и предложилъ было своихъ иноковъ... такъ какъ „предъ очами мертвецовъ срама тѣлеснаго нѣтъ.“ Живые не приняли его предложенія, генералы же съ своей стороны думали, что та-

кого рода экспертиза можетъ быть только поручена высшему сановнику, который своимъ мѣстомъ и довѣріемъ монарха поставленъ внѣ соблазна; хотѣли отъ военнаго вѣдомства предложить это мѣсто Адлербергу старшему и Буткову отъ статскихъ. Но и это не состоялось, говорятъ, потому, что великіе князья домогались на этотъ постъ.

Затѣмъ совѣтъ, синодъ, сенатъ приказали въ 24 часа отростить стриженые волосы, отобрать очки и обязать подпиской имѣть здоровые глаза и носить кринолины. Не смотря на то, что въ Кормчей книгѣ ничего не сказано о „обручеюбіи“ и „подолоразверстіи,“ а волосы плести просто въ ней запрещено, черное духовенство согласилось. На первый случай жизнь государя казалась обезпеченною до Елисейскихъ полей. Не ихъ вина, что въ Парижѣ тоже нашлись Елисейскія поля, да еще съ „круглой точкой.“

Чрезвычайныя мѣры эти принесли огромную пользу, и это я говорю безъ малѣйшей ироніи; кому?

Нашимъ *нигилистамъ*.

Имъ недоставало одного: сбросить мундиръ, формализмъ и развиваться съ той широкой свободой, на которую онѣ имѣютъ большія права. Самому ужасно трудно, привыкнувъ къ формѣ, ее отбросить. Платье приростаетъ. Архіерей во фракѣ перестанетъ благословлять и говорить на *о*...

Студенты наши и бурши долго не отдѣлались бы отъ очковъ и прочихъ кокардъ. Ихъ раздѣли на казенный счетъ, прибавляя къ этой услугѣ ореолъ туалетнаго мученичества.

Затѣмъ ихъ дѣло плыть au large.

P. S. Однѣ уже возвращаются съ блестящимъ дипломомъ Доктора Медицины, и слава имъ!

Ницца, лѣтомъ 1867.

VENEZIA LA BELLA

(Февраль 1867)

Великолѣпнѣе нелѣпости, какъ Венеція, нѣтъ. Построить городъ тамъ, гдѣ городъ построить нельзя, само по себѣ безуміе; но построить такъ одинъ изъ изящнѣйшихъ, грандіознѣйшихъ городовъ—геніальное безуміе. Вода, море, ихъ блескъ и мерцанье обязываютъ къ особой пышности. Моллюски отдѣлываютъ перломутромъ и жемчугомъ свои каюты.

Одинъ поверхностный взглядъ на Венецію показываетъ, что это городъ крѣпкій волей, сильный умомъ, республиканскій, торговый, олигархическій, что это—узелъ, которымъ привязано что-то за водами, —торговой складъ подъ военнымъ флагомъ; городъ шумнаго вѣча и беззвучный городъ тайныхъ совѣщаній и мѣръ, на его площади толчется съ утра до ночи все населеніе, и, молча, текутъ изъ него рѣки улицъ въ море. Пока толпа шумитъ и кричитъ на площади св. Марка, никѣмъ не замѣченная лодка скользитъ и пропадаетъ; кто знаетъ, что подъ ея чернымъ пологомъ? Какъ тутъ было не топить людей возлѣ любовныхъ свиданій?

Люди, чувствовавшіе себя дома въ Palazzo ducale, должны были имѣть своеобразный закалъ. Они не останавливались ни передъ чѣмъ. Земли нѣтъ, деревьевъ нѣтъ, что за бѣда! давайте еще больше рѣзныхъ каменьевъ, больше орнаментовъ, золота, мозаики, ваянья, картинъ, фресковъ. Тутъ остался пустой уголъ, худаго

бога морей съ длинной мокрой бородой въ уголъ! Тутъ порожній уступъ, еще льва съ крыльями и съ евангельемъ св. Марка! Тамъ голо, пусто, коверъ изъ мрамора и мозаики туда! Кружева изъ порфира туда! Побѣда ли надъ турками или Генуей, папа ли ищетъ дружбы города, еще мрамору, цѣлую стѣну покрыть изсѣченной занавѣсью и, главное, еще картинъ. Павелъ Веронезъ, Тинторетъ, Тиціанъ—за кисть, на помостъ: каждый шагъ торжественнаго шествія морской красавицы долженъ быть записанъ потомству кистью и рѣзцомъ.

И такъ былъ живучъ духъ, обитавшій эти камни, что мало было новыхъ путей и новыхъ приморскихъ городовъ, Колумба и Васко-де-Гама, чтобъ сокрушить его. Для его гибели нужно было, чтобъ на развалинахъ французскаго трона явилась „единая и нераздѣльная“ республика и на развалинахъ этой республики явился бы солдатъ, бросившій въ льва, по корсикански, стилетъ, отравленный Австріей. Но Венеція переработала ядъ и снова оказывается живою черезъ полстолѣтіе.

Да живою ли? Трудно сказать, что уцѣлѣло, кромѣ великой раковины, и есть ли новая будущность Венеціи... Да и въ чемъ будущность Италіи вообще? Для Венеціи, можетъ, она въ Константинополѣ, въ томъ вырѣзывающемся смутными очерками изъ-за восточнаго тумана свободномъ союзничествѣ воскресающихъ славяно-эллинскихъ народностей.

А для Италіи?... Объ этомъ послѣ. Теперь въ Венеціи карнавалъ, первый карнавалъ на волѣ, послѣ семидесятилѣтняго плѣненія. Площадь превратилась въ залу парижской оперы. Старый св. Маркъ весело участвуетъ въ праздникѣ съ своей иконописью и позолотой, съ патріотическими знаменами и своими языческими

лошадьми. Одни голуби, являющіеся всякій день въ два часа на площадь закуспть, сконфужены и перелетаютъ съ карниза на карнизъ, чтобъ убѣдиться, точно ли ихъ столовая въ такомъ безпорядкѣ.

Толпа все растетъ, le peuple s'amuse, дурачится отъ души, изъ всѣхъ силъ, съ большимъ комическимъ талантомъ въ декламаціи и словахъ, въ выговорѣ и жестахъ, но безъ кантаридности парижскихъ Пьеро, безъ вульгарной шутки нѣмца, безъ нашей родной грязи. Отсутствіе всего неприличнаго удивляетъ, хотя смыслъ его ясенъ. Это—шалость, отдыхъ, забава цѣлаго народа, а не вахтпарадъ публичныхъ домовъ, ихъ сукурсалей, жительницамъ которыхъ, снимая многое другое, прибавляютъ маску, въ родѣ бисмарковой иголки, чтобъ усилить и сдѣлать неотразимѣе выстрѣлы. Здѣсь онѣ были бы неумѣстны; здѣсь тѣшится народъ, здѣсь тѣшится сестра, жена, дочь, и горе тому, кто оскорбитъ маску. Маска на время карнавала становится для женщины то, чѣмъ былъ Станиславъ въ петлицѣ для станціоннаго смотрителя*).

Сначала карнавалъ оставлялъ меня въ покоѣ, но онъ все росъ и, при своей стихійной силѣ, долженъ былъ утянуть всякаго.

Мало ли какой вздоръ можетъ случиться, когда пляска св. Витта овладѣваетъ цѣлымъ населеніемъ въ шутовскихъ костюмахъ. Въ большой залѣ ресторана сидятъ сотни, можетъ больше, лилово-бѣлыхъ масокъ; онѣ проѣхали по площади на раззолоченомъ кораблѣ,

*) Годъ спустя я видѣлъ карнавалъ въ Ниццѣ. Какая страшная разница, не говоря о солдатахъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, ни жандармахъ, ни комисарахъ полиціи съ шарфами... сама масса народа, не туристовъ, дивила меня. Пьяныя маски ругались и дрались съ людьми, стоявшими въ воротахъ, сильные тумаки сшибали въ грязь бѣлыхъ Пьеро.

который тащили быки (все сухопутное и четвероногое въ Венеціи рѣдкость и роскошь), теперь онѣ пьютъ и ѣдятъ. Одинъ изъ гостей предлагаетъ курьезность и берется ее достать, *курьезность эта—я.*

Господинъ, едва знакомый со мной, бѣжитъ ко мнѣ въ Albergo Danieri, умоляетъ, проситъ явиться съ нимъ на минуту къ маскамъ. Глупо идти, глупо ломаться, я иду. Меня встрѣчаютъ evviva и полные бокалы. Я раскланиваюсь, говорю вздоръ, evviva сильнѣе: одни кричатъ evviva l'amico di Garibaldi, другіе—poeta russo! Боясь, что лилово-бѣлые будутъ пить за меня, какъ за pittore Slavo, scultore e maestro, я ретируюсь на Piazza St Marco.

На площади стѣна людей; я прислонился къ пилястрѣ, гордый титуломъ поэта; возлѣ меня стоялъ мой проводникъ, исполнившій mandat d'amener лилово-бѣлыхъ. „Боже мой, какъ она хороша!“ сорвалось у меня съ языка, когда очень молодая дама пробивалась сквозь толпу. Мой провожатый, не говоря худаго слова, схватилъ меня и разомъ поставилъ передъ ней. „Это тотъ *русскій*,“ началъ мой польскій графъ. „Хотите вы мнѣ дать руку послѣ этого слова?“ перебилъ я его. Она, улыбаясь, протянула руку и сказала по русски, что давно хотѣла меня видѣть, и такъ симпатически взглянула на меня, что я еще разъ пожалъ ея руку и проводилъ глазами, пока было видно.

Цвѣтокъ, сорванный ураганомъ, смытый кровью съ своихъ литовскихъ полей, думалъ я, глядя ей вслѣдъ, не своимъ теперь свѣтитъ твоя красота.

Я сошелъ съ площади и поѣхалъ встрѣчать Гарибальди. На водѣ все было тихо... нестройно доносился шумъ карнавала. Строгія, насупившіяся массы домовъ тѣснятся все ближе и ближе къ лодкѣ, глядятъ на нее

фонарями, у подъѣзда всплескиваетъ правило, блеснетъ стальной крючекъ, прокричитъ лодочникъ: aprì—sia stale... и опять тихо вода утягиваетъ въ переулокъ, и вдругъ домы опять раздвигаются; мы въ Gran Canal'ѣ... Fejovia Signoie, говоритъ гондольеръ, картавя, какъ картавитъ весь городъ. Гарибальди остался въ Болоньи и не пріѣзжалъ. Машина, ѣхавшая во Флоренцію, стонала въ ожиданіи свистка. Уѣхать бы и мнѣ, завтра маски надоѣдятъ, завтра не увижу я славянской красавицы...

... Городъ принялъ Гарибальди блестящимъ образомъ. Gran Canal представлялъ почти сплошной мостъ; для того, чтобъ попасть въ нашу лодку, уѣзжая, намъ надобно было перейти черезъ десятки другихъ. Правительство и его кліенты сдѣлали все возможное, чтобъ показать, что дуются на Гарибальди. Если принцу Амедею были приказаны его отцемъ всѣ мелкія неделикатности, вся подленькая шикировка, то отчего же у этого мальчика-итальянца не заговорило сердце, отчего онъ не примирилъ на минуту городъ съ королемъ и королевскаго сына съ совѣстью? Вѣдь Гарибальди имъ подарилъ двѣ короны двухъ Сицилій!

Я нашелъ Гарибальди и не состарѣвшимся, и не больнымъ, послѣ лондонскаго свиданія въ 1864. Но онъ былъ невеселъ, озабоченъ и не разговорчивъ съ венеціанцами, представлявшимися ему на другой день. Его настоящій хоръ—народныя массы; онъ ожилъ въ Кіоджіи, гдѣ его ждали лодочники и рыбаки; мѣшаясь въ толпу, онъ говорилъ этимъ простымъ бѣднякамъ: „Какъ мнѣ съ вами хорошо и дома, какъ я чувствую, что родился отъ работниковъ и былъ работникомъ; несчастья нашей родины оторвали меня отъ мирныхъ занятій. Я также выросъ на берегу моря и знаю каждую работу

вашу...“ Стонъ восторга покрылъ слова бывшаго лодочника, народъ ринулся къ нему; „дай имя моему новорожденному,“ кричала женщина, „благослови моего, и моего,“ кричали другія. Храбрый генералъ Ламармора и неутѣшный вдовецъ Рикасоли, со всѣми вашими Шіаолами, Депретисами, вы ужъ отложите попеченіе разрушить эту связь, она затянута мужицкой, работничьей рукой и такой веревкой, которую вамъ не перетереть со всѣми тосканскими и сардинскими подмастерьями, со всѣми вашими грошевыми Макіавелли.

Теперь воротимтесь къ вопросу: что ждетъ Италію впереди, какую будущность имѣетъ она, обновленная, объединенная, независимая? Ту ли, которую проповѣдывалъ Маццини, ту ли, къ которой ведетъ Гарибальди... ну хоть ту ли, которую осуществлялъ Кавуръ?

Вопросъ этотъ отбрасываетъ насъ разомъ въ страшную даль, во всѣ тяжкія—самыхъ скорбныхъ и самыхъ спорныхъ предметовъ. Онъ прямо касается тѣхъ внутреннихъ убѣжденій, которыя легли въ основу нашей жизни и той борьбы, которая такъ часто раздвояетъ насъ съ друзьями, а иной разъ ставитъ на одну сторону съ противниками.

Я сомнѣваюсь *въ будущности латинскихъ народовъ*, сомнѣваюсь въ ихъ *будущей* плодотворности, имъ нравится процессъ переворотовъ, но тягостенъ добытый прогрессъ. Они любятъ рваться къ нему—не достигая.

Идеалъ итальянскаго освобожденія—бѣденъ, въ немъ опущенъ съ одной стороны существенный, животворный элементъ, и какъ на зло съ другой оставленъ элементъ старый, тлетворный, умирающій и мертвящій. Итальянская революція была до сихъ поръ боемъ за независимость.

Конечно, если земной шаръ не дастъ трещины, или

комета не пройдетъ слишкомъ близко и не накалитъ нашей атмосферы, Италія и въ будущемъ *будетъ* Италіей, страной синяго неба и синяго моря, изящныхъ очертаній, прекрасной, симпатической породы людей, людей музыкальныхъ, художниковъ отъ природы. Конечно, и то, что весь этотъ военный и штатскій remue ménage. и слава и позоръ, и падшія границы и возникающія камеры, все это отразится въ ея жизни, — она изъ клерикально-деспотической сдѣлается (и дѣлается) буржуазно-парламентской, изъ дешевой — дорогой, изъ неудобной — удобной и пр., и пр. Но этого мало и съ этимъ еще далеко не уйдешь. Не дуренъ и другой берегъ, который омываетъ тоже синее море, не дурна и та, доблестная и угрюмая, порода людей, которая живетъ за Пиринеями; внѣшняго врага у нея нѣтъ, камера есть, наружное единство есть... ну что же при всемъ этомъ Испанія?

Народы живучи, вѣка могутъ они лежать *подъ паромъ* и снова, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оказываются исполненными силъ и соковъ. Но тѣми ли они возстаютъ, какъ были?

Сколько вѣковъ, я чуть не сказалъ тысячелѣтій, греческій народъ былъ стертъ съ лица земли, какъ государство, и все же онъ остался живъ и въ ту самую минуту, когда вся Европа угорала въ чаду реставраціи, Греція проснулась и встревожила міръ. Но греки Каподистрія были ли похожи на грековъ Перикла или на грековъ Византіи? Осталось одно имя и натянутое воспоминаніе. Обновиться можетъ и Италія, но тогда ей придется начать другую исторію. Ея освобожденіе только *право на существованіе*.

Примѣръ Греціи очень идетъ; онъ такъ далекъ отъ насъ, что меньше возбуждаетъ страстей. Греція Аѳин-

ская, Македонская, лишенная независимости Римомъ, является снова государственно-самобытной въ Византійскій періодъ. Что же она дѣлаетъ въ немъ? Ничего или хуже, богословскую контроверзу, *серальные* перевороты par anticipation. Турки помогаютъ застрялой природѣ и придаютъ блескъ зарева ея насильственной смерти. Древняя Грецiя *изжила свою жизнь*, когда римское владычество накрыло ее и спасло, какъ лава и пепелъ спасли Помпею и Геркуланумъ. Византійскій періодъ поднялъ гробовую крышу и мертвый остался мертвымъ, имъ завладѣли попы и монахи, какъ всякой могилой, имъ распоряжались евнухи, совершенно на мѣстѣ какъ представители безплодности. Кто не знаетъ разсказовъ о томъ, какъ крестоносцы были въ Византіи — въ образованіи, въ утонченности нравовъ не было сравненія, но эти дикіе латники, грубые буяны, были полны силы, отваги, стремленій, они шли впередъ, съ ними былъ *Богъ исторіи*. Ему люди не по хорошу милы, а по коренастой силѣ и по своевременности ихъ à propos. Оттого-то читая скучныя лѣтописи, мы радуемся, когда съ сѣверныхъ снѣговъ скатываются варяги, плывутъ на какихъ-то скорлупахъ славяне, и клеймятъ своими щитами гордые стѣны Вазантіи. Я ученикомъ не могъ нарадоваться на дикаря, въ рубахѣ, одиноко гребущаго свою комягу, отправляясь съ золотой серьгой въ ушахъ на свиданье съ изнѣженнымъ, набогословленнымъ, пышнымъ, книжнымъ императоромъ Цимисхіемъ.

Подумайте объ Византіи; пока наши славянофилы не пустили еще въ свѣтъ новой иконописной хроники и правительство не утвердило ее, она многое объяснитъ изъ того, что такъ тяжело сказать.

Византія могла *жить*, но *дѣлать* ей было нечего; а

исторію вообще только народы и занимаютъ пока они на сценѣ, т. е. пока они что нибудь дѣлаютъ.

... Помнится, я упоминалъ объ отвѣтѣ Томаса Карлейля мнѣ, когда я ему говорилъ о строгостяхъ парижской цензуры: „Да что вы такъ на нее сердитесь“, замѣтилъ онъ, „заставляя французовъ молчать, Наполеонъ сдѣлалъ имъ величайшее одолженіе, *имъ нечего сказать*, а говорить хочется... Наполеонъ далъ имъ внѣшнее оправданіе...“ Я не говорю, на сколько я согласенъ съ Карлейлемъ или нѣтъ, но спрашиваю себя: *будетъ ли что* Италіи сказать и сдѣлать на другой день послѣ занятія Рима? И иной разъ не пріискавъ отвѣта, я начинаю желать, чтобъ Римъ остался еще на долго оживляющимъ desideratum'омъ.

До Рима все пойдетъ не дурно, хватитъ и энергіи, и силы, лишь бы хватило денегъ... до Рима Италія многое вынесетъ, и налоги, и піэмонтское мѣстничество, и грабящую администрацію, и сварливую и докучную бюрократію; въ ожиданіи Рима все кажется неважнымъ, для того чтобы, имѣть его можно стѣсниться, надобно стоять дружно. Римъ — черта границы, знамя, онъ передъ глазами, онъ мѣшаетъ спать, мѣшаетъ торговать, онъ поддерживаетъ лихорадку. Въ Римѣ все перемѣнится, все оборвется... тамъ кажется заключеніе, вѣнецъ; совсѣмъ нѣтъ, тамъ *начало*.

Народы, искупающіе свою независимость, никогда не знаютъ, и это превосходно, что независимость сама по себѣ ничего не даетъ, кромѣ правъ совершеннолѣтія, кромѣ мѣста между перами, кромѣ признанія гражданской способности *совершать акты*, и только.

Какой-же *актъ* возвѣстится намъ съ высоты Капитолія и Квиринала, что провозгласится міру на Римскомъ

Форумѣ, или на томъ балконѣ, съ котораго папа вѣка благословлялъ „вселенную и городъ".

Провозгласить „независимость" sans phrase — мало. А другаго ничего нѣтъ.,. и мнѣ подъ часъ кажется, что въ тотъ день, когда Гарибальди броситъ свой ненужный больше мечъ и надѣнетъ тогу virilis на плечи Италіи, ему останется всенародно обняться на берегахъ Тибра съ своимъ maestro Маццини и сказать съ нимъ вмѣстѣ „Нынѣ отпущаеши!"

Я это говорю за нихъ, а не противъ нихъ.

Будущность ихъ обезпечена, ихъ два имени станутъ высоко и свѣтло во всей Италіи отъ Фьюме до Мессины и будутъ подыматься выше и выше во всей печальной Европѣ, по мѣрѣ историческаго пониженія и измельчанія ея людей.

Но врядъ пойдетъ-ли Италія по программѣ великаго карбонаро и великаго воина; ихъ религія совершила чудеса, она разбудила мысль, она подняла мечъ, это труба, разбудившая спящихъ, знамя, съ которымъ Италія завоевала себя..... Половина идеала Маццини исполнилась и именно потому, что другая часть далеко перехватывала черезъ возможное. Что Маццини теперь ужъ сталъ слабѣе, въ этомъ его успѣхъ и величіе, онъ сталъ *бѣднѣе* той частію своего идеала, которая перешла въ дѣйствительность, это слабость послѣ родовъ. Въ виду берега, Колумбу стоило плыть, и нечего было употреблять всѣ силы своего неукротимаго духа. Мы въ нашемъ кругѣ испытали подобное... гдѣ сила, которую придавала нашему слову борьба противъ крѣпостнаго права, противъ отсутствія всякаго суда, всякой гласности?

Римъ—Америка Маццини... дальнѣйшихъ зародышей

viables въ его программѣ нѣтъ, она была расчитана на борьбу за единство и Римъ.

— „А демократическая республика?“

Это та велика *награда за гробомъ*, которой напутствовались люди на дѣянія и подвиги и въ которую горячо и искренно вѣрили, и проповѣдники и мученики...

Къ ней идетъ и теперь часть твердыхъ стариковъ, закаленыхъ сподвижниковъ Маццини, непреклонныхъ, не сдающихся, неподкупныхъ, неутомимыхъ каменщиковъ, которые вывели фундаменты новой Италіи и когда не доставало цемента, давали на него свою кровь. Но много ли ихъ? И кто пойдетъ за ними?

Пока тройное ярмо нѣмца, бурбона и папы давило шею Италіи, эти энергическіе монахи-воины ордена св. Маццини находили вездѣ сочувствіе. Принцессы и студенты, ювелиры и доктора, актеры и попы, художники и адвокаты, все образованное въ мѣщанствѣ, все поднявшее голову между работниками, офицеры и солдаты, все тайно, явно, было съ ними, работало для нихъ. Республики хотѣли немногіе, независимости и единства всѣ. Независимости они добились, единство на французскій манеръ имъ опротивѣло, республики они не хотятъ. Современный порядокъ дѣлъ во многомъ итальянцамъ по плечу, имъ туда же хочется представлять „сильную и величественную“ фигуру въ сонмѣ европейскихъ государствъ и, найдя эту bella e grande figura въ Викторѣ Эмануилѣ, они держутся за него*).

*) Одинъ милѣйшій венгерецъ, графъ С. Т., служившій потомъ въ Италіи кавалерійскимъ полковникомъ, смѣясь какъ-то надъ мишурной роскошью флорентійскихъ щеголей, сказалъ мнѣ: „Помните бѣгъ въ Москвѣ или гулянье... глупо, но имѣетъ характеръ, кучеръ налитъ виномъ, шапка на бекрень, лошади въ нѣсколько тысячъ рублей, и баринъ замираетъ въ блаженствѣ и соболяхъ. А тутъ тощій графъ какой нибудь заложитъ чахлыхъ клячъ, съ тикомъ въ

Представительная система въ ея континентальномъ развитіи дѣйствительно всего лучше идетъ, когда нѣтъ ничего яснаго въ головѣ, или ничего возможнаго на дѣлѣ. Это великое *покамѣсть*, которое перетираетъ углы и крайности обѣихъ сторонъ въ муку и выигрываетъ время. Этимъ жерновомъ часть Европы прошла, другая пройдетъ и мы грѣшные въ томъ числѣ. Чего Египетъ? и тотъ въѣхалъ на верблюдахъ въ представительную мельницу, подгоняемый арапникомъ.

Я не виню, ни большинство плохо приготовленное, усталое, трусоватое, еще больше не виню массы, такъ долго оставленныя на воспитаніи клерикаловъ, я не виню даже правительство: да и какъ же его винить за ограниченность, за неумѣнье, за недостатокъ порыва, поэзіи, такта. Оно родилось въ Кариньянскомъ дворцѣ, среди ржавыхъ готическихъ мечей, пудреныхъ старинныхъ париковъ и накрахмаленнаго этикета маленькихъ дворовъ съ огромными притязаніями.

Любви оно не вселило къ себѣ, совсѣмъ напротивъ, но отъ этого оно не слабже стало. Я былъ удивленъ въ 1863 общей нелюбовью въ Неаполѣ къ правительству. Въ 1867 въ Венеціи я видѣлъ безъ малѣйшаго удивленія, что черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія. его терпѣть не могли. Но при этомъ я еще яснѣе увидѣлъ, *что боятся ему нечего*, если оно само не надѣлаетъ ряда колосальныхъ глупостей, хотя и онѣ ему сходятъ съ рукъ необыкновенно легко.

Примѣръ того и другаго передъ глазами, я его приведу въ нѣсколькихъ строкахъ.

ногахъ, прядущихъ головой, и тотъ же неуклюжій, худенькой Жакопо, который у него садовникъ и поваръ, сидитъ на козлахъ, дергаетъ возжи, одѣтый въ ливрею не по мѣркѣ, а графъ проситъ его: Жакопо, Жакопо, fate una grande e bella figura. Я прошу у графа Т. ссудить меня этимъ выраженіемъ.

Къ разнымъ каламбурамъ, которыми правительства иногда удостоиваютъ отводить народамъ глаза, въ родѣ „Prisonniers de la paix“ Людовика Филиппа, „Имперія—миръ“ Людовика Наполеона, Рикасоли прибавилъ свой, и законъ, которымъ *закрѣплялъ большую часть* достоянія духовенству, назвалъ закономъ „*о свободѣ* (или независимости) *церкви въ свободномъ государствѣ*“. Всѣ недоросли либерализма, всѣ люди, не идущіе дальше заглавія, обрадовались. Министерство, скрывая улыбку, торжествовало побѣду; сдѣлка была явнымъ образомъ выгодна духовенству. Явился бельгійскій грѣшникъ и мытарь, за котораго спрятались отцы іезуиты. Онъ привезъ съ собой груды золота, цвѣтъ котораго въ Италіи давно не видали, и предлагалъ большую сумму правительству, съ тѣмъ, чтобъ обезпечить духовенству законное владѣніе имѣніями, вынятыми на духу, набранными у умирающихъ преступниковъ и всякихъ нищихъ духомъ.

Правительство видѣло одно—деньги; дураки—другое: *американскую* свободу церкви въ свободномъ государствѣ. Теперь же въ модѣ прикидывать европейскія учрежденія на американскій ярдъ. Герцогъ Персиньи находитъ неумѣренное сходство между второй имперіей и первой республикой нашего времени.

Однако какъ ни хитрили Рикасоли и Шіаола, камера, составленная очень пестро и посредственно, стала понимать, что игра была подтасована и подтасована безъ нея. Банкиръ прикидывался импрезаріемъ и старался скупать итальянскіе голоса, но на этотъ разъ дѣло было въ февралѣ, камера охрипла. Въ Неаполѣ подняли ропотъ, въ Венеціи созвали сходку въ театръ Малибранъ для протеста. Рикасоли велѣлъ запереть театръ и поставить часовыхъ. Безъ сомнѣнія изъ всѣхъ про-

маховъ, которые можно было сдѣлать, нельзя было ничего придумать глупѣе. Венеція, только что освобожденная, хотѣла воспользоваться оппозиціоннымъ правомъ и была полицейски подрѣзана. Собираться для празднованія короля и подносить букеты al gran comendatore Ла Мармора ничего не значитъ. Еслибъ венеціанцы хотѣли дѣлать сходки для празднованія австрійскихъ архидюковъ, имъ конечно позволили бы. Опасности сходка въ театрѣ Малибранъ не представляла никакой.

Камера встрепенулась и спросила отчета. Рикасоли отвѣчалъ дерзко, высокомѣрно, какъ подобаетъ послѣднему представителю Рауля синей бороды, средневѣковому графу и феодалу. Камера, „увѣренная, что министерство не желаетъ уменьшить право сходокъ," хотѣла перейти къ очереди. Рауль взбѣшенный уже тѣмъ, что его законъ „о свободѣ церкви", въ которомъ онъ не сомнѣвался, сталъ проваливаться въ комитетахъ, объявилъ, что онъ не можетъ принять ordre du jour motivé. Обиженная камера вотировала противъ него. За такую продерзость онъ на другой день отсрочилъ камеру, на третій распустилъ, на четвертый думалъ еще о какой-то крутой мѣрѣ, но говорятъ Чальдини сказалъ королю, что на войско расчитывать трудно.

Бывали примѣры, что правительства зарапортовавшись пріискивали дѣльный предлогъ, чтобъ сдѣлать гадость или скрыть ее, а эти господа сыскали самый нелѣпый предлогъ, чтобъ засвидѣтельствовать свое пораженіе. Если правительство будетъ дальше и рѣзче идти этимъ путемъ, можетъ оно и сломитъ себѣ шею; расчитывать, предвидѣть можно только то, что сколько нибудь покорено разуму; всемогущество безумія не имѣетъ границъ, хотя и имѣетъ почти всегда возлѣ ка-

кого нибудь Чальдини, который въ опасную минуту выльетъ шайку холодной воды на голову.

А если Италія вживется въ этотъ порядокъ, сложится въ немъ, она его не вынесетъ безнаказанно. Такого призрачнаго міра лжи и пустыхъ словъ, фразъ безъ содержанія трудно переработать народу *менѣе бывалому* чѣмъ французы. У Франціи все *не въ самомъ дѣлѣ*, но все есть, хоть для вида и показа; она какъ старики, впавшіе въ дѣтство, увлекается игрушками; подъ часъ и догадывается, что ея лошади деревянныя, но хочетъ обманываться. Италія не совладаетъ съ этими тѣнями китайскаго фонаря съ лунной независимостью, освѣщаемой въ три четверти тюльерійскимъ солнцемъ, съ церковью, презираемой и ненавидимой, за которой ухаживаютъ, какъ за безумной бабушкой въ ожиданіи ея скорой смерти. Картофельное тѣсто парламентаризма и риторика камеръ не дастъ итальянцу здоровья. Его забьетъ, сведетъ съ ума эта мнимая пища и не въ самомъ дѣлѣ борьба. А другаго ничего не готовится. Что-же дѣлать? гдѣ выходъ? Не знаю, развѣ въ томъ, что, провозгласивши въ Римѣ единство Италіи, вслѣдъ за тѣмъ провозгласить ея распаденіе на самобытныя, самозаконныя части, едва связанныя между собой. Въ десяти живыхъ узлахъ можетъ больше выработаться, если есть чему вырабатываться, оно же и совершенно въ духѣ Италіи.

... Середь этихъ разсужденій мнѣ попалась брошюра Кине: „Франція и Германія"; я ей ужасно обрадовался не то чтобъ я особенно зависѣлъ отъ сужденій знаменитаго историка-мыслителя, котораго лично очень уважаю, но я обрадовался не за себя.

Въ старые годы въ Петербургѣ одинъ пріятель извѣстный своимъ юморомъ, найдя у меня на столѣ книгу

берлинскаго Мишле „о безсмертіи духа,“ оставилъ мнѣ записочку слѣдующаго содержанія: „Любезный другъ, когда ты прочтешь эту книгу, потрудись сообщить мнѣ вкратцѣ, есть безсмертіе души или нѣтъ. Мнѣ все равно, но желалъ бы знать для *успокоенія родственниковъ*“. Вотъ для *родственниковъ* то и я радъ тому, что встрѣтился съ Кине. Наши друзья до сихъ поръ, не смотря на заносчивую позу, которую многіе изъ нихъ приняли относительно европейскихъ авторитетовъ, ихъ больше слушаютъ, чѣмъ своего брата. Оттого то я и старался, когда могъ, ставить свою мысль подъ покровительство европейской нянюшки. Ухватившись за Прудона, я говорилъ, что у дверей Франціи не Катилина, а смерть; держась за полу Стюарта Милля, я твердилъ объ англійскомъ китаизмѣ и очень доволенъ, что могу взять за руку Кине и сказать; „вотъ и почтенный другъ мой Кине говоритъ въ 1867 о латинской Европѣ то, что я говорилъ обо всей въ 1847 и во всѣ послѣдующіе“.

Кине съ ужасомъ и грустью видитъ пониженіе Франціи, размягченіе ея мозга, ея омельчаніе. Причины онъ не понимаетъ, ищетъ ее въ отклоненіи Франціи отъ началъ 1789 года, въ потерѣ политической свободы и потому въ его словахъ изъ за печали сквозитъ скрытая надежда на выздоровленіе возвращеніемъ къ серьезному парламентскому режиму, къ великимъ принципамъ революціи.

Кине не замѣчаетъ, что великія начала, о которыхъ онъ говоритъ, и вообще политическія идеи латинскаго міра потеряли свое значеніе, ихъ пружина доиграла и чуть-ли не лопнула. Les principes de 1789 не были фразой, но теперь стали фразой, какъ литургія и слова молитвы. Заслуга ихъ огромна, *ими*, *черезъ нихъ* Фран-

ція совершила свою революцію, она приподняла завѣсу будущаго и испуганная отпрянула.

Явилась дилемма.

Или свободныя учрежденія снова коснутся завѣтной завѣсы, или правительственная опека, внѣшній порядокъ и внутреннее рабство.

Еслибъ въ европейской народной жизни была одна цѣль, одно стремленіе, та или другая сторона взяла бы давно верхъ. Но такъ какъ сложилась западная исторія, она привела къ вѣчной борьбѣ. Въ основномъ бытовомъ фактѣ двойнаго образованія лежитъ органическое препятствіе послѣдовательному развитію. Жить въ двѣ цивилизаціи, въ два пласта, въ два свѣта, въ два возраста, жить не цѣлымъ организмомъ, а одной частью его, употреблять на топливо и кормъ другую и повторять о свободѣ и равенствѣ становится труднѣе и труднѣе.

Опыты выйти къ болѣе гармоническому, уравновѣшенному строю не имѣли успѣха. Но если они не имѣли успѣха въ данномъ мѣстѣ, это больше доказываетъ неспособность мѣста, чѣмъ ложность начала.

Въ этомъ-то и лежитъ вся сущность дѣла.

Сѣверо-американскіе штаты съ своимъ единствомъ цивилизаціи легко опередятъ Европу, ихъ положеніе проще. Уровень ихъ цивилизаціи ниже западно-европейскаго, *но онъ одинъ* и до него достигаютъ *всѣ*, и въ этомъ ихъ страшная сила.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція рванулась титанически къ другой жизни, борясь въ потьмахъ, безсмысленно, безъ плана и другаго знанія, кромѣ знанія нестерпимой боли—она была побита „порядкомъ и цивилизаціей“, а отступилъ побѣдитель. Буржуазіи пришлось за печальную побѣду свою заплатить всѣмъ, что

она выработала вѣками усилій, жертвъ, войнъ и революцій, лучшими плодами своего образованія.

Центры силъ, пути развитія, все измѣнилось, скрывшаяся дѣятельность, подавленная работа общественнаго пересозданія бросились въ другія части, за французскую границу.

Какъ только нѣмцы убѣдились, что французскій берегъ понизился, что страшныя революціонныя идеи ея повѣтшали, что бояться ее нечего — изъ за крѣпостныхъ стѣнъ прирейнскихъ показалась прусская каска.

Франція все пятилась, каска все выдвигалась. Своихъ Бисмаркъ никогда не уважалъ, онъ навострилъ оба уха въ сторону Франціи, онъ нюхалъ воздухъ оттуда и, убѣдившись въ прочномъ пониженіи страны, онъ понялъ, что время Пруссіи настало. Понявши, онъ заказалъ планъ Мольтке, заказалъ иголки оружейникамъ и систематически, съ нѣмецкой, безцеремонной грубостію забралъ спѣлыя нѣмецкія груши и ссыпалъ смѣшному Фридриху Вильгельму въ фартухъ, увѣривъ его, что онъ герой по особенному чуду лютеранскаго бога.

Я не вѣрю, чтобъ судьбы міра оставались на долго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцолерновъ. Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кентъ Лиру, только обратно: „Въ тебѣ Боруссія нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать царемъ“. Но все же Пруссія отодвинула Францію на второй планъ и сама сѣла на первое мѣсто. Но все же, окрасивъ въ одинъ цвѣтъ пестрые лоскутья нѣмецкаго отечества, *она* будетъ предписывать законы Европѣ до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ, потому что у нея больше штыковъ и больше картечей.

За прусской волной подымется уже *другая*, не очень заботясь, нравится это или нѣтъ классическимъ старикамъ.

Англія хитро хранитъ *видъ силы*, отошедши въ сторону, будто гордая въ своемъ мнимомъ неучастіи... она почувствовала въ глубинѣ своихъ внутренностей туже соціальную боль, которую она такъ легко вылечила въ 1848 полицейскими палками... но потуги посильнѣй... и она втягиваетъ далеко хватающіе щупальцы свои на домашнюю борьбу.

Франція удивленная, сконфуженная перемѣной положенія, грозитъ не Пруссіи войной, а Италіи, если она дотронется до временныхъ владѣній *отчаго* отца, и собираетъ деньги на памятникъ Вольтеру.

Воскреситъ ли латинскую Европу дерущая уши прусская труба *послѣдняго* военнаго суда, разбудитъ ли ее приближеніе *ученыхъ* варваровъ?

Chi lo sa?

... Я пріѣхалъ въ Геную съ американцами, только что переплывшими океанъ. Генуя ихъ поразила. Все читанное ими въ книгахъ о старомъ свѣтѣ они увидѣли очью и не могли насмотрѣться на средневѣковыя улицы, гористыя, узкія, черныя, на необычайной вышины домы, на полуразрушенные переходы, укрѣпленія, и проч.

Мы взошли въ сѣни какого-то дворца. Крикъ восторга вырвался у одного изъ американцевъ: „Какъ эти люди жили, повторялъ онъ, какъ они жили! Что за размѣры, что за изящество! Нѣтъ, ничего подобнаго вы не найдете у насъ.“ И онъ готовъ былъ покраснѣть за свою Америку. Мы заглянули внутрь огромной залы. Былые хозяева ихъ въ портретахъ, картины, картины, стѣны сдавшія цвѣтъ, старая мебель, старые гербы, нежилой

воздухъ, пустота и старикъ кустодъ въ черной вязаной скуфьѣ, въ черномъ потертомъ сертукѣ, съ связкой ключей..... все такъ и говорило, что это ужъ не домъ, а рѣдкость, саркофагъ, *пышный слѣдъ прошедшей жизни.*

— Да, сказалъ я выходя американцамъ, вы совершенно правы, люди эти хорошо *жили.*

(Мартъ 1867)

LA BELLE FRANCE

Ah! que j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France!

III.

ANTE PORTAS

Франція была для меня заперта. Годъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Ниццу, лѣтомъ 1851, я написалъ письмо Леону Фоше, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, и просилъ его дозволенія пріѣхать на нѣсколько дней въ Парижъ. „У меня въ Парижѣ домъ и я долженъ имъ заняться"; истый экономистъ не могъ не сдаться на это доказательство и я получилъ разрѣшеніе пріѣхать „на самое короткое время."

Въ 1852 я просилъ право проѣхать Франціей въ Англію —*отказъ.* Въ 1856 я хотѣлъ возвратиться изъ Англіи въ Швейцарію и снова просилъ визы—*отказъ.* Я написалъ въ фрибургскій Conseil d'Etat, что я отрѣзанъ отъ

Швейцаріи и долженъ или ѣхать тайкомъ, или черезъ Гибралтарскій проливъ, или, наконецъ, черезъ Германію, причемъ я вѣроятнѣе всего доѣду въ Петропавловскую крѣпость, а не въ Фрибургъ. Въ силу чего я просилъ Conseil d'Etat вступить въ сношеніе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, требуя для меня проѣзда черезъ Францію. Совѣтъ отвѣчалъ мнѣ, 19 Октября 1856 года, слѣдующимъ письмомъ:

М. Г.

Вслѣдствіе вашего желанія, мы поручили швейцарскому министру въ Парижѣ сдѣлать необходимые шаги для полученія вамъ авторизаціи проѣхать Франціей, возвращаясь въ Швейцарію. Мы передаемъ вамъ текстуально отвѣтъ, полученный швейцарскимъ министромъ: „Г. Валевскій долженъ былъ совѣщаться по этому предмету съ своимъ товарищемъ внутреннихъ дѣлъ, *соображенія особенной важности,* сообщилъ ему м. в. д., заставили отказать г. Герцену въ правѣ проѣзда Франціей въ прошломъ Августѣ, что онъ не можетъ измѣнить своего рѣшенія,“ и пр.

Я не имѣлъ ничего общаго съ французами, кромѣ простаго знакомства; не былъ ни въ какой конспираціи, ни въ какомъ обществѣ, и занимался тогда уже исключительно русской пропагандой. Все это французская полиція, единая всезнающая, единая національная, и потому безгранично сильная, знала превосходно. На меня *гнѣвались* за мои статьи и связи.

Про этотъ гнѣвъ нельзя не сказать, что онъ вышелъ *изъ границъ*. Въ 1859 году я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Брюссель съ моимъ сыномъ. Ни въ Остенде, ни въ Брюсселѣ паспорта не спрашивали. Дней черезъ шесть, когда я возвратился вечеромъ въ отель, слуга, подавая свѣчу, сказалъ мнѣ, что изъ полиціи требуютъ моего паспорта. „Во время хватились,“ замѣтилъ я. Слуга проводилъ меня до номера и паспортъ взялъ. Только что я легъ, часу въ первомъ, стучатъ въ дверь;

явился опять тотъ же слуга съ большимъ пакетомъ. „Министръ юстиціи покорно проситъ такого-то явиться завтра въ 11 часовъ утра въ департаментъ de la sureté publique·“

— И это вы изъ за этого ходите ночью будить людей?

— Ждутъ отвѣта.

— Кто?

— Кто-то изъ полиціи.

— Ну скажите, что буду, да прибавьте, что глупо носить приглашенія послѣ полуночи.

Затѣмъ я, какъ Нулинъ, „свѣчку погасилъ.“

На другое утро, въ 8 часовъ, снова стукъ въ дверь. Догадаться было не трудно, что это все дурачится бельгійская юстиція. „Entrez!“

Взошелъ господинъ излишне чисто одѣтый, въ очень новой шляпѣ, съ длинной цѣпочкой, толстой и на видъ золотой, въ свѣжемъ черномъ сертукѣ и пр.

Я едва, и то отчасти, одѣтый, представлялъ самый странный контрастъ человѣку, который *долженъ* одѣваться такъ тщательно съ семи часовъ утра для того, чтобъ его хоть ошибкой приняли за честнаго человѣка. Авантажъ былъ съ его стороны.

— Я имѣю честь говорить avec M Herzen père?

— C'est selon; какъ возмемъ дѣло. Съ одной стороны я отецъ, съ другой сынъ.

Это развеселило шпіона.

— Я пришелъ къ вамъ...

— Позвольте, чтобъ сказать, что министръ юстиціи меня зоветъ въ 11 часовъ въ департаментъ?

— Точно такъ.

— Зачѣмъ же министръ васъ безпокоитъ и притомъ такъ рано? Довольно того, что онъ меня такъ поздно безпокоилъ вчера ночью, прославши этотъ пакетъ.

— Такъ вы будете?

— Непремѣнно.

— Вы знаете дорогу?

— А что же вамъ велѣно меня провожать?

— Помилуйте, quelle idée!

— И такъ...

— Желаю вамъ добраго дня.

— Будьте здоровы.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ у начальника бельгійской общественной безопасности.

Онъ держалъ какую-то тетрадку и мой паспортъ. „Извините меня, что мы васъ побезпокоили, но видите, тутъ два небольшихъ обстоятельства: во первыхъ, у васъ паспортъ швейцарскій, а... онъ съ полицейской проницательностью, испытуя меня, остановилъ на мнѣ свой взглядъ.

— *А я русскій*, добавилъ я.

— Да, признаюсь, это показалось намъ странно.

— Отчего же, развѣ въ Бельгіи нѣтъ закона о натурализаціи?

— Да вы?...

— Натурализованъ десять лѣтъ тому назадъ въ Моратѣ, фрибургскаго кантона, въ деревнѣ Шатель.

— Конечно, *если такъ*, въ такомъ случаѣ я не смѣю сомнѣваться... мы перейдемъ ко второму затрудненію. Года три тому назадъ вы спрашивали дозволенія пріѣхать въ Брюссель и получили отказъ...

— Этого, mille pardon, не было и быть не могло. Какое же я имѣлъ бы мнѣніе о *свободной* Бельгіи, еслибъ я, никогда не высланный изъ нея, усомнился въ правѣ моемъ пріѣхать въ Брюссель?

Начальникъ общественной безопасности нѣсколько смутился.

— Однако, вотъ тутъ... и онъ развернулъ тетрадь.

— Видно, не все въ ней вѣрно. Вотъ вѣдь вы не знали же, что я натурализованъ въ Швейцаріи.

— Такъ-съ. Консулъ е. в. Дельпьеръ...

— Не безпокойтесь, остальное я вамъ разскажу. Я спрашивалъ вашего консула въ Лондонѣ, могу ли я перевести въ Брюссель русскую типографію, т. е. оставятъ ли типографію въ покоѣ, если я не буду мѣшаться въ бельгійскія дѣла, на что у меня не было никогда никакой охоты, *какъ вы легко повѣрите*. Г. Дельпьеръ спросилъ министра. Министръ просилъ его отклонить меня отъ моего намѣренія перевести типографію. Консулу вашему было стыдно письменно сообщить министерскій отвѣтъ и онъ просилъ передать мнѣ эту вѣсть, какъ общаго знакомаго, Луи Блана. Я, благодаря Луи Блана, просилъ его успокоить г. Дельпьера и увѣрить его, что я съ большей твердостью духа узналъ, что *типографію* не пустятъ въ Брюссель, „еслибъ, прибавилъ я, консулу пришлось мнѣ сообщить обратное, т. е. что меня и типографію во вѣкъ вѣковъ *не выпустятъ изъ Брюсселя*, можетъ я не нашелъ бы столько геройства.“ Видите, я очень помню всѣ обстоятельства.

Охранитель общественной безопасности слегка прочистилъ голосъ и, читая тетрадку, замѣтилъ: Дѣйствительно такъ, я о типографіи и не замѣтилъ. Впрочемъ, я полагаю, вамъ все таки необходимо разрѣшеніе отъ министра; иначе, какъ это ни непріятно будетъ для насъ, но мы будемъ вынуждены просить васъ...“

— Я завтра ѣду.

— Помилуйте, никто не требуетъ такой поспѣшности; оставайтесь недѣлю, двѣ. Мы говоримъ на счетъ осѣдлой жизни... я почти увѣренъ, что министръ разрѣшитъ.

— Я могу его просить для будущихъ временъ, но теперь я не имѣю ни малѣйшаго желанія дольше оставаться въ Брюсселѣ.

Тѣмъ исторія и кончилась. „Я забылъ одно, запутавшись въ объясненіи," сказалъ мнѣ опасливый хранитель безопасности, „мы малы, мы малы, вотъ наша бѣда; il y a des égards..." ему было стыдно.

Два года спустя, меньшая дочь моя, жившая въ Парижѣ, занемогла. Я опять потребовалъ визы и Персиньи опять отказалъ. Въ это время графъ Ксаверій Браницкій былъ въ Лондонѣ. Обѣдая у него, я разсказалъ объ отказѣ. „Напишите къ принцу Наполеону письмо, сказалъ Браницкій, я ему доставлю." — Съ какой же стати буду я писать Принцу? — „Это правда, пишите къ императору. Завтра я ѣду и послѣ завра ваше письмо будетъ въ его рукахъ." — Это скорѣе, дайте подумать.

Пріѣхавъ домой, а написалъ слѣдующее письмо:

Sire,

Больше десяти лѣтъ тому назадъ я былъ вынужденъ оставить Францію по министерскому распоряженію. Съ тѣхъ поръ мнѣ два раза былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ.*) Впослѣдствіи мнѣ постоянно отказывали въ правѣ въѣзжать во Францію; между тѣмъ въ Парижѣ воспитывается одна изъ моихъ дочерей и я имѣю тамъ собственный домъ.

Я беру смѣлость отнестись прямо къ в. в. съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ въѣзда во Францію и пребыванія въ Парижѣ насколько потребуютъ дѣла, и буду съ довѣріемъ и уваженіемъ ждать вашего рѣшенія.

*) Второй разъ мнѣ былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ въ 1853, по случаю болѣзни М. К. Рейхель. Этотъ пропускъ я получилъ по просьбѣ Ротшильда. Болѣзнь М. К. прошла и я имъ не воспользовался. Года черезъ два мнѣ объявили въ французскомъ консульствѣ, что такъ какъ я тогда не ѣздилъ, то пропускъ не имѣетъ больше значенія.

Во всякомъ случаѣ, Sire, я даю слово, что желаніе мое имѣть право ѣздить во Францію не имѣетъ никакой политической цѣли.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ
вашего величества
покорнѣйшимъ слугой
А. Г.

31 Мая 1861.

Лондонъ, Орсетъ Гаусъ, Уэстборнъ Террасъ.

Браницкій нашелъ, что письмо *сухо*, потому вѣроятно и не достигнетъ цѣли. Я сказалъ ему, что другаго письма не напишу, и что если онъ хочетъ сдѣлать мнѣ услугу, пусть его передастъ, а возьметъ раздумье, пусть броситъ въ каминъ. Разговоръ этотъ былъ на желѣзной дорогѣ. Онъ уѣхалъ.

А черезъ четыре дня я получилъ слѣдующее письмо изъ французскаго посольства:

Парижъ, 3 Іюня 1861.

Кабинетъ
Префекта Полиціи
I Бюро

М. Г.

По приказанію императора имѣю честь сообщить вамъ, что е. в. разрѣшаетъ вамъ въѣздъ во Францію и пребываніе въ Парижѣ всякій разъ, когда дѣла ваши этого потребуютъ, такъ какъ вы просили вашимъ письмомъ отъ 31 Мая.

Вы можете слѣдственно свободно путешествовать во всей имперіи, соображаясь съ общепринятыми формальностями.

Примите, м. г., и проч.

Префектъ Полиціи.

Затѣмъ подпись эксцентрически вкось, которую нельзя прочесть и которая похожа на все, но не на фамилію Boitelle.

Въ тотъ же день пришло письмо отъ Браницкаго. Принцъ Наполеонъ сообщалъ ему слѣдующую записку императора: „Любезный Наполеонъ, сообщаю тебѣ, что

я сейчасъ разрѣшилъ въѣздъ *Господину**) Герцену во Францію и приказалъ ему выдать паспортъ.

Послѣ этого „подвысь“! шлагбаумъ, опущенный въ продолженіи одинадцати лѣтъ, поднялся и я отправился черезъ мѣсяцъ въ Парижъ.

II.

INTRA MUROS

Maame Erstin! кричалъ мрачный съ огромными усами жандармъ въ Кале, возлѣ рогатки, черезъ которую должны были проходить во Францію одинъ за однимъ путешественники, только-что сошедшіе на берегъ съ дувр-скаго парохода и загнанные въ каменный сарай таможенными и другими надзирателями. Путешественники подходили, жандармъ отдавалъ пассы, комиссаръ полиціи допрашивалъ глазами, а гдѣ находилъ нужнымъ языкомъ, и одобренный и найденный безопаснымъ для имперіи терялся за рогаткой.

На крикъ жандарма въ этотъ разъ никто изъ путешественниковъ не двинулся.

Mame Ogle Erstin! кричалъ, прибавляя голоса и махая паспортомъ, жандармъ. Никто не откликался.

„Да что же, никого что ли нѣтъ съ этимъ именемъ,“ кричалъ жандармъ и, посмотрѣвъ въ бумагу, прибавилъ: Mamselle Ogle Erstin!

Тутъ только дѣвочка лѣтъ десяти, т. е. моя дочь Ольга, догадалась, что защитникъ порядка вызывалъ ее съ такимъ неистовствомъ. „Avancez donc, prenez vos

*) Я отмѣтилъ слово *господинъ*, потому что при моей высылкѣ префектура постоянно писала sieur, а Наполеонъ въ запискѣ написалъ слово Monsieur всѣми буквами.

papiers!“ свирѣпо командовалъ жандармъ. Ольга взяла пассъ и, прижавшись къ М., потихоньку спросила ее: Est-ce que c'est l'empereur?

Это было съ ней въ 1860 году, а со мной случилось черезъ годъ еще хуже, и не у рогатки въ Кале (уже не существующей теперь), а *вездѣ*: въ вагонѣ, на улицѣ, въ Парижѣ, въ провинціи, въ домѣ, во снѣ, на яву, вездѣ стоялъ передо мной самъ императоръ съ длинными усами, засмаленными въ ниточку, съ глазами безъ взгляда, съ ртомъ безъ словъ. Не только жандармы, которые по положенію своему немного императоры, мерещились мнѣ Наполеонами, но солдаты, сидѣльцы, гарсоны и особенно кондукторы желѣзныхъ дорогъ и омнибусовъ. Я только тутъ, въ Парижѣ, 1861 года, передъ тѣмъ же Hôtel de ville'мъ, передъ которымъ *я* стоялъ полный уваженія въ 1847 году, передъ той же Notre Dame, на Елисейскихъ поляхъ и бульварахъ, понялъ псаломъ, въ которомъ царь Давидъ съ льстивымъ отчаяніемъ жалуется Іеговѣ, что онъ не можетъ никуда дѣться отъ него, никуда бѣжать: „Въ воду, говоритъ, ты тамъ; въ землю, ты тамъ; на небо, и подавно.“ Шелъ ли я обѣдать въ Maison d'or, Наполеонъ, въ одной изъ своихъ ипостасей, обѣдалъ черезъ столъ и спрашивалъ трюфли въ салфеткѣ; отправлялся ли я въ театръ, онъ сидѣлъ въ томъ же ряду, да еще другой ходилъ на сценѣ. Бѣжалъ ли я отъ него за городъ, онъ шелъ по пятамъ дальше булонскаго лѣса, въ сертукѣ плотно застегнутомъ, въ усахъ съ круто нафабренными кончиками. Гдѣ же его нѣтъ? На балѣ въ Мабиль? На обѣднѣ въ Мадленъ? Непремѣнно тамъ и тутъ.

La révolution s'est fait homme. „Революція воплотилась въ человѣкѣ“ была одна изъ любимыхъ фразъ док-

тринерскаго жаргона временъ Тьера и либеральныхъ историковъ луи-филипповскихъ временъ; а тутъ похитрѣе: „революція и реакція,“ порядокъ и безпорядокъ, *впередъ* и *назадъ* воплотились въ одномъ человѣкѣ и этотъ человѣкъ, въ свою очередь, поревоплотился во всю администрацію, отъ министровъ до сельскихъ сторожей, отъ сенаторовъ до деревенскихъ меровъ... разсыпался пѣхотой, поплылъ флотомъ.

Человѣкъ этотъ не поэтъ, не пророкъ, не побѣдитель, не эксцентричность, не геній, не талантъ; а холодный, молчаливый, угрюмый, некрасивый, расчетливый, настойчивый, прозаическій, господинъ „среднихъ лѣтъ, ни толстый, ни худой.“ Le bourgeois буржуазной Франціи, l'homme du destin, le neveu du grand homme, плебея. Онъ уничтожаетъ, осредотворяетъ въ себѣ всѣ рѣзкія стороны національнаго характера и всѣ стремленія народа, какъ вершинная точка горы или пирамиды оканчиваетъ цѣлую гору *ничѣмъ*.

Въ 49, въ 50 годахъ я не угадалъ Наполеона III. Увлекаемый демократической риторикой, я дурно его оцѣнилъ. 1861 годъ былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ для имперіи, все обстояло благополучно, все уравновѣсилось, примирилось, покорилось новому порядку. Оппозицій и смѣлыхъ мыслей было ровно на столько, на сколько надобно для тѣни и слегка пряннаго вкуса. Лабуле очень умно хвалилъ Нью-Іоркъ въ пику Парижу, Прево Парадоль Австрію въ пику Франціи. По дѣлу Мирeса дѣлали анонимные намеки. Папу было дозволено исподволь ругать, польскому движенію слегка сочувствовать. Были кружки, собиравшіеся пофрондерствовать, какъ, бывало, мы собирались въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ у кого нибудь изъ старыхъ пріятелей. Были даже свои недовольныя знаменитости, въ ро-

дѣ статскихъ Ермоловыхъ, какъ Гизо. Остальное все было прибито градомъ. И никто не жаловался, отдыхъ еще нравился такъ, какъ нравится первая недѣля поста съ своимъ хрѣномъ да капустой послѣ семидневнаго масла и пьянства на масляницѣ. Кому постное было не по вкусу, того трудно было видѣть: онъ исчезалъ на короткое или долгое время и возвращался съ исправленнымъ вкусомъ изъ Ламбессы или изъ Мазаса. Полиція, la grande police, замѣнившая la grande armée, была вездѣ во всякое время. Въ литературѣ—плоскій штиль; плохіе лодочники плавали спокойно на плохихъ лодкахъ по нѣкогда бурному морю. Пошлость пьесъ, даваемыхъ на всѣхъ сценахъ, наводила къ ночи тяжелую сонливость, которая утромъ поддерживалась безсмысленными журналами. Журналистика въ прежнемъ смыслѣ не существовала. Главные органы представляли не интересы, а фирмы. Послѣ leading article лондонскихъ газетъ, писанныхъ сжатымъ, дѣловымъ слогомъ, съ „нервомъ,“ какъ говорятъ французы, и „мышцами,“ premiers Paris нельзя было читать. Риторическія декораціи, полинялыя и потертыя, и тѣже возгласы, сдѣлавшіеся больше чѣмъ смѣшными, гадкими по явному противорѣчію съ фактами, замѣняли содержаніе. Страждущія народности постоянно приглашались по прежнему надѣяться на Францію, она все таки оставалась „ во главѣ великаго движенія“ и все еще несла міру революцію, свободу и великіе принципы 1789 года. Оппозиція дѣлалась подъ знаменемъ бонапартизма. Это были нюансы одного и того же цвѣта, но ихъ можно было означать въ томъ родѣ, какъ моряки означаютъ промежуточные вѣтры: N. N. W., N. W. N., N. W. W., W. N. W... Бонапартизмъ отчаянный, бѣснующійся, умѣренный; бонапартизмъ монархическій, бонапартизмъ

республиканскій, демократическій и соціальный; бонапартизмъ мирный, военный, революціонный, консервативный, наконецъ палероялькій и тюльрійскій... Вечеромъ поздно бѣгали по редакціямъ какіе-то господа, ставившіе на мѣсто стрѣлку газетъ, если она гдѣ уходила далеко за N. къ W. или E. Они повѣряли время по хронометру префектуры, вымарывали, прибавляли и торопились въ слѣдующую редакцію.

... Въ café, читая вечерній журналъ, въ которомъ было написано, что адвокатъ Мireса отказался указать какое-то употребленіе суммъ, говоря, что тутъ замѣшаны „слишкомъ высоко поставленныя лица," я сказалъ кому-то изъ знакомыхъ: „Да какъ же прокуроръ не заставилъ его назвать и какъ же не требуютъ этого журналы?" Знакомый дернулъ меня за пальто, оглядѣлся, сдѣлалъ знакъ глазами, руками, тростью. Я не даромъ жилъ въ Петербургѣ, понялъ его и сталъ разсуждать объ абсинтѣ съ зельцерской водой.

Выходя изъ кафе, я увидѣлъ крошечнаго человѣка, бѣгущаго на меня съ крошечными объятіями. На близкомъ разстояніи я разглядѣлъ Даримона. — „Какъ вы должны быть счастливы, говорилъ лѣвый депутатъ, возвратившись въ Парижъ! Ah! je m'imagine!

— Не то чтобъ особенно!

Даримонъ остолбенѣлъ.

— Ну что Madame Darimon и вашъ маленькій, который вѣрно теперь вашъ большой, особенно если онъ не беретъ въ ростъ примѣра съ отца?

— Toujours le même, ха, ха, ха, très-bien — и мы разстались.

Тяжело мнѣ было въ Парижѣ и я только свободно вздохнулъ, когда черезъ мѣсяцъ, сквозь дождь и туманъ, опять увидѣлъ грязно-бѣлые, мѣловые берега

Англіи. Все, что жало, какъ узкіе башмаки при Людовикѣ Филиппѣ, жало теперь какъ колодка. Промежуточныхъ явленій, которыми упрочивался и прилаживался новый порядокъ, я не видалъ, а нашелъ его черезъ десять лѣтъ совершенно *готовымъ и сложившимся*... Къ тому же я Парижъ не узнавалъ, мнѣ были чужды его перестроенныя улицы, недостроенные дворцы и пуще всего встрѣчавшіеся люди. Это не тотъ Парижъ, который я любилъ и ненавидѣлъ, не тотъ, въ который я стремился съ дѣтства, не тотъ, который покидалъ съ проклятьемъ на губахъ. Это Парижъ, утратившій свою личность, равнодушный, откипѣвшій. Сильная рука давила его вездѣ и всякую минуту готова была притянуть возжи — но это было не нужно; Парижъ *принялъ* tout de bon вторую имперію, у него едва оставались наружныя привычки прежняго времени. У „недовольныхъ“ ничего не было серьезнаго и сильнаго, чтобы они могли противопоставить имперіи. Воспоминанія тацитовскихъ республиканцевъ и неопредѣленные идеалы соціалистовъ не могли потрясти цезарскій тронъ. Съ „фантазіями“ *надзоръ полиціи* боролся не серьезно, онѣ его сердили не какъ опасность, а какъ безпорядокъ и безчинство. „Воспоминанія“ досаждали больше „надеждъ“, орлеанистовъ держали строже. Иногда самодержавная полиція нежданно разражалась ударомъ, несправедливымъ и грубымъ, грозно напоминая о себѣ; она нарочно распространяла ужасъ на два квартала и на два мѣсяца, и снова уходила въ щели префектуры и корридоры министерскихъ домовъ.

Въ сущности все было тихо. Два самыхъ сильныхъ протеста были не французскіе. Покушеніями Піанори и Орсини мстила Италія, мстилъ Римъ. Дѣло Орсини, испугавшее Наполеона, было принято за достаточный

предлогъ, чтобъ нанести послѣдній ударъ — coup de grâce. Онъ удался. Страна, которая вынесла законы о подозрительныхъ людяхъ Эспинасса, дала свой залогъ. Надобно было испугать, показать, что полиція ни передъ чѣмъ не остановится, надобно было сломить всякое понятіе о правѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, надобно было несправедливостью поразить умы, пріучить къ ней и ею доказать свою власть. Очистивъ Парижъ отъ *подозрительныхъ* людей, Эспинассъ приказалъ префектамъ въ *каждомъ* департаментѣ открыть заговоръ, замѣшать въ него не меньше десяти человѣкъ заявленныхъ враговъ имперіи, арестовать ихъ и представить на распоряженіе министра. Министръ имѣлъ право ссылать въ Каену, Ламбесу, безъ слѣдствія, безъ отчета и отвѣтственности. Человѣкъ сосланный погибалъ, ни оправданья, ни протеста не могло и быть; онъ не былъ судимъ, могла быть одна монаршая милость. „Получаю это приказаніе“, разсказывалъ префектъ Н. нашему поэту Ѳ. Т. — что тутъ дѣлать? Ломалъ себѣ голову, ломалъ... положеніе затруднительное и непріятное, наконецъ мнѣ пришла счастливая мысль какъ вывернуться. Я посылаю за комиссаромъ полиціи и говорю ему: можете вы въ самомъ скоромъ времени найти мнѣ десятокъ отчаянныхъ негодяевъ, воровъ неуличенныхъ по суду и т. п. Комиссаръ говоритъ, что ничего нѣтъ легче. Ну такъ составьте списокъ, мы ихъ нынче ночью арестуемъ и потомъ представимъ министру какъ возмутителей“.

— Ну что же? спросилъ Т.

— Мы ихъ представили, министръ ихъ отправилъ въ Каену и весь департаментъ былъ доволенъ, благодарилъ меня, что такъ легко отдѣлался отъ мошенниковъ, прибавилъ добрый префектъ, смѣясь.

Правительство прежде устало идти путями террора и насилія, чѣмъ публика и общественное мнѣніе. Времена тишины, покоя, de la sécurité наступали не по днямъ, а по часамъ. Мало по малу разгладились морщины на челѣ полиціи; дерзкій, вызывающій взглядъ шпіона, свирѣпый видъ sergent de ville стали смягчаться; императоръ мечталъ о разныхъ умныхъ и кроткихъ свободахъ и децентрализаціяхъ. Неподкупные въ усердіи министры удерживали его либеральную горячность.

... Съ 1861, двери были отворены и я проѣзжалъ нѣсколько разъ Парижемъ. Сначала я торопился поскорѣе уѣхать, потомъ и это прошло, я привыкъ къ новому Парижу. Онъ меньше сердилъ. Это былъ другой городъ, огромный, незнакомый. Умственное движеніе, наука, отодвинутыя за Сену, не были видны; политическая жизнь не была слышна. Свои „расширенныя свободы“ Наполеонъ далъ; беззубая оппозиція подняла свою лысую голову и затянула старую фразеологію сороковыхъ годовъ; работники не вѣрили имъ, молчали и слабо пробовали ассоціаціи и кооперація. Парижъ становился больше и больше общимъ европейскимъ рынкомъ, въ которомъ толпилось, толкалось все на свѣтѣ: купцы, пѣвцы, банкиры, дипломаты, аристократы, артисты всѣхъ странъ и, невиданная въ прежнія времена масса нѣмцевъ. Вкусъ, тонъ, выраженія, все измѣнилось. Блестящая, тяжелая роскошь, металлическая, золотая, цѣнная, замѣнила прежнее эстетическое чувство: въ мелочахъ и одеждѣ хвастались не выборомъ, не умѣньемъ, а дороговизной, возможностью тратъ и безпрерывно толковали о наживѣ, объ игрѣ въ карты, мѣста, фонды. Лоретки давали тонъ дамамъ. Женское образованіе пало на степень прежняго итальянскаго.

— L'empire, l'empire... вотъ гдѣ зло, вотъ гдѣ бѣда... Нѣтъ, причина глубже. Sire, vous avez un cancer rentré, говоритъ Антомарки — un Waterloo rentrè, отвѣчаетъ Наполеонъ. А тутъ двѣ, три революціи rentrées, avortées, внутрь взошедшія, недоношенныя и выкинутыя.

Оттого-ли Франція не донашиваетъ, что она слишкомъ рано, слишкомъ поспѣшно попала въ интересное положеніе и хотѣла отдѣлаться отъ него кесаревымъ сѣченіемъ; оттого-ли, что духа хватило на рубку головъ, а на рубку идей не достало; оттого-ли, что изъ революціи сдѣлали армію и права человѣка покропили святой водой; оттого-ли, что масса была покрыта тьмой и революція дѣлалась не для крестьянъ?

III

ALPENDRUCKEN

Да здравствуетъ свѣтъ!
Да здравствуетъ разумъ!

Русскіе, не имѣя вблизи горъ просто говорятъ, что „домовой душилъ". Оно пожалуй вѣрнѣе. Дѣйствительно, словно кто-то душитъ, сонъ не ясенъ, но очень страшенъ, дыханье трудно, а дышать надобно вдвое, пульсъ поднятъ, сердце ударяетъ тяжело и скоро... За вами гнались, гонятся по пятамъ, не то люди, не то привидѣнія, передъ вами мелькаютъ забытые образы напоминающіе другіе годы и возрасты... тутъ какія-то пропасти, обрывы, скользнула нога, спасенья нѣтъ, вы летите въ темную пустоту, крикъ вырывается невольно и вы проснулись... проснулись въ лихорадкѣ, потъ на лбу, дыханье спертo—вы торопитесь къ окну... Свѣжій

свѣтлый разсвѣтъ на дворѣ, вѣтеръ осаживаетъ въ одну сторону туманъ, запахъ травы, лѣса, звуки и крики... все *наше* земное... и вы, успокоенные пьете всѣми легкими утренній воздухъ.

... Меня на дняхъ душилъ домовой, не во снѣ, а на яву, не въ постели, а въ книгѣ, и когда я вырвался изъ нея на свѣтъ, я чуть не вскрикнулъ: „Да здравствуетъ разумъ! нашъ простой, земной разумъ!“

Старикъ Пьеръ Леру, котораго я привыкъ любить и уважать лѣтъ тридцать, принесъ мнѣ свое послѣднее сочиненіе и просилъ непремѣнно прочесть его, „хоть текстъ, а примѣчаніе послѣ, когда нибудь“.

„*Книга Іова*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, *сочиненная* Исаіемъ и переведенная Пьеромъ Леру“. И не только переведенная, но прилаженная къ современнымъ вопросамъ.

Я прочелъ *весь* текстъ и, подавленный печалью, ужасомъ, искалъ окна.

Что же это такое?

Какіе антецеденты могли развить такой мозгъ, такую книгу? Гдѣ отечество этого чековѣка и что за судьбы и страны и лица? Такъ сойти можно только *съ большаго ума*; это заключеніе длиннаго и сломленнаго развитія.

Книга эта — бредъ поэта лунатика, у котораго въ памяти остались факты и строй, упованья и образы, но смысла не осталось; у котораго сохранились чувства, воспоминанія, формы, но *разумъ* не сохранился, или если и уцѣлѣлъ, то для того, чтобы идти вспять, распускаясь на свои элементы, переходя изъ мыслей въ фантазіи, изъ истинъ въ мистеріи, изъ выводовъ въ миѳы, изъ знанія въ откровеніе.

Дальше идти нельзя, дальше каталептическее состоя-

ніе, опьянѣніе Пиѳіи, Шамана, дурь вертящагося Дервиша, дурь вертящихся столовъ...

Революція и чародѣйство, соціализмъ и талмудъ, Іовъ и Ж. Сандъ, Исаія и Сенъ-Симонъ, 1789 годъ до Р. Х. и 1789 послѣ Р. Х., все брошено зря въ кабалистическій горнъ. Что же могло выйти изъ этихъ натянутыхъ, враждебныхъ совокупленій? Человѣкъ захворалъ отъ этой непереваріваемой пищи, онъ потерялъ здоровое чувство истины, любовь и уваженье къ разуму. Гдѣ же причина, отбросившая такъ далеко отъ русла этого старика, нѣкогда стоявшаго въ числѣ главъ соціальнаго движенія, полнаго энергіи и любви, человѣка, котораго рѣчь, проникнутая негодованьемъ и сочувствіемъ къ меньшей братіи потрясала сердца? Я это время помню. „Петръ Рыжій", такъ называли мы его въ сороковыхъ годахъ, „становится моимъ Христомъ", писалъ мнѣ, всегда увлекавшійся черезъ край, Бѣлинскій — и вотъ этотъ-то учитель, этотъ живой, будящій голосъ, послѣ пятнадцатилѣтняго удаленія въ Жерсеѣ, является съ grève de Samarez и съ книгой Іова, проповѣдуетъ какое-то переселеніе душъ, ищетъ развязки на томъ свѣтѣ, въ *этотъ не вѣритъ* больше. Франція, революція обманули его; онъ скинiи свои разбиваетъ въ другомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ обмана, да и ничего нѣтъ, въ силу чего большой просторъ для фантазіи.

Можетъ это личная болѣзнь—идіосинкразія? Ньютонъ имѣлъ свою книгу Іова, Августъ Контъ свое помѣшательство.

Можетъ... но что сказать, когда вы берете другую, третью французскую книгу—все книга Іова, все мутитъ умъ и давитъ грудь, все заставляетъ искать свѣта и воздуха, все носитъ слѣды душевной тревоги и недуга, чего-то сбившагося съ пути. Врядъ можно ли въ этомъ

случаѣ многое объяснить личнымъ безуміемъ, напротивъ, надобно искать въ общемъ разстройствѣ причину частнаго явленія. Я именно въ полнѣйшихъ представителяхъ французскаго генія вижу слѣды недуга.

Гиганты эти потерялись, заснули тяжелымъ сномъ, въ долгомъ лихорадочномъ ожиданіи, усталые отъ горечи дня и отъ жгучаго нетерпѣнія, они бредятъ въ какомъ-то полуснѣ и хотятъ насъ и самихъ себя увѣрить, что ихъ видѣнія—дѣйствительность и что настоящая жизнь дурной сонъ, который сейчасъ пройдетъ, особенно для Франціи.

Неистощимое богатство ихъ длинной цивилизаціи, колоссальные запасы *словъ* и образовъ мерцаютъ въ ихъ мозгу, какъ фосфоресценція моря, не освѣщая ничего. Какой-то вихрь, подметающій передъ начинающимся катаклизмомъ осколки двухъ, трехъ міровъ, снесъ ихъ въ эти исполинскія памяти безъ цемента, безъ связи, безъ *науки*. Процесъ, которымъ развивается ихъ мысль, для насъ не понятенъ, они идутъ отъ словъ къ словамъ, отъ антиномій къ антиноміямъ, отъ антитезисовъ къ синтезисамъ, не разрѣшающимъ ихъ; іероглифъ принимается за дѣло и желанье за фактъ. Громадныя стремленія безъ возможныхъ средствъ и ясныхъ цѣлей, недоконченныя очертанія, недодуманныя мысли, намеки, сближенія, прорицанія, орнаменты, фрески, арабески... Ясной связи, которой хвалилась прежняя Франція, у нихъ нѣтъ, истины они не ищутъ, она такъ страшна на дѣлѣ, что они отворачиваются отъ нея. Романтизмъ ложный и натянутый, напыщенная и дутая риторика отучили вкусъ отъ всего простаго и здороваго.

Размѣры потеряны, перспективы ложны...

Да еще хорошо, когда дѣло идетъ о путешествіяхъ душъ по планетамъ, объ ангельскихъ хуторахъ Жана

Рено, о разговорѣ Іова съ Прудономъ и Прудона съ мертвой женщиной; хорошо еще, когда изъ цѣлой тысячи и одной ночи человѣчества дѣлается одна сказка, и Шекспиръ изъ любви и уваженія заваливается пирамидами и обелисками, Олимпомъ и Библіей, Ассиріей и Ниневіей; но что сказать, когда все это врывается въ жизнь, отводитъ глаза и мѣшаетъ карты для того, чтобъ ими ворожить о „близкомъ счастьи и исполненіи желаній“ на краю пропасти и позора? Что сказать, когда блескомъ прошедшей славы заштукатуриваютъ гнилыя раны, и сифилитическія пятна на повислыхъ щекахъ выдаютъ за румянецъ юноши?

Передъ падшимъ Парижемъ, въ самую нежалкую минуту его паденья, когда онъ довольный богатой ливреей и щедростью постороннихъ помѣщиковъ, бражничаетъ на всемірномъ толкунѣ, поверженъ въ прахѣ старикъ поэтъ. Онъ привѣтствуетъ Парижъ путеводной звѣздой человѣчества, сердцемъ міра, мозгомъ исторіи, онъ увѣряетъ его, что базаръ на Champ de Mars — починъ братства народовъ и примиренія вселенной.

Пьянить похвалами поколѣніе измельчавшее, ничтожное, самодовольное и кичливое, падкое на лесть и избалованное, поддерживать гордость пустыхъ и выродившихся сыновей и внучатъ, покрывая одобреніемъ генія ихъ жалкое, безсмысленное существованіе—великій грѣхъ.

Дѣлать изъ современнаго Парижа *спасителя и освободителя міра*, увѣрять его, что онъ великъ въ своемъ паденіи, что онъ въ сущности вовсе не падалъ, сбиваетъ на апотеозу *божественнаго* Нерона и *божественнаго* Калигулы или Каракаллы.

Разница въ томъ, что Сенеки и Ульпіаны были въ силѣ и власти, а В. Гюго въ ссылкѣ.

Рядомъ съ лестью васъ поражаетъ неопредѣленность понятій, смутность стремленій, незрѣлость идеаловъ. Люди, идущіе впередъ, ведущіе другихъ, остаются въ полумракѣ, безъ тоски о свѣтѣ. Толки о преображеніи человѣчества, о пересозданіи существующаго... но о какомъ, но во что?

Это равно не ясно, ни *на томъ свѣтѣ* Пьера Леру, ни *на этомъ* Виктора Гюго.

„Въ XX столѣтіи будетъ чрезвычайная страна. Она будетъ велика и это не помѣшаетъ ей быть свободной. Она будетъ знаменита, богата, глубокомысленна, мирна, сердечна ко всему остальному человѣчеству. Она будетъ имѣть кроткую доблесть старшей сестры.

„Эта центральная страна, изъ которой все лучится, эта образцовая ферма человѣчества, по которой все кроится, имѣетъ свое сердце, свой мозгъ, называемый *Парижъ*.

„Городъ этотъ имѣетъ одно неудобство: кто имъ владѣетъ, тому принадлежитъ міръ. Человѣчество идетъ за нимъ. Парижъ работаетъ для общности земной. Кто бы ты ни былъ, Парижъ твой господинъ... онъ иногда ошибается, имѣетъ свои оптическіе обманы, свой дурной вкусъ... *тѣмъ хуже* для всемірнаго смысла, компасъ потерянъ и прогрессъ идетъ ощупью.

„Но Парижъ настоящій *кажется* не таковъ. Я не вѣрю въ этотъ Парижъ—это призракъ, а, впрочемъ, небольшая проходящая тѣнь не идетъ въ счетъ, когда дѣло идетъ объ огромной утренней зарѣ.

„Одни дикіе боятся за солнце во время затмѣній.

„Парижъ — зажженый факелъ; зажженый факелъ имѣетъ *волю*... Парижъ изгоняетъ изъ себя все нечистое, онъ *уничтожилъ* смертную казнь, на сколько это было въ его волѣ и перенесъ гильотину въ la Roquette. Въ Лондонѣ вѣшаютъ, гильотинировать въ Парижѣ нельзя больше; еслибъ вздумали снова поставить гильотину передъ ратушей, камни возстали бы. Убивать въ этой средѣ невозможно. Остается поставить внѣ закона, что поставлено внѣ города!

„1866 былъ годомъ столкновенія народовъ, 1867 будетъ годомъ ихъ встрѣчей. Выставка въ Парижѣ — великій соборъ мира, всѣ препятствія, тормазы, палки въ колесахъ прогресса сломятся въ куски, разлетятся въ прахъ... Война невозможна... зачѣмъ выставили страшныя пушки и другіе военные снаряды... Развѣ мы не знаемъ, что война умерла? Она умерла въ тотъ день, когда Іисусъ сказалъ: „Любите другъ друга!“ и бродила только, какъ привидѣніе; Вольтеръ и революція убили ее еще разъ. Мы не вѣримъ въ

войну. Всѣ народы побратались на выставкѣ. всѣ народы, притекши въ Парижъ, побывали Франціей (ils viennent être France); они узнали, что есть городъ-солнце... и должны любить его, желать его, выносить его!"

И въ полномъ умиленіи передъ народомъ, который *испаряется братствомъ*, котораго свобода—свидѣтельство совершеннолѣтія человѣческаго рода. Гюго восклицаетъ: „О Франція! прощай! Ты слишкомъ велика, чтобъ быть отечествомъ; съ матерью, сдѣлавшейся богиней, слѣдуетъ разстаться. Еще шагъ во времени, и ты исчезнешь преображенная; ты такъ велика, что скоро тебя не будетъ. Ты не будешь Франціей, ты будешь человѣчествомъ. Ты не будешь страной, ты будешь повсюдностью. Ты назначена изойти лучами... Рѣшись принять бремя твоей безконечности и, какъ Аѳины сдѣлались Греціей, Римъ — христіанствомъ, сдѣлайся ты, Франція, міромъ.!"

Когда я читалъ эти строки, передо мной лежала газета и въ ней какой-то простодушный корреспондентъ писалъ слѣдующее: „То, что теперь творится въ Парижѣ—необыкновенно занимательно, и не только для современниковъ, но и для будущихъ поколѣній. Толпы, собравшіяся на выставку, кутятъ... всѣ границы перейдены, оргія вездѣ, въ трактирахъ и домахъ, пуще всего на самой выставкѣ. Пріѣздъ царей окончательно опьянилъ всѣхъ. Парижъ представляетъ какую-то колоссальную descente de la courtille.

„Вчера (10 іюня) это опьяненіе дошло до своего апогея. Пока вѣнценосцы пировали во дворцѣ, видавшемъ такъ много на своемъ вѣку, толпы наполняли окольныя улицы и мѣста. По набережной, на улицахъ Риволи, Кастиліоне, Сентъ-Оноре пировали на свой манеръ до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Отъ Маделены до théâtre des Variétés шла самая растрепанная и нецеремонная оргія; больныя, открытыя линейки, импровизированные омнибусы и шарабаны, заложенные изнуренными, измученными клячами, едва-

едва двигались по бульварамъ въ сплошномъ множествѣ головъ и головъ. Линейки эти въ свою очередь были биткомъ набиты, въ нихъ стояли, сидѣли, больше всего лежали растянувшись мужчины и женщины во всевозможныхъ позахъ съ бутылками въ рукахъ; они съ хохотомъ и пѣснями переговаривались съ пѣшей толпой; шумъ и крикъ несся имъ на встрѣчу изъ кафе и ресторановъ совершенно полныхъ; иногда крикъ и пѣсни смѣнялись дикимъ ругательствомъ фіакрнаго извощика или дружеской ссорой подпившихъ... На углахъ, въ переулкахъ валялись мертво-пьяные, сама полиція, казалось, отступила за невозможностью что нибудь сдѣлать.—Никогда, пишетъ корреспондентъ, я не видалъ ничего подобнаго въ Парижѣ, а живу въ немъ лѣтъ двадцать."

Это на улицѣ, „въ канавѣ," какъ выражаются французы, а что внутри дворцовъ, освѣщенныхъ болѣе чѣмъ десятью тысячами свѣчей... что дѣлалось на праздникахъ, на которые тратилось по милліону франковъ?

„Съ бала, даннаго городомъ въ Hôtel de ville, государи уѣхали около двухъ часовъ — это повѣствуетъ оффиціальный исторіографъ императорскихъ увеселеній—кареты не могли во время ни пріѣхать, ни отвести восемь тысячъ человѣкъ. Часы шли за часами, усталь овладѣла гостями, дамы сѣли на ступеняхъ лѣстницы, другія просто легли въ залахъ на ковры и заснули у ногъ лакеевъ и huissiers, кавалеры шагали за нихъ, цѣпляясь за кружева и уборы. Когда мало по малу расчистилось мѣсто, ковровъ было не видно, все было покрыто завялыми цвѣтами, раздавленными бусами, лоскутьями блондъ и кружевъ, тюля, кисеи, оторванныхъ ефесами, саблями, шитьемъ, царапавшими плечи" и пр.

А за кулисами шпіоны били кулаками, ловили, выдавали за воровъ людей, кричавшихъ: Vive la Pologne! и судъ въ двухъ инстанціяхъ осудилъ ихъ же на тюрьму за *препятствіе* шпіонамъ беззаконно, безформенно, арестовывать ихъ съ зуботычинами.

Я нарочно помянулъ одни *мелочи:* микроскопическая анатомія легче дастъ понятіе о разложеніи ткани, чѣмъ отрѣзанный ломотъ трупа...

II.

ДАНІИЛЫ

Въ іюльскіе дни 1848 года, послѣ перваго террора и ошеломленья побѣдителей и побѣжденныхъ, явился представителемъ *угрызенія совѣсти* угрюмый и худой старикъ. Мрачными словами заклеймилъ онъ и проклялъ людей „порядка," разстрѣливавшихъ сотнями, не спроси имени, ссылавшихъ тысячами безъ суда и державшихъ Парижъ въ осадномъ положеніи. Окончивъ анаѳему, онъ обернулся къ народу и сказалъ ему: „А ты молчи, ты слишкомъ бѣденъ, чтобъ тебѣ имѣть рѣчь."

Это былъ Ламене. Его чуть не схватили, но испугались его сѣдинъ, его морщинъ, его глазъ, на которыхъ дрожала старая слеза, и на которыхъ скоро ничего дрожать не будетъ.

Слова Ламене прошли безслѣдно.

Черезъ двадцать лѣтъ другіе угрюмые старики явились съ своимъ суровымъ словомъ и ихъ голосъ погибъ въ пустынѣ.

Они не вѣрили въ силу своихъ словъ, но сердце не выдержало. Не сговариваясь въ своихъ ссылкахъ и удаленіяхъ, эти вемическіе судьи и Даніилы произнесли свой приговоръ, зная, что онъ не будетъ исполненъ.

Они, на горе себѣ, поняли, что это „ничтожное облако, мѣшающее величественному разсвѣту," не такъ ничтожно; что эта историческая мигрень, это похмѣлье послѣ революціи не такъ-то скоро пройдутъ, и сказали это.

„Въ худшія времена древняго цезаризма, говорилъ Едгаръ Кине на конгрессѣ въ Женевѣ, когда все было нѣмо, за исключеніемъ владыки, находились люди, оставлявшіе свои пустыни для того,

чтобъ произнести нѣсколько словъ правды въ глаза падшимъ народамъ.

„Шестнадцать лѣтъ живу я въ пустынѣ и хотѣлъ бы въ свою очередь прервать мертвое молчаніе, къ которому привыкли въ наше время.“

Какую же вѣсть принесъ онъ съ своихъ горъ и во имя чего поднялъ рѣчь? Онъ ее поднялъ для того, чтобъ сказать своимъ соотечественникамъ (французъ о чемъ бы ни говорилъ, говоритъ всегда о Франціи): „У васъ нѣтъ совѣсти... она умерла, раздавленная пятою сильнаго, она отреклась отъ себя. Шестнадцать лѣтъ искалъ я слѣдовъ ея и не нашелъ!“

„Тоже было при Цезаряхъ въ древнемъ мірѣ. Душа человѣческая исчезла. Народы помогали своему порабощенію, рукоплескали ему, не показывая ни сожалѣнія, ни раскаянія. Совѣсть человѣческая, исчезая, оставила какую-то пустоту, которая чувствовалась во всемъ, какъ теперь, и для того, чтобъ ее наполнить, надобно было *новаго бога*.

„*Кто же* наполнитъ въ наше время пропасти, вырытыя новымъ цезаризмомъ?

„На мѣсто стертой, упраздненной совѣсти настала ночь, мы бродимъ въ потьмахъ, не зная, откуда искать помощи, къ кому обратиться. Все соучастникъ паденья: церковь и судъ, народы и общество... Глуха земля, глуха совѣсть, глухи народы; право погибло съ совѣстью; одна сила царитъ...

„Зачѣмъ вы пришли, что вы ищете въ этихъ развалинахъ — развалинъ? Вы отвѣчаете, что ищете мира. Откуда же вы? Вы заблудились въ обломкахъ падшаго зданія права. Вы ищете мира, вы ошибаетесь, его здѣсь нѣтъ. Здѣсь война. Въ этой ночи безъ разсвѣта должны сталкиваться народы и племена и уничтожать другъ друга зря, исполняя волю властителей, перевязавшихъ имъ умъ и руки.

„Народы подвинутся только тогда, когда *сознаютъ всю глубину своего паденья!*“

Старикъ бросилъ для дѣтей нѣсколько цвѣтовъ, чтобъ уменьшить ужасъ картины. Ему рукоплескали. Они и тутъ не вѣдали, что творили. Черезъ нѣсколько дней отреклись отъ своихъ рукоплесканій.

Мѣсяца два передъ тѣмъ, какъ эти мрачныя слова раздались на женевскомъ сходѣ, въ другомъ швейцарскомъ городѣ другой изгнанный прежняго времени писалъ слѣдующія строки:

„Я не имѣю больше вѣры во Фрнпцію.

„Если когда нибудь она воскреснетъ къ новой жизни и оправится отъ страха самой себя, это будетъ чудо; изъ такого глубокаго паденья не подымалась ни одна больная нація. Я не жду чудесъ. Забытыя учрежденія могутъ возродиться,—потухнувшій духъ народа не оживаетъ. Несправедливое провидѣніе не дало мнѣ и того утѣшенья, которымъ оно такъ щедро надѣляетъ, въ замѣну бѣдности, всѣхъ изгнанниковъ: всегдашней надежды и вѣры въ мечты. Отъ всего прожитаго мною остались только уроки опытности, горькое разочарованіе и неизлечимая усталь (énervement). Мнѣ *холодно* на сердцѣ. Я не вѣрю больше ни въ право, ни въ человѣческую справедливость, ни въ здравый смыслъ. Я отошелъ въ равнодушіе, какъ въ могилу."

Жирондистъ Мерсье, одной ногой уже въ гробу, говорилъ во время паденья первой имперіи: „Я живу еще только для того, чтобъ увидѣть, чѣмъ это кончится!" „Я и этого не могу сказать, прибавилъ Маркъ Дюфрессъ, у меня нѣтъ особаго любопытства узнать, чѣмъ развяжется императорская эпопея".

И старикъ повернулся къ прошедшему и съ глубокой печалью показалъ его исхудалымъ потомкамъ. Настоящее ему не знакомо, чуждо, противно. Изъ его кельи вѣетъ могилой, отъ его словъ дрожь пробираетъ посторонняго.

Слова одного, строки другаго, все скользнуло безслѣдно. Слушая ихъ, читая ихъ, у французовъ не сдѣлалось „холодно въ груди". Многіе открыто негодовали: „Эти люди лишаютъ насъ силъ, повергаютъ въ отчаяніе... гдѣ въ ихъ словахъ *выходъ*, утѣшенье?"

Судъ не обязанъ утѣшать; онъ долженъ обличать, уличать *тамъ*, гдѣ нѣтъ сознанія и раскаянія. Его дѣ-

ло вызвать *совѣсть*. Судъ и не пророчество, у него нѣтъ Мессіи въ запасѣ для утѣшенія въ будущемъ. Онъ, такъ же какъ и подсудимый, принадлежитъ старой религіи. Судъ представляетъ чистую и идеальную сторону ея, а масса ея практическое, уклонившееся, истощенное приложеніе. Осуждающій служитъ поневолѣ практическимъ обвинителемъ идеала; защищая его, онъ указываетъ его односторонность.

Ни Едгаръ Кине, ни Маркъ Дюфрессъ дѣйствительно не знаютъ *выхода*, и зовутъ вспять. Не мудрено, что они его не видятъ, они къ нему стоятъ спиной. Они принадлежатъ къ прошедшему. Возмущенные безчестной кончиной своего міра, они схватили клюку и явились незванными гостьми на оргію высокомѣрнаго, самодовольнаго народа и сказали ему: „Ты все утратилъ, все продалъ, тебя ничто не оскорбляетъ кромѣ правды, у тебя нѣтъ ни прежняго ума, у тебя нѣтъ прежняго достоинства, у тебя нѣтъ совѣсти, ты на днѣ паденья и, не только не чувствуешь твоего рабства, но туда же имѣешь притязаніе освобождать народы и народности, украшаясь лаврами войны — хочешь надѣть на себя оливковыя вѣнки мира. Опомнись, покайся, если можешь. Мы, умирающіе, пришли тебя звать къ раскаянію и если не пойдешь, сломимъ жезлъ нашъ надъ тобою“.

Они видятъ свое войско отступающимъ, бѣгущимъ отъ своего знамени, и карой своихъ словъ хотятъ его возвратить въ прежній станъ *и не могутъ*. Для того, чтобъ ихъ собрать, надобно новое знамя, а его нѣтъ у нихъ. Они, какъ языческіе первосвященники, раздираютъ ризы свои, защищая падавшую святыню свою. Не они, а гонимые Назареи возвѣщали воскресеніе и жизнь будущаго вѣка.

Кине и Маркъ Дюфрессъ скорбятъ объ осквернени

храма своего, храма народнаго представительства. Они скорбятъ не только объ утратѣ во Франціи свободы человѣческаго достоинства, они скорбятъ *о потерѣ передоваго* мѣста, они не могутъ примириться съ тѣмъ, что имперія не предупредила единства Германіи, они ужасаются тому, что Франція сошла *на второй планъ*.

Вопросъ о томъ *зачѣмъ* Франціи, въ которую они сами не вѣрятъ, быть *на первомъ мѣстѣ*, не представлялся ни разу ихъ уму...

Маркъ Дюфрессъ съ раздраженнымъ смиреніемъ говоритъ, что онъ не понимаетъ *новыхъ вопросовъ*, т. е. экономическихъ; а Кине пщетъ того бога, который сойдетъ, чтобъ наполнить пустоту, оставленную потерей совѣсти... Онъ прошелъ мимо ихъ, они его не узнали и допустили его распятіе.

P. S. Какъ коментарій къ нашему очерку идетъ и странная книга Ренана о „современныхъ вопросахъ". Его тоже пугаетъ настоящее. Онъ понялъ, что дѣло идетъ плохо. Но что за жалкая терапія! Онъ видитъ больнаго по горло въ сифилисѣ и совѣтуетъ ему хорошо учиться и по классическимъ источникамъ. Онъ видитъ внутреннее равнодушіе ко всему, кромѣ матеріальныхъ выгодъ и сплетаетъ на выручку изъ своего раціонализма нѣкую религію, католицизмъ безъ настоящаго Христа и безъ папы, но съ плотоумерщвленіемъ. Уму ставитъ онъ дисциплинарныя перегородки, или лучше гигіеническія.

Можетъ самое важное и смѣлое въ его книгѣ — это отзывъ о революціи: „Французская революція была великимъ опытомъ, но *опытомъ неудавшимся*".

И за тѣмъ онъ представляетъ картину ниспроверженія всѣхъ прежнихъ институтовъ, стѣснительныхъ съ одной стороны, но служившихъ оплотомъ противъ по-

глощающей централизаціи, и на мѣстѣ ихъ — слабаго, беззащитнаго человѣка передъ давящимъ, всемогущимъ государствомъ и уцѣлѣвшей церковью.

По неволѣ съ ужасомъ думаешь о союзѣ этого государства съ церковью, который совершается наглазно, который идетъ до того, что церковь тѣснитъ медицину, отбираетъ докторскіе дипломы у матеріалистовъ и старается рѣшать вопросы о разумѣ и откровеніи—сенатскимъ рѣшеніемъ, декретировать libre arbitre какъ Робеспьеръ декретировалъ l'être suprême.

Не нынче, завтра церковь захватитъ воспитаніе — тогда что?

Французы, уцѣлѣвшіе отъ реакціи, это видятъ и положеніе ихъ относительно иностранцевъ становится невыгоднѣе и невыгоднѣе. Никогда они не выносили столько какъ теперь, и отъ кого же? Въ особенности отъ нѣмцевъ. Недавно при мнѣ былъ споръ одного нѣмецкаго ex-réfugié съ однимъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ. Нѣмецъ былъ безпощаденъ. Прежде была какая-то тайно соглашенная терпимость къ англичанамъ, которымъ всегда позволяли говорить нелѣпости изъ уваженія и увѣренности, что они нѣсколько поврежденные, и къ французамъ—изъ любви къ нимъ и изъ благодарности за революцію. Льготы эти остались только для англичанъ — французы очутились въ положеніи состарѣвшихся и подурнѣвшихъ красавицъ, которыя долго не замѣчали, что средства ихъ уменьшились, что на обаяніе красотой надѣяться больше нечего.

Прежде имъ спускалось невѣжество всего находящагося за границами Франціи, употребленіе битыхъ фразъ, позолоченый стеклярусъ, слезливая сентиментальность, рѣзкій, вершающій тонъ и les grands mots — все это утратилось.

Нѣмецъ, поправляя очки, трепалъ француза по плечу, приговаривая: Mais, mon cher et très-cher ami, эти готовыя фразы, замѣняющія разборъ дѣла, вниманье, пониманье, мы знаемъ наизусть; вы намъ ихъ повторяли лѣтъ тридцать; онѣ-то вамъ и мѣшаютъ видѣть ясно настоящее положеніе дѣлъ.

— Но какъ бы то ни было, все же, говорилъ литераторъ, видимо желая заключить разговоръ, однако же, мой милый философъ, вы всѣ склонили голову подъ прусскій деспотизмъ; я очень понимаю, что для васъ это средство, что прусское владычество — ступень...

— Тѣмъ-то мы и отличаемся отъ васъ, перебилъ его нѣмецъ, что мы идемъ этимъ тяжелымъ путемъ, ненавидя его и покоряясь необходимости, имѣя цѣль передъ глазами, а вы *пришли* въ такое же положеніе, какъ въ гавань спасенья; для васъ это не ступень, а заключеніе — къ тому же большинство его любитъ.

— C'est une impasse, une impasse, замѣтилъ печально литераторъ и перемѣнилъ разговоръ.

По несчастью онъ заговорилъ о рѣчи Жюль Фавра въ Академіи. Тутъ окрысился другой нѣмецъ: „Помилуйте, и эта пустая риторика, это празднословіе можетъ вамъ нравиться? Лицемѣрье, неправда о наукѣ, неправда во всемъ; нельзя же два часа читать панегирикъ блѣдному Кузеню. И что ему было за дѣло защищать казенный спиритуализмъ? И вы думаете, что эта оппозиція спасетъ васъ? Это риторы и софисты, да и какъ смѣшна вся эта процедура рѣчи и отвѣта, обязательная похвала предшественнику—весь этотъ средневѣковый бой пустословья.

— Ah bah! Vous oubliez les traditions, les coutumes...

Мнѣ было жаль литератора...

III

СВѢТЛЫЯ ТОЧКИ

Но за Даніилами видны же и свѣтлыя точки, слабыя, дальнія, и въ томъ же Парижѣ. Мы говоримъ о Латинскомъ кварталѣ, объ этой Авентинской горѣ, на которую отступили учащіеся и ихъ учители, то есть тѣ изъ нихъ, которые остались вѣрны великому преданію 1789 года, энциклопедистамъ, горѣ, соціальному движенію. Тамъ хранится Евангеліе первой революціи; читаютъ ея апостольскія дѣянія и посланія святыхъ отцевъ XVIII вѣка; тамъ извѣстны *великіе вопросы*, которыхъ не знаетъ Маркъ Дюфрессъ; тамъ мечтаютъ о будущей „веси человѣческой“, такъ какъ монахи первыхъ вѣковъ мечтали о „веси божіей“.

Изъ переулковъ этого Лаціума, изъ четвертыхъ этажей невзрачныхъ домовъ его, постоянно идутъ ставленники и миссіонеры на борьбу и проповѣдь и гибнутъ большею частью морально, а иногда физически, in partibus infidelium, т. е. по другую сторону Сены.

Объективная истина съ ихъ стороны, всяческая правота и дѣльность пониманья съ ихъ стороны — но и только. „Рано или поздно истина всегда побѣждаетъ“. А мы думаемъ, *очень поздно* и *очень рѣдко*. Разумъ съ поконъ вѣка былъ недоступенъ или противенъ большинству. Для того, чтобъ *разумъ* могъ понравиться, Анахарсисъ Клотцъ долженъ былъ одѣть его въ хорошенькую актрису, а ее раздѣть до нага. Дѣйствовать на людей можно только грезя ихъ сны яснѣе, чѣмъ они сами грезятъ, а не доказывая имъ свои мысли такъ, какъ доказываютъ геометрическія теоремы.

Латинскій кварталъ напоминаетъ средневѣковые чертозы или камалдулы, отступившія на шагъ отъ людскаго шума, съ своей вѣрой въ братство, милосердіе и главное въ скорое пришествіе царства божія. И это въ самое то время, когда за ихъ стѣнами рыцари и рейтеры жгли и рѣзали, лили кровь, грабили, засѣкали вилановъ, насиловали ихъ дочерей... Потомъ наступили другія времена также безъ братства и втораго пришествія, и это прошло—а камалдулы и чертозы остались при своей вѣрѣ. Нравы еще смягчились, измѣнилась манера грабить, насиловать стали съ платой, обирать по принятымъ уставамъ; но царство божіе не приходило, а все неминуемо *наступало* (такъ казалось въ чертозахъ), знаменія становились все яснѣе, прямѣе; вѣра спасала иноковъ отъ отчаянія.

Съ каждымъ ударомъ, отъ котораго разлетаются въ прахъ послѣднія убогія свободы; съ каждымъ паденіемъ общества, съ каждымъ наглымъ шагомъ назадъ, Латинскій кварталъ приподнимаетъ голову, mezza voce, у себя дома поетъ Марсельезу и поправляя фуражку говоритъ: „этого-то и надобно было. Они дойдутъ до предѣла... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Латинскій кварталъ вѣритъ *въ свой курсъ* и храбро чертитъ планъ своей „веси истины“, идя въ разрѣзъ съ „весью дѣйствительности“.

А Пьеръ Леру вѣритъ въ Іова!

А В. Гюто—въ выставку братства!

IV

ПОСЛѢ НАБѢГА

„Святой отецъ—теперь ваше дѣло!“
ДОНЪ КАРЛОСЪ. (Филиппъ II великому инквизитору)

Эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла и безъ его сіятельства дѣло не обойдется. Не церемоньтесь, Графъ!

Я не дивлюсь тому, что дѣлается и не имѣю права дивиться — я давно кричалъ свое: „берегись, берегись!“... Я просто *прощаюсь* и это тяжело. Тутъ нѣтъ ни противорѣчія, ни слабости. Человѣкъ можетъ очень хорошо знать, что если подагра у него подымется, то будетъ очень больно; онъ можетъ сверхъ того предчувствовать, что она подымется, что ее ничѣмъ не остановишь; тѣмъ не меньше ему все же будетъ *больно*, когда она подымется.

Мнѣ жаль личностей, которыхъ люблю.

Мнѣ жаль страны, которой первое пробужденіе я видѣлъ своими глазами и которую теперь вижу изнасилованную и обезчещенную

Мнѣ жаль этого Мазепу, котораго отвязали отъ хвоста одной имперіи, чтобъ привязать къ хвосту другой.

Мнѣ жаль, что я правъ, я словно соприкосновенный къ дѣлу, тѣмъ, что въ общихъ чертахъ его предвидѣлъ. Я досадую на себя, какъ досадуетъ дитя на барометръ, предсказавшій бурю и испортившій прогулку.

Италія похожа на семью, въ которой недавно совершилось какое нибудь черное преступленіе, обрушилось какое нибудь страшное несчастіе, обличившее дурныя тайны—на семью, по которой прошла рука палача, изъ

которой кто нибудь выбылъ на галеры... всѣ въ раздраженіи, невинные стыдятся и готовы на дерзкій отпоръ. Всѣхъ мучитъ безсильное желаніе мести, страдательная ненависть отравляетъ, разслабляетъ.

Можетъ и *есть* близкіе выходы, но разумомъ ихъ не видать; они лежатъ въ случайностяхъ, во внѣшнихъ обстоятельствахъ, они лежатъ *внѣ границъ*. Судьба Италіи, *не въ ней*. Это само по себѣ одно изъ невыносимѣйшихъ оскорбленій; оно такъ грубо напоминаетъ недавній плѣнъ и чувство собственной несостоятельности и слабости, которое начало было стираться.

И только *двадцать лѣтъ*!

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ концѣ декабря, я въ Римѣ оканчивалъ первую статью „Съ того берега“ и *изнѣнилъ* ей, увлеченный сорокъ восьмымъ годомъ. Я былъ тогда въ полной силѣ развитія и съ жадностью слѣдилъ за развертывающимися событіями. Въ моей жизни не было еще ни одного несчастія, которое оставило бы сильный, ноющій рубецъ, ни одного упрека совѣсти внутри, ни одного оскорбительнаго слова снаружи. Я несся, слегка ударяя въ волны, съ безумнымъ легкомысліемъ, съ безграничной самонадѣянностью, на всѣхъ парусахъ. И всѣ ихъ одни за одними пришлось подвязать!. . . . . .

. . . . . .

Во время перваго ареста Гарибальди, я былъ въ Парижѣ. Французы не вѣрили въ вторженіе ихъ войскъ. Мнѣ случалось встрѣчаться съ людьми разныхъ слоевъ общества. Заклятые ретрограды и клерикалы желали вмѣшательства, кричали о немъ, но сомнѣвались. На желѣзной дорогѣ, одинъ извѣстный французскій ученый, прощаясь со мной, говорилъ мнѣ: „У васъ, мой милый, сѣверный Гамлетъ, такъ фантазія настроена, вы види-

те одно черное, оттого вамъ и не очевидна невозможность войны съ Италіей; правительство слишкомъ хорошо знаетъ, что война за Папу поставитъ противъ него все мыслящее, вѣдь все же мы Франція 1789 года". Первая новость, которую я не прочелъ, а *увидѣлъ* — былъ флотъ, отправлявшійся изъ Тулона въ Чивиту. „Это военная прогулка", говорилъ мнѣ другой французъ. „On ne viendra jamais aux mains, да и не нужно намъ мараться въ итальянской крови".

Оказалось *нужнымъ*. Нѣсколько юношей изъ „Лаціума" протестовали, ихъ посадили на съѣзжую, со стороны Франціи тѣмъ и кончилось.

Удивленная, окровавленная Италія, благодаря нерѣшительности короля, шулерству министерства, дѣлала всѣ уступки. Но разсвирѣпѣлаго француза, упивающагося всякой побѣдой, нельзя было остановить — къ крови, къ дѣлу ему надобно было прибавить крѣпкое *слово*.

И на этомъ крѣпкомъ словѣ, покрытомъ рукоплесканіями имперіи, подали руку ея злѣйшіе враги: легитимисты, въ видѣ стараго стряпчаго бурбоновъ — Берье и орлеанисты — въ видѣ стараго Фигаро временъ Людовика-Филиппа—Тьера.

Я считаю *слово* Руэра историческимъ откровеніемъ. Кто послѣ этого не понялъ Франціи, тотъ слѣпорожденный.

Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!

А вы, Маццини, Гарибальди, послѣдніе угодники божіи, послѣдніе Могикане, сложите ваше руки, успокойтесь. Теперь васъ не нужно. Вы свое сдѣлали. Теперь дайте мѣсто безумію, бѣшенству крови, которыми или Европа себя убьетъ, или реакція. Ну что же вы сдѣлаете съ вашими ста республиканцами и вашими во-

лонтерами, съ двумя-тремя ящиками контрабандныхъ ружей? Теперь милліонъ отсюда, милліонъ оттуда, съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдутъ озера крови, моря крови, горы труповъ... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри.

А! господа консерваторы, вы не хотѣли даже и такой блѣдной республики какъ Февральская, не хотѣли подслащенной демократіи, которую вамъ подносилъ кондитеръ Ламартинъ. Вы не хотѣли ни Мацциии стоика, ни Гарибальди героя. Вы хотѣли *порядка*.

Будетъ вамъ за то война, семилѣтняя, тридцатилѣтняя...

Вы боялись соціальныхъ реформъ, вотъ вамъ Феніане съ бочкой пороха и зажженнымъ фителемъ.

Кто въ дуракахъ?

Генуя, 31 Декабря 1867 года.

IV.

ЛОНДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА.*)

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Отрывокъ этотъ идетъ *за* описаніемъ „горныхъ вершинъ" эмиграціи—отъ ихъ вѣчно красныхъ утесовъ до низменныхъ болотъ и „сѣрныхъ копей".**) Я прошу читателя не забывать, что въ этой главѣ мы опускаемся съ нимъ ниже уровня моря и занимаемся исключительно илистымъ дномъ его, такъ какъ оно было послѣ февральскаго шквала.

*) Изъ V тома „*Былое и Думы*".

**) Die Schwefelbande.

Почти все описанное здѣсь измѣнилось, исчезло; политическіе поддонки пятидесятыхъ годовъ занесло новыми песками и новыми грязями. Истощился, притихъ, вымеръ этотъ низменный міръ волненій и гоненій, отстой его успокоился и занялъ свое мѣсто въ слойкѣ. Оставшіяся личности становятся рѣдкостью и я ужъ люблю съ ними встрѣчаться.

Печально уродливы, печально смѣшны нѣкоторые изъ образовъ, которые я хочу вывести, но они всѣ писаны съ натуры—безслѣдно исчезнуть и они не должны.

ГЛАВА VI.

Простыя несчастья и несчастья политическія. — Учители и комиссіонеры. — Ходебщики и хожалые. — Ораторы и эпистолаторы. — Ничего не дѣлающіе фактотумы и вѣчно занятые трутни. — Русскіе. — Воры. — Шпіоны.

(Писано въ 1856 — 1857).

... Отъ *сѣрной шайки*, какъ сами нѣмцы называютъ Марксидовъ, естественно и не далеко перейти къ послѣднимъ поддонкамъ, къ мутной гущѣ, которая осѣдаетъ, отъ континентальныхъ толчковъ и потрясеній — на британскихъ берегахъ и пуще всего въ Лондонѣ.

Можно себѣ представить, сколько противуположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка и оставляютъ въ Англіи приливы и отливы революцій и реакцій, истощающихъ какъ перемѣжающаяся лихорадка европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей низвергаются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну. Каковъ долженъ быть хаосъ понятій, воззрѣній у этихъ образцовъ всѣхъ нравственныхъ формацій и реформацій, всѣхъ проте-

стовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ отчаяній, всѣхъ надеждъ, встрѣчающихся въ закоулкахъ, харчевняхъ и питейныхъ домахъ Лестер-Сквера и его *проселочныхъ* переулковъ. „Тамъ гдѣ, по выраженію Теймса, обитаетъ жалкое населеніе чужеземцевъ, носящихъ шляпы, какихъ никто не носитъ и волосы тамъ, гдѣ ихъ не надобно, населеніе несчастное, убогое, загнанное, и котораго трепещутъ всѣ сильные монархи Европы. кромѣ Англійской Королевы". Да, тамъ дѣйствительно по public hous'амъ и харчевнямъ сидятъ эти чужіе, эти гости, за джиномъ съ горячей водой, съ холодной водой и совсѣмъ безъ воды, горькимъ портеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше не способны, и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получатъ.

Какихъ оригиналовъ, какихъ чудаковъ я не наглядѣлся между ними! Тутъ рядомъ съ комунистомъ стараго толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства — старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино или Донъ-Хуану, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ рядомъ съ венгерцемъ, разсказывающимъ, какъ онъ съ пятью гонведами опрокинулъ эскадронъ австрійской кавалеріи и застегивающій венгерку до самаго горла, чтобы имѣть еще больше военный видъ, венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому, нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искуствъ изъ насущнаго пива, атеистъ, космополитъ, презирающій всѣ націи, кромѣ Куръ-Гессена или Гессенъ-Касселя, смотря потому, въ которомъ изъ Гессеновъ родился; полякъ, прежняго покроя католически любящій независимость и италья-

нецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму.

Возлѣ эмигрантовъ революціонеревъ, эмигранты *консерваторы*. Какой нибудь негоціантъ или нотаріусъ, sans adieux удалившійся отъ родины, кредиторовъ и довѣрителей, считающій себя тоже *несправедливо гонимымъ* — какой нибудь *честный* банкрутъ, увѣренный, что онъ скоро очистится, пріобрѣтетъ кредитъ и капиталъ, такъ какъ его сосѣдъ справа достовѣрно знаетъ, что на дняхъ, а rouge будетъ провозглашена лично самой „Марьяной“ — а сосѣдъ слѣва, что Орлеанская фамилія укладывается въ Клермонѣ и принцессы шьютъ отличныя платья для торжественнаго въѣзда въ Парижъ.

Къ *консервативной* средѣ „виноватыхъ, но не осужденныхъ окончательно *за отсутствіемъ* подсудимаго“, принадлежатъ и больше радикальныя лица, чѣмъ банкруты и нотаріусы съ горячимъ воображеніемъ; — это люди, имѣвшіе на родинѣ *большія несчастія* и желающіе всѣми силами выдать *свои простыя несчастія* за несчастія *политическія*. Эта особая номенклатурв требуетъ поясненія.

Одинъ нашъ пріятель явился шутя въ агентство сватовства. Съ него взяли десять франковъ и принялись распрашивать, какую ему нужно невѣсту, въ сколько приданаго, бѣлокурую или смуглую, и пр., за тѣмъ записывавшій гладенькій старичекъ, оговорившись и извиняясь, сталъ спрашивать о его происхожденіи, очень обрадовался, узнавъ, что оно дворянское, потомъ усугубивъ извиненія, спросилъ его, замѣтивъ притомъ, что молчаніе гроба ихъ законъ и сила.

— Не имѣли ли вы *несчастій?*

— Я полякъ и въ изгнаніи, т. е. безъ родины, безъ правъ, безъ состоянія.

— Послѣднее плохо, но позвольте, по какой причинѣ оставили вы вашу belle patrie?

— По причинѣ послѣдняго возстанія (дѣло было въ 1848 году).

— Это ничего не значитъ, *политическія несчастія мы не считаемъ*, оно скорѣе выгодно, c'est une attraction. Но позвольте, вы меня завѣряете, что у васъ не было *другихъ несчастій?*

— Мало ли было, ну отецъ съ матерью у меня умерли.

— О, нѣтъ, нѣтъ...

— Что же вы разумѣете подъ словомъ *другаго несчастія?*

— Видите, еслибъ вы оставили ваше прекрасное отечество по *частнымъ* причинамъ, а не по политическимъ. Иногда въ молодости, неосторожность, дурные примѣры, искушеніе большихъ городовъ, знаете эдакъ... необдуманно данный вексель, не совершенно правильная растрата непринадлежащей суммы, подпись, какъ нибудь...

— Понимаю, понимаю, сказалъ, расхохотавшись, X; нѣтъ, увѣряю васъ, я не былъ судимъ ни за кражу, ни за подлогъ.

... Въ 1855 году одинъ французъ exilé de sa patrie ходилъ по товарищамъ несчастія съ предложеніемъ помочь ему въ изданіи его поэмы, въ родѣ Бальзаковой „Comedie du diable," писанной стихами и прозой, съ новой орѳографіей и вновь изобрѣтеннымъ синтаксисомъ. Тутъ были дѣйствующими лицами Людовикъ-Филиппъ, Іисусъ Христосъ, Робеспьеръ, Маршалъ Бюжо и самъ богъ.

Между прочимъ явился онъ съ той же просьбой къ Ш.*), честнѣйшему и чопорнѣйшему изъ смертныхъ.

*) Шекспиръ.

— Вы давно ли въ эмиграціи? спросилъ его защитникъ черныхъ.

— Съ 1847 года.

— Съ 1847 года? и вы пріѣхали сюда?

— Изъ Бреста, изъ каторжной работы.

— Какое же это было дѣло? Я совсѣмъ не помню.

— О, какъ же, тогда это дѣло было очень извѣстно! Конечно, это дѣло больше частное.

— Однакожъ?... спросилъ нѣсколько обезпокоенный Ш.

— Ah bas, si vous y tenez, я по своему протестовалъ противъ права собственности, j'ai protesté à ma manière.

— И вы... вы были въ Брестѣ?

— Parbleu, oui, семь лѣтъ каторжной работы *за воровство со взломомъ* (vol avec effraction).

И Ш. голосомъ цѣломудренной Сусанны, гнавшей нескромныхъ стариковъ, просилъ самобытнаго протестанта выйти вонъ.

Люди, которыхъ несчастія по счастію были *общія* и протесты коллективные, оставленные нами въ закопченныхъ public haus'ахъ и черныхъ тавернахъ, за некрашенными столами съ джинъ-уатеромъ и портеромъ, настрадались вдоволь и, что всего больнѣе, не зная совсѣмъ, за что.

Время шло съ ужасной медленностью, но шло; революціи нигдѣ не было въ виду, кромѣ въ ихъ воображеніи, а нужда дѣйствительная, безпощадная подкашивала все ближе и ближе подножный кормъ, и вся эта масса людей, большею частью хорошихъ, голодала больше и больше. Привычки у нихъ не было къ работѣ; умъ, обращенный на политическую арену, не могъ сосредоточиться на дѣлѣ. Они хватались за все, но съ

озлобленіемъ, съ досадой, съ нетерпѣніемъ, безъ выдержки, и все падало у нихъ изъ рукъ. Тѣ, у которыхъ была сила и мужество труда, тѣ незамѣтно выдѣлялись и выплывали изъ тины, а остальные?

И какая бездна была этихъ остальныхъ! Съ тѣхъ поръ многихъ унесла французская амнистія и амнистія смерти, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ я засталъ еще the great tide.

Нѣмецкіе изгнанники, особенно не работники, много бѣдствовали, не меньше французовъ. Удачъ имъ было мало. Доктора медицины, хорошо учившіеся и, во всякомъ случаѣ, во сто разъ лучше знавшіе дѣло, чѣмъ англійскіе цирульники, называемые surgeon, не могли пробиться до самой скудной практики. Живописцы, ваятели, съ чистыми и платоническими мечтами объ искусствѣ и священнодѣйственномъ служеніи ему, но безъ производительнаго таланта, безъ ожесточенія, настойчивости работы, безъ мѣткаго чутья, гибли въ толпѣ соревнующихъ соперниковъ. Въ простой жизни своего маленькаго городка, на дешевомъ нѣмецкомъ корму, они могли бы прожить мирно и долго, сохраняя свое дѣвственное поклоненіе идеаламъ и вѣру въ свое жреческое призваніе. Тамъ они остались бы и умерли въ подозрѣніи таланта. Вырванные французской бурей изъ родныхъ палисадниковъ, они потерялись въ Бѣловежской пущи лондонской жизни.

Въ Лондонѣ, чтобъ не быть затертымъ, задавленнымъ, надобно работать много, рѣзко, сейчасъ и что попало, что потребовали. Надобно остановить разсѣянное вниманіе ко всему приглядѣвшейся толпы силой, наглостью, множествомъ, всякой всячиной. Орнаменты, узоры для шитья, арабески, модели, снимки, слѣпки, портреты, рамки, акварели, кронштейны, цвѣты, лишь

бы скорѣе, лишь бы кстати и въ большомъ количествѣ. Жюльенъ, le grand Julien, *черезъ сутки* послѣ полученія вѣсти объ индійской побѣдѣ Гевлока написалъ концертъ съ крикомъ африканскихъ птицъ и топотомъ слоновъ, съ индійскими напѣвами и пушечной пальбой, такъ что Лондонъ разомъ читалъ въ газетахъ и слушалъ въ концертѣ реляцію. За этотъ концертъ онъ выручилъ громадныя суммы, повторяя его мѣсяцъ. А зарейнскіе мечтатели падали середь дороги на этой безчеловѣчной скачкѣ за деньгами и успѣхами, изнеможенные, съ отчаяніемъ складывали они руки или, хуже, подымали ихъ на себя, чтобы окончить неровный и оскорбительный бой.

Кстати къ концертамъ, музыкантамъ изъ нѣмцевъ вообще было легче; количество ихъ, потребляемое ежедневно Лондономъ съ его субурбами, колоссально. Театры и частные уроки, скромные балы у мѣщанъ и нескромные въ Argyl румѣ, въ Креморнѣ, въ Casino, cafés chantants съ танцами, cafés chantants съ трико въ античныхъ позахъ, Her Majesty's Ковентъ Гарденъ, Эксетеръ Галь, Кристаль Паласъ, С. Джемсъ на верху и углы всѣхъ большихъ улицъ внизу занимаютъ и содержатъ цѣлое народонаселеніе двухъ-трехъ нѣмецкихъ герцогствъ. Мечтай себѣ о музыкѣ будущаго и о Россини, колѣнопреклоненномъ передъ Вагнеромъ, читай себѣ дома à livre ouvert, безъ инструмента, Тангейсера и исполняй, за штатскимъ тамбурмажоромъ и гаеромъ съ слоновой палкой, часа четыре къ ряду какую нибудь Mary Ann польку или Flower and butterfly's redova, и дадутъ бѣдняку отъ двухъ до четырехъ съ половиной шиллинговъ за вечеръ, и пойдетъ онъ въ темную ночь по дождю въ полпивную, въ которую преимущественно ходятъ нѣмцы, и застанетъ тамъ моихъ быв-

шихъ друзей Краута и Миллера: Краута, шестой годъ работающаго надъ бюстомъ, который становится все хуже; Миллера, двадцать шестой годъ дописывающаго трагедію „Эрикъ," которую онъ мнѣ читалъ десять лѣтъ тому назадъ, пять лѣтъ тому назадъ и теперь бы еще читалъ, еслибъ мы не поссорились съ нимъ.

А поссорились мы съ нимъ за генерала Урбана, но объ этомъ въ другой разъ...

... И чего не дѣлали нѣмцы, чтобъ заслужить благосклонное вниманіе англичанъ; все безуспѣшно.

Люди, всю жизнь курившіе во всѣхъ углахъ своего жилья, за обѣдомъ и чаемъ, въ постели и за работой, не курятъ въ Лондонѣ, въ своемъ закопченномъ, продымленномъ отъ угля drawing room'ѣ и не дозволяютъ курить гостю. Люди, всю жизнь ходившіе въ биркнейны своей родины выпить „шопъ," поспѣтъ тамъ за трубкой въ хорошемъ обществѣ, идутъ, не глядя, мимо public hous'овъ и посылаютъ туда за пивомъ горничную съ кружкой или молочникомъ.

Мнѣ случилось въ присутствіи одного нѣмецкаго выходца отправлять къ англичанкѣ письмо. „Что вы дѣлаете?" вскрикнулъ онъ въ какомъ-то азартѣ; я вздрогнулъ и невольно бросилъ пакетъ, полагая, по крайней мѣрѣ, что въ немъ скорпіонъ; „въ Англіи, сказалъ онъ, письмо складываютъ вообще *втрое, а не вчетверо*, а вы еще пишете къ дамѣ, и къ какой!"

Сначала моего пріѣзда въ Лондонъ, я пошелъ отыскивать одного знакомаго нѣмецкаго доктора. Я не засталъ его дома и написалъ на бумагѣ, лежавшей на бумагѣ что-то въ родѣ: Cher docteur, я въ Лондонѣ и очень желалъ бы васъ видѣть, не придете ли вечеромъ въ такую-то таверну выпить по старому бутылку вина и потолковать о всякой всячинѣ. Докторъ

не пришелъ, а на другой день я получилъ отъ него записку въ такомъ родѣ: Monsieur H. мнѣ очень жаль, что я не могъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, мои занятія не оставляютъ мнѣ столько свободнаго времени. Постараюсь, впрочемъ, на дняхъ посѣтить васъ и пр. — „А что? У доктора, видно, практика того? спросилъ я освободителя Германіи, которому былъ обязанъ знаніемъ, что англичане письма складываютъ втрое. „Никакой нѣтъ, der Kerl hat Pech gehabt in London, es geht ihm zu ominös.“ „Такъ что же онъ дѣлаетъ?“ и я передалъ ему записку. Онъ улыбнулся, однако замѣтилъ, что и мнѣ врядъ слѣдовало ли оставлять на столѣ доктора медицины открытую записку, въ которой я его приглашаю выпить бутылку вина; „да и зачѣмъ же въ такой тавернѣ, гдѣ всегда народъ, здѣсь пьютъ дома.“ — „Жаль, замѣтилъ я, наука всегда приходитъ поздно, теперь я знаю какъ доктора звать и куда, но навѣрно не позову.“

Затѣмъ воротимся къ нашимъ чающимъ движенія народнаго, присылки денегъ отъ родныхъ и работы безъ труда.

Неработнику начать работу не такъ легко, какъ кажется, многіе думаютъ, пришла нужда, есть работа, есть молотъ и долотъ и работникъ готовъ. Работа требуетъ не только своего рода воспитанія, навыка, но и самоотверженія. Изгнанники большей частью изъ мелкой литературной и „паркетной“ среды, журнальные поденщики, начинавшіе адвокаты; отъ своего труда въ Англіи они жить не могли, другой имъ былъ дикъ; да и не стопло начинать его, они все прислушивались, не раздастся ли набатъ; прошло десять лѣтъ, прошло пятнадцать лѣтъ, нѣтъ набата.

Въ отчаяніи, въ досадѣ, безъ платья, безъ обезпече-

нія на завтрашній день, окруженные возрастающими семьями, они бросаются, закрывъ глаза, на аферы, выдумываютъ спекуляціи. Аферы не удаются, спекуляціи лопаютъ, и потому что они выдумываютъ вздоръ, и потому что они вносятъ вмѣсто капитала какую-то безпомощную неловкость въ дѣлѣ, чрезвычайную раздражительность, неумѣнье найтиться въ самомъ простомъ положеніи и опять таки неспособность къ выдержанному труду и усѣянному терніями началу. При неудачѣ они утѣшаются недостаткомъ денегъ: „Будь сто-двѣсти фунтовъ и все пошло бы какъ по маслу!“ Дѣйствительно, недостатокъ капитала мѣшаетъ, но это общая судьба работниковъ. Чего и чего не выдумывалось, отъ общества на акціяхъ для выписыванія изъ Гавра куриныхъ яицъ до изобрѣтенія особыхъ чернилъ для фабричныхъ марокъ и какихъ-то эссенцій, которыми можно было превращать скверныйшія водки въ превосходнѣйшіе ликеры. Но пока собирались товарищества и капиталы на всѣ эти чудеса, надобно было ѣсть и нѣсколько прикрываться отъ сѣверо-восточнаго вѣтра и отъ застѣнчивыхъ взоровъ дщерей Альбіона.

Для этого предпринимались два палліативныя средства: одно очень скучное и очень невыгодное, другое также невыгодное, но съ большими развлеченіями. Люди мирные, съ Sitzfleisch'емъ, принимались за уроки, не смотря на то, что они не только прежде не давали уроковъ, да и сомнительно, чтобъ когда нибудь ихъ брали. Конкуренція страшно понизила цѣны.

Вотъ образчикъ объявленій одного семидесятилѣтняго старика, который, мнѣ кажется, принадлежалъ скорѣе къ числу *самобытныхъ протестантовъ*, чѣмъ коллективныхъ.

MONSIEUR N. N.
TEACHES THE FRENCH LANGUAGE
ON A NEW AND EASY SYSTEM OF RAPID PROFICIENCY,
HAS ATTENDED MEMBERS OF THE BRITISH PARLIAMENT AND MANY OTHER
PERSONS OF RESPECTABILITY, AS VOUCHERS CERTIFY,
TRANSLATES AND INTERPRETS THAT UNIVERSAL CONTINENTAL
LANGUAGE, AND ENGLISH,
IN A MASTERLY MANNER.

TERMS MODERATE:
Namely, Three Lessons per Week for Six Shillings.

Давать уроки у англичанъ не составляетъ особеннаго удовольствія; кому англичанинъ платитъ, съ тѣмъ онъ не церемонится.

Одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей получаетъ письмо отъ какого-то англичанина, предлагающаго ему давать уроки французскаго языка его дочери. Онъ отправился къ нему въ назначенное время для переговора. Отецъ спалъ послѣ обѣда, его встрѣтила дочь и довольно учтиво, потомъ вышелъ старикъ, осмотрѣлъ съ головы до ногъ Б. и спросилъ: „Vous etre le french teacher?“ Б. подтвердилъ. „Vous pas convenir á moa.“ При этомъ британскій оселъ указалъ на усы и бороду. — „Чтоже вы ему не дали тумака?“ спрашивалъ я Б. —„Я право думалъ объ этомъ, но когда быкъ поворотился, дочь со слезами на глазахъ молча просила у меня прощенья.

Другое средство проще и не такъ скучно; оно состоитъ въ судорожномъ и артистическомъ коммиссіонерствѣ, въ предложеніи разныхъ разностей безъ вниманія на запросъ. Французы по большей части *работами* въ винахъ и водкахъ. Одинъ легистъ предлагалъ своимъ знакомымъ и *корреспондентамъ* коньякъ, доста-

вшійся ему чрезвычайнымъ образомъ, по связямъ, о которыхъ въ теперешнемъ положеніи Франціи онъ не могъ и не долженъ былъ разсказывать, и притомъ черезъ капитана корабля, котораго компрометировать было бы calamité publique. Коньякъ былъ такъ себѣ и стоилъ шесть пенсовъ дороже чѣмъ въ лавкѣ. Легистъ привыкнувшій „пледировать“ съ декламаціей, прибавлялъ къ насилію оскорбленіе: онъ бралъ рюмку двумя пальцами за донышко, описывалъ ею медленные круги, плескалъ нѣсколько капель, нюхалъ ихъ на воздухѣ и всякій разъ былъ изумленъ замѣчательно превосходнымъ запахомъ коньяка.

Другой товарищъ изгнанія, нѣкогда провинціальный профессоръ словесности, увлекалъ виномъ. Вино онъ получалъ *прямо* изъ Котъ д'Ора, Бургоньи, отъ прежнихъ учениковъ и съ необыкновеннымъ выборомъ.

„Гражданинъ, писалъ онъ ко мнѣ, спросите ваше братское сердце (votre cœur fraternel) и оно вамъ скажетъ, что вы должны мнѣ уступить пріятное преимущество снабжать васъ французскимъ виномъ. И тутъ сердце ваше будетъ за одно со вкусомъ и экономіей. Употребляя превосходное вино, по самой дешевой цѣнѣ, вы будете имѣть наслажденіе въ мысли, что, покупая его, вы облегчаете судьбу чаловѣка, который дѣлу родины и свободы пожертвовалъ все.

Salut et fraternité!

P. S. Я взялъ на себя смѣлость вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ нѣсколько пробъ.

Образчики эти были въ полубутылкахъ, на которыхъ онъ собственноручно надписывалъ не только имя вина, но и разныя обстоятельства изъ его біографіи: Chambertin (Gr. vin et très-rare!). Côte rotie (Comète). Pomard (1823!). Nuits (provision Aguado!)...

Недѣли черезъ двѣ-три профессоръ словесности снова присылалъ образчики. Обыкновенно черезъ день или два послѣ присылки, онъ являлся самъ и сидѣлъ часъ, два, три, до тѣхъ поръ, пока я оставлялъ почти всѣ пробы и платилъ за нихъ. Такъ какъ онъ былъ неумолимъ и это повторялось нѣсколько разъ, то впослѣдствіи, только что онъ отворялъ дверь, я хвалилъ часть образчиковъ, отдавалъ деньги и остальное вино. „Я не хочу, гражданинъ, у васъ красть ваше драгоцѣнное время," говорилъ онъ мнѣ и освобождалъ меня недѣли на двѣ отъ кислаго бургонскаго, рожденнаго подъ кометой и прянаго Котъ роти изъ подваловъ Aguado.

Нѣмцы, венгерцы работали въ другихъ отрасляхъ.

Какъ-то въ Ричмондѣ я лежалъ въ одномъ изъ страшныхъ припадковъ головной боли. Взошелъ Франсуа съ визитной карточкой, говоря, что какой-то господинъ имѣетъ крайность меня видѣть, что онъ венгерецъ, adjutante del generale (*всѣ* венгерцы-изгнанники, не имѣющіе никакого занятія, никакой честной профессіи, называли себя *адъютантами Кошута*). Я взглянулъ на карточку—совершенно незнакомая фамилія, украшенная капитанскимъ чиномъ.

— Зачѣмъ вы его пустили? сколько тысячъ разъ я вамъ говорилъ?

— Онъ приходитъ сегодня въ третій разъ.

— Ну, зовите въ залу. Я вышелъ разъяреннымъ львомъ, вооружившись стклянкой распалевой седативной воды.

— Позвольте рекомендоваться, капитанъ такой-то. Я долгое время находился у русскихъ въ плѣну, у Ридигера послѣ Вилагоша. Съ нами русскіе превосходно обращались. Я былъ особенно обласканъ генераломъ

Глазенапъ и полковникомъ... какъ бишь его... русскія фамиліи очень мудрены... *ичъ... ичъ...*

— Пожалуйста не безпокойтесь, я ни одного полковника не знаю... Очень радъ, что вамъ было хорошо. Не угодно ли сѣсть.

— Очень, очень хорошо... мы съ офицерами всякій день эдакъ, штосъ, банкъ... прекрасные люди и австрійцевъ терпѣть не могутъ. Я даже помню нѣсколько словъ по русски: „глѣба", „шевердакъ" — une pièce de 25 sous.

— Позвольте васъ спросить, что мнѣ доставляетъ...

— Вы меня должны извинить, *баронъ*... я гулялъ въ Ричмондѣ... прекрасная погода, жаль только, что дождь идетъ... я столько наслышался объ васъ отъ *самаго старика* и отъ графа Сандора — Сандора Телеки, также отъ графини Терезы Пульской... Какая женщина графиня Тереза!

— И говорить нечего, hors ligne.—Молчаніе.

— Да-съ, и Сандоръ... мы съ нимъ вмѣстѣ были въ гонведахъ... Я, собственно, желалъ бы показать вамъ... — и онъ вытащилъ откуда-то изъ за стула портфель, развязалъ его и вынулъ портреты безрукаго Раглана, отвратительную рожу С. Арно, Омеръ-Паши въ фескѣ. — Сходство, баронъ, удивительное. Я самъ былъ въ Турціи, въ Кутаисѣ, въ 1849 году, прибавилъ онъ, какъ будто въ удостовѣреніе сходства, не смотря на то, что въ 1849 году ни Раглана, ни С. Арно тамъ не было.—Вы прежде видѣли эту коллекцію?

— Какъ не видать, отвѣчаю я, смачивая голову распалевой водой. — Эти портреты вывѣшены вездѣ, на Чипсайдѣ, по Странду, въ Вестъ-Эндѣ.

— Да-съ, вы правы, но у меня вся коллекція, и тѣ не на китайской бумагѣ. Въ лавкахъ вы заплатите ги-

нею, а я могу вамъ уступить за пятнадцать шиллинговъ.

— Я, право, очень благодаренъ, но скажите, капитанъ, на что же мнѣ портреты С. Арно и всей этой сволочи?

— Баронъ, я буду откровененъ, я солдатъ, а не метерниховскій дипломатъ. Потерявъ мои владѣнія близъ Темешвара, я нахожусь во временно стѣсненномъ положеніи, а потому беру на коммиссію артистическія вещи (а также сигары, гаванскія сигары и турецкій табакъ — ужъ въ немъ-то русскіе и мы знаемъ толкъ!), это доставляетъ мнѣ скудную копѣйку, на которую я покупаю „горькій хлѣбъ изгнанья“, wie der Schiller sagt.

— Капитанъ, будьте вполнѣ откровенны и скажите, что вамъ придется съ каждой тетради? спрашиваю я, (хотя и сомнѣваюсь, что Шиллеръ сказалъ этотъ дантовскій стихъ).

— Полкроны.

— Позвольте намъ вотъ какъ покончить дѣло: я вамъ предложу *цѣлую крону*, но съ тѣмъ, чтобъ не покупать портретовъ.

— Право, баронъ, мнѣ совѣстно, но мое положеніе... впрочемъ, вы все знаете, чувствуете... я васъ такъ давно привыкъ уважать... графиня Пульская и графъ Сандоръ... Сандоръ Телеки.

— Вы меня извините, капитанъ, я едва сижу отъ головной боли.

— У нашего губернатора (т. е. у Кошута), у старика тоже часто болитъ голова, замѣчаетъ мнѣ гонведъ, какъ бы въ ободреніе и утѣшеніе, потомъ на скоро завязываетъ портфель и беретъ вмѣстѣ съ удивительно похожими портретами Раглана и К-іи довольно сходное изображеніе королевы Викторіи на монетѣ.

Между этими *ходебщиками*, эмиграціи предлагающими выгодныя покупки и эмигрантами, останавливающими всѣхъ небрѣющихъ бороду на улицахъ и скверахъ, требуя *десятый годъ* недостающихъ двухъ шиллинговъ, для отъѣзда въ Америку, и шести пенсовъ, для покупки гробика ребенку, умершему отъ скарлатины—находятся эмигранты, пишущіе письма, иногда пользуясь знакомствомъ, иногда пользуясь незнакомствомъ, о всякаго рода чрезвычайныхъ нуждахъ и единовременныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, часто представляя въ дальней перспективѣ обогащеніе, и всегда съ оригинальнымъ эпистолярнымъ искуствомъ.

Такихъ писемъ у меня тетрадь, сообщу два-три особенно характеристическихъ.

„Herr Graf! Я былъ австрійскимъ лейтенантомъ, но дрался за свободу мадьяровъ, долженъ былъ бѣжать и совершенно обносился. Если у васъ найдутся поношенные панталоны—вы непзрѣченно меня обяжете.

P. S. Завтра въ 9 часовъ я навѣдаюсь у вашего *курьера*".

Это родъ наивный, но есть письма классическія по языку и лапидарности, напр:.

„Domine, ego sum Gallus, ex patria mea profugus pro causa libertatis populi. Nihil habeo ad manducandum, si aliquod per me facere potes gaudeo gaudebit cor meum.

Mercuris dies 1859".

Другія письма, не имѣя ни лаконизма, ни античной формы, отличаются особеннымъ счетоводствомъ:

„Гражданинъ, вы были такъ добры, что прислали мнѣ прошлаго февраля (вы можетъ не помните, но *я* помню) *три* ливра. Давно хотѣлъ я вамъ ихъ отдать, но не получалъ вовсе денегъ отъ родныхъ; на дняхъ я получу довольно значительную сумму. Еслибъ мнѣ не

было совѣстно, я бы попросилъ васъ прислать еще два ливра и отдалъ бы вамъ *круглымъ щетомъ пять* ливровъ".

Я предпочелъ остаться при трехугольномъ. Охотникъ до круглыхъ счетовъ началъ поговаривать. что я въ связяхъ съ русскимъ посольствомъ.

Затѣмъ идутъ письма дѣловыя и письма ораторскія, и тѣ и другія очень много теряютъ въ русскомъ переводѣ.

Mon cher Monsieur! Вы *вѣрно* знаете мое открытіе, оно доставило бы нашему вѣку честь, а мнѣ кусокъ хлѣба. И открытіе это останется неизвѣстнымъ, оттого что у меня нѣтъ кредита на какихъ нибудь 200 фунтовъ, и вмѣсто того, чтобъ заниматься моимъ дѣломъ, мнѣ приходится за вздорную плату courir le cachet. Всякій разъ, когда мнѣ представляется работа продолжительная и выгодная, насмѣшливая судьба дуетъ на нее (*я перевожу слово въ слово*), она летитъ прочь — я за ней, настойчивая дерзость ея беретъ верхъ (son opiniâtre insolence bafoue mes projets) вновь стегаетъ мои надежды и я бѣгу туда— туда. Бѣгу и теперь. Поймаю ли? Почти увѣренъ,--если вы, имѣя довѣріе къ моему таланту, захотите пустить въ волны ваше довѣріе съ моими надеждами, по капризному вѣтру моей судьбы (embarquer votre confiance en compagnie de mon esprit et la livrer au souffle peu aventureux de mon destin). Далѣе объясняется, что 80 фунт. есть въ виду, даже 85; остальные 115 изобрѣтатель ищетъ занять, обѣщая 13, almeno 11 процентовъ въ случаѣ удачи. „Можно ли лучше, вѣрнѣе помѣстить капиталъ въ наше время, когда фонды всего міра колеблются и государства такъ не твердо стоятъ, опираясь на штыки нашихъ враговъ?"

Я ста пятнадцати не даю. Изобрѣтатель начинаетъ соглашаться, что въ моемъ поведеніи не все ясно, il y a du louche, и что не мѣшаетъ со мною быть осторожнымъ.

Въ заключеніе, вотъ письмо чисто ораторское:

„Великодушный согражданинъ, будущей всемірной республики! Сколько разъ вы помогали мнѣ и вашъ знаменитый другъ Луи Бланъ, и опять таки я пишу къ вамъ и пишу къ гражданину Блану, чтобъ попросить нѣсколько шиллинговъ. Удручающее положеніе мое не улучшается вдали отъ Ларъ и Пенатъ, на негостепріимномъ островѣ эгоизма и корысти. Глубоко сказали вы въ одномъ изъ сочиненій вашихъ (я постоянно ихъ перечитываю). „что талантъ гаснетъ безъ денегъ, какъ лампа безъ масла“ и пр.

Само собой разумѣется, что я этой пошлости никогда не писалъ и что согражданинъ по будущей республикѣ, future et universelle, ни разу не развертывалъ моихъ сочиненій.

За ораторами на письмѣ идутъ ораторы на словахъ, „дѣлающіе тротуаръ и переулокъ“. Большею частію они только прикидываются изгнанниками, а въ сущности — спившіеся съ круга не англійскіе мастеровые или люди, имѣвшіе дома *несчастія*. Пользуясь необъятной величиной Лондона, они продѣлываютъ одну часть за другой и потомъ снова возвращаются на Via sacra, т. е. на Реженть стритъ съ Геймаркетомъ и Лестеръ скверомъ.

Лѣтъ пять тому назадъ, молодой человѣкъ, довольно чисто одѣтый и съ сентиментальной наружностью, нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ въ сумеркахъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ: „Не можете ли вы мнѣ сказать гдѣ такая-то часть города?“ и онъ подавалъ какой-то адресъ верстъ

за десять отъ Вестъ-Энда, гдѣ нибудь въ Головеѣ, Гекнеѣ. Каждый, такъ какъ и я, принимался ему толковать. Его обдавалъ ужасъ. „Теперь 9 часовъ вечера, я еще не ѣлъ... когда же я приду? Ни гроша на омнибусъ... этого я не ждалъ. Не смѣю просить васъ, но еслибъ вы меня выручили .. мнѣ одного шиллинга за глаза довольно".

Я его встрѣчалъ еще раза два, наконецъ онъ исчезъ и я не безъ удовольствія его встрѣтилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя на старомъ мѣстѣ, съ измѣненной бородой и въ другой фуражкѣ. Съ чувствомъ приподымая ее, спросилъ онъ меня: „Вы вѣрно знаете по французски?" Знаю, отвѣчалъ я, да сверхъ того знаю, что у васъ есть адресъ, вамъ придется идти далеко, а время позднее, вы еще ничего не ѣли, на омнибусъ денегъ нѣтъ, вамъ нуженъ шиллингъ... но, на этотъ разъ, я вамъ дамъ сикспенсъ, потому что не вы мнѣ, а я вамъ разсказалъ все это".

— Что дѣлать, отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, безъ малѣйшей злобы, вѣдь вотъ вы опять не повѣрите, а я ѣду въ Америку, прибавьте на дорогу.

Я не выдержалъ и додалъ сикспенсъ.

Въ числѣ этихъ господъ были и русссіе: напр. бывшій кавказскій офицеръ, Стремоуховъ, проспившій на бѣдность въ Парижѣ еще въ 1847 году, разсказывая очень плавно исторію, какой-то дуэли, бѣгства и пр. и забирая, къ сильному озлобленію прислуги все на свѣтѣ: старыя платья и туфли, фуфайки лѣтомъ и зимой панталоны изъ парусины, дѣтскія платья, дамскія ненужности. Русскіе собрали для него денегъ и отправили въ Алжиръ въ иностранный легіонъ. Онъ выслужилъ пять лѣтъ, привезъ атестатъ и снова отправился изъ дома въ домъ, разсказывать о дуэли и побѣгѣ, приба-

вляя къ нимъ разныя арабскія похожденія. Стремоуховъ становился старъ и жаль его было и надоѣдалъ онъ страшно. Русскій священникъ при лондонской миссіи сдѣлалъ для него колекту, чтобъ отправить его въ Австралію. Ему дали въ Мельборнѣ рекомендацію и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проѣздъ. Стремоуховъ приходилъ къ намъ прощаться. Мы его совсѣмъ снарядили: я ему далъ теплое пальто, Г. рубашекъ и пр. Стремоуховъ прощаясь заплакалъ и сказалъ: „Какъ хотите, господа, а ѣхать въ такую даль не легкая вещь. Вдругъ разорваться со всѣми привычками, но это надобно...“ И онъ цѣловалъ насъ и благодарилъ съ горячностью.

Я думалъ, что Стремоуховъ давнымъ давно гдѣ нибудь на берегахъ Викторіи Риверъ, какъ вдругъ читаю въ Теймсѣ, что какой-то russian officer Stremoouchoff за буянство, драку въ кабакѣ, вслѣдствіе какихъ-то взаимныхъ обвиненій въ воровствѣ и пр., присуждается на три мѣсяца тюрьмы. Мѣсяца черезъ четыре послѣ этого, я шелъ по Оксфортъ стритъ, пошелъ сильный дождь, со мной не было зонтика, я подъ вороты. Въ то самое время какъ я остановился, какая-то длинная фигура, закрываясь дряхлымъ зонтикомъ, торопливо шмыгнула подъ другія вороты. Я узналъ Стремоухова.—„Какъ, вы воротились изъ Австраліи?“ спросилъ я его, прямо глядя ему въ глаза. — „Ахъ, это вы, а я и не призналъ васъ, отвѣчалъ онъ слабымъ и умирающимъ голосомъ — нѣтъ-съ, не изъ Австраліи, а изъ больницы, гдѣ пролежалъ мѣсяца три между жизнію и смертью... и не знаю, зачѣмъ выздоровѣлъ“.

— Въ какой же вы были больницѣ, въ S. Georges Hospital?

— Нѣтъ, не здѣсь, въ Соутамтонѣ.

— Какъ же вы это занемогли, и никому не дали знать? Да и какъ же вы не уѣхали?

— Опоздалъ на первый train, пріѣзжаю со вторымъ, пароходъ-съ ушелъ. Я постоялъ на берегу, постоялъ и чуть не бросился въ пучину морскую. Иду къ Reverend'у, къ которому нашъ батюшка меня рекомендовалъ, „Капитанъ, говоритъ, уѣхалъ, часу ждать не хотѣлъ".

— А деньги?

— Деньги онъ оставилъ у Revcreud'a.

— Вы разумѣется ихъ взяли?

— Взялъ-съ, но проку не вышло, во время болѣзни все утащили изъ подъ подушки, такой народъ! Если можете чѣмъ помочь?

— А вотъ здѣсь во время вашего отсутствія, какого то другаго Стремоухова запекли въ тюрьму и то-же на три мѣсяца, за драку съ курьеромъ. Вы не слыхали?

— Гдѣ же слышать между жизнію и смертію. Кажется дождь перестаетъ. Желаю счастливо оставаться.

— Берегитесь выходить въ сырую погоду, а то опять попадетесь въ больницу.

Послѣ Крымской войны нѣсколько плѣнныхъ матросовъ и солдатъ остались сами, не зная за чѣмъ, въ Лондонѣ. Люди большей частью пьяные, они спохватились поздно. Нѣкоторые изъ нихъ просили посольство заступиться за нихъ, исходатайствовать прощеніе, aber was macht es den dem Herrn Baron von Brunov!

Они представляли чрезвычайно печальное зрѣлище. Испитые, оборванные, они, то унижались, то съ дерзостью (довольно непріятною въ узкихъ улицахъ послѣ десяти часовъ вечера), требовали денегъ.

Въ 1853 г. бѣжало нѣсколько матросовъ съ военнаго корабля въ Портсмутѣ, часть ихъ была возвращена, въ силу нелѣпаго закона, подъ который подходятъ исклю-

чительно одни матросы. Нѣсколько человѣкъ спаслись и пришли пѣшкомъ изъ *Портмы* въ Лондонъ. Одинъ изъ нихъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ добрымъ и открытымъ лицемъ, былъ башмачникомъ, умѣлъ точать, какъ онъ называлъ, „шлиперы“. Я купилъ ему инструментъ и далъ денегъ, но работа не пошла.

Въ это время Гарибальди отплывалъ съ своимъ Common Wealth въ Геную, я попросилъ его взять съ собой молодаго человѣка. Гарибальди принялъ его съ жалованьемъ *фунта* въ мѣсяцъ и съ обѣщаніемъ, если будетъ хорошо себя вести, давать черезъ годъ два фунта. Матросъ разумѣется согласился, взялъ у Гарибальди два фунта впередъ и принесъ свои пожитки на корабль.

На другой день послѣ отъѣзда Гарибальди матросъ пришелъ ко мнѣ красный, заспаный, вспухнувшій.

„Что случилось? спрашиваю я его.

— Несчастіе, ваше благородіе, опоздалъ на корабль.

— Какъ опоздалъ?

Матросъ бросился на колѣни и неестественно хныкалъ. Дѣло было исправимо. Корабль пошелъ за углемъ въ Newcastle on Tyne. „Я тебя пошлю по желѣзной дорогѣ туда, сказалъ я ему, но если ты и на этотъ разъ опоздаешь, помни, что я ничего для тебя не сдѣлаю, хоть умри съ голоду. А такъ какъ дорога въ Newcastle стоитъ больше фунта, а я тебѣ не довѣрю шиллинга, то я пошлю за знакомымъ и ему поручу продержать тебя всю ночь и посадить въ вагонъ“.

— Всю жизнь буду молить Бога за в. в!

Знакомый, взявшійся за отправку, пришелъ ко мнѣ съ рапортомъ, что матроса выпроводилъ.

Представьте же мое удивленіе, когда дня черезъ три

матросъ явился съ какимъ-то полякомъ. „Что это значитъ?“ закричалъ я на него, въ самомъ дѣлѣ дрожа отъ бѣшенства. Но прежде чѣмъ матросъ открылъ ротъ, его товарищъ принялся его защищать на ломаномъ русскомъ языкѣ, окружая слова какой-то атмосферой табаку, водки и вина.

— Кто вы такой?

— Польскій *дворянинъ*.

— Въ Польшѣ всѣ дворяне. Почему вы пришли ко мнѣ съ этимъ мошенникомъ?

Дворянинъ расхорахорился. Я сухо замѣтилъ ему, что я съ нимъ не знакомъ и что его присутствіе въ моей комнатѣ до того странно, что я могу его велѣть вывести, позвавъ полисмена.

Я посмотрѣлъ на матроса. Въ три дня аристократическаго общества съ дворяниномъ его много воспитали. Онъ не плакалъ и пьяно дерзко смотрѣлъ на меня.

— Очено занемогъ в. б. Думалъ Богу душу отдать, полегчало когда машина ушла.

— Гдѣ же это тебя схватило?

— На самой т. е. желѣзной дорогѣ.

— Что-жъ не поѣхалъ съ слѣдующей машиной?

— Не въ домекъ-съ, да и такъ какъ языку не способенъ...

— Гдѣ билетъ?

— Да билета нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Уступилъ тутъ одному человѣчку.

— Ну, теперь ищи себѣ другихъ человѣчковъ, только въ одномъ будь увѣренъ, я тебѣ не помогу ни въ какомъ случаѣ.

— Однако позвольте, вступилъ въ рѣчь „вольный шляхтичъ“.

— М. г., я не имѣю ничего вамъ сказать и не желаю ничего слушать.

Ругая меня сквозь зубы, отправился онъ съ своимъ Телемакомъ, вѣроятно до перваго кабака.

Еще ступеньку внизъ...

Можетъ многіе съ недоумѣніемъ спросятъ, какая же это еще ступенька внизъ... а *есть* и довольно *большая* — только тутъ ужъ темно, идите осторожно. Я не имѣю prudérie Ш-ра и мнѣ авторъ поэмы, въ которой Христосъ разговариваетъ съ маршаломъ Бюжо, показался еще забавнѣе послѣ геройскаго pour un vol avec effraction. Если онъ и укралъ что нибудь изъ подъ замка, за то подвергался богъ знаетъ чему и потомъ работалъ нѣсколько лѣтъ, можетъ съ ядромъ на ногахъ. Онъ имѣлъ противъ себя не только того, котораго обокралъ, но все государство и общество, церковь, войско, полицію, судъ, всѣхъ честныхъ людей, которымъ красть не нужно, и всѣхъ безчестныхъ, но не уличенныхъ по суду. Есть воры другого рода, награждаемые правительствомъ, отогрѣваемые начальствомъ, благословляемые церковью, защищаемые войскомъ и не преслѣдуемые полиціей, потому что они сами къ ней принадлежатъ. Это люди, ворующіе не платки, но разговоры, письма, взгляды. Эмигранты-шпіоны — шпіоны въ квадратѣ... ими оканчивается порокъ и развратъ; дальше, какъ за Луциферомъ у Данта, ничего нѣтъ—тамъ ужъ опять пойдетъ вверхъ.

Французы большіе артисты этого дѣла. Они умѣютъ ловко сочетать образованныя формы, горячія фразы, aplomb человѣка, котораго совѣсть чиста и point d'honneur раздражителенъ, съ должностью шпіона. Заподозрите его, онъ вызоветъ васъ на дуэль, онъ будетъ драться и *храбро* драться.

Записки Де-ла-Года, Шеню, Шнепфа — кладъ для изученія грязи, въ которую цивилизація завела своихъ блудныхъ дѣтей. Де-ла-Годъ наивно печатаетъ, что онъ, предавая своихъ друзей, долженъ былъ съ ними хитрить такъ, „какъ хитритъ охотникъ съ дичью“.

Де-ла-Годъ—это Алкивіадъ шпіонства.

Молодой человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ и радикальнымъ образомъ мыслей, онъ изъ провинціи явился въ Парижъ, бѣдный какъ Иръ и просилъ работы въ редакціи *Реформы*. Ему дали какую-то работу, онъ ее сдѣлалъ хорошо; мало по малу съ нимъ сблизились. Онъ вступилъ въ политическіе круги, зналъ многое изъ того, что дѣлалось въ республиканской партіи и продолжалъ работать *нѣсколько лѣтъ*, оставаясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ.

Когда послѣ февральской революціи Коссидьеръ разобралъ бумаги въ префектурѣ, онъ нашелъ, что Де-ла Годъ все время преправильно доносилъ полиціи о томъ, что дѣлалось въ редакціи *Реформы* Коссидьеръ позвалъ Де-ла-Года къ Альберу, тамъ ждали свидѣтели. Де-ла-Годъ явился, ничего не подозрѣвая, попробовалъ запираться, но потомъ, видя невозможность, признался, что письма къ префекту писалъ онъ. Возникъ вопросъ, что съ нимъ дѣлать? Одни думали, и были совершенно правы, застрѣлить его тутъ же какъ собаку. Альберъ возсталъ пуще всѣхъ и не хотѣлъ, чтобы въ *его квартирѣ* убили человѣка. Коссидьеръ предложилъ ему заряженный пистолетъ съ тѣмъ, чтобъ онъ застрѣлился. Де-ла-Годъ отказался. Кто-то спросилъ его, не хочетъ-ли онъ яду? онъ и отъ яду отказался, а отправляясь въ тюрьму, какъ благоразумный человѣкъ, *спросилъ кружку пива*, это фактъ, переданный мнѣ сопровождавшимъ его помощникомъ мера XII округа.

Когда реакція стала брать верхъ, Де-ла-Года выпустили изъ тюрьмы, онъ уѣхалъ въ Англію, но когда реакція еще окончательнѣе восторжествовала, онъ возвратился въ Парижъ и совался впередъ въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, какъ левъ особой породы, вслѣдъ за тѣмъ издалъ онъ свои записки.

Шпіоны постоянно трутся во всѣхъ эмиграціяхъ — ихъ узнаютъ, открываютъ, колотятъ, а они свое дѣло дѣлаютъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ Парижѣ полиція знаетъ всѣ лондонскія тайны. День тайнаго пріѣзда Делеклюза, потомъ Буашо во Францію, были такъ хорошо извѣстны, что они были схвачены въ Кале, лишь только вышли изъ корабля. Въ коммунистическомъ процессѣ въ Кельнѣ читали документы и письма „купленныя въ Лондонѣ“ какъ наивно признался въ судѣ прусскій коммисаръ полиціи.

Въ 1849 году, я познакомился съ изгнаннымъ австрійскимъ журналистомъ, Энглендеромъ. Онъ былъ очень уменъ, очень колокъ и впослѣдствіи помѣщалъ въ Колачековскихъ ярбухахъ рядъ живыхъ статей объ историческомъ развитіи соціализма. Энглендеръ этотъ попался въ тюрьму въ Парижѣ по дѣлу, названному „Дѣломъ корреспондентовъ“. Ходили разные слухи объ немъ, наконецъ онъ самъ явился въ Лондонъ. Здѣсь другой австрійскій изгнанникъ, докторъ Гефнеръ, очень уважаемый своими, говорилъ, что Энглендеръ въ Парижѣ былъ на жалованьи у префекта, и что его сажали въ тюрьму за измѣну брачной вѣрности французской полиціи, приревновавшей его къ австрійскому посольству, у котораго онъ тоже былъ на жалованьи. Энглендеръ жилъ разгульно, на это надобно много денегъ, одного префекта видно не хватало.

Нѣмецкая эмиграція потолковала, потолковала и по-

звала Энглендера къ отвѣту. Энглендеръ хотѣлъ отшутиться, но Гефнеръ былъ безпощаденъ! тогда мужъ двухъ полицій вдругъ вскочилъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, со слезами на глазахъ и сказалъ: „Ну да, я во многомъ виноватъ, но не ему меня обвинять"; и онъ бросилъ на столъ письмо префекта, изъ котораго ясно было, что и Гефнеръ получалъ отъ него деньги.

Въ Парижѣ проживалъ нѣкій Н-ръ, тоже австріскій рефюжье, я познакомился съ нимъ въ концѣ 1848 года. Товарищи его разсказывали объ немъ необыкновенно храбрый поступокъ во время революціи въ Вѣнѣ. У инсургентовъ не доставало пороха, Н-ръ вызвался привести по *желѣзной дорогѣ* и привезъ. Женатый и съ дѣтьми, онъ бѣдствовалъ въ Парижѣ. Въ 1853 г. я его нашелъ въ Лондонѣ въ большой крайности, онъ занималъ съ семьею двѣ небольшія комнатки, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ переулковъ Соо. Все не спорилось въ его рукахъ. Завелъ онъ было прачешную, въ которой его жена и еще одинъ эмигрантъ, стирали бѣлье, а Н-ръ развозилъ его—но товарищъ уѣхалъ въ Америку и прачешная остановилась.

Ему хотѣлось помѣститься въ купеческую контору—очень не глупый человѣкъ и съ образованіемъ онъ могъ заработать хорошія деньги, но reference, reference, безъ reference въ Англіи ни шагу. Я ему далъ свою; по поводу этой рекомендаціи, одинъ нѣмецкій рефюжье, О., замѣтилъ мнѣ, что напрасно я хлопочу, что человѣкъ этотъ не пользуется хорошей репутаціей, что онъ будто бы въ связяхъ съ французской полиціей.

Въ это время Р. привезъ въ Лондонъ моихъ дѣтей. Онъ принималъ въ Н-ръ большое участіе. Я сообщилъ ему, что объ немъ говорятъ.

Р. расхохотался, онъ ручался за Н-ръ, какъ за само-

го себя, и указывалъ на его бѣдность, какъ на лучшее опроверженіе. Послѣднее убѣждало отчасти и меня. Вечеромъ Р. ушелъ гулять, возвратился поздно встревоженный и блѣдный. Онъ взошелъ на минуту ко мнѣ и, жалуясь на сильную мигрень, собирался лечь спать. Я посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— У васъ есть что-то на душѣ, heraus damit!

— Да, вы отгадали... но дайте прежде честное слово, что вы никому не скажете.

— Пожалуй, но что за шалости, предоставьте моей совѣсти.

— Я не могъ успокоиться, услышавши отъ васъ объ Н-ръ, и, не смотря на обѣщаніе, данное вамъ, я рѣшился его спросить и былъ у него. Жена его на дняхъ родитъ, нужда страшная... чего мнѣ стоило начать разговоръ! Я вызвалъ его на улицу и, наконецъ, собравъ всѣ силы, сказалъ ему: знаете ли, что Г. предупреждали въ томъ-то и томъ-то; я увѣренъ, что это клевета, поручите мнѣ разъяснить дѣло. „Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ мнѣ мрачно, но это не нужно; я знаю, откуда это идетъ. Въ минуту отчаянія, умирая съ голода, я предложилъ префекту въ Парижѣ мои услуги, чтобы держать его au courant эмиграціонныхъ новостей. Онъ мнѣ прислалъ 300 франковъ и я никогда ему не писалъ потомъ.“

Р. чуть не плакалъ.

— Послушайте, пока жена его не родитъ и не оправится, даю вамъ слово молчать; пусть идетъ въ конторщики и оставитъ политическіе круги. Но, если я услышу новыя доказательства и онъ все таки будетъ въ сношеніяхъ съ эмиграціей, я его выдамъ. Чортъ съ нимъ!

Р. уѣхалъ. Дней черезъ десять, во время обѣда, взо-

шелъ ко мнѣ Н-ръ, блѣдный, разстроенный. „Вы можете понять, говорилъ онъ, чего мнѣ стоитъ этотъ шагъ; но куда ни смотрю, кромѣ васъ спасенья нѣтъ. Жена родитъ черезъ нѣсколько часовъ, въ домѣ ни угля, ни чая, ни чашки молока, денегъ ни гроша, ни одной женщины, которая бы помогла, не на что послать за акушеромъ.“ И онъ, дѣйствительно, изнеможенный бросился на стулъ и, покрывъ лице руками, сказалъ: „остается пулю въ лобъ, по крайней мѣрѣ не увижу этого ужаса.“

Я тотчасъ послалъ за добрымъ Павломъ Дарашемъ, далъ денегъ Н-ръ и, сколько могъ, успокоилъ его. На другой день Дарашъ заѣхалъ сказать, что роды сошли съ рукъ хорошо.

Между тѣмъ вѣсть, пущенная вѣроятно по личной враждѣ, о связяхъ съ французской полиціей Н-ра ходила больше и больше и, наконецъ, Т., извѣстный вѣнскій клубистъ и агитаторъ, послѣ рѣчи котораго народъ повѣсилъ Латура, увѣрялъ на право и на лѣво, что онъ самъ читалъ письмо отъ префекта, писанное при присылкѣ денегъ. Обвиненіе Н-ра, видно, было дорого для Т.: онъ самъ зашелъ ко мнѣ, чтобы подтвердить его.

Положеніе мое становилось трудно. Гаугъ жилъ у меня; до того я ему не говорилъ ни слова, но теперь это становилось не деликатно и опасно. Я разсказалъ ему, не упоминая о Р., котораго не хотѣлъ путать въ драму, имѣвшую всѣ шансы на то, что V актъ ея будетъ представляться въ полицейскомъ судѣ или въ Олдъ-Бели. Чего я прежде боялся, то и случилось, „вскипѣлъ бульонъ,“ я едва могъ усмирить Гауга и удержать его отъ нашествія на чердакъ Н-ра. Я зналъ, что Н-ръ долженъ былъ придти къ намъ съ переписанными

тетрадями, и совѣтовалъ подождать его. Гаугъ согласился, и какъ-то утромъ вбѣжалъ ко мнѣ, блѣдный отъ ярости, и объявилъ, что Н-ръ внизу. Я бросилъ поскорѣе бумаги въ столъ и сошелъ. Перестрѣлка шла ужъ сильная. Гаугъ кричалъ и Н-ръ кричалъ. Калиберъ крѣпкихъ словъ становился все крупнѣе. Выраженіе лица Н-ра, искаженнаго злобой и стыдомъ, было дурно. Гаугъ былъ въ азартѣ и путался. Этимъ путемъ можно было скорѣе дойти до раскрытія черепа, чѣмъ дѣла.

— Господа, сказалъ я вдругъ середь рѣчи, позвольте васъ остановить на минуту.

Они остановились.

— Мнѣ кажется, что вы портите дѣло горячностью; прежде, чѣмъ браниться, надобно поставить совершенно ясно вопросъ.

— Что я *шпіонъ или нѣтъ*, кричалъ Н-ръ, я ни одному человѣку не позволю ставить такой вопросъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ вопросъ, который я хотѣлъ предложить; васъ обвиняетъ *одинъ человѣкъ*, да и не онъ одинъ, что вы получали деньги отъ парижскаго префекта полиціи.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Т.

— Мерзавецъ.

— Это къ дѣлу не идетъ, вы деньги получали или нѣтъ?

— *Получалъ*, сказалъ Н-ръ съ натянутымъ спокойствіемъ, глядя мнѣ и Гаугу въ глаза. Гаугъ судорожно кривлялся и какъ-то стоналъ отъ нетерпѣнія снова обругать Н-ра; я взялъ Гауга за руку и сказалъ: „Ну, только намъ и надобно.“

— *Нѣтъ, не только*, отвѣчалъ Н-ръ, вы должны

знать, что никогда ни одной строкой я не компрометировалъ никого.

— Дѣло это можетъ рѣшить только вашъ корреспондентъ Піетри, а мы съ нимъ не знакомы.

— Да что я у васъ подсудимый, что ли? Почему вы воображаете, что я долженъ передъ вами оправдываться? Я слишкомъ высоко цѣню свое достоинство, чтобы зависѣть отъ мнѣнія какого нибудь Гауга или вашего. Нога моя не будетъ въ этомъ домѣ, прибавилъ Н-ръ, гордо надѣлъ шляпу и отворилъ дверь. „Въ этомъ вы можете быть увѣрены," сказалъ я ему вслѣдъ. Онъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Гаугъ порывался за нимъ, но я, смѣясь, остановилъ его, парефразируя слова Сіэса: Nous sommes aujourd'hui ce que nous avons été hier— déjeunons!

Н-ръ отправился прямо къ Т. Тучный, лоснящійся Силенъ, о которомъ Маццини какъ-то сказалъ: „мнѣ все кажется, что его поджарили на оливковомъ маслѣ и не обтерли," еще не покидалъ своего ложа. Дверь отворилась и передъ его просыпающимися и опухлыми глазами явилась фигура Н-ра.

— Ты сказалъ Г., что я получалъ деньги отъ префекта?

— Я.

— Зачѣмъ?

— За тѣмъ, что ты получалъ.

— Хотя и зналъ, что я не доносилъ. Вотъ же тебѣ за это, при этихъ словахъ Н-ръ плюнулъ Т. въ лицо и пошелъ вонъ... Разъяренный Силенъ не хотѣлъ остаться въ долгу, онъ вскочилъ съ постели, схватилъ горшокъ и, пользуясь тѣмъ, что Н-ръ спускался по лѣстницѣ, вылилъ ему весь запасъ на голову, приговаривая: „А это ты возьми себѣ."

Эпилогъ этотъ утѣшилъ меня несказанно. „Видите, какъ хорошо я сдѣлалъ, говорилъ я Гаугу, что васъ остановилъ. Ну что бы подобнаго вы могли сдѣлать надъ главой несчастнаго корреспондента Піетри, вѣдь онъ до втораго пришествія не просохнетъ.“

Казалось бы, дѣло должно было окончиться этой нѣмецкой вендетой, но у эпилога есть еще небольшой финалъ. Какой-то господинъ, говорятъ добрый и честный, старикъ В., сталъ защищать Н. Онъ созвалъ комитетъ нѣмцевъ и пригласилъ меня, *какъ одного изъ обвинителей*. Я написалъ ему, что въ комитетъ не пойду, что все мнѣ извѣстное ограничивается тѣмъ, что Н. въ моемъ присутствіи сознался Гаугу, что онъ деньги *отъ префекта получалъ*. В-ру это не понравилось, онъ написалъ мнѣ, что Н. *фактически* виноватъ, но *морально* чистъ, и приложилъ письмо Н. къ нему. Н. обращалъ между прочимъ вниманіе его на *странность* моего поведенія. „Г., говорилъ онъ, гораздо прежде зналъ отъ г. Р. объ этихъ деньгахъ и не только молчалъ до обвиненія Т., но послѣ того еще далъ мнѣ два фунта и присылалъ на свой счетъ доктора во время болѣзни жены!“

Sehr gut!

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.
и
В. Н. КАРАЗИНЪ.*)

Вамъ, Н. А., послѣднему нашему маркизу Позѣ.
отъ всей души, посвящаю этотъ очеркъ.

I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Въ первые годы царствованія Александра I, т. е. когда уроки Лагарпа были еще въ памяти и урокъ данный монархамъ вообще въ Парижѣ и русскимъ са-

*) Въ моей первой юности, я видалъ раза два-три *Василія Назаровича Каразина*, помню, что мой отецъ разсказывалъ объ его письмѣ къ Александру I, объ его близости къ нему и о быстромъ паденіи. Въ 1860 году, я прочелъ замѣчательную жизнь этого человѣка въ „Сѣверной Пчелѣ". Въ порывистой, многосторонней, исполненной иниціативы дѣятельности Каразина все захватывало вниманіе, всего больше то, чего въ Сѣверной Пчелѣ *не было*, т. е., что осталось по ту сторону цензурныхъ колодокъ. Случайно досталъ я письмо Каразина къ императору (оно было напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1810) и нѣсколько другихъ бумагъ. Сначала я думалъ только напечатать это письмо, въ дополненіе упомянутой статьи. Потомъ мнѣ захотѣлось, по поводу отношеній Александра I къ Каразину, высказать нѣсколько общихъ замѣчаній — я это и сдѣлалъ. Ни статья Сѣверной Пчелы, ни эти замѣчанія, далеко не составляютъ біографіи В. Н. Каразина. Это только матеріалы для нея, я съ своей стороны почти не касался до жизнеописанія Каразина, мнѣ хотѣлось только загрунтовать fond и набросить обстановку, въ которой выступаетъ его фигура.

Эта статья была напечатана въ *Пол. Зв. Т. VII стр. 7.*

модержцамъ въ особенности въ михайловскомъ дворцѣ, не были забыты — у императора Александра I бывали литературные вечера, на нихъ приглашались нѣсколько близкихъ лицъ къ государю, особенно извѣстныхъ за грамотныхъ.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, чтеніе длилось долго; читали новую трагедію Шиллера.

Чтецъ кончилъ и остановился.

Государь молчалъ, потупя взглядъ. Можетъ онъ думалъ о своей судьбѣ, которая такъ близко прошла къ судьбѣ Донъ Карлоса, можетъ о судьбѣ своего Филиппа? Нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина, первый перервалъ ее князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; наклоняя голову къ уху графа Виктора Павловича Кочубея, онъ сказалъ ему вполслуха, но такъ, чтобъ всѣ слышали:

— „У насъ есть свой маркизъ Поза!“

Кочубей усмѣхнулся и кивнулъ ему головой. Глаза всѣхъ обернулись на человѣка лѣтъ тридцати, сидѣвшаго поодаль.

Императоръ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на окружавшихъ, остановилъ недовѣрчивый, пытливый взглядъ на человѣкѣ, сдѣлавшемся преметомъ общаго вниманія, наморщилъ брови, всталъ мрачный и недовольный, откланялся гостямъ и вышелъ.

Князь Александръ Николаевичъ улыбался; будущій министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, инквизиторъ и масонъ, покровитель Магницкаго и Рунича, начальникъ библейскаго общества и почтоваго вѣдомства, другъ императора Александра, который безжалостно пожертвовалъ его Аракчееву, другъ императора Нилолая, который не поручилъ ему никогда ничего дѣльнаго, былъ доволенъ. Зная подозрительный характеръ Але-

ксандра, онъ былъ увѣренъ, что слово его взойдетъ — и не ошибся. Почему онъ вредилъ этому человѣку, этого онъ не зналъ, это лежало въ его натурѣ царедворца; на всякой случай не мѣшало отстранить лишняго человѣка.

Безъ сомнѣнія на ту минуту, изъ всѣхъ бывшихъ на чтеніи только двое искренно и пламенно желали добра Россіи,—государь и В. Н. Каразинъ, названный маркизомъ Позой.

Эти двѣ личности—одна „вѣнчанная и превознесенная“ въ успенскомъ соборѣ митрополитомъ Платономъ, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся подъ бременемъ славы и безвыходнаго, безпомощнаго самодержавія, и другая личность неутомимаго работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все съ необыкновенной энергіей, толкавшагося во всѣ двери и встрѣтившаго вездѣ отпоръ, препятствія и невозможность въ этой средѣ произвести что нибудь путное — эти двѣ личности бросаютъ два печальныхъ луча на гладко подмерзнувшія тундры петровской Россіи, въ которыхъ затирались, затираются энергія и воля, таланты и силы, пропадая безъ вѣсти въ болотныхъ топяхъ, какъ сваи. на которыхъ построенъ Петербургъ.

Характеръ императора Александра I мало выясненъ, Наши историки не могли о немъ писать, иностранные не могли и не могутъ понять въ чемъ его трагическій *смыслъ*. Этого равно не объясняютъ, ни его царское достоинство, ни его личныя несчастія; онъ же, совсѣмъ напротивъ, былъ необыкновенно счастливъ какъ царь, счастливъ даже послѣ смерти. Нельзя быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, какъ онъ. Наслѣднику Павла только и не доставало имѣть преемникомъ Николая Между гатчинскимъ тигромъ, котораго пришибли какъ

бѣшеннаго звѣря и застегнутымъ на всѣ пуговицы удавомъ, душившимъ тридцать лѣтъ Россію — сутуловатая фигура императора Александра вырѣзывается какъ-то человѣчественно и кротко, то освѣщенная заревомъ Москвы, то озаренная парижскими плошками, то удерживающая руку нѣмецкихъ владѣтельныхъ воришекъ, то останавливающая дикую месть побѣдителей, дорвавшихся до непріятельской столицы.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершинѣ своего величія, становится смутнѣе, видимо тускнетъ, стирается за страшной тѣнію Аракчеева, и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря, подавая руку поздняго примиренія женщинѣ, которой вся жизнь, прикрытая императорской багряницей, была однимъ оскорбленіемъ, и которая одиноко, колѣнопреклоненная передъ умирающимъ, закрыла его глаза и пережила его.

Every inch, „каждый вершокъ“ потрясающая трагедія.

Не думайте искать отгадки въ смерти Павла, она могла прибавить еще черную нитку въ его жизни, но fond дальше, обширнѣе, глубже. Какая-то неумолимая, роковая стихія обнимаетъ ее и далеко перехватываетъ. Въ этой средѣ чуется зловѣщее вѣяніе, присутствіе *преступленія*, не совершившагося, не прошедшаго, а преступленія *продолжающагося*, невольнаго: оно бродитъ въ крови, имъ пропитаны стѣны. Кровь отравлена въ жилахъ до рожденія, воздухъ, которымъ тутъ дышатъ люди, тлетворенъ, каждый вступающій вовлеченъ, хочетъ онъ или нѣтъ, въ омутъ нелѣпости, гибели, грѣха. Пути ко всему злому раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумаетъ, кто спроситъ себя, что онъ дѣлаетъ, что дѣлаютъ вокругъ него, — онъ сойдетъ съума; горе тому,

кто въ этихъ стѣнахъ допуститъ человѣческое чувство въ своемъ сердцѣ,—онъ сломится въ борьбѣ.

Вотъ это-то останавливавшееся лицо, въ рядѣ русскихъ вѣнценосцевъ послѣ Петра, и былъ императоръ Александръ I. Оттого-то онъ и есть единственный *наказанный* изъ всѣхъ Романовыхъ, наказанный человѣчески, внутренней борьбою, наказанный прежде вины, *но доросшій до нея* впослѣдствіи.

Сравните его судьбу съ судьбой Петра III, Павла, пожалуй Николая, и вы поймете, почему именно этотъ человѣкъ, названный „благословеннымъ“, умершій на своей кровати, и притомъ никѣмъ не побѣжденный, гораздо больше трагическое лицо чѣмъ всѣ его предшественники. Что трагическаго въ томъ, что пьянаго идіота убила и обобрала развратная женщина; это случается сплошь да рядомъ въ закоптѣлыхъ домахъ темныхъ лондонскихъ переулковъ; или въ томъ, что человѣкъ, обороняясь отъ сумашедшаго, хватилъ его табакеркой въ високъ, а другіе покончили его. Это не трагическія катастрофы, а дѣла уголовной палаты и смирительныхъ домовъ.

Трагическій элементъ не опредѣляется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой; а тѣми внутренними столкновеніями, независимыми отъ воли, противорѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется а одолѣть ихъ не можетъ—напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ повидимому антиномій. Для того, чтобъ такъ разбиться, надобно извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть натуры до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастіе и несчастіе пошло, по крайней мѣрѣ не интересно. Въ холодныхъ глазахъ, въ

прозѣ военно-учебнаго самовластія Николая, въ его ограниченномъ взглядѣ, постоянно обращенномъ на мелочи и подробности, въ его субалтерной точности и пристрастіи къ прямымъ линіямъ, къ геометрическимъ фигурамъ, лежитъ исключеніе всего поэтическаго. Напрасно изъ послѣднихъ дней его хотятъ сдѣлать что-то величаво-мрачное. Человѣкъ этотъ не останавливался ни на чемъ, не сомнѣвался ни въ чемъ, на него на находило раздумье, у него не было раскаянія, не было идеаловъ, онъ зналъ, что царствуетъ по волѣ божіей, что должность императора—военная, и былъ совершенно доволенъ собой; онъ не подозрѣвалъ, что нравственная жизнь государства понизилась имъ, что онъ, кругомъ сомкнутый и обворованный, поставилъ Россію на край пропасти. Узнавши послѣднее, онъ съ досадой увидѣлъ, что не дорось даже до того, чтобъ совладать съ первой неудачей, и тотчасъ умеръ отъ безсильной злобы. Это урокъ, примѣръ, угроза, но не трагедія. Въ противномъ случаѣ можно сдѣлать трагическій типъ не только изъ всякаго наказаннаго разбойника, но даже изъ желчеваго труса Аракчеева, умирающаго въ Грузинѣ, всѣми ненавидимаго и оставленнаго, у окаянной могилы облитой кровью цѣлой дворни.

Не таковъ былъ императоръ Александръ. Императрица Екатерина, сосредоточивая на немъ династическій интересъ и то материнское чувство, которое она никогда не имѣла къ своему сыну, дала ему очень человѣческое воспитаніе и, какъ это бываетъ съ старыми грѣшниками, воспитывала его въ невѣденіи того, что дѣлалось вокругъ. Александръ былъ мечтатель, юноша съ романическими идеями, съ той неопредѣленной филантропіей, которая тогда была въ ходу и составляла какъ-бы сѣверное сіяніе, или холодный и мерцающій

отблескъ иной болѣе горячей филантропіи, которая проповѣдывалась тогда въ Парижѣ. Но со всѣмъ тѣмъ, его воспитаніе кончилось рано, и онъ съ Лагарпомъ въ головѣ является на царскій помостъ, окруженный сѣдымъ, догнивающимъ развратомъ послѣднихъ лѣтъ екатерининской эпохи.

... „Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ“, пишетъ великій князь, В. П. Кочубею, 10 Мая 1796 года т. е. 18 лѣтъ отъ роду.*) „Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не *желалъ бы имѣть у себя и лакеями;* а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З....., П...., Б...., оба С...., М.... и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ нисшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мою любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

„Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я

*) Корфъ, восшествіе Николая стр. 228—229.

уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

„Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

„Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется изгнанъ отовсюду— а Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы“.

„Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произносите приговоръ. Знаю, что вы осу-

дите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастливымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію."

Екатерина умерла. Павелъ свезъ въ трескучій морозъ тѣло Петра III въ Петропавловскую крѣпость, *прихоронитъ* его покойницѣ, и заставилъ графа А. Орлова и Барятинскаго нести его корону. Александръ еще ближе подвинулся къ вершинѣ, окруженной тѣмъ гноемъ, о которомъ онъ писалъ. Но тамъ все ужъ измѣнилось одною смертію, все стало еще сквернѣе, только въ другомъ родѣ. Жалѣть пришлось ему сановниковъ, которыхъ онъ не хотѣлъ „имѣть лакеями". Избалованная, пресыщенная дворня старой барыни замѣнилась капитенармусами и камердинерами наслѣдника, которые внесли во дворецъ казарму и переднюю. На мѣсто надменныхъ дворецкихъ воровъ явились воры доносчики, на мѣсто лакеевъ — палачи; дворецъ изъ публичнаго дома сталъ застѣнкомъ. Развратъ чувственный смѣнился развратомъ свирѣпости, боли, заколачиванія.

Тревожно и грустно стоялъ цесаревичъ, подавленный ужасомъ, у подножія дикаго трона; безсильный помочь и лишенный возможности отойти, Александръ, какъ Гамлетъ, бродилъ по этимъ заламъ, не умѣя ни на что рѣшиться; другіе рѣшились за него.

Также тревожно и грустно, да и еще къ тому жъ съ

чернымъ пятномъ на совѣсти, взошелъ онъ самъ на вершину страшной скалы, съ которой только-что сбросили обезображенный трупъ убитаго отца его. Онъ хотѣлъ добра и ему вѣрили. На его юныя и кроткія черты смотрѣли съ упованіемъ; уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдаетъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его, онъ замолитъ грѣхъ своего участія въ кровавомъ дѣлѣ, и тогда Траянъ и Маркъ-Аврелій, онъ исполнитъ писанное къ Кочубею и пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна.*)

Александръ былъ откровененъ въ этихъ мечтахъ, онъ имъ вѣрилъ, и не онъ одинъ, имъ вѣрила вся Россія, т. е. Россія *порядочныхъ людей*, Россія, признанная людскою; до *черной* Руси, до Руси податной, это не касалось; она и тутъ, какъ вообще на торжествахъ и праздникахъ, была исключена изъ общей радости, да и сама не старалась принять въ ней участіе, вспоминая матушку императрицу и словно чуя, что новое царствованіе за кровь десятаго человѣка заплатитъ военными поселеніями.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую вѣру, на такую радость о смерти злодѣя...

Теперь дай человѣка мнѣ, создатель...
Ты много далъ мнѣ: только человѣка
Ты дай теперь мнѣ...
Молю тебя о другѣ: я не такъ,
Какъ ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только
Они мнѣ служатъ.
Мнѣ правды надо...

*) Мечта объ отреченіи занимала его до самой смерти.

Прошло дней десять послѣ смерти Павла. Во дворцѣ былъ большой пріемъ; радостныя лица, одѣтыя въ глубокій трауръ, входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболѣпныя фразы. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ и къ этой роли бога, передъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаетъ, утомленный, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился на кресло передъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ входить, лежало толстое письмо... запечатанное и надписанное ему.

Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо; по мѣрѣ чтенія, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли; онъ положилъ письмо и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ и Трощинскій. „Господа, сказалъ имъ государь, неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо; оно безъ подписи, сыщите мнѣ непремѣнно, кто его писалъ.“

II.

ПИСЬМО

Вотъ что прочелъ императоръ:

„Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила Тебя!*) Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце Твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день

*) Случилось, что 11 марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; 12-го же, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила.

отъ дня, часъ отъ часу Ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!

Въ сіе время всеобщаго восторга кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе Твое? Но Ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости жъ, если, искавъ принести Тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора Твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; пріими ее засвидѣтельствованіемъ довѣренности къ Твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ *истинной подданнической* любви. Безъ сомнѣнія, все, что я ни скажу Тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ Твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми Ты окружаешь Себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы въ сокровищницу*, такъ точно, какъ самое блистательное понятіе о славѣ Твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее во всякомъ для меня приступномъ кругу моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ, искони пріобыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая *своимъ* называть Тебя будетъ, не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и

единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія большею частію *ей одной свойственныхъ* произведеній и надежныя руки сыновъ своихъ для искуственнаго ихъ обработыванія. Посему богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возростать съ самимъ временемъ. Она представляетъ такъ сказать подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя, изъ ея средины изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать рукодѣлія Европы Азіи и азіятскія богатства Европѣ *кратчайшими путями*. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ Океаномъ или странами столько же неприступными, какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей, привыкшихъ почитать русское могущество. Что могу сказать Тебѣ, Государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ Твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ *нынѣшнемъ* состояніи нравственнаго міра, едва-ль не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню только одну изъ этихъ добродѣтелей обезпечивающую незыблемость Отечества. Пожертвованіе жизни за него всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе пожертвованіе, безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе свойственно рѣдкимъ лишь

душамъ, и россійскіе ратники способны къ [illegible] всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства, что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упояетъ его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличаться, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выгранныхъ сраженій и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ *весь*, у котораго священный долгъ есть единое побужденіе, для меня прямо великій герой! Таковъ россійскій солдатъ, и такихъ имѣешь Ты сотни тысячъ!...

Время образовало человѣческую премудрость; время, усовершая все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ человѣчества. Еслибъ Екатерина, еслибъ Маркъ-Аврелій самъ жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема своеволіемъ феодализма, много ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага человѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы; предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать, и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній въ составъ обществъ, въ сердца лю-

дей, гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, Государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представитъ Тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя объяты бывъ благодѣтельнымъ Твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ злато искушается огнемъ, религіозностію Твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастія Россіянъ. Велика заслуга мудреца, многотрудно открывающаго истину; но тотъ, кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, достоинъ алтарей! Онъ—Богъ, собирающій носимые безполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ, орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго существа, создавшаго милліоны міровъ, то конечно тогда только, когда они подражаютъ Его благодѣтельности...

Воззри напослѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда либо время *способнѣе* для возведенія Твоей „Россіи на верхъ славы и блаженства,“ въ сходство обѣщанія Твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противуположены другъ другу, что Ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, если Самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія, если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (*такъ называемая* слава завоевателей) никогда отъ Тебя не удостоятся быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ человѣковъ, которыхъ судьба отъ Тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій

столько правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи въ которую его начала не могли проникнуть, но принесъ ей еще ощутительную выгоду, отвративши, во первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ теперь, почитая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны на перерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ, изъ всегдашней (со времени Петра Великаго) скрытой войны со *всѣми* европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бъ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ внутренніе и внѣшніе долги государства Твоего не важны, судя по великости источниковъ Твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія.

Таковы средства, Государь, которыя Ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на землѣ...

Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, и размышлялъ, каковы будутъ пути Твои?

Неужели захочетъ Онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ Его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставитъ безъ исполненія? Неужели Онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ, удовольствію само-

властія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою, и тою наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственныхъ радостей исполненной жизни, ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

Нѣтъ! Онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую мнѣ указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ Онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: „Вотъ предѣлъ самодержавія Моего и Моихъ наслѣдниковъ нерушимый во вѣки!...“ и Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ; *и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта.*

Въ этомъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ отъ Творца ей уготованныхъ. Онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить Его душу; имъ руководствуясь обозритъ Онъ весь составъ законовъ до нынѣ существующихъ, дабы безъ нужды и по одной лишь любви къ новостямъ не разрушать утвержденнаго и оправданнаго уже временемъ. Именемъ Отечества истребуетъ Онъ совѣтъ у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ Его, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Его государства истину повѣдать Ему можетъ. *Подъ завѣсою строжайшей скромности* вопроситъ Онъ ихъ; со свѣтильниковъ чистой своей совѣсти пройдетъ творенія законодателей міра, древнихъ и новыхъ: сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое обѣщаетъ намъ

наступившій вѣкъ, послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицемъ внимающей вселенной издастъ Государственное Уложеніе, основу законовъ, которые *сами*, нечувствительно, могутъ *предварить* ея обнародованіе. Онъ повелитъ, напослѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ; и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти, — да охраняютъ святая святыхъ Отечества... Онъ пріиметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе для обузданія самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами! И человѣчество, возрыдавъ отъ радости, вознесетъ кумиръ Его выше кумировъ прочихъ царей, и сонмы народовъ чуждыхъ притекутъ лобызать Его подножіе, и вкусить среди насъ блаженство !...

Безъ сомнѣнія нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію *непремѣнныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія...

Съ довѣренностію къ правительству на одной степени поставитъ Онъ *вѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество — суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!...

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ будто частныя неправды не обращаются обществу во вредъ, будто для государства „все равно какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки“. Пре-

доставивъ весь судъ *избраннымъ отъ народа*, Онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ, не законами, безгласными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и соревнованію объ общей пользѣ. На сей же конецъ подчинитъ Онъ судей общественному мнѣнію. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, не рѣдко движимыя *одинаковыми-же* началами на вящшее посрамленіе законовъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, будетъ однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія.

Онъ положитъ единожды на всегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтетъ богатства Своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможность и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива *изобразительныхъ знаковъ* богатства не подверженному, и скажетъ: „*Симъ* обязаны вы взаимно состояніе къ состоянію; *симъ* обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; *симъ*, напослѣдокъ, располагаетъ лице Государя.“ Тогда однѣ чрезвычайныя, всею мудростію человѣческою не предвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными: но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать *утробныя* его сплы, которыя съ покоемъ *неопредѣленно-же* возрастаютъ.

Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ Онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ; но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ Онъ до постояннаго

избытка государственнаго, которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ Имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца Его; уменьшитъ дворъ Свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе Имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости Государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ ограничитъ суетную *любоздательность:* это желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство *представляетъ еще безкровныя хижины*. Не художества призоветъ Онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости Своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ; опѣ не сокрушаемы временемъ и не одно удивленіе праздная любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!

Самыя художества не будетъ Онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ Своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили Ему лестью; но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благосостояніе* и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще Онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и *моральное* изящество будетъ первѣйшимъ Его предметомъ.

Не удостоитъ онъ занять Себя подробностями, и ждать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва—едва вмѣститься могутъ *всеобщія* попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное дви-

женіе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, — и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ, и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ; то безъ сомнѣнія обратитъ Онъ всю Свою внимательность на *воспитаніе* Своихъ подданныхъ соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ Онъ сословію *блюстителю законовъ*, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать Государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣпостно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ денно-нощно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но гораздо дѣйствительнѣе собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами, и нравы законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ Онъ на нравственность состояній, называемыхъ *посльдними*. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ;* введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ

опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе. Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ Онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ чувства оглушающимъ и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства...

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ Его скипетромъ. Онъ заселитъ пространныя степи Россіи мало по малу, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно, за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ, и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ, будетъ Онъ умѣть содѣлать обитаемыми, и превратитъ въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера, или одѣвая исподволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только просвѣщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ и..... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда искать у насъ Отечества?...

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ Онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранитъ ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ

людей какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ *только къ соблазну*, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ!..

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличатся или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ Онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удоборазвлекаемымъ пристрастіемъ, или скудными государственными соображеніями, но устроитъ временныя путешествія по Имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обозрѣваемой части и достойныхъ представлять собственное Его око. Самъ Онъ не рѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы *на дѣлѣ* видѣть и слышать: и управленіе Богомъ ввѣреннаго Ему, прекраснаго, пространнѣйшаго царства не заключитъ въ тѣсные предѣлы работъ надъ подносимыми Ему бумагами.

Рукодѣлія возбуждать Онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привиллегіями данными мануфактурамъ и фабрикамъ и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ Россія *можетъ*, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и рукодѣлій народамъ скуднымъ землею. Ей-ли изобилующей существенными богатствами присвоять ненасытимо *всѣ* источники существованія?... желать самой *все* обработывать, когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемниковъ* себѣ внѣ предѣловъ своихъ? Доколѣ мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески?...

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, втеченіе немногихъ лѣтъ, сама собою безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу. Великими примѣрами распространяемыя благонравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна россійскихъ существенныхъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ, возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, Онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя Ему теперь провидѣніемъ, которое *явно* простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ *постоянной* политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ-ли Онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ Дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ ли по нынѣшнему положенію Своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ *цвѣтѣ еще находящееся*, таково-ли, чтобъ жертвовать людьми безъ *крайнѣйшей* необходимости?... О, какая участь! обращать на себя признательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, и благотворить!... Если Всевышній мерзитъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если Ему угодно, чтобъ когда либо существовала истинно-христіанская держава, то сей примѣръ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: *охраненіе общаго спокойствія.* Въ ожиданіи пока безумный какой либо врагъ дѣйствительно покусился бы на него, найдутся средства занять, милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прежде всего оградитъ Онъ западные предѣлы Имперіи Своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру Римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе-же опыты, и въ числѣ ихъ самаго основателя сей столицы обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ Онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратникокъ, съ младенчества пріобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы Имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ воина съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы, ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обя-

занность, будутъ одно и тоже чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?.....

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительствамъ, чтобъ они были: Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ — съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ—Онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *Россіянъ*. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, Онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава Его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!...

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ затверженныя принимаетъ восклицанія поэзіи, которая безстыдно пинаравливаетъ ихъ ко *всѣмъ* царямъ, увѣряя *каждаго*, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли...

О Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносимую...

Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ Твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности!... Геній-благотворитель любезнаго моего Отечества!“

III.

МАРКИЗЪ ПОЗА.

На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, *Василій Назаровичъ Каразинъ*. Государь, отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ Каразина въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Вы писали ко мнѣ это письмо?

— Виноватъ, государь, отвѣчалъ Каразинъ.

— Дайте же мнѣ обнять васъ за него, благодарю васъ, я желалъ бы чтобъ у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда со мной говорить такъ откровенно, продолжайте всегда говорить мнѣ *правду!*

Государь прижалъ его къ своей груди и Каразинъ, рыдая какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: „клянусь, что буду всегда говорить правду.“

Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки, двери кабинета были открыты для него...

Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада.

... Маркизъ Поза нашъ началъ свою политическую карьеру года за два передъ тѣмъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ оставилъ военную службу. Образованный, съ рѣдкой многосторонностью, онъ простился съ Семеновскимъ полкомъ, для того, чтобъ изучать Россію и заниматься точными науками. Это было время пущаго разгара павловскаго безумія. Когда молодой человѣкъ вглядѣлся въ положеніе несчастной Россіи, стягаемой

на право и на лѣво, безъ разбору, ея палачемъ, такой ужасъ, такое отвращеніе, такое отчаяніе овладѣли его душой, что онъ рѣшился, во что бы ни стало, уѣхать въ чужія края. Заграничные паспорты были запрещены. Каразину не дали дозволенія ѣхать. Онъ рѣшился перебраться черезъ границу безъ паспорта. При переправкѣ черезъ Нѣманъ, его схватили драгуны и свезли въ Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Онъ хватился за самое опасное и несбыточное средство, оно спасло его. Предупреждая оффиціальное донесеніе, онъ послалъ 14 Августа 1798 съ эстафетой слѣдующее письмо къ Павлу:

14 Августа 1798, Ковно.

Государь,

„Несчастный преступникъ осмѣливается къ Тебѣ писать: преступникъ противъ Твоихъ повелѣній, Самодержецъ Россіи, не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня *единый* лучь твоей прозорливости, прежде нежели сожжетъ молнія Твоего гнѣва!

Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну Твоей державы; покусился, вопреки Твоей, *двукратно*, т. е. всенародно и частно, на мое лицо выраженной воли. Ночью противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправкѣ въ Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатерининскаго гренадерскаго полка: въ короткое время достигнетъ о томъ оффиціальное донесеніе.

Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С. Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ слободской-украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что онѣ не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой

нужды спасаться бѣгствомъ. Оно будетъ засадкою для моихъ слѣдователей.

Пріими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ Твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства Твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить Тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ...

Теперь въ волѣ Твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить, и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ!"

Павлу не часто приходилось читать такія письма. Ужасъ передъ его деспотизмомъ, заставившій молодого человѣка бѣжать и простодушное признаніе его, взяли Павла въ расплохъ. Стоя въ третьей танцовальоой позиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику*, своимъ сиплымъ голосомъ: „я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ; при комъ хочешь ты служить?" Хотя намѣреніе Каразина перебраться черезъ границу и не было доказательствомъ особенно сильнаго желанія испытывать прелесть павловской службы, но тутъ разсуждать было нечего, Каразинъ назвалъ Трощинскаго, Павелъ велѣлъ его опредѣлить и оставить въ покоѣ.

Для Александра такой человѣкъ былъ кладъ, казалось, что онъ понялъ это. Неутомимая дѣятельность Каразина и глубокое, научное образованіе его были

поразительны: онъ былъ астрономъ и химикъ, агрономъ, статистикъ, не риторъ, какъ Карамзинъ, не доктринеръ, какъ Сперанскій, а живой человѣкъ, вносившій во всякій вопросъ совершенно новый взглядъ и совершенно вѣрное требованіе.

Сначало императоръ безпрестанно посылаетъ за нимъ, пишетъ ему собственноручныя записки*). Каразинъ, упоенный успѣхомъ, удесятеряетъ свои силы, пишетъ проэкты, между прочимъ, проэктъ министерства просвѣщенія, подаетъ записку объ *искорененіи рабства* (т. е. крѣпостнаго состоянія) въ народѣ, въ которой прямо говоритъ, что послѣ того, что дворяне освобождены имъ дарованной грамотой, чередъ за крестьянами; вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ о народныхъ школахъ, составляетъ самъ два катехизиса, одинъ *свѣтскій*, одинъ духовный, и вдругъ, въ пущій разгаръ своего фавера, беретъ отпускъ и пропадаетъ на своей родинѣ въ Малороссіи. Не думайте, что онъ поѣхалъ отдохнуть, набрать новыхъ силъ, такіе люди не устаютъ, нѣтъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько недѣль въ Петербургъ съ 618,000 р. с., которые онъ вымолилъ, выплакалъ у харьковскаго и полтавскаго дворянства и купечества, на учрежденіе университета въ Харьковѣ. Государь хочетъ наградить его, Каразинъ отказывается. „Я становился, государь, на колѣна передъ дворянами и купцами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все это изъ желанія получить награду.“

Александръ имъ доволенъ, все идетъ хорошо, но уже замѣтна какая-то непріязненная сила, которая то тамъ

*) Какъ хотѣлось бы намъ видѣть эти записки. Такія достоянія исторіи не должно хранить подъ спудомъ.

подкатитъ бревно подъ колеса, то тутъ опуститъ тормазъ...

Проэктъ министерства просвѣщенія утвержденъ, но ужъ онъ не тотъ; утвержденъ и проэктъ харьковскаго университета, но колосальный замыселъ Каразина съуживается въ обыкновенные размѣры нѣмецкой провинціальной Hoch Schule. Каразинъ мечталъ о центральномъ учебномъ заведеніи, не только всей Малороссіи, но и юго-западныхъ славянъ, даже грековъ. Ему хотѣлось привлечь туда величайшія знаменитости ученаго міра. Лапласъ и Фихте согласились ѣхать, вызванные имъ, но правительство нашло ихъ не по карману.

Едва замѣчая *неудачу своихъ удачъ*, Каразинъ выписываетъ изъ чужихъ краевъ, на свой счетъ, въ Харьковъ тридцать два семейства типографовъ, переплетчиковъ и другихъ работниковъ, является во дворцѣ вдовствующей императрицы, пишетъ для нея трактаты о женскомъ воспитаніи, статьи о педагогіи и пр. Это его нисколько не отрываетъ отъ другихъ порученій Александра и отъ другихъ предпринятыхъ работъ. Съ небольшимъ въ два года онъ успѣлъ, сверхъ сказаннаго, написать уставъ для академіи, для университетовъ, для всѣхъ учебныхъ заведеній, собрать матеріалы для исторіи финансовъ и для исторіи медицины въ Россіи, заняться собраніемъ первыхъ статистическихъ свѣдѣній и привести въ порядокъ государственный архивъ.

Въ 1804 году Каразинъ возвратился съ слѣдствія, которое онъ дѣлалъ, совокупно съ Державинымъ, надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Злоупотребленія этого человѣка, находившаго сильную поддержку, были раскрыты. Лопухинъ отданъ подъ судъ. Оставалось наградить слѣдопроизводителей; но уже нитка, по которой Маркиза Позу пускали ходить, была коротка.

Ничего не замѣчая, онъ явился къ государю. Государь его принялъ съ насупившимися бровями. Каразинъ стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Ты хвастаешься моими письмами?

— Государь... Но государь не далъ ему отвѣтить.

— Посторонніе знаютъ, что я тебѣ писалъ одному и никому не показывалъ. Ты можешь идти.

Каразинъ вышелъ, и между ними все было кончено. Каразинъ подалъ въ отставку; государь принялъ его просьбу.

И такъ, въ 1804 году императоръ не зналъ, что содержаніе писемъ бываетъ извѣстно *почтовому вѣдомству.*

Поневолѣ вспомнишь печальный анекдотъ, разсказанный Н. И. Тургеневымъ, какъ Александръ гдѣ-то на конгрессѣ, получивъ просьбу крестьянина, проданнаго своимъ помѣщикомъ, спросилъ Тургенева, „будто законами дозволяется продажа людей безъ земли, и будто продажа въ розницу допускается?“ Тургеневъ, знавшій хаосъ законовъ по этой части, хотѣлъ воспользоваться вопросомъ, чтобъ уничтожить невольническую продажу и разумѣется не успѣлъ. Послѣ засѣданія въ совѣтѣ, на которомъ Тургеневъ горячился, В. П. Кочубей подошелъ къ нему и, горько улыбаясь, сказалъ: „И вы думаете, что изъ этого что нибудь будетъ?... *Вы лучше вотъ чему подивитесь, что государь двадцать лѣтъ царствуетъ и не зналъ, что у насъ людей продаютъ по одиночкѣ!*“

IV.

ПРАРОДИТЕЛЬСКІЙ ГРѢХЪ.

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имѣетъ виды, корысти, отношенія, *но нравственныхъ обязанностей* никакихъ.

Освобождаясь отъ застоявшихся преданій родительскаго дома, оно въ то же время оборвало всѣ кровныя связи, не налагая на себя другихъ; оно отдало свою родную мать чужому вотчиму въ кабалу, но и ему не подчинилось.

Сложные, разноначальные элементы западной жизни, были взяты на выборъ, подтасованы. Изъ цѣлой фразы, въ которой самыя противурѣчія смягчали односторонности, выполняли крайности и дѣлали своего рода строй, были выхвачены нѣсколько звуковъ, разрушившихъ ея сочетаніе и смыслъ. Все, увеличивающее власть, все, подавляющее человѣка, было взято; все, ограждающее лицо, оставлено въ сторонѣ; казуистика инквизиторіальнаго процесса обогатилась татарской пыткой, нѣмецкій чинъ—византійскимъ чинопочитаніемъ.

Самое *слово* человѣческое, безусловно подавленное и презираемое, получало только тогда мощь безграничнаго несчастія и неотвратимой угрозы, власть *дѣла*, когда оно сулило донось!

Такого правительства, отрѣшеннаго отъ всѣхъ нравственныхъ началъ, отъ всѣхъ обязанностей, принимаемыхъ на себя властью, кромѣ самосохраненія и сохраненія границъ, въ исторіи нѣтъ. Петровское правительство самая чудовищная абстракція, до которой можетъ

только подняться германская метафизика eines Polizeistaates. Правительство для правительства, народъ для государства. Полная независимость отъ исторіи, отъ религіи, отъ обычая, отъ человѣческаго сердца; матеріальная сила вмѣсто идеала, матеріальная власть вмѣсто авторитета.

Будь Россія завоевана, положимъ Польшей, была бы борьба. Польское панство принесло бы свои традиціи шляхетной воли, оно вызвало бы, какъ въ Малороссіи, какъ во время самозванцевъ, изъ оскорбленной народности, Ляпуновыхъ, Мининыхъ, Пожарскихъ, Хмѣльницкихъ. Два элемента помѣрились бы. Побѣдитель посмотрѣлъ бы, кто этотъ побѣжденный, въ чемъ его особенность, въ чемъ его народность. Но петровское завоеваніе Россіей, безъ иноплеменниковъ, безъ враждебнаго знамени, безъ открытаго боя, взяло всю страну въ расплохъ. Народъ тогда догадался, что онъ побѣжденъ, когда всѣ крѣпкія мѣста были въ рукахъ непріятеля; для *побѣдителей* побѣжденный народъ не имѣлъ даже интереса новости неизвѣстнаго, напротивъ, отчуждившійся притѣснитель презиралъ *черный* народъ русскій, былъ увѣренъ, что знаетъ его и чувствовалъ себя тою же плотью и тою же кровью, но очищенной тою же цивилизаціей и призванной управлять *чернью*.

Около Петра собирается куча голи дворянской, непомнящей родства, иностранцевъ, непомнящихъ родины, деньщиковъ и сержантовъ, въ пересыпочку съ старыми боярскими дѣтьми и вѣчными интригантами, ползающими у ногъ всякой власти и пользующимся всякими милостями. Кругъ этотъ ростетъ и умножается быстро, давая всюду свои чужеядныя побѣги.

Мало по малу по всей Россіи распространяется эта

плѣсень, она тащится по грязи и снѣгу, съ офицерскимъ дипломомъ, съ сенатскимъ указомъ о мѣстѣ, съ купчей крѣпостью, голодное и алчное, свирѣпое съ народомъ и подлое съ начальствомъ. Изъ нея составляется какая-то сѣть, охраняемая солдатами, собирающаяся вверху въ узелъ зимняго дворца и уловляющая внизу каждой петлей мужиковъ и горожанъ. Это какое-то разсѣянное дворянски - чиновничье государство съ общимъ армейски-помѣщичьимъ характеромъ. Въ немъ все сбрито: борода, областная самобытностъ, личная особенность. Оно одѣвается по нѣмецки и старается говорить по французски.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ народъ на измѣнниковъ, но сила съ ихъ стороны, и какъ онъ ни стонетъ, и какъ ни возстаетъ—ревизіи и рекрутчины, барщины и оброки, кнутъ и розги идутъ своимъ чередомъ. Онъ ропталъ, дѣлалъ опыты частныхъ возстаній; сговорившись съ казаками и татарами, поднялся было въ цѣломъ краѣ—но войска, войска... и пошла опять кнутовая расправа. Оглушенный болью, задавленный отчаяніемъ, онъ грохнулъ на землю и около ста лѣтъ пролежалъ въ оцѣпенѣніи.

Только съ тѣхъ поръ петровская Россія сдѣлалась тѣмъ мертвымъ, беззвучнымъ моремъ, котораго не поднимете никакой ураганъ.

До семидесятыхъ годовъ, петровскіе деньщики и сержанты вовсе не входили въ русло. Люди эти, пьяные отъ вина и крови, привыкшіе къ топору палача, къ стону пытаемыхъ, лизнувшіе власти и битые палкой, съ надменной отвагой и безъ всякаго чувства чести, помнили очень хорошо, какъ легко въ безнародномъ государствѣ сажать на престолъ всякую дрянь и сгонять ее съ престола.

Они знали, что въ императорскомъ „Мы“ есть и ихъ доля... Дальновидные изъ нихъ хотѣли въ свою пользу ограничить самовластіе, но истые сержанты предпочитали просто душить царей и сажать на ихъ мѣсто своихъ любовницъ. Дерзкая дворня была опасна, требовательна. Князю Григорью Григорьевичу Орлову мало было Екатерины, ему хотѣлось титула ея мужа. Зная, какъ узы брачныя легки, Екатерина соглашалась, но другіе деньщики и сержанты и не думали ей позволить. Имя Іоанна Антоновича было произнесено, она его велѣла убить какъ кошку; имя княжны Таракановой вспомнилось, она велѣла ее украсть, какъ крадутъ собаченокъ.

Все это дѣлалось отъ страха. Страхъ лихорадочный, непобѣдимый овладѣвалъ человѣкомъ, какъ только онъ садился на ржавый отъ крови тронъ Петра. На такихъ вѣрноподданныхъ, какъ деньщики и сержанты, какъ нѣмецкіе искатели приключеній, опереться было трудно; на народъ, на этотъ затоптанный въ грязь, подаренный дворянству, безгласный народъ, еще меньше: онъ не существовалъ. Вѣнценосцы куражились, старались забыться, но страхъ бралъ верхъ и вдругъ на нихъ нападалъ ужасъ человѣка, стоящаго на канатѣ: внизу чернь головъ понурыхъ, не смотрящихъ на верхъ, голосъ до нея достигнуть не можетъ; возлѣ... уже лучше бы никого... возлѣ сержанты, деньщики и никого близкаго... Они пугались собственнаго безплодія и посылали искать гдѣ нибудь у нѣмецкихъ ландграфовъ и архіепископовъ каплю петровской крови въ четвертомъ, пятомъ колѣнѣ; или наскоро заказывали дѣтей, какъ Елизавета Екатеринѣ, и все осматривались, и все боялись, не идетъ ли деньщикъ, выпивши... съ андреевской лентой и съ веревкой.

Прошелъ другой, и все измѣнилось. Тучи разсѣялись, свои узнали своихъ. Раскрылась міру картина величайшаго семейнаго счастія: богоподобная Фелица, „мать отечества,“ спокойно стояла на вершинѣ силы и власти, благосклонно улыбаясь колѣнопреклоненнымъ деньщикамъ и сержантамъ, сенаторамъ и кавалерамъ, все молилось ей, все благоговѣло передъ ней. Лучезарная стразами на манеръ *энциклопедическихъ* брилліянтовъ, она сіяла мудростью Беккаріи и глубокомысліемъ Монтескьё, говорила античныя рѣчи степнымъ помѣщикамъ, надѣвала римскіе шлемы своимъ balafrés... вызывала законодателей, принимавшихъ *ея волю* за законъ... Ея полководцы побѣждали ей на сушѣ и на морѣ, Державинъ ее пѣлъ тяжелыми стихами, Вольтеръ ее превозносилъ легкой прозой, и она, упоенная властью, удрученная любовью, отдавала все *своему* народу, все: свое тѣло, души вольныхъ казаковъ, монастырскія имѣнья. „Славься, славься ты, Екатерина!“

Кто сдѣлалъ это чудо, кто заарканилъ Россію ренегатовъ и нѣмцевъ? Кто привѣнчалъ Фелицѣ крамольныхъ деньщиковъ и окровавленныхъ сержантовъ?

Одна неизвѣстная степная старушка-барыня, въ родѣ помѣщицы Коробочки, приворожила ихъ.

Дѣло, говорятъ, было такъ:

Пугачевъ проѣзжалъ ея усадьбой, струхнула старушка и вышла его величество звать хлѣба-соли откушать.

— А что, какова она у васъ, православные? спросилъ государь-казакъ мужиковъ.

— Не хотимъ, ваше царское величество, грѣха на душу брать, мы барыней завсегда довольны, мать намъ родная.

— Хорошо, старушка, пойду къ тебѣ, выпью твоей водки, благо народъ хвалитъ.

Старуха угостила, чѣмъ могла. Пугачевъ простился съ ней и пошелъ садиться въ сани. Народъ его ждалъ. Лица были недовольны.

— Али просьба какая, говори смѣлѣй.

— Да что же, твое царское величество, при чемъ же мы-то... то есть останемся?

— А что?

— Да вѣдь вотъ ты, батюшка, былъ тамъ-то, помѣщика-то повѣсилъ, да и дѣтенышей-то его, вотъ и тамъ-то... ну, а мы-то какъ?

— Да вѣдь вы же говорите, что больно хороша ваша старуха.

— Оно точно,твое величество, она добрая женщина, да вѣдь все же лучше порѣшить.

— Ну, братцы, коли хотите, какъ хотите, пожалуй и порѣшимъ.

— Жаль-то, жаль, но дѣлать нечего, говорили мужички, отправляясь за старушкой, спокойно убиравшей посуду на радостяхъ, что царь ее простилъ, и къ крайнему ея удивленію повѣсили ее на перекладинѣ. Онато, говорятъ, и сглазила крамольныхъ деньщиковъ и правительствующихъ сержантовъ.

Призадумались они, видя такую *нелицепріятную* справедливость.

„Такъ-то мы *его* засѣкли? Скажите на милость, да вѣдь это съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться? Нѣтъ, полно крамольничать, что мы сдѣлаемъ безъ царской помощи?“

И семейная ссора была покончена.

Съ этого времени начиная, правительство не смѣло ни въ чемъ подать руки крестьянамъ. Дворянство потеряло всякій смыслъ гражданской доблести передъ правительствомъ и всякое чувство нравственнаго стыда

въ отношеніи крестьянъ. Двѣ Россіи окончательно перестали другъ въ другѣ понимать людей. Между ними не было ничего человѣческаго, ни состраданія, ни справедливости. Розная нравственность, розныя святыни. Запуганный крестьянинъ жался въ своей деревнѣ, боялся помѣщика, боялся исправника, боялся города, гдѣ всякій могъ его бить, гдѣ его кафтанъ и поддевка считались подлой одеждой, гдѣ онъ бороду только встрѣчалъ на иконахъ Христа. Помѣщикъ, искренно плакавшій за повѣстями Мармонтеля, хладнокровно дралъ на конюшнѣ мужика за недоимку. Мужикъ съ спокойной совѣстью надувалъ помѣщика и судью. „Ты-то что за баринъ, говорила какая нибудь старушка въ кучерской Митькѣ или Кузькѣ, что ѣшь скоромное въ постъ? То баринъ, съ него и не взыщется, а ты-то съ чего не исполняешь законъ божій?“

Далѣе раздвоеніе идти не можетъ.

Народъ сломился. Безъ ропота, безъ бунта, безъ упованья пошелъ онъ, стиснувъ зубы, *слѣдующую тысячу* розогъ, изнуренный падалъ, умиралъ, гнали его дѣтей, и такъ одно поколѣніе за другимъ. Тишина водворилась, оброки платились, барщины исполнялись, трубила псовая охота, играла крѣпостная музыка; весело было материнскому сердцу императрицы.

Упрочился петербургскій тронъ. Четырнадцать расширяющихся обручей табели о рангахъ, прикрѣпленные къ землѣ штыками и прикладами, поддерживали его; имъ помогало провинціальное дворянство, всосавшись въ крестьянскую грудь. Западный свѣтъ блѣдно и холодно скользилъ по верхушкѣ пирамиды, освѣщая одну сторону ея; по другую, за ея тѣнью, нельзя было ничего разглядѣть, да и нечего было смотрѣть: тамъ лежало какое-то засѣченное тѣло, покрытое рогожей, въ

ожиданіи *кого-то*, кто долженъ рѣшить, умеръ онъ или нѣтъ... Казалось, побѣда была совершенная.

Но петровскій переворотъ замѣшалъ обоюдоострый элементъ въ жизнь дворячской Россіи. Петру нравилась матеріальная сторона цивилизаціи, прикладная наука: ея богатыя средства удесятеряли власть; но онъ не зналъ, какіе шипы кроются въ этихъ западныхъ розахъ, а, пожалуй, слишкомъ презиралъ свой народъ, чтобъ думать о томъ, что онъ можетъ усвоить и еще кое-что, кромѣ фортификаціи, кораблестроенія и канцелярскаго порядка. Наука стоитъ всякаго червя, подтачиваетъ день и ночь до тѣхъ поръ, пока гдѣ нибудь да выйдетъ на свѣтъ, пробьется до сознанія, а *иное сознаніе*, точно угрызеніе совѣсти, пойдетъ бродить до тѣхъ поръ, пока поднимется вся опара.

Въ 1789 случился вотъ какой случай: Одинъ неважный молодой человѣкъ, отъужинавъ съ друзьями въ Петербургѣ, поѣхалъ въ почтовой кибиткѣ въ Москву. Первую станцію онъ проспалъ. На второй, въ Софіи, онъ долго хлопоталъ о лошадяхъ и должно быть оттого разгулялся такъ, что, когда свѣжая тройка понесла его, звеня колокольчикомъ, онъ вмѣсто сна сталъ слушать пѣсню ямщика на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; странныя мысли пришли въ голову неважнаго человѣка. Вотъ его слова:

„Извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть нѣчто, скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ тона мягкаго. *На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умьй учреждать бразды правленія.* Въ немъ найдешь образованіе души нашего народа. *Посмотри на русскаго, найдешь его задумчивымъ.* Если захочетъ ра-

зогнать скуку, или, какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, —въ кабакъ... *Бурлакъ, идущій, повѣся голову, въ кабакъ и возвращающійся обагренный кровью отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи россійской.*"

Ямщикъ все плачетъ свою пѣсню; путникъ все думаетъ свою думу и не доѣхавъ до Чудова, онъ вдругъ вспомнилъ какъ онъ въ Петербургѣ когда-то ударилъ своего Петрушку за то, что онъ былъ пьянъ, да и заплакалъ какъ ребенокъ и, не краснѣя за дворянскую честь, имѣлъ безстыдство написать: „О естьли-бъ онъ тогда хоть пьяный опомнился и отвѣчалъ бы мнѣ соотвѣтственно!"

Отъ этой пѣсни, отъ этихъ слезъ, отъ этихъ словъ, потерянныхъ на почтовомъ трактѣ, между двухъ станцій, надобно считать одну изъ начальныхъ точекъ обратнаго теченія; зачатіе дѣлается всегда тихо и слѣдъ его обыкновенно сначала пропадаетъ.

Императрица Екатерина поняла въ чемъ дѣло и изволила „съ жаромъ *и чувствительностью*" сказать Храповицкому: „*Радищевъ бунтовщикъ хуже Пугачева!*"

Удивляться, что она его отослала въ цѣпяхъ въ Илимской острогъ — нелѣпость. Гораздо удивительнѣе то, что Павелъ воротилъ его; но онъ это сдѣлалъ на зло покойной матери, другой цѣли у него не было.

Съ тѣхъ поръ время отъ времени являются какіе-то потерянные, безгромные зарницы; являются люди, воплотившіе въ себя историческое угрызеніе совѣсти, безсильные искупители, неповинные страдальцы за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ готовы были все отдать, всѣмъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву. Одни стучались во дворецъ, на колѣняхъ умоляли опомниться; ихъ рѣчь будто потря-

сала вѣнценосцевъ, но изъ этого ничего не вышло, другіе стучались въ избу, но не могли ничего сказать мужику, такъ разошлись ихъ языки. Крестьянинъ смотрѣлъ сурово и недовѣрчиво на этихъ „дары несущихъ Данаевъ“ и съ горестью отходили отъ него раскаявающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять-шесть лучшихъ людей въ Россіи, гибли въ праздности, окруженные безучастіемъ, ненавистью, непониманіемъ. Новиковъ сидѣлъ въ крѣпости, Радищевъ въ Илимскѣ. Хороша имъ показалась вѣроятно Россія, когда Павелъ ихъ выпустилъ?

... Ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ съ упованьемъ взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и чрезвычайно привѣтливый, онъ могъ очаровать ихъ. Развѣ онъ не страдалъ о боляхъ Россіи, какъ они? развѣ онъ не хотѣлъ ихъ изцѣлить, какъ они?... но онъ *сверхъ того и могъ* это сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось.

И Радищевъ, дорого заплатившій за то, что пожалѣлъ черную Русь, идетъ съ такою же вѣрой, какъ Каразинъ, предлагать свои силы юному императору и его онъ принимаетъ. Рьяно бросается Радищевъ на работу, пишетъ рядъ законодательныхъ проэктовъ, которые должны вести къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, тѣлесныхъ наказаній. Но вдругъ, какъ-то потолковавши, не съ ямщикомъ, а съ графомъ Завадовскимъ онъ остановился, замялся, на него напало сомнѣніе, страхъ, онъ подумалъ, подумалъ, налилъ себѣ стаканъ купороснаго масла и выпилъ его. Александръ послалъ къ нему своего лейбъ медика Вилье, помочь было поздно. Вилье только сказалъ, глядя на черты агонизиру-

ющаго—„должно быть этотъ человѣкъ былъ очень несчастенъ!“.

— Должно быть!

— Это было осенью 1802 года, Каразинъ тогда былъ *въ силѣ*, онъ Радищева зналъ очень хорошо, даже затерялъ какъ-то тетрадь его проэктовъ—но потрясающій примѣръ не подѣйствовалъ. Высланный изъ дворца, онъ возвращается черезъ пять лѣтъ, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать, черезъ *тридцать*, съ своимъ проэктомъ освобожденія крестьянъ и дворянскаго представительства, съ своимъ переворотомъ *сверху внизъ*. Не замѣчая, наконецъ, что уже царствуетъ Николай, онъ стучится и къ нему въ двери и толкуетъ этому ограниченному фрунтовику о томъ, „то подымаются бури, что быть бѣдѣ, что надобно для сохраненія трона дѣлать уступки“, и никакъ не можетъ сообразить, за что Александръ въ 1820 велѣлъ его посадить въ крѣпость, а изъ передней Николая его велѣлъ вывести жандармамъ оберъ-жандармъ Бенкендорфъ.

Ему бы спросить у Сперанскаго, какъ крутыя горки плоскаго Петербурга укатываютъ рьянаго коня и дѣлаютъ изъ него почтенную упряжную клячу, важно ходящую въ шорахъ.

Но какъ же эти люди могли такъ обманываться, или зачѣмъ же ихъ обманывалъ Александръ? Да этого вовсе не было. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, по крайней мѣрѣ, до 1806-7 года сомнѣваться въ его искреннемъ желаніи облегчить судьбу своихъ подданныхъ: оградить крестьянъ отъ *злоупотребленія* помѣщиковъ, отъ *злоупотребленія* чиновниковъ, отъ подкупнаго суда и несправедливости сильныхъ. Александръ не ставилъ исключительной цѣлью своего царствованія тупое поддержаніе и увеличеніе своей власти, какъ ка-

кой нибудь Николай. Онъ не желалъ, чтобъ его слово равнялось пріему стрихнина, онъ домогался, чтобъ его не только боялись, но и любили. Въ самыя страстныя минуты, онъ не могъ не только выслушать мнѣніе другаго, но и принять его. Рѣшившись разстрѣлять въ 1812 году Сперанскаго, онъ отмѣнилъ безумную казнь, поговоривши съ академикомъ Парротомъ. Все это такъ но сдѣлать что нибудь путнаго для русскаго народа, *онъ не могъ*. Въ этомъ-то и состояла трагическая роль его.

И по чемъ знать, не ударился ли онъ во внѣшнія войны оттого, что онъ сталъ разглядывать заколдованный кругъ, который расширялся всякій разъ, когда онъ приказывалъ наборъ, увеличивалъ тяги народныя, и тотчасъ съуживался, когда онъ предпринималъ что-нибудь для народа. Онъ становится нерѣшителенъ, его давитъ недовѣріе къ другимъ, неувѣренность въ себѣ; колебаніе растетъ съ пораженіями, растетъ съ побѣдами; изъ Парижа онъ возвращается мрачнымъ мистикомъ — не хочетъ больше ни пересоздавать, ни улучшать; онъ возвращаетъ Сперанскаго, но проэкты его остаются сосланными въ архивѣ; онъ Енгельгардту, сказавшему ему что-то о приведеніи въ порядокъ гражданской части, печально отвѣчаетъ *„Некъмъ взять!“*

Къ власти онъ привыкъ, славу ему было не нужно больше, ему хотѣлось теперь покоя и онъ между всѣми министрами и сановниками, между генералами, покрытыми славой и людьми приближенными, выбралъ бездушнаго палача — Аракчеева и передалъ ему Россію... да еще такъ распорядился, чтобъ она и послѣ его смерти досталась *другому* Аракчееву.

Дворянству *онъ не вѣрилъ*, *народа онъ не зналъ* и чему же дивиться, когда возлѣ него стояли люди какъ Спе-

ранскій и его противникъ Карамзинъ, какъ предтеча славянофильства Шишковъ, которые могли *знать народъ, но не знали его?* Когда умнѣйшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ, толковали о дворянствѣ, какъ объ единой опорѣ престола, когда честные сенаторы, какъ Лопухинъ, возмущались при мысли объ освобожденіи крестьянъ?

Жаль, что Александръ былъ немного глухъ и не ѣздилъ одинъ въ кибиткѣ по большимъ дорогамъ, можетъ и его какъ нибудь разбудила бы на зарѣ пѣснь ямщика и онъ въ ней, а не въ Еккартсгаузенѣ, поискалъ бы ключа къ таинствамъ народа.

... Для того, чтобъ знать русскій народъ, Александру мало было убить отца, ему надобно было отрѣчься отъ „премудрой бабки“, отъ „великаго Петра“, отъ всего роду и племени. Ему—страшно сказать—ему надобно было отрѣчься отъ Лагарпа, который изъ него сдѣлалъ человѣка, но которой никогда бы не понялъ, „что объ русской исторіи лучше государственныхъ актовъ можно узнать у бурлака, который угрюмо идетъ въ питейный домъ и окровавленый выходитъ изъ него!“

V.

FAREMO DA SE!

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, онъ еще сдѣлалъ опытъ, пользуясь правомъ ему предоставленнымъ, писать къ нему. Но Маркизъ Поза не имѣлъ больше интереса для короновапнаго Донъ Карлоса, къ тому же Александръ теперь былъ поглощенъ и занятъ вопросами другой важности, вопросами европейскими, онъ мѣрился съ Наполеономъ и напра-

шивался на войну, которая должна была кончиться тѣмъ, что насъ побьютъ подъ Аустерлицомъ.

Начинаетъ заниматься другимъ и Каразинъ; онъ, какъ отверженный любовникъ, par dépit amoureux, бросается въ дѣятельность, изумительно многосторонную. Въ его огненной, безпокойной головѣ несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономическіе проэкты, ученыя теоріи, машины, наблюденія, снаряды, новое винокуреніе, усовершенствованіе кожевеннаго производства, земледѣльческіе опыты съ иностранными семенами, легкій способъ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война — Каразинъ пишетъ о средствахъ умноженія селитры, дѣлаетъ мясные консервы и рядомъ съ этимъ хлопочетъ объ учрежденіи повсемѣстныхъ метереологическихъ наблюденій въ Россіи; ставитъ въ 1808 году совершенно *ясныя наукообразныя* требованія по этой части, которыя наука до сихъ поръ не можетъ удовлетворить; ищетъ средствъ употребить на пользу воздушное электричество, заводитъ филотехническое общество въ слободско-украинской губерніи, печется о своемъ харьковскомъ университетѣ и пр., и пр.

Но главная мысль, главная боль, основной тонъ жизни не тутъ.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дѣло употребить воздушное электричество, Каразинъ страстно слѣдитъ за другими событіями и ищетъ другого громоотвода. Между тѣмъ время идетъ да идетъ.

Александръ царствуетъ уже двадцатый годъ. Чего и чего не было съ тѣхъ поръ, какъ со слезами на глазахъ, онъ читалъ письмо Каразина?.. Тильзитъ и 1812 годъ, Москва и Парижъ, Вѣнскій конгресъ и св. Елена. Общественное мнѣніе, разбуженное столькими выстрѣ-

лами и толчками, двинулось впередъ, правительство стало отставать. Александръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло. Народъ, давшій столько крови и получившій за это шишковскую прозу манифеста, ропталъ на новый рекрутскій наборъ тѣмъ больше, что поговаривали о безсмысленной войнѣ для поддержанія австрійскаго ига въ Италіи, о повтореніи нелѣпѣйшей суворовской кампаніи.

Молодые люди, энергическіе и образованные смотрятъ угрюмо. Каразинъ все это видитъ, но онъ продолжаетъ вѣрить, что Александръ *можетъ и хочетъ* предупредить собирающуюся бурю.

Въ началѣ 1820 года, государь простилъ какой-то казенный долгъ тестю Карасина. Каразинъ просилъ дозволеніе лично принести свою благодарность—отказъ. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я ничего особливаго писать не буду; но попрошу только, потребуйте всем. государь у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 Марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ отъ 1-го Апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ. Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей *человѣка, столь удаленнаго отъ меня по всѣмъ отношеніямъ*, съ моими, и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно *съ 1817 года*, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ,

предъ наступленіемъ гибельнаго переворота, и что *точно такъ* были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate», сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены (р. 93, § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе; *должно* въ себѣ заключать нѣчто справедливое, тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени! Довольно, если половина, если *нѣкоторая доля* есть тутъ основательнаго!

„... Время — говоритъ онъ въ запискѣ поданной по приказанію государя В. П. Кочубею — время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства; время замѣнить *религіозное* къ престолу почтеніе — другимъ, основаннымъ на законахъ.

— „Конечно годъ, два, можетъ и болѣе еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то и отваживаю всего себя*. Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно*, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать ужъ не стану".

Каразинъ умоляетъ государя „не вѣрить словамъ, которыми губернаторы его встрѣчаютъ, *все благополучно, все по прежнему!*" — „Великая перемѣна, говоритъ онъ, произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ..." Въ семеновской исторіи, въ которой онъ оправдываетъ солдатъ и удивляется имъ, онъ явно видитъ „ступеньку лѣстницы, которую строитъ *для насъ духъ вѣка*".

Но гдѣ же его громоотводы? Вотъ они. „Постепенное освобожденіе крестьянъ, и вызовъ выборныхъ людей отъ

всего *дворянства*, какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства"; этой Думой, полагаетъ Карамзинъ „будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь-бы не ушло время." Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена *искреннимъ семейнымъ союзомъ твоего государя съ его дворянствомъ!* Впрочемъ, да будетъ какъ и во всемъ воля божія!

... „Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь *тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?*

... „Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ распространяющихся мнѣній. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Въ многихъ *разночинцахъ и отпущенникахъ* я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспіеровъ. Есть и дворяне, прожившіе свое имѣніе, воспитанные въ развратѣ и дурныхъ началахъ, недовольные службою, слѣдовательно, готовые присоединиться къ черни. Время Пугачева, московскаго бунта при Еропкинѣ и явленія безначалія при нашествіи въ 1812 году, въ разныхъ мѣстахъ московской и калужской губерніи(?) оказавшіяся, возвѣщаютъ завременно какова чернь наша при невозбранномъ употребленіи вина! *Горе намъ! престолъ потонетъ въ крови дворянства!*"

На этотъ крикъ ужаса и предостереженія, императоръ Александръ велѣлъ В. П. Кочубею потребовать у Карамзина „подробностей, доказательства, имена", иными словами *доносъ*. Развился „Траянъ и Маркъ Аврелій" въ двадцатилѣтнее царствованіе!

Карамзинъ отказался. Государь велѣлъ его посадить

въ крѣпость и потомъ удалить на житье въ его малороссійское имѣніе.

За что?

За то, что мѣшался не въ свои дѣла, но этого-то Каразинъ и не могъ никакъ понять. „А давно ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить,—говоритъ онъ — мои дѣти и внуки, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ?*) Изъ какой азіатской системы взята эта мысль? *Учить правительство*, выраженіе изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ, правительство составляющихъ. Но авторы издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательствъ, финансовъ и пр., развѣ не болѣе еще должны называться виновными? Мы всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. *Горе если мы станемъ разсуждать на площади*, подобно другимъ народамъ!.. Да и много ли насъ теперь въ Россіи *желающихъ*, *умѣющихъ* и *дерзающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: *ему не наскучатъ!*“

Какъ бы то ни было, но Каразинъ былъ въ крѣпости и могъ на досугѣ обдумывать, что опаснѣе—спасать сильныхъ міра сего, или толкать ихъ въ пропасть.

Въ тѣ ночи безъ сна, когда Каразинъ писалъ Кочубею свои политическія рапсодіи — не спали и другіе

*) Наивный Николай не раздѣлялъ мнѣнія Каразина. Вотъ какъ Харьковскій губернаторъ сообщилъ ему (24 Ноября 1826) высочайшее разрѣшеніе оставить деревню: „г. начальникъ главнаго штаба е. и. в. сообщилъ мнѣ, что государь императоръ вамъ разрѣшаетъ всем. право жить, гдѣ пожелаете, съ дозволеніемъ имѣть *пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ однако-же Санкт-Петербурга впредь до повелѣнія* и съ тѣмъ, чтобы вы воздержались отъ *всякаго сужденія до васъ непринадлежащаго!*“—Каковъ языкъ и каковъ мозгъ!

дѣятели; не спали они въ гвардейскихъ казармахъ, въ штабѣ второй арміи, въ московскихъ старинныхъ господскихъ домахъ. Они догадались, что Александръ дальше двухъ-трехъ либеральныхъ фразъ не пойдетъ, что въ зимнемъ дворцѣ нѣтъ мѣста ни Маркизу Позѣ, ни Струензе; они поняли, что спасеніе для народа не можетъ выйти изъ той же комнаты, изъ которой вышли военныя поселенія. Они ничего не ждали отъ правительства и хотѣли своими силами справиться; *ими* свѣтлая полоса пирамиды нѣсколько опустилась; вершина стала тускнуть за туманомъ. Образованіе, умъ, жажда воли, все это было теперь въ другомъ поясѣ, въ другой средѣ, недворцовой! въ ней была юность, отвага, ширь, поэзія, Пушкинъ, рубцы 1812 года, зеленые лавры и бѣлые кресты. Между 1812 и 1825 годами, развилась цѣлая плеяда, блестящая талантами, съ независимымъ характеромъ, съ рыцарской доблестью (явленіями совершенно новыми въ Россіи). Ею было усвоено все то изъ западнаго образованія, что было запрещено къ ввозу. Лучшаго ничего не производила петровская эпоха, это были ея *предповоротные* цвѣты и не смотря на роковую косу, разомъ подрѣзавшую ихъ, ихъ вліяніе — какъ Волгу въ морѣ—можно далеко прослѣдить въ печальной, николаевской Россіи.

Сказаніе о Декабристахъ становится больше и больше торжественнымъ прологомъ, отъ котораго всѣ мы считаемъ нашу жизнь, нашу героическую генеалогію. Что за Титаны, что за гиганты и что за поэтическія, что за сочувственныя личности! Ихъ нельзя было ничѣмъ ни умалить, ни исказить, ни висѣлицей, ни каторгой, ни блудовскимъ донесеніемъ, ни корфовскимъ поминаньемъ...

Да, это были люди!

Когда, черезъ тридцать лѣтъ, нѣсколько старцевъ, пережившихъ Николая, возвратились согбенные и опираясь на клюку, изъ своей томной, долгой ссылки—николаевское поколѣніе забитыхъ, желчныхъ, разочарованныхъ смотрѣло съ смущеніемъ на эту *юность*, сохранившую въ казематахъ, рудникахъ и Сибири, прежній жаръ сердца, молодое упованье, несокрушимую волю, непреклонныя убѣжденія—на эту *юность* осѣненную серебряными волосами, въ которыхъ виднѣлись слѣды терноваго вѣнка, лежавшаго больше четверти столѣтія на ихъ головахъ. Не они искали у остывшаго очага своего опоры, успокоенья — нѣтъ — они утѣшали слабыхъ, *они* подавали руку больнымъ дѣтямъ, ободряя ихъ, поддерживая ихъ силы и ихъ надежды!

Какъ утомленный Фаустъ обращался за отдыхомъ и миромъ къ вѣчно изящнымъ типамъ матерей, такъ наше молодое поколѣнье обращается за родной силой и крѣпительнымъ примѣромъ къ этимъ Отцамъ.

Святой фалангой Декабристовъ очищенъ петербургскій періодъ; далѣе дворянство не могло идти, не выйдя въ народъ, не разодравъ своей грамоты.

Это его Исаакъ, принесенный на жертву примиренія съ народомъ. Коронованный Авраамъ не слыхалъ гласа божія и затянулъ веревку...

Народъ не плакалъ.

Трагическій элементъ петровскаго періода достигъ высшаго, раздирающаго душу выраженія—далѣе и ему нельзя идти.

Жертва была дѣйствительно полная и эту полноту дало ей именно *безучастіе народа*.

Только теперь становились возможными выходъ и примиреніе. Отпаденіе отъ народа, выработавшее въ себѣ столько любви и силы, чистоты и раскаянія, столь-

ко отрицанія самого себя и преданности другому, было дѣйствительно искупленіемъ. Готовность этой кучки аристократовъ и дворянъ не только поступиться неправымъ стяженіемъ, доставшимся по наслѣдству, se faire roturier de gentilshommes, какъ выражался графъ Ростопчинъ, но умереть, идти на каторжную работу за это—стираетъ историческій грѣхъ!

VI.

ПО ТУ СТОРОНУ.

... Когда въ 1826 г. Якубовичъ увидѣлъ кн. Оболенскаго съ бородой и въ солдатской сермягѣ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: „Ну, Оболенскій, если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина!...“ Тутъ взошелъ комендантъ; арестантовъ заковали и отправили въ Сибирь на каторжную работу.

Народъ не призналъ этого сходства и густыя толпы его равнодушно смотрѣли въ нижнемъ Новѣгородѣ, когда провозили колодниковъ въ самое время ярмарки. Можетъ, они думали: „наши-то сердечные *пѣшечкомъ* ходятъ туда, а вотъ господъ-то жандармы возятъ!“

Но по ту сторону уральскаго хребта настаетъ печальное равенство передъ каторгой и передъ безвыходнымъ несчастіемъ. Все измѣняется. Мелкій чиновникъ, котораго мы привыкли знать за бездушнаго, грязнаго взяточника, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ умоляетъ ссыльныхъ въ Иртутскѣ принять отъ него денежное подаяніе; грубые казаки, конвоирующіе ихъ, мировлятъ имъ, насколько могутъ, купцы угощаютъ ихъ при проѣздѣ. По ту сторону Байкала нѣсколько изъ

нихъ остановились за перевозомъ у Верхне-Удинска, жители провѣдали кого везутъ, какой-то старичекъ тотчасъ посылаетъ имъ, съ внучкомъ, корзину бѣлаго хлѣба и булокъ, и самъ дѣдушка плетется потолковать о забайкальскомъ краѣ, да ихъ пораспросить о бѣломъ свѣтѣ.

Еще въ усольскомъ заводѣ князь Оболенскій пошелъ рано утромъ, на назначенное ему мѣсто рубить деревья. Во время его работы показался изъ лѣсу какой-то человѣкъ, посмотрѣлъ на него пристально, привѣтливо и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ, идучи домой, Оболенскій его опять встрѣтилъ, онъ дѣлалъ знаки, указывалъ на лѣсъ; на другое утро онъ вышелъ изъ чащи и указалъ Оболенскому, чтобъ онъ шелъ за нимъ. Оболенскій пошелъ. Заведя его въ чащу, онъ остановился и торжественно сказалъ ему—„Мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезикіиля сказано о васъ. Мы васъ ожидали, нашихъ здѣсь много, *надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ!*“ Это былъ ссыльный духоборецъ.

Давно Оболенскій мучился желаніемъ имѣть вѣсти о своихъ черезъ княгиню Трубецкую, которая пріѣхала въ Иркутскъ. Средствъ ей доставить письмо не было никакихъ. Оболенскій попросилъ помощи раскольника. Тотъ не долго думалъ. „Завтра въ сумерки, сказалъ онъ, я буду на такомъ-то мѣстѣ, приносите письмо, оно будетъ доставлено!“.. Оболенскій отдалъ ему письмо и онъ въ туже ночь отправился въ Иркутскъ, черезъ два дни, отвѣтъ былъ у Оболенскаго.

Что было бы, еслибъ его поймали?

— Свои не считаются...

Раскольникъ заплатилъ со стороны народа за Радищева.

И такъ въ лѣсахъ и рудникахъ Сибири, впервые Россія петровская, помѣщичья, чиновническая, офицерская и Русь черная, крестьянская, сельская, обѣ сосланныя, скованныя, обѣ съ топоромъ за поясомъ, обѣ, опираясь на заступъ и отиряя потъ съ лица, взглянули другъ на друга и узнали давно забытыя родственныя черты. Пора тому же совершиться бѣлымъ днемъ, громко, открыто, вездѣ.

Пора дворянству, искуственно поднятому нѣмецкими машинами надъ общимъ уровнемъ, въ своемъ водоемѣ, слиться съ окружающимъ моремъ. Къ фонтанамъ приглядѣлись, и Самсонъ не удивляетъ своимъ стержнемъ воды изъ львиной челюсти, рядомъ съ безконечностью морской зыби.

Петерговскій праздникъ конченъ, куртажная пьэса въ коетюмахъ сыграна, лампы тухнутъ и чадятъ, водометы едва сочатся—пойдемте домой!

— „Все это такъ, но... но... не лучше ли народъ поднять?“ Можно, только надобно знать, что поднимать на дыбу—одна вѣрная метода и есть, метода преображенскаго застѣнка, метода Петра I, Бирона, Аракчеева. Потому-то и императоръ Александръ ничего не сдѣлалъ съ Каразиными и Сперанскими — а дошедши до Аракчеева, на немъ и остановился.

Народу слишкомъ много, чтобъ его въ самомъ дѣлѣ можно было поднимать въ 14 классъ *) и вообще ка-

*) Старовѣры англійскаго толка, обязанные по ученію своему сохранять вѣковыя пріобрѣтенія исторической жизни, даже и тогда, когда ихъ нѣтъ, или когда они вредны, не согласны съ этимъ. Они думаютъ, что всякія права, благо и злопріобрѣтенныя, надобно беречь и къ нимъ пріобщать другихъ. Напр., вмѣсто того, чтобъ у дворни отнять право сѣчь и драться съ мужиками—дать это право мужикамъ. Встарь говаривали, что хорошо бы весь народъ произвести въ 14 классъ, чтобъ его не били; не лучше ли прямо произвести

ждый народъ имѣетъ сильно опредѣленный физіологическій характеръ, который и самыя завоеванія рѣдко измѣняютъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ принимать народъ за глину, а себя за ваятелей и съ нашего *прекраснаго высока* лѣпить изъ него статую à l'antique, на французскій ладъ, на манеръ англійской или на нѣмецкую колодку, мы въ народѣ ничего не встрѣтимъ, кромѣ упорнаго безучастія, или обидно страдательнаго повиновенія.

Педагогическая метода нашихъ цивилизаторовъ скверная. Она идетъ изъ того основанія, что мы все знаемъ, а народъ ничего не знаетъ. Какъ будто мы научили

въ гвардіи капитаны, или въ потомственное дворянство, благо у насъ потомство считается въ обратную сторону. А вотъ украинцы въ XVI столѣтіи разсуждали не такъ, когда ихъ хотѣли облагородить, да и притомъ не книжные школяры, а блестящее, пышное, размашистое панство Вольной Рѣчи Посполитой; имъ казалось лучше остаться казаками. Такое же казацкое мнѣніе въ органическомъ развитіи вообще (которое наши доктринеры очень любятъ брать въ примѣръ), одна сторона организма можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно развиться, взять верхъ, всегда въ ущербъ всѣхъ остальныхъ. Самъ по себѣ, органъ этотъ можетъ быть очень развитъ, но въ организмѣ составляетъ уродство, котораго никакъ не снимешь, искуственно развивая до нелѣпости остальныя части

Это приводитъ намъ на память замѣчательный случай изъ религіозно-хирургической практики принца Гогенлоэ. Принцъ Гогенлоэ былъ одинъ изъ послѣднихъ смертныхъ, одаренныхъ чудотворными силами. Это было въ ту благословенную эпоху нашего вѣка, когда все феодальное, клерикальное съ пудрой и ладаномъ воскресало на развалинахъ французской революціи. Принцъ былъ призванъ къ больному, у котораго одна нога была короче, родные его не догадались, что собственно у него *другая* нога была длиннѣе. Чудотворный князь принялся за свои молитвы... растетъ нога — но князь какъ-то не остерегся и очень неумѣренно помолился — короткая нога переросла—дасада какая—онъ за другую молиться, и та переросла — онъ къ прежней... кончилось тѣмъ, что князь оставилъ паціента все-таки съ неровными ногами, да къ тому же на живыхъ ходуляхъ.

его *праву на землю*, общинному владѣнію, устройству, артели, мірской сходкѣ?

Само собою разумѣется, мы многое можемъ указать народу, но многому и намъ придется учиться у него, изучать въ немъ. У насъ есть теоріи, усвоенныя нами и представляющія выработанныя слѣдствія западнаго быта, для того, чтобъ опредѣлить, что и какъ идетъ къ нашему народному быту. Не достаточно подстрочно переводить, мало лексикона, надобно съ нимъ сдѣлать во первыхъ-то, что теоретическое вѣдѣніе старается сдѣлать на западѣ съ бытомъ европейскихъ народовъ—привести его къ сознанію.

Народъ упоренъ въ своемъ бытѣ, онъ ему вѣритъ, но вѣдь и мы упорны въ нашихъ теоріяхъ, и мы имъ вѣримъ, да еще думаемъ, что *знаемъ ихъ*, что *такъ дѣло и есть*. Передавая кой какъ заученое нами изъ книгъ, языкомъ условнымъ, мы съ отчаяніемъ видимъ, что народъ не понимаетъ и сѣтуемъ на глупость народа, точно такъ, какъ школьникъ краснѣетъ за бѣдную родню за то, что она не знаетъ гдѣ писать Ѣ, никогда не подумавъ для чего двѣ буквы для одного звука!

Откровенно желая добра народу, мы ищемъ лекарства его болѣзнямъ въ иностранныхъ фармакопеяхъ; тамъ травы иностранныя, но въ книгѣ искать легче, чѣмъ на полѣ. Мы дѣлаемся легко и послѣдовательно либералами, конституціоналистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми. До всѣхъ политическихъ оттѣнковъ этихъ можно дочитаться: все это понято, объяснено, записано, напечатано, переплетено... А тутъ иди цѣликомъ. Русская жизнь стоитъ лѣса, въ которомъ Дантъ заблудился и дикіе *бестіи*, такіе же есть, даже гаже флорентинскихъ, но нѣтъ Виргилія; попались было какіе-то московскіе Сусанины,

да и тѣ вмѣсто избы свели на кладбищенскую часовню...

Не зная народа, можно притѣснять народъ, кабалить его, завоевывать, *но освобождать нельзя.*

Безъ народа—его не освободитъ ни царь съ писарями, ни дворянство съ царемъ, ни дворянство безъ царя.

То, что теперь совершается въ Россіи, слѣпымъ должно открыть глаза. Никогда не признавая законнымъ крѣпостное право, народъ выносилъ страшную тягость его. Видя силу противъ себя, онъ молчалъ. Но какъ только его захотѣли освободить по своему, онъ отъ ропота, отъ страдательнаго противудѣйствія дошелъ почти до открытаго мятежа. А вѣдь явнымъ образомъ ему теперь лучше. Какихъ же знаменій еще ждутъ цивилизаторы?

Только тотъ, кто, призванный къ дѣятельности, пойметъ быть народа, не утративъ того, что ему дала наука, кто затронетъ *его* стремленія и на осуществленіи ихъ оснуетъ свое участіе въ общемъ земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ *женихомъ грядущимъ.*

Этотъ урокъ равно намъ повторяетъ печальная фигура Александра, съ своей короной; Радищевъ—съ своимъ стаканомъ яда, Каразинъ, пронесшійся горящимъ метеоромъ по зимнему дворцу, Сперанскій, свѣтившій годы цѣлые луннымъ свѣтомъ безъ теплоты, безъ красокъ, и наши святые мученики 14 Декабря.

Кто же будетъ этотъ суженый?

Императоръ ли который, отрѣкаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или пророкъ и крестьянинъ какъ Антоній Безднинскій?

Трудно сказать, это частности, des details, какъ говорятъ французы. Ктобъ ни былъ, *наше дѣло идти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью!*

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

КЪ ИЗДАТЕЛЮ*).

Любезный другъ!

Вы хотите напечатать небольшой сборникъ моихъ статей изъ „Полярной Звѣзды“ и „Колокола“ — я ничего не имѣю противъ этого. Желаю вамъ успѣха и посылаю небольшой разсказъ „Трагедія за стаканомъ грока,“ который не былъ напечатанъ по-русски. Я особенно радъ, что въ число перепечатываемыхъ статей взошли „Варіаціи на старую тему,“—пусть эта статья, писанная въ началѣ 1857 года, еще разъ пройдетъ предъ читателями, напоминая имъ неизмѣнность основаній того воззрѣнія, которое я старался проводить. Въ книгѣ, писанной тотчасъ послѣ Іюньскихъ баррикадъ, въ статьѣ, перепечатываемой вами, и въ послѣднихъ статьяхъ „Колокола“ проповѣдуется одно и тоже.

Бездна вещей, тогда довольно новыхъ, пососались въ народное разумѣніе, сдѣлались ходячей монетой, не только стали въ ряду вещей, всѣми принятыхъ, но долею осуществились. Примутъ, стало, и другія истины, отъ которыхъ еще пятится робкая совѣсть непривык-

*) *Эти статьи съ прибавленіемъ: „Трагедія за стаканомъ грока,“ Западные арадески,“ „Донозо Кортесъ, маркизъ Вальдегамасъ и Юліанъ отступникъ,“ уже напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи, были напечатаны авторомъ въ отдѣльномъ томѣ подъ заглавіемъ: „Еще разъ“ (1866); при этомъ было напечатано письмо къ издателю и предисловіе, которое мы здѣсь помѣщаемъ.* Изд.

шаго, и противъ которыхъ крпчитъ безумный изувѣръ и корыстный защитникъ.

Еще разъ желаю вамъ успѣха и жму вашу руку.

Лондонъ, 1864.

Когда, годъ тому назадъ, я писалъ *Концы* и *Начала*, я не думалъ ихъ такъ круто заключить. Мнѣ хотѣлось въ двухъ-трехъ послѣдующихъ письмахъ ближе означить „*Начала*“; „*Концы*“ казались мнѣ сами по себѣ яснѣе. Сдѣлать этого я не могъ. Строй мыслей измѣнился: событія не давали ни покоя, ни досуга — они принялись за свои комментаріи и за свои выводы. Трагедія продолжаетъ расти передъ нашими глазами и все больше и больше становится изъ частнаго столкновенія введеніемъ въ міровую борьбу. Прологъ ея окончился, — завязка сложилась хорошо; все перепуталось: ни людей, ни партій узнать нельзя... По неволѣ приходитъ въ голову образъ Дантовскихъ единоборцевъ, въ которомъ члены бойцовъ не только переплелись другъ съ другомъ, но, по какой-то метаморфозѣ, послѣдовательно превращаются другъ въ друга.

Все юношеское, восторженное,—отъ молитвы передъ распятіемъ — до безразсудной отваги, отъ женщины, одѣвшейся въ черное — до тайны, хранимой цѣлымъ народомъ, — все давно увядшее въ старомъ мірѣ, отъ митры и рыцарскаго меча—до фригійской шапки, явилось еще разъ во всемъ поэтическомъ блескѣ своемъ, въ возставшей Польшѣ, какъ будто для того, чтобъ украсить молодыми цвѣтами *старцевъ цивилизаціи*, медленно двигающихся на борьбу, которой они боятся...

Съ другой стороны, *Начала* едва пробиваются сквозь дымъ созженныхъ селъ и городовъ... Здѣсь происходитъ совершенно обратное явленіе... все отжившее *стараго*

міра поднялось на защиту петербургской имперіи и отстаиваетъ ея неправое стяжаніе всѣми оружіями, оставленными въ наслѣдство дикими вѣками военной расправы и растлѣннымъ временемъ дипломатическихъ обмановъ,—отъ пытокъ и убійства плѣнныхъ—до ложныхъ амнистій и поддѣльныхъ адресовъ, — отъ татарскаго изгнанія цѣлой части населенія—до журнальныхъ статеекъ и филигранной риторики горчаковскихъ нотъ.

Сотрясеніе послѣдняго времени изболтало тихій омутъ нашъ. Многое, хранившееся въ молчаніи, подъ гробовой доской прошлаго гнета, вышло наружу и обличило всю порчу организма. Только теперь становится возможнымъ измѣритъ *толщу*, которую растлило петербургское императорство, германизируя насъ полтора вѣка. Нѣмецкая лимфа назрѣла въ грубой крови, здоровый организмъ далъ ей свѣжую силу, и зараженный ею, не утратилъ ни одного собственнаго порока... Безчеловѣчное, узкое безобразіе нѣмецкаго рейтера и мелкая, подлая фигура нѣмецкаго бюралиста давно срослись у насъ съ широкими, монгольскими скулами, съ звѣриной безраскаянной жестокостью восточнаго раба и византійскаго евнуха. Но мы не привыкли видѣть эту сводную личность внѣ казармъ и канцелярій; она не такъ рѣзко выступала внѣ службы: мало грамотная, она не только мало писала, но и мало читала; — теперь нашъ минотавръ всплылъ не въ дворцахъ и застѣнкахъ, а въ обществѣ, въ литературѣ, въ университетѣ...

Мы думали, что наша литература такъ благородна, что наши профессора такъ *апостолы*, — мы ошиблись въ нихъ, и какъ это больно; — насъ это возмущаетъ, какъ всякое зрѣлище нравственнаго паденія. Нельзя не протестовать противъ ужасныхъ дѣлъ и ужасныхъ словъ, нельзя не отойти отъ бѣснующихся силъ, отъ

безчеловѣчной бойни и еще больше безчеловѣчныхъ рукоплесканій. Можетъ намъ придется вовсе сложить руки, умереть въ своемъ a parte прежде, чѣмъ этотъ чадъ *образованной* Россіи пройдетъ... Но зерна, лежащаго въ землѣ, эта буря не вырветъ и не затронетъ, а пожалуй еще укрѣпитъ его. Восходящей силѣ все помогаетъ; преступленія и добродѣтели, — она одна можетъ пройти по крови не замаравшись и сказать свирѣпымъ бойцамъ: „я васъ не знаю,—вы мнѣ работали, но вѣдь вы работали *не для меня*“.

Посмотрите на дикаго сатрапа въ Литвѣ: онъ душитъ польскій элементъ, а синія пятна выйдутъ у петербургской имперіи, онъ гонитъ съ мѣста, отталкиваетъ польское дворянство,—а побѣжитъ русское.

Дворники, они не знаютъ, кому метутъ, кому расчищаютъ путь, такъ какъ римская волчица не знала *кого* она кормитъ и *что* вскармливаетъ. По ихъ кровавой дорогѣ, пройдетъ тоже если не Ромулъ, то Ремъ, обиженный въ прошедшемъ: ему-то и расчищаютъ дорогу и царь и сатрапы.

Но пока онъ явится — еще много прольется крови, еще случится страшное столкновеніе двухъ міровъ. — Зачѣмъ она польется? — конечно, зачѣмъ? Да что же дѣлать, что люди не умнѣютъ? событія несутся быстро, а мозгъ вырабатывается медленно. Подъ вліяніемъ темныхъ влеченій, фантастическихъ образовъ, народы идутъ какъ съ просонья — рядомъ неразрѣшимыхъ антиномій, дерутся между собой и доходятъ, ничего не уяснивши себѣ, черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ страшнаго разгрома римскаго міра—до временъ Германика и Алариха, переложенныхъ на нравы XIX вѣка.

1 Августа 1863 г.

Письмо первое.*)

И такъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная; ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ подъ снѣга, да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не сдѣлали..... Что же, съ богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

... Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ— вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ ненаѣзженой жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть* лучше — но которыхъ *нѣтъ лучше.*

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизаціи, можемъ жить только по готовому. Городская жизнь насъ пріучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, забулисному замиренію и уравновѣшенію нестройныхъ силъ.

*) *Первое изданіе „Концовъ и Началъ“ 1863 г., второе — 1866. Текстъ, который здѣсь печатается, взятъ съ экземпляра 1866 г., поправленнаго рукою самого автора. Поправки эти довольно значительны.* Изд.

Сбиваясь случайно съ рельсовъ, на которые она насъ вводитъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся, какъ кабинетный ученый, привыкнувшій къ музеямъ и гербаріямъ, къ звѣрямъ въ шкапу, теряется поставленный лицемъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ, трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ за океана. Они поѣхали туда, до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Іоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три, четыре они снова явились въ родные кафе и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки — лишь бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь бы не быть tête à tête съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни змѣй съ гремушками, ни людей съ револьверами. Не надобно думать впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы—и здѣсь мрутъ съ голода не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ сутки, а опасность полиціи и шпіонства на старомъ континентѣ превышаетъ опасность звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего неочеловѣченная природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того администраціей обезпеченнаго покоя, того художественнаго и эпикурейскаго комфорта, которые обусловливаются долгой жизнію на одномъ мѣстѣ, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невѣжествѣ массъ, и защищаются церковью, судомъ и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю человѣческаго достоин-

ства, долю состраданія къ ближнему, и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: беллетристы, жившіе въ риторикѣ, художники, жившіе въ искуствѣ для искуства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнья, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмовъ и разговора сквозь зубы,—только чтобы не слыхать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставлявшія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Арканзаса. Въ Америкѣ пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой сотвореніе міра на листахъ не обсохло, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣкъ съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, относится также къ пампамъ, какъ и наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи, природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растетъ; но за то въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти и снова покачнулись основы благочинія. У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни, къ нашимъ зимнимъ вьюгамъ зимній дворецъ,—а тутъ генералитетъ, кабинетъ, буфетъ, Филаретъ, „жандармскій авангардъ

цивилизаціи“ изъ нѣмцевъ—и арьергардъ съ топорами за кушакомъ, съ стихійной мощью, и стихійной неразвитостью—то, сказать откровенно, надобно имѣть сильную *зазнобу или сильное помышательство*, чтобъ по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить.

Зазноба и помышательство своего рода таланты, и по волѣ не приходятъ. Одного тянетъ непреодолимо въ водоворотъ, другаго онъ отталкиваетъ брызгами и шумомъ. Штука собственно въ томъ, что иному сонъ милѣе отца и матери, а другому сновидѣніе. Что лучше? Я не знаю; въ сущности и то и другое пожалуй сведется на *одинъ бредъ*.

Но въ эти философскія разсужденія мы съ тобой не пустимся, они же обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ, приводятъ къ непріятному заключенію, что валяйся себѣ на перинѣ или безпокойся въ бѣличьемъ колесѣ, полезный результатъ этого будетъ одинъ и тотъ же, чисто агрономическій. Всякая жизнь, какъ поетъ студентская пѣсня, начинается съ Juvenes dum sumus, и оканчивается: Nos habebit humus! Останавливаться на этихъ печальныхъ привиденіяхъ всего на свѣтѣ *къ нулю* не слѣдуетъ—ты же назовешь эдакъ *нигилистомъ*, а нынче это крѣпкое слово, замѣнившее, гегелистовъ, байронистовъ и пр.

Живой о живомъ и думаетъ. Вопросъ между нами даже не въ томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безумiемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ

вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное такъ прочны, какъ были, и съ другой стороны, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троичные бубенчики, и нѣтъ ли основанія этимъ чарамъ?

Было время, ты защищалъ *идеи* западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляла давнымъ давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора, она какъ гётевскій Диванъ—*западно восточная.*

Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя формы западной жизни, и находишь, что исторически выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что *онъ* только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искуство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ, и что наконецъ другаго искуства нѣтъ совсѣмъ. Остановимся на этомъ сначала.

Пожалуйста не подумай, что съ точки зрѣнія суроваго цивизма и аскетической демагогіи я стану возражать на то мѣсто, которое ты даешь искуству въ жизни. Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искуство — c'est autant de pris; оно, вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное, несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду для человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и притомъ разрѣшаемъ безконечную задачу — въ искуствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута, это тоже *конецъ.*

И такъ, отдавъ Діанѣ эфесской, что Діанѣ принад-

лежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты собственно говоришь, о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ ли, что искуство развилось на Западѣ, что Дантъ и Бонаротти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гёте были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ *западниками?* Но объ этомъ никто не споритъ. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искуства, и красивѣйшую раму для него, что хранилищницы въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, галереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обстановлены и ир., и это такъ (или почти такъ, потому что съ тѣхъ поръ какъ большая опера возвратилась къ первобытному состоянію бродячихъ изъ города въ городъ комедіантовъ, одна великая опера и есть überall und niergends). Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo какъ Пиза, но все же Campo Santo кладбище; къ тому же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше коралловъ, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше... Но гдѣ же во всемъ этомъ новое искуство творческое, живое, гдѣ художественный элементъ въ самой жизни? Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть Федру и Аталію очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу творчества. Въ скучнѣйшія времена Византіи, на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Генсериховъ и Алариховъ. Гдѣ же новое искуство, гдѣ художественная инициатива? Развѣ въ *будущей* музыкѣ Вагнера?

Искуство не брезгливо, оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая, въ уровень Мадонъ и полу-боговъ, всякую случайность бытія, всякой звукъ и

всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженнаго солнцемъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда до фламандской таверны съ своимъ отвернувшимся мужикомъ, отъ Фауста до Фобласа, отъ Requiem'а до Камаринской, все подлежитъ искуству... Но и искуство имѣетъ свой предѣлъ. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искуство, чтобъ скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры. Этотъ камень преткновенія—*мѣщанство*... Художникъ, который превосходно набрасываетъ человѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями, или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается въ отчаяніи передъ *мѣщаниномъ во фракѣ*. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу; съ какого нибудь банкира снять сертукъ, галстухъ и отогнуть ему рубашку, такъ что еслибъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ своей женой покраснѣлъ бы до ушей... Роберъ Макеръ, Прюдомъ—великія каррикатуры, иногда геніально вѣрныя, вѣрныя до трагическаго у Диккенса, но каррикатуры; далѣе Гогарта этотъ родъ идти не можетъ. Ванъ-Дикъ и Рембрандтъ мѣщанства—Пуншъ и Шаривари — это его портретная галлерея и лобное мѣсто. Это фамильныя *фасты* и позорный столбъ.

Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искуства; искуство въ немъ вянетъ какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человѣческому присущія страсти могутъ, изрѣдка врываясь въ мѣщанскую жизнь, или лучше вырываясь изъ ея чинной среды, поднять ее до художественнаго значенія.

Чинный,—это настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта и тѣ же самые „умѣренность и аккуратность.“ Жизнь средняго состоянія полна мелкихъ недостатковъ и мелкихъ достоинствъ; она воздержна, часто скупа, бѣжитъ крайности, излишняго. Садъ превращается въ огородъ, крытая соломой изба въ небольшой уѣздный домикъ съ разрисованными щитами на ставняхъ, но въ которомъ всякій день пьютъ чай и всякій день ѣдятъ мясо. *Это огромный шагъ впередъ*, но вовсе не артистическій. Искуство легче сживается съ нищетой и роскошью, чѣмъ съ довольствомъ, въ которомъ видны бѣлыя нитки, чѣмъ съ удобствомъ, составляющимъ цѣль; если на то пошло, оно ближе съ куртизаной, продающей себя, чѣмъ съ нравственной женщиной, продающей въ тридорога чужой трудъ, вырванный у голода. Искуству не по себѣ въ чопорномъ, слишкомъ прибранномъ, расчетливомъ домѣ мѣщанина, а домъ мѣщанина *долженъ быть* таковъ; искуство чуетъ, что въ этой жизни оно сведено на роль внѣшняго украшенія, обоевъ, мебели, на роль шарманки; мѣшаетъ —шарманщика прогонятъ, захотятъ послушать—дадутъ грошъ, и квитъ... Искуство, которое по преимуществу изящная соразмѣрность, не можетъ выносить аршина, самодовольная въ своей ограниченной посредственности жизнь — запятнана въ его глазахъ самымъ страшнымъ пятномъ въ мірѣ—*вульгарностью*.

Но это нисколько не мѣшаетъ всему *образованному* міру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство—идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна. Это та „курица во щахъ“, о которой мечталъ Генрихъ IV. Маленькой домъ съ небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работникъ для тяжелой работы, да

это въ самомъ дѣлѣ гавань спасенія—Havre de Grace!

Прогнанный съ земли, которую обработывалъ вѣка для барина, потомокъ разбитаго въ бою селянина, осужденный на вѣчную каторгу, голодъ, бездомный поденщикъ, батракъ родящійся нищимъ и нищимъ умирающій — только дѣлаясь собственникомъ, хозяиномъ, буржуа, отираетъ потъ и безъ ужаса смотритъ на дѣтей; его сынъ не будетъ отданъ въ пожизненную кабалу изъ за хлѣба, его дочь не обрѣчена ни фабрикѣ, ни публичному дому. Какъ же ему не рваться въ мѣщане?—Идеалъ *хозяина* лавочника — этихъ рыцарей, этихъ поповъ средняго состоянія — носится свѣтлымъ образомъ передъ глазами поденщика до тѣхъ поръ, пока его заскорузлыя и усталыя руки не опустятся на надломленную грудь, и онъ не взглянетъ на жизнь съ тѣмъ ирландскимъ покоемъ отчаянія, которое исключаетъ всякую мечту, всякое ожиданіе, кромѣ мечты о цѣломъ полуштофѣ виски въ слѣдующее воскресенье.

Мѣщанство, послѣднее слово цивилизаціи основанной на безусловномъ самодержавіи собственности—демократизація аристократіи, — аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро, — снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ — *мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—*будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться, и тотчасъ покинула своего фанатическаго любовника Маццини, измѣнила своему мужу-геркулесу—Гарибальди, лишь только геніальный мѣща-

нинъ Кавуръ, толстенькой, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе.

Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сытѣе; платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но ростетъ ея благосостояніе. Античный бѣднякъ изъ Транстевере употребляется на черную работу гунявымъ лавочникомъ Via del Corso. Толпа гуляющихъ въ праздничной день въ Елисейскихъ Поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденѣ, собирающихся въ церквахъ, театрахъ, наводитъ унынie пошлыми лицами, тупыми выраженіями — но для гуляющихъ въ Елисейскихъ Поляхъ, для слушающихъ проповѣди Лакордера или пѣсни Левассора до этого дѣла нѣтъ, они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состояніи были идти ни на гулянье, ни въ театръ, а они могутъ; что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣздятъ и очень часто въ фіакрахъ.

Во имя *этого* мѣщанство побѣдитъ, и должно побѣдить. Нельзя сказать голодному—тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства, отвѣтъ на *освобожденіе безъ земли*, на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ. Заработавшая себѣ копѣйку толпа одолѣла и по своему жируетъ и владѣетъ міромъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ, ей никакой необходимости. Наука не можетъ не натолкнуться на ближайшія открытія. Фотографія, эта шарманка живописи, замѣняетъ артиста; хорошо, если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды и въ немъ нѣтъ. Красота, талантъ — вовсе ненормальны — это исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ, или ре-

зультатъ большихъ усилій, цѣлыхъ поколѣній. Стать лошадей Дерби, голосъ Маріо—рѣдкости. Но хорошая квартира и обѣдъ — необходимость. Въ самой природѣ можно сказать бездна мѣщанскаго; она очень часто останавливается на середкѣ на половину—видно дальше идти духу не хватаетъ. Кто тебѣ сказалъ, что у Европы хватитъ?

Европа провела дурные четверть часа — мѣщанство чуть не лишилось плодовъ долгой жизни, долгихъ усилій, труда. Внутри человѣческой совѣсти поднялся какой-то неопредѣленный, но страшный протестъ. Мѣщане вспомнили войны свои за права, вспомнили героическія времена и библейскія преданія. Авель, Ремъ, Ѳома Мюнстеръ, были еще разъ усмирены, и на ихъ могилахъ еще долго будетъ расти трава, въ предупрежденіе того, какъ караетъ самодержавное мѣщанство. Все съ тѣхъ поръ пришло въ свой порядокъ; онъ кажется проченъ, онъ раціоналенъ изъ своихъ началъ, онъ силенъ ростомъ—но артистическаго смысла, но художественной струны въ немъ не прибыло, онъ ихъ и не ищетъ; онъ слишкомъ практиченъ; онъ согласенъ съ Екатериной II, что серьезному человѣку не идетъ хорошо играть на фортепьянахъ, — императрица тоже смотрѣла на мущинъ съ *практической* точки зрѣнія. Для цвѣтовъ его гряды слишкомъ унавожены; для его грядъ цвѣты слишкомъ безполезны; если онъ иногда роститъ ихъ, то это на продажу.

Весной 1850 года, я искалъ въ Парижѣ квартиру; тогда я уже на столько обжился въ Европѣ, что мнѣ опротивила тѣснота и давка цивилизаціи, которая сначала очень нравится намъ русскимъ; я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, смотрѣлъ уже на безпрестанно двигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя

какъ она у меня отниметъ полмѣста въ театрѣ, въ дилижансѣ, какъ она бросится звѣремъ въ вагоны, какъ нагрѣетъ и насытитъ собою воздухъ — а по этому я и квартиру искалъ не на юру, и сколько нибудь не похожую на уютно-пошлыя и убійственно-однообразныя квартиры—въ три спальни, à trois chambres â coucher de maître.*)

Мнѣ кто-то указалъ флигель большаго, стараго дома по ту сторону Сены, въ самомъ С-Жерменскомъ предмѣстьи или около. Я пошелъ туда. Старуха жена дворника взяла ключи и повела меня *дворомъ*. Домъ и флигель стояли за оградой; внутри двора, за домомъ зеленѣли какія-то деревья. Флигель былъ неубранъ, запущенъ, вѣроятно въ немъ много лѣтъ никто не жилъ. Полустаринная мебель, времени первой имперіи, съ римской прямолинейностью и почернѣлой позолотой. Флигель этотъ былъ не великъ, не богатъ, но расположеніе комнатъ, мебель, все указывало на *иное* понятіе объ удобствахъ жизни. Возлѣ небольшой гостинной была еще крошечная, совершенно въ сторонѣ, близъ спальной, кабинетъ съ шкапами для книгъ и большимъ письменнымъ столомъ. Я походилъ по комнатамъ, и мнѣ показалось, что я послѣ долгаго скитанья, снова встрѣтилъ человѣческое жилье, un chez soi, а *не нумеръ*, не людское стойло.

Это замѣчаніе можно распространить на все, на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье, все степенью понизилось и страшно возросло числомъ. Толпа, о которой я говорилъ, лучшее

*) Одинъ очень умный человѣкъ графъ Оскаръ Рейхенбахъ мнѣ разъ сказалъ, говоря о зажиточно мѣщанскихъ квартирахъ въ Лондонѣ: „Скажите мнѣ цѣну и этажъ—и я берусь безъ свѣчи, въ темную ночь, принесть часы, вазу, графинъ... что хотите, изъ вещей, необходимо бывающихъ во всякомъ жилищѣ средняго круга.

доказательство успѣха, силы, роста, она прорываетъ всѣ плотины, наполняетъ все и льется черезъ край. Она всѣмъ довольствуется, и всего ей мало. Лондонъ тѣсенъ, Парижъ узокъ. Сто прицѣпленныхъ вагоновъ недостаточны, сорокъ театровъ — мѣста нѣтъ; для того, чтобъ лондонская публика могла видѣть *пьэсу*, надобно ее давать къ ряду три мѣсяца.

— Отчего у васъ такъ плохи сигары? спросилъ я одного изъ первыхъ лондонскихъ торговцовъ.*)

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоитъ, знатоковъ мало, а богатыхъ знатоковъ еще меньше.

— Какъ не стоитъ? вы берете 8 пенсовъ за сигару.

— Это у насъ почти никакого расчета не дѣлаетъ. Ну вы и еще десять человѣкъ будутъ покупать у меня, много ли барыша? Я въ день, сигаръ по 2 и по 3 пенса, больше продамъ чѣмъ тѣхъ въ годъ. Я ихъ совсѣмъ не буду выписывать.

Вотъ человѣкъ, постигнувшій духъ современности. Вся торговля, особенно англійская, основана теперь на количествѣ и дешевизнѣ, а вовсе не на качествѣ, какъ думаютъ старожилы, покупавшіе съ уваженіемъ тульскіе перочинные ножики, на которыхъ была англійская фирма. Все получаетъ значеніе ґуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но не допускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячеголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться—это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Миля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ—толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія, для нее искуство кричитъ, машетъ руками, лжетъ, экза-

*) У Карераса.

жерируетъ, или съ отчаянія отворачивается отъ людей и рисуетъ звѣриныя драмы и портреты скота, какъ Ланширъ и Роза Бонеръ.

Видѣлъ ли ты въ Европѣ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ актера, одного актера, который бы не былъ гаеръ, паяцъ сентиментальности или паяцъ шаржи? Назови его!

Эпохѣ, которой послѣднее выраженіе въ звукакъ Верди, на роду могло быть написано много хорошаго, но навѣрное не художественное призваніе. Ей совершенно по плечу ея созданье—cafés chantants, амфибія, между полпивной и бульварнымъ театромъ. Я ничего не имѣю противъ cafés chantants, но не могу же я имъ дать серьезное артистическое значеніе, они удовлетворяютъ общему „костюмеру," какъ говорятъ англичане, общему потребителю, давальцу, стоглавой гидрѣ мѣщанства, чего же больше?

Выходъ изъ этого положенія далекъ. За большинствомъ, теперь господствующимъ, стоитъ *еще большее* большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства, единственная цѣль стремленій, ихъ хватитъ на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городскаго преобладанія, до крайности доведеннаго права собственности, не имѣетъ другаго пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ отстало, а въ глазахъ полеваго населенія и пролетаріевъ, представляетъ образованность и развитіе. Забѣжавшіе впередъ живутъ въ крошечныхъ кругахъ въ родѣ свѣтскихъ монастырей, не занимаясь тѣмъ, что дѣлаютъ міряне за стѣной.

Было это и прежде, но и размѣры и сознаніе были меньше, къ тому же прежде были идеалы, вѣрованія, слова, отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго

гражданина, и сердце надменнаго рыцаря; у нихъ были общія святыни, передъ которыми, какъ передъ дарами, склонялись всѣ. Гдѣ тотъ псалмъ, который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть, во всѣхъ этажахъ дома отъ подвала до мансарды, гдѣ наша Gottes feste Burg или Марсельеза?

Когда Ивановъ былъ въ Лондонѣ, онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый, религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся, какъ клятвопреступленія, солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобъ мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчиваетъ новое искупленіе. Мы ему ихъ не указали. „Можетъ, укажетъ Мацціни“, думалъ онъ.

Мацціни ему указалъ бы на „единство Италіи“, можетъ на Гарибальди въ 1861 году, какъ *на предтечу*, — на этого *великаго послѣдняго*.

Ивановъ умеръ, стучась — такъ дверь и не отверзлась ему.

Isle of Wight, 10 Іюня, 1862.

Письмо второе.

Кстати къ Мацціни. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился первый томъ полнаго собранія его сочиненій. Вмѣсто предисловія или своихъ записокъ Мацціни связалъ статьи, писанныя имъ въ разныя времена, рядомъ пополненій, въ этихъ пояснительныхъ страницахъ бездна самаго живаго интереса. Поэма его монашескаго житія, посвященнаго *одному* богу и *одному* служенію, раскрывается сама собою въ разбросанныхъ от-

мѣткахъ — безъ намѣренія, можетъ больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Энтузіастъ, фанатикъ, съ кровью лигура въ жилахъ, Маццини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Италіи — и этому дѣлу остается вѣренъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, ога е sempre какъ говоритъ его девизъ: тутъ его юность, любовь, семья, вѣра, долгъ. Мужъ единой жены, онъ ей не измѣнилъ, и сѣдой, исхудалый, больной, онъ удерживаетъ смерть, онъ не хочетъ умереть прежде, чѣмъ Римъ не будетъ столицей единой Италіи, и левъ С. Марка не разорветъ на лоскутки развѣвающуюся надъ нимъ черно-желтую тряпку.

Свидѣтельство такого человѣка, и притомъ гонителя скептицизма, соціализма, матеріализма, человѣка, жившаго всѣми сердцебіеніями европейской жизни въ продолженіи сорока лѣтъ, чрезвычайно важно.

Послѣ первыхъ *пансіонскихъ* увлеченій всякой революціонной карьеры, послѣ поэзіи заговоровъ, таинственныхъ формулъ, свиданій ночью, клятвъ на необагренныхъ кинжалахъ, молодаго человѣка беретъ раздумье.

Какъ ни увлекаетъ южную, романскую душу обстановка и ритуалъ, серьезный и аскетическій Маццини скоро разглядываетъ, что въ карбонаризмѣ гораздо больше пріемовъ, обрядовъ, чѣмъ дѣла, больше сборовъ и приготовленій, чѣмъ пути. Давно догадались и мы, что политическая литургія священно-служителей конспираціи, какъ и церковная литургія, — одно драматическое представленіе; сколько бы чувствъ и искренности ни вносили иногда священники въ *службу*, все же агнецъ закалается въ хлѣбѣ и истекаетъ виномъ. Маццини это замѣтилъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно

остановиться. Вглядываясь въ недавнія событія рухнувшейся имперіи, свидѣтель монархическихъ реставрацій, революціи, конституціонныхъ попытокъ и республиканскихъ неудачъ, Мацини пришелъ къ заключенію, что у современной европейской жизни нѣтъ, какъ онъ выразился, „никакой иниціативы“, что консерваторская идея и идея революціонная имѣютъ только отрицательное значеніе: одна ломаетъ—не зная для чего, другая хранитъ—не зная для чего; что во всемъ, что дѣлается (а дѣлалась тогда революція тридцатаго года) нѣтъ ничего чинополагающаго новый порядокъ дѣлъ.

Въ этихъ словахъ будущаго соперника папы есть звуки погребальнаго колокола, въ который ударялъ другъ папы, Местръ.

Пустота, которую ощущалъ Мацини—понятна.

Приливъ революціоннаго моря поднимался торжественно въ 1789 и не мучимый никакими сомнѣніями, затоплялъ старую весь; но когда все было покрыто его волнами, и на минуту всплывшія головы безъ туловища (и въ томъ числѣ одна въ коронѣ), митры безъ головы и шляпы съ плюмажемъ—пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой то страшный *просторъ отсутствія*. Освобожденныя силы разъѣдали другъ друга, потомъ устали и остановились—имъ нечего было дѣлать, онѣ ждали событія дня, какъ поденщики ждутъ работы. Постоянныя войска эти во время мира кипѣли боевой энергіей, но не было боя, а главное — не было ясной цѣли. А если цѣли нѣтъ, все можетъ быть цѣлью: Наполеонъ ихъ увѣрилъ, что *онъ* цѣль, что война цѣль, и отлилъ больше человѣческой кровью, чѣмъ напоръ волнъ революціонныхъ прилилъ идей.

Мацини понялъ это, и прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ посмотрѣлъ за полити-

ческія стѣны. Тамъ ему встрѣтился колоссальный эгоизмъ Гёте, его покойное безучастіе, его любознательность естествоиспытателя въ дѣлахъ человѣческихъ; тамъ ему встрѣтился гложущій себя колоссальный эгоизмъ Байрона.

Поэзія презрѣнія возлѣ поэзіи созерцанія; плачъ, смѣхъ, гордое бѣгство и отвращеніе отъ современнаго міра—возлѣ гордаго довольства въ немъ. Герои Байрона поражаютъ Маццини; онъ ищетъ, откуда ведутъ свое начало эти странные отшельники, безъ религіи и монастыря, сосредоточенные на себѣ, ненужные, несчастные, безъ дѣла, безъ родины, безъ интересовъ, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которыхъ не умѣютъ принести, готовые презирать себя въ качествѣ людей. И снова Маццини наталкивается на ту же причину У байроновскихъ героевъ не достаетъ объективнаго идеала, вѣры; мечта поэта, отвернувшись отъ безплодной, отталкивающей среды, была сведена на лиризмъ психическихъ явленій, на *внутрь вошедшіе* порывы дѣятельности, на больные нервы, на тѣ духовныя пропасти, гдѣ сумасшествіе и умъ, порокъ и добродѣтель теряютъ свои предѣлы и становятся привидѣніями, угрызеніями совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнымъ упоеніемъ.

Успокоиться на этомъ *свидѣтельствѣ болѣзни* дѣятельный духъ Маццини не могъ. Ему во что бы ни стало хотѣлось сыскать слово новой вѣры, иниціативу,— онъ и сыскалъ ихъ.

Теперь рычагъ въ его рукахъ. Онъ повернетъ міръ, онъ пересоздастъ Европу, замѣнитъ гробъ колыбелью, разрушителей сдѣлаетъ зодчими, разрѣшитъ противорѣчіе общества и лица, свободы и авторитета, дастъ сердцу вѣру, не отнимая у разума — разумъ..... Что-

же, ты думаешь, это magnum ignotum? — *Единство и освобожденіе Италіи съ древнимъ Римомъ въ центрѣ.*

Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ мѣста ни разбору, ни критикѣ. Не оттого ли, что Маццини предвидѣлъ новое откровеніе, новое искупленіе міра въ итальянскомъ risorgimento, онъ не предвидѣлъ одного—именно Кавура? Кавура онъ долженъ былъ ненавидѣть больше чѣмъ Антонелли. Кавуръ былъ прозаическимъ переводомъ его поэмы, онъ выполнилъ одну будничную часть мацциніевской программы, за Римомъ и Венеціей à la longue дѣло не станетъ. Кавуръ — это итальянская Марѳа, мѣшающая хозяйственными дрязгами единой мечтѣ итальянской Маріи. И въ то время, когда Марія съ умиленіемъ видѣла искупленіе міра въ освобождающейся Италіи, Марѳа кроила для Италіи, бельгійскій костюмъ, и страна. довольная, что конституція не жметъ ее, пошла себѣ по торной, западной колеѣ, по большому торговому тракту, а по немъ не доѣдешь ни до какого пересозданія міра, *не пустившись въ опасный бродъ.*

Фанатикъ Маццини ошибался; колоссальность его ошибки сдѣлала возможнымъ соизмѣримаго Кавура и единую Италію. Для насъ впрочемъ вовсе не важно, какъ онъ разрѣшилъ вопросъ; для насъ важно то, что западный человѣкъ, какъ только становится на свои ноги и освобождается отъ готовыхъ формулъ, какъ только начинаетъ вглядываться въ современное состояніе Европы — чувствуетъ неловкость, чувствуетъ, что что-то *не туда идетъ*, что развитіе *дало въ сторону.* Обмануть это чувство замѣною недостающаго начала началомъ національности—легко могутъ революціонеры и консерваторы, особенно если по счастью ихъ родина будетъ покорена. Но что же дальше? Что дѣлать, воз-

становивши независимость своего народа? Или что дѣлать, когда она и безъ того иезависима?

Маццини, сознавая какую-то *пустоту* демократической мысли, указываетъ на освобожденіе Италіи отъ „тедесковъ“. Ст. Миль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ, съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ миріадъ мѣщанской мелкоты безъ иниціативы, безъ пониманья, но въ Англіи нѣтъ ни австрійскаго ига, ни папы, ни неаполитанскаго Бурбона. Тутъ что дѣлать?

... Я предчувствую гнѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ; я вижу, какъ они бѣлымъ днемъ яростно смотрятъ на меня своими ночными глазами филина и говорятъ: „что онъ за вздоръ несетъ? какъ будто исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто она не двигается по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбитъ?“

На послѣднее можно сказать, что всякое бываетъ, и нѣтъ причины, чтобъ иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ; у Юпитера оно лопнуло, и изъ него сдѣлались бусы, у земли одна луна какъ бѣльмо на глазу. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живаго колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ: но еще шагъ въ ту же сторону,—и худо стянутый узелъ, связующій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія...

Разумѣется, что общіе законы остаются тѣ же, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ.

При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ — развитіе въ природѣ, въ исторіи не то что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью, и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній. Возможность остановить отклонившееся, удержать забѣжавшее или нагнать его, очень мала и мало желается, желаніе предполагало бы всякій разъ сознаніе и цѣль.

Сознаніе съ своей стороны очень далеко отъ практическаго приложенія. Боль не лечитъ, а вызываетъ леченье. Патологія можетъ быть хороша, а терапія скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видѣть болѣзнь. Требованіе лекарства отъ человѣка, указывающаго на какое нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христіане, плакавшіе о грѣхахъ міра сего, соціалисты, раскрывшіе раны быта общественнаго, и мы, *недовольные*, *неблагодарные* дѣти цивилизаціи, мы вовсе не врачи — мы *боль;* что выйдетъ изъ нашего кряхтѣнія и стона, мы не знаемъ—но *боль заявлена.*

Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностію. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, то и случилось: среднее состояніе

сдѣлалось *всѣмъ*—на условіи владѣть *чѣмъ нибудь*. Знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ — все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ.

Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы обыкновенно разумѣемъ что-то не естественное, противозаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь *естественные* нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеалъ, собранный изъ разныхъ частностей—исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому же *закону*, какъ и организмы; въ ту минуту, когда бы они освободились отъ него, организмъ бы умеръ. Но сверхъ общей подзаконности, они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять таки мы имѣемъ право выводить, безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять. Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонно*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части и что въ силу этого въ его организмѣ непремѣнно будетъ рядъ недостатковъ, соотвѣтствующихъ его одностороннему развитію, но которые для него естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство — объ этомъ можно бы было спорить, еслибъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видать всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятель-

на нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родоваго пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его прикащикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго — адвокаты, судьи, нотаріусы и пр. Вмѣстѣ съ его господствомъ разовьется пониженіе всего нравственнаго быта, и Ст. Миль, напр., вовсе не преувеличивалъ, говоря о съуживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Миль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается *Китаемъ* — мы къ этому прибавимъ: и не одна Англія.

Можетъ, какой нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго маразма. Но откуда онъ придетъ, какъ и вынесетъ ли его старое тѣло или нѣтъ? Этого я не знаю, да и Ст. Миль не знаетъ. Опытъ насъ проучилъ; осторожнѣе Мадцини, мы смиренно держимся точки зрѣнія *прозектора*. Лекарствъ не знаемъ, да и въ хирургію мало вѣримъ.

Мнѣ же особенно посчасчастливилось, — мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи; болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами.

Агонія іюльской монархіи, тифъ папства, преждевременное рожденіе республики и ея смерть, за февральскими *сумерками* іюньскіе *дни*, вся Европа въ припадкѣ лунатизма, сорвавшаяся съ крыши Пантеона въ полицейскую лужу! И потомъ десять лѣтъ въ обширнѣй-

шемъ музеѣ патологической анатоміи — на Лондонской выставкѣ образцовъ всѣхъ прогрессивныхъ партій въ Европѣ, рядомъ съ туземными образцами всѣхъ консерватизмовъ со временъ Іудейскихъ первосвященниковъ до Шотландскихъ пуританъ.

Десять лѣтъ!

Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь, въ то, что дѣлалось вокругъ; но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское vixerunt!

Съ каждымъ годомъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе здѣшнихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтренность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапеляціонный критеріумъ, и привычка — не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь, мнѣ кажется, что худшее время прошло, я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется, напримѣръ, будто сгнетенное слово во Франціи выростаетъ въ мысль... я жду, надѣюсь... бываетъ же иногда и исключеніе... будто что-то брезжитъ... нѣтъ, ничего!

И этого никто не чувствуетъ... на тебя смотрятъ съ какой-то жалостью, какъ на поврежденнаго... мнѣ только случилось встрѣчать старыхъ стариковъ, какъ-то очень грустно качавшихъ сѣдой головой.

Этимъ старикамъ было видимо неловко съ своими *чужими*, т. е. съ сыновьями и внучатами...

...Да, caro mio, есть еще въ здѣшней жизни великій типъ для поэта, типъ вовсе непочатой... Тотъ художникъ, который здѣсь всмотрится въ *Дѣдовъ* и *Внучатъ* въ *Отцевъ* и *Дѣтей* и безбоязненно, безпощадно во-

плотитъ ихъ въ черную, страшную поэму, — тотъ будетъ надгробный лауреатъ этого міра.

Типъ этотъ — типъ Донъ Кихота революціи, старика 89 года, доживающаго свой вѣкъ на хлѣбахъ своихъ внучатъ, разбогатѣвшихъ французскихъ мѣщанъ— онъ не разъ наводилъ на меня ужасъ и тоску.

Ты подумай объ немъ, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

Isle of Wight, Cowes, 20 Іюля 1862.

Письмо третье.

... Фу, какое отвратительное лѣто, холодъ, темнота, слякоть, постоянные вѣтры, нервы раздражены, носовая перепонка тоже и все это продолжается три мѣсяца, а предъ ними были семь предшественниковъ ихъ, по ту сторону вступленія въ знакъ Овна!

Наконецъ-то солнце явилось на безоблачномъ небѣ. Море разгладилось и блеститъ, я сижу у своего окна, въ крошечной фермѣ, и не могу наглядѣться — такъ давно я не видѣлъ солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя, что природа еще цѣла; за то пиръ горой: шмели, пчелы, птицы летаютъ, жужжатъ, поютъ, шумятъ, на дворикѣ фермы кричитъ во все горло просохнувшій пѣтухъ, и старая собака, забывъ лѣта и общественное положеніе, лежитъ на спинѣ, какъ щенокъ, задравши ноги вверхъ, и покачивается изъ стороны въ сторону, съ невольнымъ эпикурейскимъ ворчаньемъ. Людей не видать изъ моего окна, но полей, но деревьевъ, но садовъ безъ конца; не смотря на море въ сторонѣ, видъ этотъ очень напоминаетъ наши великорусскіе виды, къ тому же пахнетъ травой и деревьями.

Пора была погодѣ исправиться, а то я начиналъ опасаться ужъ не соціальнаго переворота, а геологическаго; я такъ и ждалъ, что вслѣдъ за десятимѣсячной дурной погодой Европа дастъ трещину и вулканической мѣрой разрубитъ гордіевъ узелъ современныхъ вопросовъ и impass'овъ, приглашая желающихъ начать не то что съ азбуки, а съ Адама II.

Ты въ качествѣ поэта и идеалиста, должно быть, не вѣришь такой чепухѣ, а Ламе, въ качествѣ одного изъ величайшихъ математиковъ нашего времени, не того мнѣнія. Ему кажется, что равновѣсіе скучившихся материковъ очень непрочно, и что взявъ къ тому же въ разсчетъ быстрое движеніе въ одну сторону и кой какіе факты передвиженія массъ въ Исландіи, того и смотри, что шаръ земной дастъ трещину въ Европѣ. Онъ даже составилъ рядъ формулъ, сдѣлалъ рядъ вычисленій... Ну да что тебя пугать, до орловской губерніи трещина не дойдетъ.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуемъ опять объ нашихъ „Концахъ и Началахъ," а придетъ трещина, она сама распорядится.

Донъ Кихотъ революціи не идетъ у меня изъ головы Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ—исчезаетъ какъ бѣловежской зубръ, какъ краснокожіе индѣйцы, и нѣтъ художника, который бы помѣтилъ его черты старыя, рѣзкія, носящія на себѣ слѣды всѣхъ скорбей, всѣхъ печалей, идущихъ изъ *общихъ* началъ и изъ вѣры въ человѣчество и разумъ. Скоро черты эти замрутъ нездавшись съ выраженіемъ гордаго и укоряющаго презрѣнія, потомъ сотрутся и человѣческая память утратитъ одинъ изъ высшихъ, предѣльныхъ типовъ своихъ.

Это вершины горъ, которыми заключается хребетъ

XVIII столѣтія, ими онъ достигаетъ своего предѣла и замыкается, ими обрывается рядъ усилій подняться. Дальше этимъ вулканическимъ напоромъ идти нельзя.

Титаны, остающіеся послѣ борьбы, послѣ пораженія, при всѣхъ своихъ титаническихъ стремленіяхъ, представителями неудовлетворенныхъ притязаній, дѣлаются изъ великихъ людей печальными Донъ Кихотами. Исторія подымается и опускается между пророками и рыцарями печальнаго образа. Римскіе патриціи, республиканцы, стоики первыхъ вѣковъ, отшельники, бѣжавшіе въ степи отъ христіанства, опошленнаго въ оффиціальную религію, пуритане — наполнившіе цѣлое столѣтіе скрежетомъ зубовъ за недостиженіе своего скучнаго идеала—все это оставленное отливомъ, упорно рвущееся впередъ и вязнущее въ тинѣ, не поддержанное волною, все это Донъ Кихоты, но Донъ Кихоты нашедшіе своихъ Сервантесовъ. Для сподвижниковъ начальной церкви есть томы легендъ, есть иконопись и живопись, есть ихъ мозаики, изваянія. Типъ пуританизма закрѣпленъ въ англійской литературѣ, въ голандской живописи; а типъ Донъ Кихота революціи вывѣтривается на нашихъ глазахъ, становится рѣже и рѣже и никто не думаетъ о томъ, чтобъ по крайней мѣрѣ снять фографію.

Фанатики земной религіи, фантасты не царства божія, а царства человѣческаго, они остаются послѣдними часовыми идеала, давно покинутаго войскомъ, они мрачно и одиноко стоятъ полстолѣтія, безсильные *изнынть*, и все ожидающіе пришествія республики на землѣ; грунтъ возлѣ понижается, понижается — они этого не хотятъ видѣть. Я еще засталъ нѣсколько изъ этихъ апостоловъ девяностыхъ годовъ; рѣзкія, печальныя, крупныя фигуры ихъ, переросшія два поколѣнія, казались мнѣ каки-

ми-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами въ египетскихъ степяхъ... и у ихъ ногъ копошились, хлопотали, таскали товары крошечные люди и маленькіе верблюды, едва видные изъ за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своемъ приближеніи; старый пожелтѣлый взглядъ становился суровѣе, уставалъ отъ напряженія, высматривая смѣну, отыскивая кому сдать честь и мѣсто—Сыну? Старикъ хмурится—Внуку? Онъ махнулъ рукой. Бѣдный король Лиръ въ демократіи, куда ни обращаетъ онъ угасающій взглядъ свой къ своимъ, къ приснымъ, вездѣ его встрѣчаетъ непониманье, безучастье, осужденье, полускрытый упрекъ, мелкіе счеты и мелкіе интересы. Его якобинскихъ словъ боятся при постороннихъ, ему просятъ прощеніе, указывая на изрѣдѣвшія сѣдины. Его невѣстка мучитъ его примиреніемъ съ церковью, и іезуитскій аббатъ шныряетъ по временамъ, какъ мимолетный воронъ, посмотрѣть сколько еще силъ и сознанія, чтобы поймать его богу въ предсмертномъ бредѣ.

Еще хорошо, если гдѣ нибудь въ околодкѣ гражданина Лира есть гражданинъ Кентъ, который находитъ, „что въ его лицѣ есть что-то, напомнающее 94 годъ“, какой нибудь темный сподвижникъ Сантера, солдатъ арміи Марсо и Гоша, гражданинъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, дѣтски вѣрный своему преданью и гордо держащій лавочку рукой, которой держалъ пику съ фригійской шапкой. Лиръ зайдетъ къ нему иной разъ отвести душу, покачать головой и вспомнить старину съ ея огромными надеждами, съ ея великими событіями, побранить Таліена и Барраса, реставрацію съ своими caffards, короля-лавочника et ce traître de Lamartine. Оба знаютъ, что часъ революціи пробьетъ, что народъ

проснется какъ левъ и снова подниметъ фригійскую шапку и въ этомъ упованіи одинъ изъ нихъ засыпаетъ.

Насупивъ брови, идетъ Лиръ за гробомъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніора, или Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, не скрывая глубокаго отвращенія ко всему родству покойнаго, идетъ за гробомъ Лира — и изъ двухъ величавыхъ фигуръ остается одна, и та совершенно лишняя.

„И его нѣтъ, и онъ не дождался“ — думаетъ оставшійся старикъ, возвращаясь съ похоронъ; „неужели въ самомъ дѣлѣ изувѣрство и монархизмъ, сторона Питта и Кобурга, окончательно взяли верхъ, неужели вся долгая жизнь, усилія, жертвы..... нѣтъ, не можетъ быть, истина съ нашей стороны и побѣда будетъ съ нашей... Разумъ и справедливость восторжествуютъ, разумѣется сперва во Франціи, потомъ во всемъ родѣ человѣческомъ и Vive la République, une et indivisible!“ молится старецъ восмидесяти-лѣтними губами, такъ какъ другой старецъ, отдавая съ миромъ духъ свой господу, шепчетъ ему: „да пріидетъ царствіе твое“ и оба спокойно закрываютъ глаза и не видятъ, что ни царство небесное на землѣ, ни единая и нераздѣльная республика во Франціи, вовсе не водворяются, и не видятъ потому, что духъ ихъ принялъ съ миромъ не господь, а разлагающееся тѣло.

Святые Донъ Кихоты, вамъ легка земля!

Эти фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго; эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары, — это-то и есть *вершина*..... Гора окончена, выше, дальше холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя

продолжать? Отчего Монъ-Бланъ не стоитъ на Шимборазо и Гималай не продолжаетъ ихъ—какова бы была гора?

Такъ нѣтъ—у каждаго геологическаго катаклизма свой романъ, своя поэма горъ, свой хребетъ, свои гранитныя, базальтовыя личности, подавляющія своимъ величіемъ низменные бассейны. Памятники планетныхъ революцій, они давно обросли лѣсами и мохомъ въ свидѣтельство тысячелѣтняго застоя потомъ. И наши забѣжавшіе піонеры революціи оставили въ исторіи свои Альпы; слѣды ихъ титаническихъ усилій не прошли и долго не пройдутъ. Чего же больше?

Да, для исторіи. Тамъ своя гуртовая, безпощадная оцѣнка; тамъ какъ въ описаніи сраженій, — движеніе корпусовъ, дѣйствіе артиллеріи, напоръ лѣваго фланга, отступленіе праваго; тамъ свои личности „30-й егерской, а послѣ 45-й". Далѣе бюльтенъ не идетъ, онъ довольствуется итогомъ труповъ, а „пятое дѣйствіе" каждаго солдата идетъ далѣе, и оно имѣетъ свой совершенно *статскій* интересъ.

Что вынесли эти люди *послѣдняго* прилива, оставленные отливомъ въ тинѣ и слякоти! Что выстрадали эти *отцы* съ своими *дѣтьми* одинокіе въ своихъ семьяхъ, больше чѣмъ монахи въ своихъ кельяхъ! Какія страшныя столкновенія всякаго часа, всякаго дня!..... Какія минуты устали и отчаянія!

Не странное ли дѣло, что въ длинномъ ряду „несчастныхъ", вызванныхъ В. Гюго, являются и старики..... *а несчастный старикъ* по преимуществу отодвинутъ на задній планъ, пропущенъ? Гюго едва замѣтилъ, что возлѣ мучительнаго сознанія виновности, есть другая пытка — мучительное *сознаніе ненужной правоты своей*- сознаніе своего безплоднаго превосходства надъ слабо,

стью всего близкаго, молодаго, переживающаго... Великій риторъ и поэтъ, между скорбными существованіями французской жизни, чуть коснулся величайшей скорби въ мірѣ—старца юнаго душею, окруженнаго больше и больше мельчающимъ поколѣніемъ.

Ну что передъ ними и мучительныя, но ненужныя и чисто субъективныя страданія Жанъ-Валжан', такъ утомительно подробно разсказанныя въ романѣ-омнибусѣ Гюго? Конечно сострадать можно всякому несчастію — но не всякому глубоко сочувствовать. Боль отъ перелома ноги и боль отъ перелома жизни вызываютъ розное участіе.

Мы слишкомъ мало французы, чтобъ понимать такіе идеалы какъ Жанъ-Валжан', и сочувствовать такимъ героямъ полиціи какъ Жаверъ. Жаверъ для насъ просто отвратителенъ. Вѣроятно Гюго не думалъ, чертя эту совершенно національную фигуру шакала порядка, какое клеймо онъ выжегъ на плечѣ своей „прелестной Франціи". Въ Жанъ-Валжан' намъ только понятна его внѣшняя борьба добраго, несчастнаго звѣря, травимаго цѣлымъ гончимъ обществомъ. Внутренняя борьба его для насъ остается посторонней; этотъ сильный человѣкъ мышцами и волей, въ сущности чрезвычайно слабый человѣкъ. Святой каторжникъ, Илья Муромецъ изъ тулонскихъ галеръ, акробатъ въ пятьдесятъ лѣтъ, и влюбленный мальчикъ чуть не въ шестьдесятъ, онъ исполненъ суевѣрья. Онъ вѣруетъ въ клеймо на плечѣ; онъ вѣруетъ въ приговоръ; онъ вѣруетъ, что онъ отверженный человѣкъ, оттого что тридцать лѣтъ тому назадъ укралъ хлѣбъ, да и то не для себя. Его добродѣтель — болѣзненное раскаяніе; его любовь — старческая ревность. Натянутое существованіе его поднимается до истинно трагическаго значенія только въ кон-

цѣ книги, отъ бездушной ограниченности Козетина мужа, и безграничной неблагодарности ея самой.

И тутъ Жанъ-Валжан' дѣйствительно граничитъ съ нашими стариками — раскаяніе одного и правота другихъ смѣшивается въ жгучемъ страданіи. Ртуть термометра замерзшая въ пулю обжигаетъ, какъ раскаленая пуля изъ свинца. Сознаніе правоты, отхватывающее полсердца, полсуществованія, стоитъ угрызенія совѣсти и еще хуже—тутъ есть искупленіе исповѣди, вознагражденіе, тамъ ничего. Между старикомъ девяностыхъ годовъ, фанатикомъ, фантастомъ, идеалистомъ и сыномъ, который *старше* его осторожностью, благоразумiемъ, разочарованіемъ, сыномъ черезъ край удовлетвореннымъ „меньшой линіей", и внукомъ, который, щеголяя въ мундирѣ императорскаго гида, мечтаетъ о томъ, какъ бы лукнуть въ су-префекты, pour exploiter sa position, нарушено естественное отношеніе, нарушено равновѣсіе, искажена органическая преемственность поколѣній.

Жанъ Валжан' въ своей старческой дѣвственности, въ своей лирической, личной сосредоточенности, самъ не зналъ, чего требовалъ отъ молодой жизни. Чего хотѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ отъ Козеты? Развѣ она могла быть его подругой? Онъ въ неопытной непочатости своего сердца перешагнулъ любовь отца..... Онъ исключительно *для себя* хотѣлъ любить ее, а такъ отецъ не любитъ. Сверхъ того онъ, всю жизнь внутренно драпируясь въ куртку каторжнаго, сломился подъ бременемъ отвращенія, которое ему показалъ ограниченнѣйшій молодой человѣкъ—типическій представитель пошлѣющаго поколѣнія.

Я не знаю, что Гюго хотѣлъ сдѣлать съ Маріюсомъ, для меня онъ въ своемъ поколѣніи такой же типъ,

какъ Жаверъ въ своемъ. Въ инстинктахъ этого молодаго человѣка мерцаютъ какимъ-то отблескомъ другаго дня—благородные и горячіе порывы, безъ разсужденія, безъ корня, почти безъ смысла — по преданію, по примѣру. Въ немъ и закваски XVIII вѣка больше нѣтъ — этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грознаго вызова всего на свѣтѣ на провѣръ ума; у него и ума нѣтъ—но онъ еще добрый товарищъ, пойдетъ на барикаду, не зная что потомъ, онъ живетъ по готовому, и зная à code ouvert, *что добро и что зло*, также мало безпокоится объ этомъ, какъ человѣкъ, знающій достовѣрно, что скоромное ѣсть грѣшно въ постъ. На этомъ поколѣніи окончательно останавливается и начинаетъ свое отступленіе революціонная эпоха; еще поколѣніе, и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ.

Я воображаю, что кое-что подобное было въ развитіи животныхъ—складывавшійся видъ, порываясь свыше силъ, отставая ниже возможностей, мало по малу уравновѣшивался, умѣрялся, терялъ анатомическія эксцентричности и физіологическія необузданности, пріобрѣтая за то плодовитость и начиная изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять, по образу и подобію перваго остепенившагося праотца, свой обозначенный видъ и свою индивидуальность.

Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается, по крайней мѣрѣ становится скромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору по немногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ,

нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону, односторонніхъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а еслибъ и перешагнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ — форелью, Голландія — Швеціей... еслибъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти—что они передовыя страны міра. Пока одни успокоиваются на достигнутомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готоваго*, совершившаго свой циклъ вида.

Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравновѣшенія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ. Религія являлась всѣхскорбящей утѣшительницей. Все что сосало душу, по чемъ страдалъ человѣкъ, все что безпокоило и оставалось неудовлетвореннымъ на землѣ, все разрѣшалось, удовлетворялось въ вѣчномъ царствѣ Ормузда, превыше Гималая, у подножія престола Іеговы. И чѣмъ безропотнѣе выносили люди временныя несчастія земной жизни, тѣмъ полнѣе было небесное примиреніе и притомъ не на короткій срокъ, а во вѣки вѣковъ.

Жаль, что мы мало знаемъ внутреннюю повѣсть

азіатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи, мало знаемъ тѣ періоды безъ событій, которые предшествовали у нихъ насильственному вторженію дикихъ племенъ, все избивавшихъ, или хищной цивилизаціи, все искоренявшей и перестроивавшей. Она намъ показала бы въ элементарныхъ и простыхъ формахъ, въ тѣхъ пластическихъ, библейскихъ образахъ, которые создаетъ одинъ востокъ, выходъ народа изъ историческаго треволненія въ покойное statu quo жизни, продолжающейся въ безпорной смѣнѣ поколѣній — зимы, весны, весны, лѣта...

Тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрованій. На дняхъ „Теймсъ“ поздравлялъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ, съ безропотностью, съ которой работники умираютъ съ голоду, „въ то время какъ еще такъ недавно ихъ отцы современники О' Коннора“ потрясали страну своимъ грознымъ ропотомъ. Прочно, какъ вѣковый дубъ, стоитъ глубоко пустивши корни англиканская церковь, милосердо допуская всѣ расколы и увѣренная, что всѣ они далеко не уйдутъ. Упираясь по старой памяти и кобенясь, низвергается Франція задомъ на передъ, чтобъ придать себѣ видъ прогресса. За этими колоссами пойдутъ и остальные двумя колоннами, нѣкогда пророчески соединенными подъ однимъ скипетромъ.... съ одной стороны худой, суровый, постный типъ испанца, задумчиваго безъ мысли, энтузіаста безъ цѣли, озабоченнаго безъ причины, принимающаго всякое дѣло къ сердцу и не умѣющаго ничему помочь, словомъ типъ настоящаго Донъ Кихота Ламанчскаго. Съ другой—дородный типъ голландца, довольнаго, когда онъ сытъ, напоминающій Санчо Пансу.

Не оттого ли здѣсь дѣти *старше* своихъ отцевъ, старше своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ назвать à la Dumas jun. „блудными отцами“, что старость то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *началъ* — они только въ теоріи и отвлеченіяхъ.

10 Августа 1862 г.

Письмо четвертое.

Прошлымъ лѣтомъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Девонширъ одинъ пріятель, саратовскій помѣщикъ и большой фурьеристъ.

— Сдѣлай одолженіе, не сердись на меня, т. е. это не помѣщикъ мнѣ сказалъ, а я тебѣ говорю за то, что я безпрестанно сворачиваю съ дороги. Вводныя мѣста мое счастіе и несчастіе. Одинъ французъ литераторъ временъ реставраціи, классикъ и пуристъ, не разъ говаривалъ мнѣ, продолжительно и академически нюхая табакъ (такъ, какъ скоро перестанутъ нюхать): notre ami abuse de la parenthèse avec intempérance! Я за отступленія и за скобки всего больше люблю форму писемъ — и именно писемъ къ друзьямъ — можно не стѣсняясь писать что въ голову придетъ.

— Ну вотъ мой саратовскій фурьеристъ въ Девонширѣ и говоритъ мнѣ: „Знаете ли какая странность? Я теперь былъ первый разъ въ Парижѣ, ну—конечно... что и говорить, а если разобрать по глубже, въ Парижѣ скучно... право скучно!“

— Что вы? говорю я ему.

— Ей богу.

— Впрочемъ отчего же вы думали, что тамъ весело?

— Помилуйте, послѣ саратовскихъ степей.

— Можетъ именно по этому. А впрочемъ, не оттого ли вамъ было въ Парижѣ скучно, что тамъ черезъ чуръ весело?

— Вы по прежнему все дурачитесь.

— Совсѣмъ нѣтъ. Лондонъ, смотрящій Сентябремъ, намъ больше по душѣ; впрочемъ и здѣсь скука страшная.

— Гдѣ же лучше? Видно по старой поговоркѣ: *гдѣ насъ нѣтъ!*

— Не знаю: а думать надобно, что и тамъ не очень хорошо.

..... Разговоръ этотъ кажется не то чтобъ длинный или особенно важный, расшевелилъ во мнѣ рядъ старыхъ мыслей о томъ, что въ мозгу современнаго человѣка не достаетъ какого-то рыбьяго клея; оттого онъ не отстаивается и мутенъ отъ гущи — новыя теоріи, старыя практики, новыя практики, старыя теоріи.

И что за логика? я говорю, что въ Парижѣ и Лондонѣ скучно, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Гдѣ же лучше?“ не замѣчая вовсе, что эту діалектику употребляли у насъ дворовые люди прежняго покроя; они обыкновенно на замѣчаніе; „Да ты, братецъ, кажется пьянъ?“ отвѣчали; „А развѣ вы подносили?“

На чемъ основана мысль, что людямъ гдѣ нибудь хорошо? можетъ, должно быть хорошо? и какимъ людямъ? и чѣмъ хорошо? Положимъ, что людямъ въ одномъ мѣстѣ лучше жить, чѣмъ въ другомъ. Почему же Парижъ и Лондонъ предѣлы этого лучше?

Развѣ по гиду Рейхардта?

Парижъ и Лондонъ замыкаютъ томъ всемірной исторіи—томъ, у котораго едва остаются нѣсколько нераз-

рѣзанныхъ листовъ. Люди, старающіеся изъ всѣхъ силъ *скорѣе* перевернуть ихъ, дивятся, что — по мѣрѣ приближенія къ концу — въ прошедшемъ больше чѣмъ въ настоящемъ и досадуютъ, что два полнѣйшіе представителя *западнаго міра садятся съ нимъ вмѣстѣ*.

Въ общихъ разговорахъ, носящихся какъ нѣкогда духъ божій надъ водами — удаль и отвага страшныя, а какъ дойдетъ не только до дѣла, а до критической оцѣнки событій — все забыто, и старые вѣсы и старые аршины вытаскиваются изъ бабушкиной кладовой.

— Обвѣтшалыя формы только и могутъ спастись — совершеннымъ перерожденіемъ; западъ долженъ возродиться какъ фениксъ въ огненномъ крещеніи.

— Ну такъ съ богомъ въ полымя его.

— А какъ онъ не возродится... а опалитъ свои красивыя перья, или пожалуй—сгоритъ?

— Въ такомъ случаѣ продолжайте его крестить *водой*, и не скучайте въ Парижѣ. Вотъ мой отецъ напримѣръ: онъ жилъ лѣтъ восемь въ Парижѣ и никогда не скучалъ; онъ черезъ тридцать лѣтъ любилъ разсказывать о праздникахъ, которые давали маршалы и самъ Наполеонъ, объ ужинахъ въ Palais Royal, на которыхъ являлись актрисы и оперныя танцовщицы, украшенныя брильянтами, выковырянными изъ побѣжденныхъ коронъ, объ Юсуповыхъ, Тюфякиныхъ и другихъ princes russes, положившихъ тамъ больше крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легко подъ Бородинымъ Съ разными перемѣнами и un peu plus canaille, тоже существуетъ и теперь. Маршалы *биржи* даютъ праздники не хуже боевыхъ маршаловъ, ужины съ улицы St-Honoré переѣхали на Елисейскія Поля, въ Булонскій лѣсъ... Но вы человѣкъ серьезный — больше любите смотрѣть за кулисы всемірной исторіи, чѣмъ за кулисы

оперы... вотъ вамъ парламентъ и два, — чего же вамъ больше?... Съ какой завистью и болью слушалъ я бывало людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы въ тридцатыхъ годахъ, точно будто у меня отняли все то, что они видѣли... а я не видалъ. Они тоже не скучали, а много надѣялись — кто на Одильонъ Баро, кто на Кобдена. Умѣйте же и вы не скучать... и во всякомъ случаѣ будьте сколько нибудь послѣдовательны; и, если вамъ все таки скучно, ищите причину. Можетъ найдете, что вы требуете пустяковъ, тогда лечитесь; это скука праздности, пустоты, неумѣнья найтиться. А можетъ вы найдете другое—что вамъ оттого скучно, что на стремленія, больше и больше растущія въ сердцѣ и мозгу современнаго человѣка, Парижъ и Лондонъ не имѣютъ отвѣта—что вовсе не мѣшаетъ имъ представлять высшее развитіе и блестящій результатъ былаго, богатые концы богатаго періода.

Я это говорилъ десять разъ. Но безъ повтореній обойтись невозможно. Люди привычные знаютъ это. Я какъ-то сказалъ Прудону о томъ, что въ его журналѣ часто помѣщаются почти одинакія статьи, съ небольшими варіаціями.

— А вы воображаете, отвѣчалъ мнѣ Прудонъ, что разъ сказали такъ и довольно — что новая мысль такъ вотъ и примется сразу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, безпрерывно повторять — чтобъ мысль не только не удивляла больше, не только была бы понята, а усвоилась бы, получила бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу.

Прудонъ былъ совершенно правъ. Есть двѣ, три мысли, особенно дорогія для меня, я ихъ повторяю около пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужной роскошью. Часть ожидаемаго совер-

шилась; другая совершается передъ нашими глазами. А онѣ также дики, не употребительны, какъ были.

И что всего обиднѣе, люди будто понимаютъ васъ— соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая вообще лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и поступковъ.

Отъ этого двойства люди по видимому очень развитые безпрестанно поражены неожиданнымъ, взяты въ расплохъ, возмущаются противъ неминуемаго, борятся съ неотразимымъ, идутъ мимо нарождающагося и лечатъ всѣми аллопатіями и гомеопатіями — дышащихъ на ладонъ. Они знаютъ, что ихъ часы были хорошо поставлены, но какъ „неоплаканный" Клейнмихель, не могутъ понять, что меридіанъ не тотъ.

Доктринерство, схоластика, мѣшаютъ пониманью простому, живому пониманью, больше чѣмъ изувѣрство и невѣжество. Тутъ остались инстинкты мало сознанные, но вѣрные; сверхъ того, невѣжество не исключаетъ страстнаго увлеченья, изувѣрство — непослѣдовательности, а доктрина вѣрна себѣ.

Во время итальянской войны одинъ добрый почтенный профессоръ читалъ своимъ слушателямъ о великихъ успѣхахъ международнаго права; о томъ, какъ нѣкогда крупно наброшенныя основанія Гуго Гроція, развиваясь, внѣдрились въ народное и правительственное сознаніе; о томъ, какъ вопросы, которые прежде разрѣшались рѣками крови, несчастіями цѣлыхъ провинцій, цѣлыхъ поколѣній — разрѣшаются теперь, какъ гражданскіе вопросы между частными людьми, на началахъ международной совѣсти.

Кто же, кромѣ какихъ нибудь старыхъ кондотьеровъ

по ремеслу, не будетъ согласенъ съ доцентомъ, что это одна изъ величайшихъ побѣдъ гуманности и образованія надъ дикой силой? Бѣда не въ томъ, что сужденіе доцента несправедливо, а въ томъ, что человѣчество этой побѣды вовсе не одерживало.

Когда профессоръ краснорѣчивой рѣчью увлекалъ юношей въ эти созерцанія мира, на поляхъ Маженты и Сольферино дѣлались другіе комментаріи на международное право. Итальянская война тѣмъ меньше могла быть устранена какими нибудь амфиктіоновыми судами, что на нее никакой международной причины не было, такъ какъ не было спорнаго предмета. Войну эту Наполеонъ велъ съ медицинской точки зрѣнія, чтобъ угомонить французовъ гимнастикой освобожденія и потрясеніями побѣдъ. Какой же Гроцій и Ватель могли бы разрѣшить такую задачу? Какъ же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутреннихъ интересовъ? Не австрійцевъ, такъ кого нибудь другаго надобно было бить французамъ; остается радоваться, что именно австрійцы подвернулись.

Далѣе—Индія, Пекинъ, война демократовъ за рабство черныхъ, война республиканцевъ за рабство государственной нераздѣльности. А профессоръ продолжаетъ свое, слушатели тронуты, имъ кажется, что слышанъ послѣдній скрыпъ церковныхъ воротъ въ Янусовомъ соборѣ, что воины сложили оружія, надѣли миртовые вѣнки и взяли прялки въ руки, что арміи распущены и воздѣлываютъ поля... И все это въ то самое время, когда Англія покрывалась волонтерами, что ни шагъ—мундиръ, что ни лавочникъ—ружье, французское и австрійское войско стояло съ зажженными фитилями и самъ принцъ, кажется Гессенъ Кассельскій, поставилъ на военную ногу и вооружилъ револьверами двухъ гу-

саръ мирно и безоружно ѣздившихъ за его каретой со времени вѣнскаго конгресса.

Вспыхни опять война, а это зависѣло отъ тысячи случайностей, отъ одного выстрѣла кстати — въ Римѣ, на границѣ Ломбардіи, она разлилась бы кровавымъ моремъ отъ Варшавы до Лондона. Профессоръ удивился бы, профессоръ огорчился бы. А „кажись не подобаетъ“ ни удивляться, ни огорчаться — исторія дѣлается не за угломъ! Бѣда доктринеровъ въ томъ, что они какъ нашъ Дидро, споря закрываютъ глаза, чтобъ не видать — противникъ хочетъ возражать: а противникъ то ихъ сама природа, сама исторія.

Въ дополненіе конфузіи не слѣдуетъ терять изъ виду, что *отвлеченно-логически*—профессоръ правъ, и что еслибъ не сто человѣкъ, а сто милліоновъ человѣкъ понимали Гроція и Вателя, такъ они и не стали бы рѣзать другъ друга, ни для моціона, ни изъ клочка земли. Да несчастье-то въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ, могутъ понимать Гроція и Вателя сто человѣкъ, а не сто милліоновъ. Оттого-то ни лекціи, ни проповѣди не дѣйствуютъ, оттого-то ни отцы доктринеры, ни духовные отцы не могутъ принесть намъ облегченія; монахи науки, такъ же какъ и монахи невѣжества, не знаютъ ничего внѣ стѣнъ своихъ монастырей, не повѣряютъ своей теоріи, своихъ выводовъ по событіямъ и, тогда какъ люди гибнутъ отъ изверженія волкана — они съ наслажденіемъ бьютъ тактъ, слушая музыку небесныхъ сферъ и дивясь ея гармоніи.

Баконъ Веруламскій давнымъ давно уже раздѣлилъ ученыхъ на *пауковъ* и *пчелъ*. Есть эпохи, въ которыхъ науки рѣшительно берутъ верхъ и тогда развивается бездна паутины—но мало собирается меду. Есть усло-

вія жизни, особенно способствующія паукамъ. Для меда надобны липовыя рощи, цвѣтистыя поля, и пуще всего крылья и общежительный образъ мыслей. Для паутины достаточенъ тихій уголъ, невозмущаемый досугъ, много пыли и безучастіе ко всему, внѣ внутренняго процесса.

Въ обыкновенное время по пыльной гладкой дорогѣ, еще можно плестись дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло черезъ кочки да цѣликомъ—бѣда.

Была истинно добрая, покойная полоса Европейской исторіи, начавшаяся съ Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 г. Войны тогда не было, а международнаго права и постояннаго войска—очень много. Правительства поощряли явно „истинное просвѣщеніе“ и давили въ тиши — *ложное*, не было большой свободы, но не было и большаго рабства, даже деспоты всѣ были добродушные, въ родѣ патріархальнаго Франца II, піэтиста Фридриха Вильгельма, и аракчеевскаго Александра; неаполитанскій король и Николай были въ родѣ десерта. Промышленность процвѣтала, торговля процвѣтала еще больше, фабрики работали, книгъ писалась бездна, это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ паутинъ — въ академическихъ аулахъ и въ кабинетахъ ученыхъ сплелись ткани безконечныя!....

Исторія, уголовное и гражданское право, право международное и сама религія, все было возведено въ область чистаго знанія и падало оттуда самыми кружевными бахрамами паутины. Пауки качались привольно на своихъ ниточкахъ, никогда не касаясь земли. Что, впрочемъ, было очень хорошо, потому что по землѣ ползали другія насѣкомыя, представлявшія великую идею государства въ *моментъ самозащищенія* и сажавшія слишкомъ смѣлыхъ пауковъ въ Шпандау и другія крѣпости. Доктринеры все понимали какъ нельзя лучше

à vol d'araignée. Прогрессъ человѣчества тогда былъ извѣстенъ какъ высочайшій маршрутъ инкогнито — этапъ въ этапъ, на станціяхъ готовили лошадей. А тутъ

24 *Февраля*, 24, 25, 26 *Іюня*, 2 *Декабря!*

Эти мухи были не по паутинѣ.

Сравнительно слабый толчекъ іюльской революціи и тотъ убилъ на повалъ такихъ гигантовъ какъ Нибуръ и Гегель. А еще торжество-то было въ пользу доктринаризма — журналистика, Collège de France, политическая экономія садились на первыя ступени трона вмѣстѣ съ орлеанской династіей. Оставшіеся въ живыхъ оправились и кой-какъ сладили съ 1830 г., они сладили бы вѣроятно и съ республикой трубадура Ламартина.

Но какъ совладать съ іюньскими днями?

Какъ со вторымъ Декабремъ?

Конечно, Гервинусъ поучаетъ, что за демократическимъ переворотомъ *слѣдуетъ* эпоха централизаціи и деспотизма, но все что-то было не ладно. Одни начали поговаривать, не воротиться ли въ средніе вѣка, другіе—просто на просто въ католицизмъ; столпники революціи указывали, неподвижной рукой, по всей желѣзной дорогѣ вѣка—на 93 годъ; іудеи доктринаризма продолжали, вопреки фактамъ, свои лекціи, ожидая, что человѣчество побалуетъ, да и воротится къ Соломонову храму премудрости.

Прошло десять лѣтъ.

Ничего не удалось. Англія не сдѣлалась католической, какъ хотѣлъ Донозо Кортесъ, XIX вѣкъ не сдѣлался XIII-тымъ, по желанію нѣкоторыхъ нѣмцевъ, народы рѣшительно не хотятъ ни французскаго братства (или смерть), ни международнаго права по реасе

Society, ни почтеннаго убожества по Прудону, ни киргизской діэты—меда и млека.

А католики несутъ свое...

Средневѣковики—свое...

Столпники 93 г.—свое...

И всѣ *доктринеры*—свое...

Куда же человѣчество идетъ, если оно пренебрегаетъ такими авторитетами?

— Можетъ, оно само не знаетъ.

— Да мы за него должны знать.

— Видно, не туда, куда мы думали. Оно и въ самомъ дѣлѣ трудно знать, куда попадешь, ѣхавши на шарѣ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чуть не угодилъ подъ комету. А не нынче завтра дастъ трещину, какъ я тебѣ сообщалъ въ прошломъ письмѣ.

1 Сентября 1862.

Письмо пятое.

... „Въ первыя времена моей юности, меня поразилъ одинъ французскій романъ ‚Arminius,“ котораго я впослѣдствіи не встрѣчалъ; можетъ, онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ и я помню главныя черты его до сихъ поръ.

„Всѣ мы, больше или меньше, знаемъ встрѣчу и столкновеніе двухъ историческихъ міровъ въ первые вѣка: одного классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго—другаго дикаго, какъ звѣрь лѣсной, но полнаго непочатыхъ силъ и хаотическихъ стремленій—только знаемъ мы по большей части одну оффиціальную, *газетную* сторону ихъ столкновенія, а не ту,

которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовыя событія, а не частныя судьбы; не драмы, въ которыхъ безъ шума ломались жизни и гибли въ личныхъ столкновеніяхъ, кровь замѣнялась горькими слезами, опустошенные города разрушенными семьями и забытыми могилами.

„Авторъ „Arminius'a" попытался воспроизвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного, идущаго изъ лѣса въ исторію, другаго—изъ исторіи въ гробъ. Всемірная исторія тутъ граничитъ со сплетнями и потому становится ближе къ намъ, доступнѣе, сопзмѣримѣе*).

„Не приходило мнѣ тогда въ мысль, что я самъ попаду въ такое же столкновеніе, что и въ моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновеніе, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи...

„Въ нашемъ отношеніи къ Европейцамъ, при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, есть сходныя черты съ отношеніемъ германцевъ къ римлянамъ. Не смотря на нашу наружность, мы все же варвары. Наша цивилизація накожна, развратъ грубъ, изъ подъ пудры колетъ щетина, изъ подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины—но—но я упорно повторяю, мы отстали въ разъѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

„У насъ умственное развитіе служитъ (по крайней

*) Я былъ до того увлеченъ Арминіемъ, что написалъ рядъ подобныхъ сценъ и ихъ критически разбиралъ при мнѣ въ слѣдственной коммиссіи (въ 1834 г.) оберъ-полицмейстеръ Цинскій.

мѣрѣ служило до сихъ поръ*) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ, на этомъ основаніи во все николаевское время правительство не могло составить ни тайной полиціи, ни полицейской литературы, въ родѣ французскихъ.

„На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли — забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, что большей частію онъ ихъ повторяетъ, пожалуй, и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ попъ, думая вовсѣ о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго. Мы забываемъ, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся душѣ западнаго человѣка; сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячешный бой соревнованія.

Мы все это узнаёмъ, когда ударъ нанесенъ; насъ это ошеломляетъ. Мы чувствуемъ себя одураченными и хотимъ отомстить. Глядя на это, иногда мнѣ кажется, что много прольется крови, изъ за столкновенія этихъ двухъ разныхъ развитій...“

Строки эти были писаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ **)

Я и теперь того же мнѣнія, не смотря на то, что русскіе пользуются въ Европѣ репутаціей самыхъ раз-

*) Все это писано въ 1855 году!

**) Изъ ненапечатанной части: „Былаго и Думъ.“

вратныхъ людей. Это происходитъ отъ безцеремонности нашего поведенія и отъ помѣщичьихъ ухватокъ. Мы увѣрили весь свѣтъ въ нашей порочности, такъ какъ англичане его увѣрили въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. На самомъ дѣлѣ ни то, ни другое—не очень глубоко. Русскіе за границей не только безпорядочно живутъ, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью встрѣчаясь, при самомъ переѣздѣ границы, съ неловкой и подобострастной родиной кельнеровъ и гофратовъ, русскіе, какъ вообще недовоспитанные люди, перестаютъ стѣсняться, распускаются еще больше и въ этомъ задорномъ состояніи пріѣзжаютъ въ Парижъ и Лондонъ. Мнѣ случалось много разъ замѣчать, какъ русскіе бросаются въ глаза совершенными мелочами, а потомъ поддерживаютъ первое впечатлѣніе какой-то вызывающей nargue, съ которой они (великіе мастера покорности и вытяжки дома!) не хотятъ покориться принятымъ обычаямъ. Русскаго узнаютъ въ большихъ отеляхъ, потому что онъ кричитъ въ общей залѣ, хохочетъ во все горло и непремѣнно протестуетъ, что нельзя курить въ столовой. Вся эта заносчивость офиціанта, вышедшаго за вороты господскаго дома, показываетъ гораздо больше недозрѣлости, непривычки въ волѣ, чѣмъ глубокой испорченности; съ этой нравственной „сыростью“ неразрывно хвастовство. Намъ хочется, какъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ, не только напиться, но и показать всему свѣту „вотъ, молъ, какъ я нализался.“ А весь свѣтъ разсуждаетъ иначе—онъ, глядя на *то*, что русскіе обнажаютъ, думаетъ, качая головой, что же послѣ этого скрыто-то у нихъ? А тамъ ничего, какъ въ ранцѣ солдатскомъ на парадѣ, только видъ, что туго набито.

Долгая цивилизація, перешедшая поколѣнія и поколѣ-

нія, получаетъ особый букетъ, который *разомъ* не возьмешь, въ этомъ судьба людей схожа съ судьбою рейнвейна. Выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, какъ по выметенной дорожкѣ гораздо пріятнѣе. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены, и грязи много и жесткихъ камней довольно.

Дресура наша въ образованіе свѣжа въ памяти: она дѣлалась черезъ пень колоду, въ томъ родѣ, какъ крестьянина, взятаго во дворъ, стригутъ въ нѣмца и заставляютъ *служить*. Отрѣкаясь по высочайшему повелѣнію отъ всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны; бросая за бортъ вмѣстѣ съ предразсудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно осталось при всѣхъ грубо-барскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ. Тѣсная, обычная нравственность прежняго времени не замѣнилась ни аристократическимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ доблести, самобытности; оно замѣнилось гораздо проще нѣмецкой казарменной дисциплиной *во фрунтѣ*, подлымъ уничиженіемъ, подобострастнымъ кліентизмомъ въ *канцеляріи* и ничѣмъ *внѣ службы*.

Внѣ службы дворянинъ превращался изъ битаго деньщика въ бьющаго Петра I; въ деревнѣ ему было полное раздолье, тутъ самъ онъ становился капраломъ, императоромъ, вельможей и отцомъ вотчины. Изъ этой жизни волка и просвѣтителя вмѣстѣ вышли всѣ колосальныя уродства—отъ Бироновыхъ заплечныхъ мастеровъ и Потемкиныхъ большаго размѣра до Бироновъ палачей и Потемкиныхъ въ микрометрическомъ сокращеніи; отъ Измайлова, сѣкущаго исправниковъ, до Ноздрева съ оборванной бакенбардой; отъ Аракчеева всея

Россіи до баталліонныхъ и ротныхъ Аракчеевыхъ, *заколачивающихъ* въ гробъ солдата; отъ взяточниковъ первыхъ трехъ классовъ до голодной стаи пернатыхъ, *записывающихъ* бѣдныхъ мужиковъ въ могилу—со всѣми неистощимыми варіяціями пьяныхъ офицеровъ, забіякъ, картежныхъ игроковъ, героевъ ярмарокъ, псарей, драчуновъ, сѣкуновъ, серальниковъ. Въ ихъ числѣ тамъсямъ изрѣдка попадался помѣщикъ, сдѣлавшійся иностранцемъ для того, чтобъ остаться человѣкомъ, или „прекрасная душа“ Маниловъ, горлица дворянинъ, воркующій въ господскомъ домѣ близъ исправительной конюшни.

Казалось бы, что могло зародиться, вырости, окрѣпнуть путнаго на этихъ грядахъ между Аракчеевыми и Маниловыми? Что воспитаться этими матерями, бривши ми лбы, рѣзавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными передъ всѣми высшими, дикими тиранами со всѣмъ низшимъ? А именно между ними развились люди 14 Декабря, фаланга героевъ, вскормленная, какъ Ромулъ и Ремъ, молокомъ дикаго звѣря... Оно имъ пошло впрокъ! Это какіе-то богатыри, кованные изъ чистой стали съ головы до ногъ, воины-сподвижники, вышедшіе сознательно на явную гибель, чтобъ разбудить къ новой жизни молодое поколѣніе и очистить дѣтей, рожденныхъ въ средѣ палачества и раболѣпія. Но кто же ихъ-то душу выжегъ огнемъ очищенія, что за *непочатая сила* отрѣклась въ нихъ-то самихъ отъ *своей* грязи, отъ наноснаго гноя и сдѣлала ихъ мучениками будущаго?...

Она была въ нихъ—для меня этого довольно теперь, я помѣчаю это и возвращаюсь къ тому, что сказалъ—кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броже-

нія и бѣснованій; это горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли—но она не имѣетъ еще той въ глубь уходящей, той изъ глуби подымающейся, тонкой, нервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни.

Но какъ же это случилось? Что за нравственный самумъ подулъ на образованный міръ?... Все прогрессъ да прогрессъ, свободныя учрежденія, желѣзныя дороги, реформы, телеграфы?...

Много хорошаго дѣлается, много хорошаго накапливается, а самумъ-то дуетъ себѣ да дуетъ, какими-то memento mori, постоянно успливаясь и сметая передъ собой все, что на пути. Сердиться за это также нечего, какъ сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, на море за то, что послѣ прилива (и какъ на смѣхъ въ самую лучшую минуту его) начинается отливъ. Къ этому колебанью, къ этому ритму всего сущаго, къ этой смѣнѣ дня ночью, пора привыкнуть.

Эпоха *линянья*, въ которой мы застали западный міръ, самая трудная, новая шкура едва показывается, а старая окостенѣла, какъ у носорога—тамъ трещина, тутъ трещина, но en gros она держится крѣпко и приросла глубоко. Это положеніе между двухъ шкуръ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое, выбивавшееся на поверхность, портится; процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія и который возметъ верхъ—неизвѣстно.

Дай мнѣ объяснить мою мысь въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ я и успѣю тебѣ доказать, что это не manière de dire, не субъективное негодованіе (трудно въ самомъ дѣлѣ имѣть личность съ всемірной исторіей),

а нѣсколько чертъ, подмѣченныхъ глазами, свободными отъ куриной слѣпоты школьнаго доктринаризма и отъ темной воды мистицизма.

Письмо шестое.

Мы остановились на томъ, что не надобно сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ и за то, что всякій годъ зима слѣдуетъ за лѣтомъ. Признаніе неотвратимаго—сила. Только зная морскіе токи и постоянно смѣняющіеся экваторіальные вѣтры, безъ желанія ихъ исправлять, и можно плавать по океану.

Вглядись, какъ вообще дѣла дѣлаются въ природѣ. Въ каждой формаціи, въ образованіи каждаго вида, развитіе идетъ на тѣхъ началахъ, съ которыми опредѣлилось зачатіе. Оно укрѣпляется, обособляется, получаетъ больше или меньше безвозвратный характеръ. отъ взаимнаго дѣйствія развивающихся началъ и среды. Новые элементы могутъ превзойти, новыя условія могутъ измѣнить направленіе, могутъ остановить начатое и замѣнить его совсѣмъ инымъ; но опредѣлившееся развитіе, если оно не утратитъ своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдетъ далѣе непремѣнно съ своей *особенностью*, развивая свою *односторонность* и односторонность своей среды, т. е. свой *частный случай*. Это нисколько не мѣшаетъ сосѣдямъ, по пространству или по времени, развивать всевозможныя варіаціи на ту же тему, съ разными восполненіями и недостатками, съ своими односторонностями, сообразными другимъ условіямъ и другой средѣ. Только при началѣ образованія видовъ есть неопредѣленная и безхарактерная эпоха, эпоха такъ сказать дозоологическаго состоянія въ яйцѣ и зародышѣ.

О перерожденіи животныхъ видовъ мы очень мало знаемъ. Вся *исторія* ихъ вообще совершилась за спиной человѣка и въ огромные періоды лѣтъ, въ которыхъ не было *свидѣтеля*. Передъ нами стоятъ теперь оконченные, осѣдлые типы, до того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними невозможенъ. За каждымъ животнымъ просвѣчиваетъ длинная исторія—стремленій, прогресса, avortement и уравновѣшенія, въ которомъ формы его успокоились наконецъ, не выполнивъ смутнаго идеала своего, но остановившись на возможномъ, на русскомъ „живетъ и такъ."

Само собою разумѣется, что естественныя явленія не имѣютъ ни въ чемъ ни рѣзкихъ границъ, ни безвозвратныхъ приговоровъ. Пріостановившееся творчество, сведенное на одно повтореніе, можетъ всегда быть разбужено; оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло изъ подъ вліяній планетныхъ подъ вліяніе человѣка; онъ своей культурой развилъ растительные и животные виды, которые сами собою не развились бы.

Все это бросаетъ огромный свѣтъ на вопросы, насъ занимающіе.

Исторія представляетъ намъ *на самомъ дѣлѣ* схваченную, неосѣвшую, осѣдающую формацію, хранящую въ памяти своей главныя фазы развитія и ихъ переливы. Однѣ части рода человѣческаго достигли соотвѣтствующей формы и побѣдили, такъ сказать, исторію; другія въ разгарѣ дѣятельности и борьбы творятъ ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всякихъ сѣмянъ, для всякихъ посѣвовъ и всѣмъ даютъ неистощенную, тучную почву.

Такъ какъ нельзя сказать, глядя на тихое море, что оно черезъ часъ не будетъ вовлечено въ бурю, такъ нельзя положительно утверждать, что Китай, напри-

мѣръ, или Японія будутъ продолжать вѣка и вѣка свою отчужденную, замкнутую, остановившуюся форму бытія. Почемъ знать, что какое нибудь слово не падетъ каплей дрожжей въ эти сонные милліоны и не подниметъ ихъ къ новой жизни? Но если мы не имѣемъ права безусловнаго, непреложнаго заключенія, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ, всматриваясь и наблюдая, мы не имѣли права дѣлать никакихъ заключеній. Рыбакъ, глядящій на безоблачное небо, во время безвѣтрія, почти навѣрное будетъ правъ, предполагая, что *черезъ часъ* не будетъ бури.

Я только этого права и добиваюсь въ разсматриваніи современной исторіи. Для меня очевидно, что западный міръ доразвился до какихъ-то границъ... и въ послѣдній часъ у него недостаетъ духу ни перейти ихъ, ни довольствоваться пріобрѣтеннымъ. Тягость современнаго состоянія основана на томъ, *что на сію минуту* дѣятельное меньшинство не чувствуетъ себя въ силахъ ни создать формы быта, соотвѣтствующаго новой мысли, ни отказаться отъ старыхъ идеаловъ, ни откровенно принять выработавшееся по дорогѣ *мѣщанское государство* за такую соотвѣтствующую форму жизни германороманскихъ народовъ, какъ соотвѣтственна китайская форма—Китаю.

Мучительное состояніе, колебанье и нерѣшительность дѣлаютъ жизнь Европы невыносимой. Успокоится ли она, отбрасывая предразсудки прошлаго и упованья на будущее, или безпокойный духъ западныхъ *вершинъ* и *низовъ* смоетъ новыя плотины,—я не знаю; но во всякомъ случаѣ считаю современное состояніе какимъ-то временемъ истомы и агоніи. Нельзя жить между двумя идеалами.

Одинъ примѣръ, со всѣми подробностями, даетъ намъ исторія.

Длинный процессъ окончанія древняго міра и водворенія міра христіанскаго представляютъ намъ всѣ формы исторической смерти, переселенія душъ и рожденія. Цѣлыя государства остановились, вышли изъ движенія, не взошли въ христіанскую формацію, одряхлѣли и разрушились. Дикія племена, едва собранныя въ правильныя стада, сложились рядомъ съ ними въ новые, сильные государственные организмы... а Римъ, древній городъ по превосходству, переродился въ городъ по превосходству католическій.

Тѣ, которые отрицаютъ внутреннюю необходимость смерти древняго Рима и находятъ, что онъ убитъ насильственно, забываютъ одно, что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ понятіи живаго организма, она внѣ его, за его предѣломъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, и найди они *въ себѣ силы* или *внѣ себя* средства, они побѣдили бы смерть.

Варвары—варварами, но не надобно думать, что вся болѣзнь античнаго міра была отъ побоевъ. Мысль его, съ тацитовскихъ временъ, явнымъ образомъ становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска доходили до самоубійства, до того, что весь міръ чуть не сошелъ съ ума, и дѣйствительно повредился, повѣривъ самой несбыточной теодицеѣ и самому неестественному спасенію, принявъ отчаяніе за утѣшеніе и религію смерти за новую жизнь. Люди, которые не могли сойти съ ума, удалялись съ общей сатурналіи похоронъ, похоронъ въ розовыхъ вѣнкахъ съ амфорами винъ, похоронъ въ вѣнкахъ терновыхъ, съ плачемъ о грѣхахъ міра сего, и

удалялись съ нихъ двумя небольшими дверями стоицизма и скептицизма.

Возлѣ людей, презиравшихъ смерть, возлѣ людей, не вѣрившихъ жизни, возлѣ фанатиковъ, шедшихъ на разрушеніе древней вѣси до послѣдняго камня, и фанатиковъ, ожидавшихъ, что древняя вѣсь возникнетъ съ допуническими добродѣтелями, была *томпаковая* посредственность, толпа не слѣпыхъ и не зрячихъ, толпа міоповъ, которые за недосугомъ ежедневныхъ заботъ, за военными новостями, за сенатскими дѣлами, придворными сплетнями, схоластической меледой и бесконечной задачей домашняго хозяйства ничего не видали: ни Катилину, ни смерти, пожимали плечами, слушая бредъ христіанскихъ якобинцевъ, презирали варваровъ и смѣялись надъ ихъ неотесанностью, не догадываясь, что эти лѣсные готентоты, бѣлобрысые и длинноволосые, идутъ на историческую смѣну.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы —страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до предѣловъ *своего* образованія— имъ приходится отрѣчься отъ основныхъ началъ своихъ, или въ нихъ успокоиться.

Міру современной цивилизаціи очень трудно сладить съ новыми началами, мучащими его. Что можно было поправить—поправлено, что переворотить—переворочено; далѣе приходится хранить пріобрѣтенное или выйти изъ той *односторонности*, изъ того *частнаго случая*, который составляетъ его личность. Послѣднее слово католицизма сказано реформаціей и революціей; онѣ обнаружили его тайну; мистическое *искупленіе* разрѣшено политическимъ *освобожденіемъ*. Символъ вѣры никейскаго собора, основанный на отпущеніи грѣха христіанину, выразился признаніемъ правъ каждаго чело-

вѣка въ символѣ послѣдняго вселеннаго собора, т. е. Конвента 1792 года. Нравственность іудейскаго пролетарія и евангелиста Матѳѣя—таже самая, которую проповѣдуетъ женевскій пролетарій и деистъ Ж. Ж. Руссо. *Вѣра, любовь и надежда* при входѣ, *свобода, братство и равенство* при выходѣ.

Въ громахъ и ураганахъ, слѣдовавшихъ за торжественнымъ 1789 годомъ, завершился германо-романскій міръ. Землетрясеніе французской революціи шло вершинами и пропастями, великимъ и страшнымъ, побѣдами и терроромъ, частными обрывами и потрясеніями до 1848 года; тутъ *аминь*, nec plus ultra. Катаклизмъ, поднявшійся со временъ возрожденія и реформы, окончился.

Внутри идетъ работа: микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, „мышья бѣготня“ исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя сновидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе своей слабости и безсилія разума. Внизу бездонная пропасть стихійныхъ страстей доисторическаго сна, дѣтскихъ грезъ, циклопической, кротовой работы; на это дно и голосъ человѣческій не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской; иной разъ только слышится тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, обѣщающіе убійства и дающіе раззореніе.

Между фантастами на верху и дикими внизу колышется *среднее состояніе*, не имѣя ни силы гордо сказать свое: *Я царь!* ни самоотверженія идти въ іезуиты или въ соціалисты.

Этотъ слой, колеблющійся *между двумя нравственостями*, и представляетъ, именно своимъ колебаніемъ, ту среду порчи, о которой идетъ рѣчь.

— Да какъ это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И развѣ есть двѣ нравственности, развѣ не одна вѣчная, безусловная нравственность, une et indivisible?

Абсолютная нравственность должна дѣлить судьбу всего абсолютнаго—она внѣ теоретической мысли, внѣ отвлеченій вовсе не существуетъ. Нравственностей *нѣсколько* и всѣ онѣ очень относительныя, т. е. историческія.

Первые христіане высказали это очень прямо, очень смѣло, безъ обиняковъ и, объявивши, что новый Адамъ принесъ новую нравственность, что языческія добродѣтели для христіанина—блестящіе пороки, закрыли Платона, закрыли Цицерона и пошли тащить съ пьедесталей златовласыхъ Афродитъ, волоокихъ Геръ и другія *грѣшныя святыни* старой нравственности.

Плиній смотрѣлъ на нихъ какъ на дураковъ, Траянъ презиралъ ихъ, Лукьянъ хохоталъ надъ ними, а они начали новый міръ и *новую* нравственность. Ихъ новая нравственность въ свою очередь сдѣлалась старой. Объ этомъ у насъ только и идетъ рѣчь.

Революція, что могла, *секуляризовала* изъ катехизиса, но революція также какъ реформація стояли на церковномъ погостѣ. У Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общія вѣрованія; они отличались, какъ раскольники — оттѣнками. Вольтеръ, пріѣхавшій, закутавшись въ шубу, въ каретѣ смотрѣть восхожденіе солнца и ставшій на дрожащіе колѣна съ молитвой на устахъ, Вольтеръ благословившій Франклинова внука „во имя бога и свободы,“ такой-

же богословъ, какъ Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, только разныхъ толковъ. Лунный, холодный отсвѣтъ католицизма прошелъ всѣми судьбами революцій и, въ двѣнадцатый часъ ея, еще развернулъ хоругвь съ надписью Dio e Popolo!

Кое гдѣ на вершинахъ начинается заря новаго дня и борется съ мѣсячнымъ свѣтомъ, обличая вопіющее противорѣчіе вѣры и сознанія, церкви и науки, закона и совѣсти, но объ этомъ на долинахъ не знаютъ. Это для малаго числа избранныхъ.

Частный союзъ науки съ религіей невозможенъ, а *союзъ есть*; отсюда и дѣлай заключеніе о нравственности, которая основана на такомъ союзѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ, боясь скандала, скрываетъ свою истину, наука скрываетъ свою беременность новымъ искупителемъ—не отъ Іеговы, а отъ Пана и обѣ обмалчиваются, шепчутся, говорятъ шифрами, или просто лгутъ, оставляя людей въ совершенномъ хаосѣ сбивчивыхъ понятій, въ которыхъ молитвы о дождѣ смѣшаны съ барометрами. химія съ чудесами, телеграфы съ четками.

И это все какъ-то рутинно, по привычкѣ, вѣрь не вѣрь, только исполняй извѣстныя приличія. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильнымъ и общепринятымъ: *думай какъ знаешь* — но *лги* какъ другіе.

Пророки могутъ вести народы видѣньями и страстными словами, но не могутъ вести, скрывая даръ пророчества, или поклоняясь Ваалу.

Чему же дивиться, что пустота жизни ростетъ съ страшной быстротой, наталкивая людей неяснымъ пониманьемъ, мертвящей скукой, на всякаго рода безумья — отъ игры на биржѣ до игры въ вертящіеся столы?

По видимому все идетъ въ порядкѣ: солидные люди

заняты ежедневными заботами, своими дѣлами, возможными цѣлями, они ненавидятъ всякія утопіи и всѣ перехватывающіе идеалы, а въ сущности это не такъ, и сами солидные люди съ своими праотцами, все что ни выработали хорошаго, выработали постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности въ родѣ католицизма, реформаціи, революціи. Этихъ-то радугъ больше и нѣтъ, по крайней мѣрѣ оптическій обманъ не обманываетъ больше.

Всѣ прежніе идеалы потухли, *всѣ до единаго* отъ распятія до фригійской шапки.

... Помнишь ли ты ту страшную картину въ рядѣ геніальной галиматьи Ж. П. Рихтера, въ которой онъ представляетъ, не помню à propos чего, какъ всѣ кающіеся народы бѣгутъ, въ день страшнаго суда, испуганные къ кресту, молясь о спасеніи, о ходатайствѣ сына божія? Христосъ отвѣчаетъ коротко: „у меня нѣтъ отца!“

Такой отвѣтъ раздается теперь со всѣхъ крестовъ, къ которымъ подходятъ уповающіе народы, измученные борьбой, измученные путемъ. Съ каждой Голгоѳы громче и громче раздается: „У меня нѣтъ свободы!“ „У меня нѣтъ равенства!“ „У меня нѣтъ братства!“ И обманутая надежда тухнетъ одна за другой, бросая догорающіе лучи на печальные образы Донъ-Кихотовъ, упорно не хотящихъ слышать голоса съ Голгоѳы... Они машутъ людямъ, чтобъ тѣ шли скорѣе за ними и одинъ за другимъ исчезаютъ въ мглѣ зимнихъ сумерекъ.

И это не все, люди съ двойнымъ ужасомъ стали разглядывать, что у революціи не только нѣтъ *отца*, но нѣтъ и *сына*.

Страшные, безплодные Іюньскіе дни 1848 были протестомъ отчаянія; они не создавали, они разрушали —

но разрушаемое оказалось крѣпче. Съ взятіемъ послѣдней барикады, съ отправкой послѣдней депортаціи безъ суда настаетъ эра для *порядка*. — Утопія демократической республики улетучилась также, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. *Освобожденіе* оказалось окончательно также несостоятельнымъ какъ *искупленіе*.

Но общественное броженіе не на столько успокоилось, чтобъ люди занялись тихо своимъ дѣломъ; надобно было *занять умы*, а безъ утопій, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами плохо. Хорошо еще, еслибъ безъ нихъ, обманутыя въ ожиданіи народныя массы, только бы плѣснѣли и загнивали на ирландскій манеръ какъ стоячая вода, а то пожалуй они поднимутся одичалые и попробуютъ своими самсоновскими мышцами— крѣпки ли столбы общественной храмины, къ которымъ онѣ прикованы!

Гдѣ же взять безопасные идеалы?

Затрудняться нечего — въ душѣ человѣческой обителей много. Сортировка людей по народностямъ становилась больше и больше бѣднымъ идеаломъ въ этомъ мірѣ, схоронившимъ революцію.

Политическія партіи распустились въ *національныя*— это не только шагъ за революцію, но шагъ за христіанство. Обще-человѣческія стремленія католицизма и революцій уступили мѣсто языческому патріотизму и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной честью народовъ.

Когда мнѣ приходитъ въ голову, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ парижскихъ салонахъ, гуляка и шутъ Ромье проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что возбужденныя революціонныя силы надобно своротить съ ихъ страшной дороги и направить на вопросы націо-

нальные, пожалуй династическіе, я невольно, по старой памяти, краснѣю отъ стыда.

Воевать за чтобъ то ни было надобно, иначе въ этомъ застоѣ нападетъ китайскій сонъ—ну а его долго не разбудишь. Да нужно ли будить? — Въ этомъ то и вопросъ.

Послѣднимъ Могиканамъ XVIII столѣтія, Донъ-Кихотамъ революціи, соціалистамъ, и долею литераторамъ, поэтамъ и вообще всякимъ эксцентричностямъ спать не хочется и они, на сколько могутъ, мѣшаютъ массамъ—заснуть. Нерѣчистое мѣщанство совѣстится признаться, что ему спать хочется и туда же бормочетъ въ полуснѣ неясныя слова о прогрессѣ, свободѣ...

Будить надобно войной. А есть ли во всей оружейной палатѣ прошлаго, знамя, хоругвь, слово, идея, изъ за которыхъ бы люди пошли драться, которыхъ бы они не видали опозоренными и въ грязи... suffrage universel можетъ быть?...

Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣнчанный идолъ съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шелъ его предокъ на костеръ за право пѣть псалмы, съ той гордой самоувѣренностью, съ которой шелъ его отецъ на гильотину — за единую и нераздѣльную республику. Вѣдь онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по французски, ни къ чему не ведутъ.

А за *незнакомаго бога*, тайкомъ идущаго за стѣнкой — умирать нельзя. Пусть онъ прежде скажетъ, кто онъ такой, пусть признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что его „добродѣтели—пороки, что его истины—нелѣпость и ложь“.

Ну—это будетъ не сегодня и не завтра.

Благоразумный человѣкъ нашего вѣка, какъ Фридрихъ II — esprit fort въ своей комнатѣ и esprit accomodant на площади. Входя въ свой кабинетъ, изъ котораго высылались лакеи, король дѣлался философомъ; но выходя изъ него, философъ дѣлался королемъ.

... Вотъ тутъ-то „быки и стоятъ передъ горой!“

А впрочемъ нельзя отрицать, что свѣтъ разума все больше и больше разсѣеваетъ тьму предразсудковъ.... всего досаднѣе, что людямъ недосугъ и рано умираютъ — только начнетъ въ умъ входить человѣкъ, глядишь, а уже и несутъ на кладбище. Невольно вспомнишь извѣстную лошадь, которую пасторъ совсѣмъ было отъучилъ отъ ѣды, да смерть помѣшала.

... Въ альпійскихъ ледникахъ всякое лѣто оттаиваетъ кора льда, но масса его такъ толста, что осень всякой разъ захватываетъ на полдорогѣ дѣло лучей солнечныхъ и кора опять начинаетъ замерзать, иногда впрочемъ не достигая прежней толщины. Метеорологи расчитывали много разъ, сколько вѣковъ и вѣковъ необходимо лѣту работать надъ зимой, чтобъ распустить весь ледъ. Многіе сомнѣваются, чтобъ вообще солнце само по себѣ дошло до этого, — развѣ вулканическій взрывъ поможетъ.

Въ исторіи этотъ счетъ еще не дѣланъ.

20 Октября 1862.

Письмо Седьмое.

Шесть дней на работу, а седьмой на отдыхъ. Не даромъ Моисей и Прудонъ защищаютъ день субботній. Однообразный трудъ страшно утомляетъ. Надобно періодическія паузы, въ которыя человѣкъ вымывши руки и надѣвъ чистое платье, идетъ не на работу, а гулять,

посмотрѣть на добрыхъ людей, посмотрѣть на природу одуматься, свободно вздохнуть, „воскреснуть“.*)

Вотъ и я сдѣлалъ себѣ изъ моей періодической болтовни о „Концахъ и Началахъ“ воскресную рекреацію, и ухожу въ нее отъ ежедневныхъ диссонансовъ, газетныхъ мерзостей и будничныхъ споровъ, въ которыхъ мѣняются часы и числа, но мнѣнія и рѣчи остаются тѣже..... ухожу какъ въ какую нибудь отдаленную келью, изъ оконъ которой не видать многихъ подробностей, не слыхать многихъ звуковъ, но ясно видны молчащіе очерки близкихъ и далекихъ горъ и внятно доходитъ морской гулъ.

Можетъ ты найдешь, что я не весело праздную свои праздники — вспомни, что я въ Англіи, гдѣ изъ всѣхъ скучныхъ дней, воскресенье самый скучный.

Ну чтожъ дѣлать, поскучай еще разъ, а я съ своей стороны постараюсь какъ можно забавнѣе тебѣ разсказать тѣ печальныя вещи, о которыхъ мы говоримъ.

Да точно ли онѣ печальны? И не пора ли, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ было такъ, примириться съ ними? Нельзя вѣчно горевать о вещахъ, которыя не въ нашей волѣ перемѣнить. Не лучше ли по добру да поздорову провѣрить приходо-расходныя книги, достающіяся намъ по наслѣдству и, забывая неумѣренныя траты и невознаградимыя потери, принять съ смиреніемъ духа итогъ за новую точку отправленія. Тоскуй сколько хочешь, дѣлу не поможешь; мало ли кто какъ *моіъ* употребить свой наслѣдственный капиталъ; мало ли кто что грезилъ, получая его и что мы грезили за него..... *Симфонія эроика* кончена, начинается дѣловая

*) Sie feiern die Auferstehung des Herrn,
Denn Sie sind selber auferstanden
Aus niedrigen Hauser, dumpfen Gemächen.—Faust.

жизнь. Вино отшипѣло, будемъ пить *сухую* tisanne de champagne. Оно не такъ вкусно, но говорятъ здоровѣе.

Часть образованнаго міра страждетъ — стародѣвической тоской — о счастіи, котораго она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобъ твердо рѣшиться на вдовство безъ замужства, хнычетъ о томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... что дѣлать?—не увезъ, а теперь поздно.

Люди досадуютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ и отъ этого не зоботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того что есть.

Рядомъ съ идеалами серафимскихъ крыльевъ, больше и больше пропадающими въ мракѣ прошедшаго, и идеалами другихъ крыльевъ, исчезающихъ въ будущемъ— сложился цѣлый самобытный міръ, на который мечтатели сердятся за то, что онъ исполнилъ то, что могъ, а не то что они ожидали т. е. не крылья. Пока этотъ міръ не признаютъ власть и право имущимъ, до тѣхъ поръ продолжится лихорадочное броженіе, постоянная ложь въ жизни, невольная измѣна и своему идеалу и практической реальности, которая обличается въ безпрерывномъ противорѣчіи словъ и дѣлъ, фразы и поведенія.

Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчистъ, не смотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, *рекламъ* — и совсѣмъ тѣмъ онъ не умѣетъ стать во весь ростъ, во всю толщину и громко сказать народамъ: „Я Альфа и Омега вашего развитія; идите ко мнѣ и я успокою васъ, дамъ, что дать можно; но перестаньте толкаться во всѣ двери, которыя вамъ не

отпираются: однѣ потому, что некому отпереть, другія потому, что никуда не ведутъ. Помните наконецъ, что нѣтъ вамъ бога развѣ меня и перестаньте поклоняться всѣмъ кумирамъ на свѣтѣ и желать всякихъ крыльевъ на свѣтѣ. Поймите, что нельзя проповѣдывать въ одно и тоже время христіанскую нищету и политическую экономію, соціальныя теоріи и безусловное право собственности. Доселѣ моя власть существуетъ какъ фактъ, но не какъ признанная основа нравственности, даже не какъ знамя, и еще хуже—меня отрицаютъ, меня оскорбляютъ въ церквахъ и академіяхъ, въ аристократическихъ залахъ и сходкахъ клубистовъ, въ рѣчахъ и въ проповѣдяхъ, въ романахъ и журналахъ..... Мнѣ надоѣла роль провинціальной родни, отъ которой столичные фаты получаютъ деньги и домашніе запасы, но о которой умалчиваютъ или говорятъ краснѣя. Я не только хочу царствовать, но хочу одѣться въ порфиру".

Да, любезный другъ, пора придти къ покойному и смиренному сознанію, что *мѣщанство* окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе— état adulte; *имъ* замыкается длинной рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности — все вносившее столько поэзіи и бѣдъ въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій... оно представляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры. Пусть другіе покажутъ свою прыть. Время отъ времени конечно будутъ еще являться люди прежняго броженія, героическихъ эпохъ, другихъ формацій—монахи, рыцари, квекеры, якобинцы, но ихъ мимолетныя явленія не будутъ въ силахъ измѣнить главный тонъ.

Великіе стихійные ураганы, поднимавшіе всю поверхность западнаго моря, превратились въ тихой морской вѣтерокъ — не опасной кораблямъ, но способствующій ихъ прибрежному плаванью. Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной и каменистой гавани реформаціи; обмелѣла и революція въ покойной и песчаной гавани либерализма. Протестантизмъ, суровый въ мелочахъ религіи, постигъ тайну примиренія—церкви, презирающей блага земныя, съ владычествомъ торговли и наживы. Либерализмъ, суровый въ мелочахъ политическихъ, умѣлъ соединить еще хитрѣе постоянный протестъ противъ правительства съ постоянной покорностью ему.

Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей... западный міръ сталъ отстаиваться, уравновѣшиваться: все, что ему мѣшало, утягивалось мало по малу въ тяжелѣвшія волны, какъ насѣкомыя, захваченныя смолой янтаря. Задыхаясь испустилъ крикъ досады Байронъ и бѣжалъ, одинъ изъ первыхъ, *куда-нибудь*... въ Грецію.*) Стоически оставшись въ Франкфуртѣ, медленно задыхался Шопенауеръ, помѣчая, какъ Сенека, съ разрѣзанными венами, прогресъ смерти и привѣтствуя ее какъ избавительницу... Это нисколько не мѣшало повороту всей европейской жизни въ пользу тишины и кристализаціи, напротивъ онъ становился яснѣе и яснѣе. Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, *безпокойное*, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но

*) До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчужденіе и выдумывали себѣ жизнь, занятія и пр., ты можешь ясно видѣть въ Recollections of the last days of Byron and Shelley — Трелоне.

многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ. Индивидуальности терялись, какъ брызги водопада, въ общемъ потопѣ, не имѣя даже слабаго утѣшенія „блеснуть и отличиться, проходя полосой радуги“. Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ — а не въ лицѣ. Сегодня засыпало въ угольной копѣ сто человѣкъ, завтра будутъ засыпаны пятьдесятъ, сегодня на одной желѣзной дорогѣ убито десять человѣкъ, завтра убьютъ пять... и всѣ смотрятъ на это какъ на частное зло. Общество предлагаетъ страховаться... что же оно можетъ больше сдѣлать?... Въ перевозимомъ товарѣ, живомъ и мертвомъ, оттого что убили чьего-нибудь отца или сына, недостатка не можетъ быть: въ живыхъ снарядахъ для углекопей тоже. Нужна лошадь, нуженъ работникъ, а ужъ именно саврасая ли лошадь или работникъ Анемподистъ—совершенно все равно. Въ этомъ *все равно*, вся тайна замѣны лицъ массами, поглощеніе личныхъ самобытностей родомъ.

Одна буря было подымалась, гроза всѣхъ разбудить и помѣшать мѣщанской кристализаціи, снести колокольни и каланчи, ограды и таможни, но во время отведенная грамоотводами—она внѣ игры. И легче себѣ представить Европу, возвратившуюся въ католицизмъ временъ Григорія Гильдебрандта, по приглашенію Донозо Кортеса и графа Монталамбера, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочемъ, кто же теперь серьезно говоритъ о соціализмѣ! Съ этой стороны западный міръ можетъ быть доволенъ—ставни закрыты, зарницъ не видать, до грому далеко... онъ можетъ спокойно покрыться стеганымъ одѣяломъ, повязать фуляръ и погасить свѣчу.

Gute Nacht, Gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee!

Но у бѣдной матери Доротеи, какъ у Гретхенъ, братъ солдатъ и, какъ всѣ солдаты, любитъ шумъ и драку и не даетъ спать. Она бы его давно сбыла съ рукъ, да есть кой какіе дорогіе пожитки, такъ на счетъ голодныхъ сосѣдей безъ сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожемъ — амбиція. „Я, говоритъ, рыцарь, жажду подвиговъ и повышеній".

... Да, еслибъ можно было свести войско на опричниковъ собственности, на тѣлохранителей капитала и лейбъ-гвардію имущества, все бы быстро достигнуло прочнаго, окончательнаго строя. Но въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго и наслѣдственный рыцарскій духъ мѣшаетъ покойному осажденію докипающей жизни, и поддерживаетъ броженіе. Какъ грабежъ ни заманчивъ, и кровожадность ни естественна людямъ вообще, но гусарская удаль и суворовскій задоръ не совмѣстны съ совершеннолѣтіемъ, съ ровнымъ и тихимъ развитіемъ. Отвращеніе Китая отъ всего военнаго гораздо понятнѣе у сложившагося народа, чѣмъ николаевское пристрастіе къ „выпушкамъ, погончикамъ, петличкамъ".

Вотъ тутъ и загвоздка! Что дѣлать съ *великимъ народомъ*, который хвастается тѣмъ, что онъ *народъ военный*, который весь состоитъ изъ зуавовъ, пью-пью и французовъ, т. е. тоже солдатъ?...

Peuple de France, peuple de braves!

Смѣшно говорить о покойныхъ ночахъ, прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ, о свободѣ политической, торговой, и всяческой, когда пятьсотъ тысячъ штыковъ, праздныхъ и скучающихъ, требуютъ заявить свое „право на работу".

На то гальскій пѣтухъ, чтобъ ни одна индѣйка, ни одна утка и ни одинъ гусь въ Европѣ не дремалъ покойно.

Въ самомъ дѣлѣ, перейди Франція изъ военной службы—въ штатскую (безъ службы она ужъ не можетъ жить) и все пойдетъ какъ по маслу. Англія броситъ въ море ненужныя ружья, купленныя для рейфльменовъ, мой grocer Джонсонъ (and Son) первый промѣняетъ свой штуцеръ на удочку и пойдетъ въ Темзѣ удить рыбу, Кобденъ ослабитъ все, что укрѣпилъ Пальмерстонъ и фельдмаршала Кембриджскаго выберутъ предсѣдателемъ Peace Society.

Но Франція и не думаетъ выходить изъ военной службы—да и нельзя, на кого оставить Мексику, папу римскаго, и *безъ малаго* единую Италію? Знамя замѣшано, дѣлать нечего!

Peuple de France, peuple de braves!

Какъ же быть?

Позволь мнѣ на этомъ остановиться и разсказать новую встрѣчу съ однимъ старымъ знакомымъ; онъ смѣлѣй, съ своей точки зрѣнія „поврежденнаго“, меня рѣшалъ эти вопросы.

Иду я какъ-то года два тому назадъ по Странду, смотрю въ дверяхъ большой лавки съ дорожными вещами хлопочетъ какая-то толстенькая, подвижная фигура, рѣзко не лондонская, съ разными признаками Италіи, въ свѣтлосѣрой шляпѣ, въ легкомъ желтомъ пальто и съ огромной черной бородой; мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ее... всматриваюсь... онъ, точно онъ, мой здоровый, разбитной лекарь, съ волчьими зубами и веселостью хорошаго пищеваренія, тотъ самый лекарь, съ которымъ въ былыя времена мы „рѣзали собакъ и кошекъ“, какъ онъ выражался, и то не въ

Италіи, а въ анатомическомъ театрѣ московскаго университета.

— На этотъ разъ, сказалъ я русскому-итальянцу, не вамъ первому достанется честь узнать стараго знакомаго.

— Eccolo! вотъ прелесть! скажите пожалуста—и онъ бросился меня цаловать, такъ коротко онъ познакомился со мной во время своего отсутствія.

— Если вы будете часто такъ поднимать обѣ руки, замѣтилъ я ему, у васъ непремѣнно отрѣжутъ дорожный мѣшочекъ.

— Знаемъ, знаемъ, классическая страна воровства... Помните Донъ-Жуанъ, ну тамъ въ концѣ, когда онъ возвращается въ Лондонъ.

— Помню. Ну а вашъ чудакъ съ вами?

— Какъ же, онъ меня ждетъ въ Hôtel'ѣ, сунулся было на улицу, да тотчасъ назадъ, такая говоритъ, толпа и духота, что боюсь морской болѣзни, вотъ меня и послалъ купить кой какія вещицы на дорогу, мы завтра отправляемся въ Техасъ.

— Куда?

— Въ Техасъ, ну знаете въ Америкѣ.

— За чѣмъ?

— А за чѣмъ жили въ Калабріи. Телемакъ-то мой ни на волосъ не перемѣнился, только здакъ солиднѣе прежняго заговаривается. Помните какъ онъ вамъ толковалъ, что планета больна и что пора людямъ вылечиться отъ исторіи, вотъ онъ и убѣдился теперь, что леченіе въ Европѣ идетъ медленно, — ну онъ и ѣдетъ въ какой-то Техасъ. Я привыкъ къ нему, все по прежнему споримъ цѣлый день, это людей ужасно связываетъ. Что же, посмотримъ и Америку!

— Ну, а что въ Калабріи?

— Ему-то тамъ сначала понравилось, т. е. по нашему вся Калабрія хуже послѣдняго уѣзднаго города въ какой нибудь саратовской губерніи—тамъ хоть биліардъ есть, ну какая нибудь вдовушка чиновница, ну хоть какая нибудь солдатка въ слободкѣ, а тутъ разбойники, пастухи, да попы, да такіе что и не различишь, который разбойникъ, который пасторъ, который попъ. Наняли мы тамъ полуразвалившійся радклифовской вертепъ; ящерицы, бестіи, бѣлымъ днемъ по полу ходятъ, а ночью нетопыри по залѣ летаютъ, хлопъ въ стѣну, хлопъ. Я впрочемъ уѣзжалъ нѣсколько разъ и въ Неаполь, и въ Палермо... А каковъ Гарибальди? Вотъ человѣкъ-то, съ такимъ не пропадешь!... А онъ все сидѣлъ въ своемъ замкѣ, только разъ съѣздилъ въ Римъ. Римъ ему по вкусу пришелся, будто сейчасъ пѣвчіе перестали пѣть „со святыми упокой!“ Гамлетъ, гробокопатель!

— А что, вашъ Гамлетъ показывается?

— Безъ сомнѣнія. Онъ поминалъ васъ нѣсколько разъ, „онъ говоритъ, сбивается еще, а впрочемъ на хорошей дорогѣ“ ха! ха! ха!

— И то хорошо. Пойдемте къ нему.

— Съ удовольствіемъ.

Евгенія Николаевича я нашелъ сильно постарѣвшимъ. Лицо его, больше покойное, получило какой-то клерикально задумчивой оттѣнокъ; сухая, матовая блѣдиость придавала его лицу что-то не живое, темные обводы около глазъ, больше прежняго впавшихъ, дѣлали зловѣщимъ прежнее грустное выраженіе ихъ.

— Вы бѣжите отъ насъ, Евгеній Николаевичъ, за океанъ, сказалъ я ему.

— И вамъ совѣтую.

— Что же такъ?

— Утомительно-съ очень здѣсь.

— Да вѣдь вы это знали и прежде, вы мнѣ говорили это восемь лѣтъ тому назадъ.

— Это правда, но, признаюсь, я думалъ, что будетъ война.

— Какая война?

— Война! и онъ покрутилъ рукой.

— Это вы въ Калабріи сдѣлались такимъ кровожаднымъ?

— Мнѣ собственно ничего, но больно быть свидѣтелемъ, вчужѣ жаль молодое поколѣніе.

— Да войну вамъ на что? чтобъ помочь молодому поколѣнію?

— Я не виноватъ, вопросъ такъ сталъ.

— Каюсь вамъ чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Нашла коса на камень! вставилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Это оттого, что вы и сомнѣваетесь и вѣрите. Это бѣда-съ. „Ясно, что столы не вертятся, а тутъ вопросъ: „ну, а какъ столы въ самомъ дѣлѣ вертятся,"—оно и не ясно-съ. Вотъ Филиппъ Даниловичъ другое дѣло, онъ ортодоксъ, онъ и знаетъ, какъ тамъ прогрессъ идетъ и все такъ къ лучшему. А я вотъ какъ ни прикидываю, вижу, что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся въ болото.

— Лошадь заступила за постромку, такъ ей ноги прочь, сейчасъ ампутацію. Радикальное леченіе! замѣтилъ лекарь.

— Найдите снадобье и ампутаціи не надобно. А какъ его нѣтъ, такъ такъ и оставить больнаго? Западные народы изъ силъ выбились, да и есть отчего, они хотятъ отдохнуть, пожить въ свое удовольствіе,

надоѣло безпрестанно перестроиваться, обстроиваться, да и ломать другъ другу домы. У нихъ все есть, что надобно—и капиталы, и опытность, и порядокъ, и умѣренность... что же имъ мѣшаетъ? Были трудные вопросы, были любимыя мечты,—все улеглось. На что вопросъ о пролетаріатѣ — и тотъ утихъ. Голодные сдѣлались ревностными поклонниками чужой собственности, въ надеждѣ пріобрѣсти свою, сдѣлались тихими лаццарони индустріи, у которыхъ ропотъ и негодованіе сломлены вмѣстѣ со всѣми остальными способностями, и это безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ заслугъ фабричной дѣятельности... а покоя все нѣтъ, какъ нѣтъ... держи войско, держи флоты, трать все выработанное на защиту,—кто же, кромѣ войны, можетъ покончить съ войскомъ?

— Это гомеопатически клинъ клиномъ вышибать — замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Можно ли, продолжалъ мой чудакъ, беззаботно работать въ своемъ садикѣ, зная, что возлѣ, въ ущеліи какой нибудь вертепъ бандитовъ, пандуровъ, янычаръ?

— Позвольте, перебилъ Филиппъ Даниловичъ, одно слово, пари на бутылку бургонскаго, что вы не знаете, кто эти тормазы просвѣщенья, прогресса—эти пандуры и янычары!

— Чтожъ, Австрія и Россія?

— Ха, ха, ха — на вѣрнякъ обыгралъ, за вами бутылка шамбертенъ—я другаго не люблю.

— Ну, помилуйте, замѣтилъ съ упрекомъ Евгеній Николаевичъ, что же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не расползлись, ну гдѣ же ей кому нибудь грозить? Человѣкъ одной рукой придер-

живаетъ ногу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась. А тутъ говорятъ, что она на драку лѣзетъ. Пора и Россію, послѣ кампаніи, отчислить изъ пугалъ; ее нетолько никто не боится, но на нее никто и не надѣется больше, ни сербы, ни болгары, ни всѣ эти славянскіе патріоты, отыскивающіе съ IV столѣтія свое отечество и свою самобытность. Да это и хорошо, пусть Россія *„чаетъ жизни будущаго вѣка,“* а въ настоящемъ отучаетъ чиновниковъ воровать да помѣщиковъ драться. Въ Европѣ есть гнеты, почище устроенные, отъ которыхъ воздуха въ легкихъ и покоя въ сердцѣ не достаетъ.

— Такъ это вы Англію и Францію такъ честите.

— Безъ сомнѣнія, еще съ Англіей можно бы было какъ нибудь сладить, она все эдакъ потихоньку, за угломъ, отрицательно давитъ, тутъ поддерживаетъ дряхлое, тамъ такъ притиснетъ молодое, что оно расти перестанетъ; голоднаго встрѣтитъ, говоритъ ему: „чтожъ, съ богомъ, ты свободный человѣкъ, иди, я тебя не держу.“ А Франція... ну, помилуйте, — одинъ баталліонъ: за барабаномъ и двумя дудками вся Франція пойдетъ, куда хотите — въ Казань, Рязань, а въ Англію она и безъ барабана вплавь броситься, лишь бы въ докахъ-то, въ Сити похозяйничать, какъ въ пекинскомъ дворцѣ. Кто могъ ждать, что эти два заклятыхъ врага будутъ покойно смотрѣть другъ на друга, съ той ненавистью, которую не могли преодолѣть ни вѣка, ни образованіе, ни торговая выгода, и притомъ сдвигаясь все ближе и ближе, такъ что ужъ между Парижемъ и Лондономъ остается только десять часовъ ѣзды? Съ одной стороны Ламанша legion d'honneur, съ другой habeas corpus, и они терпятъ другъ друга! Понимаете ли вы это, такъ страстно ненавидѣть и не

имѣть духу? — Послѣ этого я рѣшительно въ Техасъ.

— Понять трудно, это правда, но что *оно такъ*, это не совсѣмъ дурно. Вотъ уже когда ваша война будетъ и французы переплывутъ Ламаншъ, чтобъ *освободить* Англію, тогда я и самъ отправлюсь въ Техасъ.

— A la bonheur! — вскрикнулъ обрадованный Филиппъ Даниловичъ.

— Дренажъ-съ, война дренажъ-съ для разсчистки мѣста и воздуха. Гдѣжъ имъ въ Лондонѣ остаться, Москва не Лондонъ, и то взяла всякихъ нѣмцевъ по дорогѣ, да и пошла въ Парижъ.

— Или у васъ есть въ запасѣ какой нибудь Людвигъ XIX?

— *Въ немъ не будетъ надобности.*

— Евгеній Николаевичъ — сказалъ я помолчавъ — и все-то это для того, чтобъ дойти до голландскаго покоя, и за эту похлебку изъ чечевицы проститься съ лучшими мечтами, съ святѣйшими стремленіями.

— А чѣмъ худо, замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ, снова показывая свои бѣлые зубы, ѣсть сельди да вафли, съ чистой совѣстью и такой же салфеткой—въ домѣ, который только что выстирали, съ женой изъ рубенсовскихъ мясовъ, и кругомъ малъ мала меньше. Скидамъ, фаро и кюрасо, я больше ничего голландскаго не знаю. Ха, ха, ха, изъ чего бились всѣ ваши Фурье да Овены!

— Не они одни, католики и протестанты, энциклопедисты и революціонеры... всѣ изъ чего бились? А ихъ трудъ, ихъ вѣра, ихъ борьба, ихъ гибель... это развѣ ничего? Вамъ еще надобно, чтобъ и Вѣсь господня и Feste Burg, и фаланстеръ, и якобинская республика, все бы въ самомъ дѣлѣ осуществилось? Я помню... онъ пріостановился и потомъ съ какимъ-то внутрен-

нимъ умиленіемъ спросилъ меня: испытали вы, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ передаетъ свое воззрѣніе другому и видитъ, какъ оно всходитъ въ немъ?

— Все это хорошо, воля ваша, перебилъ ученикъ Гиппократа, да какой же прокъ съ наслажденіемъ переливать изъ пустого въ порожнее? Хлопотать-то изъ чего?

— Эхъ, Филиппъ Даниловичъ, мы-то съ вами изъ чего хлопочемъ, не дошли же мы до того, чтобъ лечиться отъ смерти, а вѣдь гробовой-то покой хуже голландскаго. Ну да ужъ вамъ и богъ проститъ, вы ортодоксъ. А вотъ вы-то какъ же эдакъ спотыкаетесь? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, печально качая головой.

И потомъ, вдругъ расхохотавшись своимъ нервнымъ, невеселымъ смѣхомъ, сказалъ: Я вспомнилъ теперь одну нѣмецкую книгу, въ которой разсказывается о труженическомъ существованіи крота,—очень смѣшно. Звѣрь маленькой, съ большими лапами, съ щелочками вмѣсто глазъ, роетъ въ темнотѣ, подъ землей, въ сырости, роется день и ночь, безъ устали, безъ разсѣянія, съ страстной настойчивостью. Едва перекуситъ какихъ нибудь зернышекъ да червячковъ, и опять за работу, за то для дѣтей готова норка, и кротъ умираетъ спокойно, а дѣти-то начинаютъ во всѣ стороны рыть норки для своихъ дѣтей. Какова заплатная цѣна за пожизненную земляную работу? Каково соотношеніе между усиліями и достигаемымъ?—ха, ха, ха. — Самое смѣшное-то въ томъ, что, выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоившіе ему труда цѣлой жизни, онъ не можетъ ихъ видѣть, бѣдный кротъ!

Этой моралью моего поврежденнаго я и заключу первый отдѣлъ „Концовъ и Началъ“ и послѣдній мѣ-

сяцъ 1862 года. Черезъ два дня *новый годъ*, съ которымъ тебя поздравляю, надобно набрать къ нему свѣжія силы, на кротовую работу, лапы чешутся.

29 Декабря 1862 г.

Письмо восьмое.

Мужайся, стой и дай отвѣтъ!

... „Halte-la!—Stop!“ сказалъ мнѣ на этотъ разъ не *поврежденный*, а напротивъ, одинъ *поправленный* господинъ, входя въ мою комнату съ „Колоколомъ“ въ рукѣ. Я пришелъ къ вамъ объясниться. Ваши „Концы и Начала“ перешли всякую мѣру, пора честь знать и дѣйствительно положить имъ конецъ, сожалѣя о ихъ началѣ.

— Неужели *до этой* степени?

— До этой. Вы знаете — я васъ люблю, я уважаю вашъ талантъ...

Ну, подумалъ я, дѣло плохо, видно „поправленный“ не на шутку хочетъ меня обругать, а то не сталъ бы заѣзжать такими лестными апрошами.

— Вотъ моя грудь, сказалъ я, разите.

Мое самоотверженіе, смѣшанное съ классическимъ воспоминаніемъ, хорошо подѣйствовало на раздраженнаго пріятеля, и онъ съ болѣе добродушнымъ видомъ, сказалъ мнѣ: „Выслушайте меня покойно, безъ авторскаго самолюбія, безъ изгнаннической исключительности—къ чему вы все это пишете?“

— На это много причинъ—во первыхъ я считаю истиной то, что пишу, а у каждаго человѣка, неравнодушнаго къ истинѣ, есть слабость ее распространять.

Во вторыхъ... впрочемъ, я полагаю, что и перваго достаточно.

— Нѣтъ. Вы должны знать публику, съ которой говорите, ея возрастъ, обстоятельства, въ которыхъ она находится. Я вамъ скажу прямо: вы имѣете самое пагубное вліяніе на нашу молодежь, которая учится у васъ неуваженію къ Европѣ, къ ея цивилизаціи — въ силу чего не хочетъ серьезно заниматься, хватаетъ вершки и довольствуется своей широкой натурой.

— У! какъ вы состарѣлись съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ няньки, поучающія дѣтей, что новорожденныхъ приноситъ повивальная бабка и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше, сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду? Правда выйдетъ не хороша, примѣръ будетъ хорошъ. Съ вреднымъ вліяніемъ на молодежь — я давно примирился, взявъ въ разсчетъ, что всѣхъ, дѣлавшихъ пользу молодому поколѣнію, постоянно считали развратителями его, отъ Сократа до Вольтера, отъ Вольтера до Шеллея и Бѣлинскаго. Къ тому же меня утѣшаетъ, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная въ помѣщичьихъ плантаторскихъ усадьбахъ николаевскими чиновниками и офицерами, окончившая курсъ своихъ наукъ въ господскихъ домахъ, казармахъ и канцеляріяхъ, она или не можетъ быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой нибудь горькой правдой о Западѣ.

— Правдой!... Да позвольте васъ спросить, правда-то ваша въ самомъ ли дѣлѣ правда?

— За это я отвѣчать не могу. Вы можете быть въ

одномъ увѣрены, что я говорю добросовѣстно, какъ думаю. Если же я ошибаюсь, не сознавая того, что же мнѣ дѣлать? Это скорѣе ваше дѣло раскрыть мнѣ глаза.

— Васъ не убѣдишь—и знаете почему, потому что вы *отчасти* правы. Вы хорошій *прозекторъ*, какъ сами говорили и—плохой акушеръ.

— Да вѣдь и живу-то я не въ maternité, а въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ.

— А пишите для воспитательныхъ домовъ. Дѣтей надобно учить, чтобъ они другъ у друга каши не ѣли, да не таскали бы другъ друга за вихры, а вы ихъ подчуете тонкостями вашей патологической анатоміи. Да еще приговариваете: вотъ, молъ, какія скверныя потрохи были у западныхъ стариковъ. Къ тому же у васъ двѣ мѣры и два вѣса. Взялись за скальпель, ну и рѣжьте одинакимъ образомъ.

— Какъ же это и живыхъ-то рѣзать? Страсти какія, да еще дѣтей! Что же за Иродъ вамъ достался?

— Шутите, какъ хотите, меня не собьете. Вы съ большой чуткостью произносите діагнозу современнаго человѣка, да только разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы говорите, что все это произошло отъ того, что паціентъ французъ или нѣмецъ. А тѣ дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы взрѣзываете безъ оглядки, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы, и тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ, не золотаго тельца, а бараній тулупъ, да и да-

вай ему поклоняться и славословить его „Абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный!“ Вы, которые сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобъ не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ что ни говори, какія ни приводи факты, вы „въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ“ толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что и ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно—исторія, филологія, статистика, неотразимые факты, вамъ обоимъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако, и я въ свою очередь скажу, надобно знать мѣру, какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ фактъ, что мы русскіе принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europeum, и, слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ*. Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ.

... Я останавливаюсь на этомъ пріятномъ моментѣ

полнаго согласія съ моимъ противникомъ, чтобъ снова обратиться къ тебѣ и отдать на твой судъ таковыя до чести и добродѣтели моихъ посланій относящіяся нарѣканія.

Грѣхъ мой весь въ томъ, что я избѣгалъ догматическаго изложенія и, можетъ, слишкомъ полагался на читателей; это привело многихъ въ искушеніе и дало моимъ *практическимъ* противникамъ орудіе противъ меня —разныхъ закаловъ и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать въ рядъ афоризмовъ основы того воззрѣнія, на которыя опираясь, я считалъ себя вправѣ сдѣлать тѣ заключенія, которыя передавалъ, какъ сорванныя яблоки, не упоминая ни о лѣстницѣ, которую приставлялъ къ дереву, ни о ножницахъ, которыми стригъ. Но прежде, чѣмъ я примусь за это, я хочу тебѣ показать на одномъ примѣрѣ, что мои строгіе судьи, не то чтобъ были очень хорошо подкованы. Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ, какъ ты видѣлъ, за *несомнѣнный фактъ*, *за неизмѣнный физіологическій законъ*, что если *русскіе* принадлежать къ *европейской семьѣ*, то имъ предстоитъ та же дорога и то же развитіе, которое совершено романо-германскими народами; но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется.

Это мнѣ напоминаетъ чисто московское изобрѣтеніе разныхъ учрежденій, постановленій, въ которыя всѣ вѣрятъ, которыя всѣ повторяютъ и которыя, между прочимъ, никогда не существовали. Одинъ мой (и твой) знакомый называлъ ихъ *законами англійскаго клуба*.

Общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончіе, борзые, водолазы,

моськи... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель, Ромулъ и Ремъ были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали. Тоже самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абисинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ аѳонской горы. Что утка не дышетъ жабрами, это вѣрно, еще вѣрнѣе, что кварцъ не летаетъ, какъ колибри. Впрочемъ, ты вѣрно знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры, но имѣя физіологическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

Это значитъ просто на просто, что рыба *приладилась* къ условіямъ водяной жизни и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ. Но почему же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что оно, напротивъ, объясняетъ его. Въ „genus europeum“ есть народы состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (Кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ—отчего же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ. какъ жабры для утки?

Въ чемъ же состоитъ та злая ересь, то отпаденіе отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отъ неприлож-

ныхъ законовъ мірозданія и отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ ученій и уставовъ, что я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится и, достигая котораго, она вѣроятно *пройдетъ* и мѣщанской полосой. Можетъ, народы европейскіе сами перейдутъ къ другой жизни — можетъ Россія вовсе не разовьется, но именно потому, что это *можетъ быть—можетъ быть* и другое. И тѣмъ больше, что въ томъ череду, какъ стали вопросы, въ случайностяхъ мѣста и времени развитія, въ условіяхъ быта и жизни, въ постоянныхъ *складкахъ* характера, бездна указаній.

Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ, онъ не принималъ почти никакого участія въ семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію или развить что нибудь свое подъ вліяніемъ былаго и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія.

До нашего времени Россія ничего не развила своего, но кое-что сохранила; она, какъ потокъ, отражала, верхнимъ слоемъ, тѣснившіе ее берега, отражала ихъ вѣрно, но поверхностно. Вліяніе византійское, можетъ, было самое глубокое; остальное шло по петровски, брилась борода, стриглись волосы, рѣзались полы кафтана, народъ молчалъ, уступалъ, меньшинство переряжалось, служило,—а государство, которому дали общій европейскій чертежъ—росло, росло... Это обыкновенная исторія ребячества. Оно окончилось. Въ этомъ никто не сомнѣвается, ни Зимній дворецъ, ни Юная Россія. Пора стать на свои ноги, зачѣмъ же непремѣнно на

деревянныя, потому что онѣ иностранной работы? Зачѣмъ же наряжаться въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ.

Мы досадуемъ на бѣдность силъ, на узкость взгляда правительства, которое въ своей безплодности, усовершаетъ нашъ бытъ тѣмъ, что вмѣсто черно-желтой Zwangsjacke, въ которой насъ пасли полтораста лѣтъ, надѣваетъ трехцвѣтную camisole de force, шитую по парижскимъ выкройкамъ. Но тутъ не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, кафедральныя профессора, проповѣдуютъ намъ, что ужъ такой *неизмѣнный законъ физіологіи*, принадлежишь къ genus europeum, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ, что мы, какъ бараны, должны спотыкнуться на той же рытвинѣ, упасть въ тотъ же оврагъ, и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ и продавать овощь другимъ баранамъ.

Пропадай онъ совсѣмъ этотъ физіологическій законъ! и отчего же это Европа была счастливѣе, ее никто не заставлялъ da capo играть роль Греціи и Рима?

Въ природѣ, въ жизни нѣтъ никакихъ монополей, никакихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія новыхъ зоологическихъ видовъ, новыхъ историческихъ судебъ и государственныхъ формъ—предѣлы ихъ однѣ невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшаго. Не только фазы развитія и формы быта измѣняются, но создаются новые народы и народности, которыхъ судьбы идутъ иными путями. На нашихъ глазахъ, такъ сказать, образовалась новая порода, varietas *сводно и свободно европейская*. Не только бытъ, нравы, пріемы американцевъ развили свой особый характеръ, но наружный типъ англо-саксонскій и кельтическій измѣ-

нился за Океаномъ до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старыхъ людей, чтобъ изъ нихъ сдѣлать своеобразный, характеристическій народъ, почему же народъ, самобытно развившійся, при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, съ иными началами въ бытѣ долженъ пережить европейскіе зады, и *это, зная очень хорошо, къ чему они ведутъ?*

Да, но въ чемъ же эти начала?

Я говорилъ много разъ въ чемъ, *ни разу не слышалъ* серьезнаго возраженія и всякой разъ опять слышу *одни и тѣже* возраженія, добро бы отъ иностранцевъ, а то отъ русскихъ...

Дѣлать нечего, повторимъ и ихъ опять.

15 января 1863 г.

ЕЩЕ ВАРІАЦІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

(Письмо къ . . . . .)

Нѣтъ, любезный другъ, я не сдержу обѣщанія, даннаго тебѣ, и не стану писать статьи въ объясненіе того, что я говорилъ о Западѣ и что говорилъ о Россіи.

Послѣ твоего отъѣзда, подъ вліяніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ тобою, и замѣчаній нашихъ общихъ друзей, я пересмотрѣлъ часть писаннаго мною и нашелъ, что мнѣ прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумѣлъ и какъ выразумѣлъ, я все сказалъ. Если я не съумѣлъ въ цѣлыхъ книгахъ, въ рядѣ статей, въ рядѣ писемъ уяснить моего воззрѣнія, какъ же мнѣ это можетъ удаться на нѣсколькихъ страницахъ? Положимъ, что мой взглядъ и былъ въ самомъ дѣлѣ только болѣзненный, страстный, личный, когда я восемь лѣтъ тому назадъ писалъ „Съ того берега,“ но время такъ грозно подтвердило его, что онъ сталъ еще незыблемѣе въ моемъ умѣ и, не измѣнясь ни въ чемъ существенномъ, только остылъ. Повторять холодно сказанное тогда съ увлеченіемъ я отказываюсь и пишу теперь больше для того, чтобъ показать, какъ я внимательно слушалъ тебя и искренно принялъ къ сердцу замѣчанія нашихъ друзей.

Главные упреки сводятся на два: *во первыхъ*, что мое воззрѣніе на Западъ потрясаетъ вѣрованія, необходимыя еще у насъ; *во вторыхъ*, что мое воззрѣніе на Россію сближаетъ меня съ Славянофилами.

Упреки эти сами собою свидѣтельствуютъ, что усобица ваша съ московскими старовѣрами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замѣчаете, какъ скучны ваши споры и какъ они надоѣли. Борьба съ Славянофилами потеряла интересъ особенно послѣ смерти Николая. Пора бы подвести всѣ эти дрязги подъ манифестъ 26 августа 1856 года и предать ихъ забвенію съ прочими прегрѣшеніями николаевскаго времени.

Новая жизнь явнымъ образомъ закипаетъ у насъ; само правительство увлечено ею. Вопросы одинъ другого важнѣе, одинъ другого неотлагаемѣе возникаютъ со всѣхъ сторонъ; прибитыя къ землѣ надежды оживаютъ, хочется знать, что думаютъ у насъ объ освобожденіи крестьянъ, объ уничтоженіи духовныхъ и тѣлесныхъ побоевъ —цензуры и палки— объ обузданіи чиновничьяго грабежа, полицейскаго самоуправства, и вмѣсто того читаешь схоластическія пренія о мѣстничествѣ народовъ и національности истины.

Я никогда не отрицалъ, что у Славянъ есть вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, есть „*чаяніе будущаго вѣка,*“ но по несчастію долженъ повторить, что „чутье ихъ проницательнѣе разумѣнія“*) и не только разумѣнія, но и совѣсти. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ читалъ нѣкоторыя статьи славянскихъ обозрѣній, отъ нихъ вѣетъ застѣнкомъ, рваными ноздрями, эпитимьей, покаяньемъ, соловецкимъ монастыремъ. Попадись этимъ господамъ въ руки власть, они заткнутъ за поясъ III отдѣленіе. И будто я сблизился съ этими дикими по сочувствію, по выбору, по языку? Отчего же не такъ-то давно одинъ изъ нихъ пустилъ въ меня, подъ охраной *самодержавной* полиціи, комомъ отечественной гря-

*) *Былое и Думы,* гл. X.

зи съ такимъ *народнымъ* запахомъ передней, съ такой постной отрыжкой *православной* семинаріи и съ такимъ нахальствомъ холопа, защищеннаго отъ палки недосягаемостью запятокъ, что я на нѣсколько минутъ живо перенесся на Плющиху, на Козье болото?

Но ваша полемика противъ нихъ никуда не годится, оставьте вы ихъ въ покоѣ, или бейте ихъ на ихъ собственной почвѣ. Они не знаютъ *настоящей* Россіи; это оборотни и мертвецы, съ ихъ поля не отзывается ни одинъ „живъ человѣкъ," они свихнули свое пониманье лицемѣрнымъ православіемъ и поддѣльной народностью.

Мудрено теперь сбить ихъ примѣромъ Запада, (и тутъ я отвѣчаю на другой упрекъ) когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которой ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и проповѣдывать поклоненіе *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить ея современная жизнь, но и ей самой— столько же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ.

Вы любите европейскія идеи, —люблю и я ихъ, — это идеи всей исторіи, это надгробный памятникъ, на которомъ написано завѣщаніе не только вчерашняго дня, но Египта и Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ. Безъ нихъ мы впали бы въ азіатскій квіэтизмъ, въ африканскую тупость. Россія *съ ними и только съ ними* можетъ быть введена во владѣніе той большой доли наслѣдства, которая ей достается. Въ этомъ мы совершенно согласны. Но вамъ не хочется знать, что теперешняя жизнь въ Европѣ не сообразна ея иде-

ямъ. Вамъ становится страшно за нихъ; идеи, не находящія себѣ осуществленія дома, кажутся вамъ нигдѣ неосуществляемыми. Историческая эмбріологія врядъ оправдаетъ ли такое заключеніе. Изъ неприлагаемости новыхъ общественныхъ идей къ современной жизни европейскихъ народовъ (еслибъ это и было окончательно доказано) нельзя судить о ихъ неосуществляемости вообще, о ихъ неприложимости вездѣ. Развѣ одна сторона европейскаго идеала, именно англо-саксонская, не нашла себѣ полнаго выраженія по ту сторону Атлантическаго Океана?

Пути развитія очень туги и очень непросты въ природѣ, въ исторіи; они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ готовымъ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполнѣ (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими намъ неизвѣстными. Онѣ не были пожертвованы, потому что онѣ жили для себя, но, отживши, передали наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтіозавры—слонамъ и крокодиламъ, Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку, стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, односторонніе фазы ихъ со всею страстностью и увлеченьемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полнаго* идеала своего.

Вырвутъ ли забитыя массы изъ рукъ монополистовъ силы, развитыя наукой, всю эту совокупность техническихъ улучшеній быта человѣческаго и сдѣлаютъ ли

изъ нихъ общее достояніе; или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невѣжество, подавятъ массы? Въ обоихъ случаяхъ *идеи спасены*, а въ этомъ для васъ сущность дѣла. Наука, независимая отъ государственныхъ устройствъ, отъ *народности*, остается великимъ результатомъ европейской жизни, готовымъ измѣнить тяжелый историческій бытъ людей вездѣ, гдѣ встрѣтитъ способную почву, пониманье и вмѣстѣ съ пониманьемъ силу и волю.

Вопросъ о будущности Европы я не считаю окончательно рѣшеннымъ; но добросовѣстно, съ покорностью передъ истиной и скорѣе съ предразсудками въ пользу Запада, чѣмъ противъ него, изучая его десятый годъ не въ теоріяхъ и книгахъ, а въ клубахъ и на площади, въ средоточіи всей политической и соціальной жизни его, я долженъ сказать, *что ни близкаго, ни хорошаго выхода не вижу*. Стоитъ взглянуть съ одной стороны на горячечное, односторонное развитіе промышленности, на сосредоточеніе всѣхъ богатствъ, нравственныхъ и вещественныхъ, въ рукахъ меньшинства средняго состоянія, на то, что оно захватило въ руки церковь и правительство, машины и школы; что ему повинуются войска, что въ его пользу судятъ судьи; и съ другой стороны, глядя на неразвитость массъ, на незрѣлость и шаткость революціонной партіи, я не предвижу безъ страшнѣйшей кровавой борьбы близкаго паденія мѣщанства и обновленія стараго государственнаго строя.

Теперь нечего и думать о прошлыхъ обыденныхъ революціяхъ, которыя дѣлались полушутя съ Беранжеровской пѣснью и сигарой во рту; теперь нѣтъ ни Карла X, готоваго бѣжать передъ опасностью, ни Людовика Филиппа, который не хотѣлъ бомбардировать

Парижа; теперь нѣтъ ни дурачка австрійскаго императора, который по первому ружейному выстрѣлу даетъ конституцію; прусскій король хоть и тотъ же, но ужъ не сниметъ съ своей пьяной головы фуражку передъ убитыми революціонерами; самъ Пій IX поумнѣлъ. Іюньскіе дни 1848 года и Каваньякъ показали міру, что за Варѳоломеевскую ночь, что за Сентябрскіе дни ожидаютъ будущую борьбу.

Выйдетъ ли Европа поюнѣлой изъ этого испытанія или погибнетъ какъ Сенека въ своей собственной крови, не знаю; но мнѣ сдается, что мы съ тобой не дождемся рѣшенія. У тебя всѣ волосы сѣдые, а мнѣ сорокъ четыре года отъ роду.

Не естественно ли въ этомъ положеніи современному человѣку поразширить свой взглядъ, осмотрѣться вокругъ, изучить какъ другія страны, не вовлеченныя въ смертный бой Европы, относятся къ будущему, чего отъ нихъ можно ждать, куда онѣ тянутъ и нѣтъ ли тамъ глухой, приготовительной работы.

Но внѣ Европы есть только два дѣятельные края — *Америка* и *Россія*, развѣ еще начинающаяся *Австралія*. Остальное, все покоится непробуднымъ сномъ или бьется въ судорогахъ, которыхъ мы не понимаемъ, и которые чужды намъ, какъ китайское возстаніе со всѣми своими грудами труповъ и отвратительнымъ мясничествомъ.

Америка, Европа колонизированная, тоже племя и преимущественно англо-саксонское, но при другихъ условіяхъ. Волна за волной несетъ къ ея берегамъ наплывъ за наплывомъ — и они не остаются на мѣстѣ, но идутъ далѣе и далѣе. Такъ какъ кромвелевская Англія переплыла океанъ и разсѣялась по сѣвернымъ долинамъ и лѣсамъ, такъ и теперь толпы европейскихъ

выходцевъ плывутъ туда отъ голода, отъ духоты, отъ преслѣдованія, „отъ будущаго“, предчувствуя дома бѣды. Это продолженіе вѣковаго движенія на Западъ. Три милліона Ирландцевъ выселились со времени Р. Пиля; нѣмецкіе государи, торговавшіе въ XVIII столѣтіи стадами своихъ подданныхъ для веденія войны противъ независимости для населенія Пенсильваніи и пр., задумываются, видя, какъ народонаселеніе утекаетъ. Движеніе продолжается въ самой Америкѣ, новые пришельцы просачиваются сквозь осѣвшее народонаселеніе, иногда увлекаютъ его—и все стремится, толкаясь и торопясь на югъ: сегодня разработываютъ землю, завтра идутъ дальше, напирая къ Экватору, гдѣ будетъ новая встрѣча и новое сочетаніе англо-саксонскаго элемента съ испано-романскимъ,

Мы видимъ, что все это еще расчистка мѣста, вѣхи поставленныя для означенія арены, и никакая сила не удержитъ Сѣверо-Американцевъ съ ихъ избыткомъ силъ, пластицизма, неутомимости, отъ присоединенія центральной Америки и Кубы. Въ то время какъ въ Европѣ разваливается Венеція, нищаетъ Римъ, вянутъ небольшіе города Италіи и Испаніи за недостаткомъ капиталовъ и рукъ, за лѣнью и недостаткомъ дѣятельности, гдѣ нибудь въ Калифорніи, въ Гондурасѣ и Никарагуѣ въ нѣсколько лѣтъ пустыни превращаются въ поля, починки въ города, степи исчерчиваются желѣзными дорогами, капиталы избыточествуютъ и неугомонная сила республики хватаетъ все далѣе и далѣе.

Что ростетъ, то юно.

Силенъ былъ и ростъ Россіи, и едва ли онъ совсѣмъ окончился, едва ли она дошла до естественныхъ предѣловъ; это видно сверхъ географической физіологіи изъ безпрерывной заносчивости правительства, изъ по-

стояннаго стремленія захватить какой нибудь клочекъ земли. Но Россія расширяется по другому закону чѣмъ Америка; оттого что она въ теперичномъ состояніи не колонія, не наплывъ, не нашествіе, а самобытный міръ, идущій во всѣ стороны, но крѣпко сидящій на своей собственной землѣ. Соединенные Штаты, какъ лавина оторвавшаяся отъ своей горы, прутъ передъ собою все; каждый шагъ пріобрѣтенный ими — шагъ потерянный индѣйцами. Россія понимаетъ кругомъ какъ вода, обходитъ племена со всѣхъ сторонъ, потомъ накрываетъ ихъ однообразнымъ льдомъ самодержавія — и подъ нимъ дѣлаетъ изъ поклонниковъ Далай-Ламы защитниковъ православія, изъ нѣмцевъ *отчаянныхъ* русскихъ патріотовъ.

И тотъ же юный пластицизмъ. Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринославля, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство. Новороссійскій край лучшее доказательство какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперичныя поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развиваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи?

Читая лѣтопись семейства Багровыхъ,*) я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ Уфимскую провинцію съ „сетлерами“, переселяющимися изъ Нью-Іорка куда нибудь въ Висконсинъ или въ Иллинуа. Совершенно новая расчистка нежилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь. Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной

*) Семейная хроника С. Т. Аксакова.

рѣкѣ, такъ и кажется что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А вѣдь это всего вѣкъ тому назадъ; тоже было въ Саратовскомъ краю и въ Пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ, чтобъ они не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки); земля для нихъ все еще казалась общимъ достояніемъ, той res nullius, на которую каждый имѣетъ право.

Америка какъ переселеніе не представляетъ новыхъ элементовъ, это дальнѣйшее развитіе протестантской Европы, освобожденной отъ историческаго быта и приведенной въ иныя условія жизни. Величайшая идея развитая Сѣверными Штатами — чисто англо-саксонская, идея самоуправленія, т. е. сильнаго народа съ слабымъ правительствомъ, самодержавія каждаго клочка земли безъ централизаціи, безъ бюрократіи, съ внутреннимъ, нравственнымъ единствомъ. Какъ Америка будетъ относиться къ соціальнымъ стремленіямъ—трудно сказать; духъ товарищества, ассоціаціи, предпріятій сообща чрезвычайно въ ней развитъ, но ни общаго владѣнія, ни нашей артели, ни сельской общины нѣтъ; личность соединяется съ другими только на извѣстное дѣло, внѣ которато ревниво отстаиваетъ полнѣйшую независимость.

Россія, напротивъ, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* физіологическимъ характеромъ — не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. „Какое счастіе, сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ, что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ

римскимъ правомъ"—а мы прибавимъ—ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложеніе не захватываютъ всѣ проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ, остальныя учрежденія введены насиліемъ и держутся насиліемъ. У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ на глухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка какъ параличемъ отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община — съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо, и пережило худшую эпоху.

Если это сколько нибудь такъ, то не надобно быть русскимъ для того, чтобъ именно въ эти черные дни Европы обратить на Россію особенное вниманіе. Оно впрочемъ такъ и дѣлается, Россія занимаетъ многіе сильные умы. Мнѣ самому случалось говорить объ Россіи съ серьезными людьми какъ Прудонъ и Маццини..... и я увѣряю, что взглядъ ненависти и страха, совершенно заслуженный тридцатилѣтнимъ царствованіемъ Николая, замѣняется раздумьемъ и желаніемъ поближе узнать это новое явленіе, котораго *силу и права на будущее* отрицать нельзя, да они и не хотятъ.

Дѣйствительно, на Западѣ не могли понимать Россіи, пока Западъ вѣрилъ въ себя и шелъ впередъ; но онъ убѣдился въ невозможности идти путемъ прежнихъ революцій, потерявъ разомъ всѣ плоды ихъ, кромѣ патологическаго урока. „Равенство рабства" позволило ближе всмотрѣться другъ въ друга, и именно потому Англія всего менѣе понимаетъ Россію; она равно не участвовала ни въ континентальныхъ революціяхъ, ни въ

общемъ паденіи. Она, свободная по своему, съ отчужденіемъ смотритъ на страну неволи и самовластья. Но другіе народы въ своихъ колодкахъ догадываются, что если временная необходимость втѣснила вчера въ мирный бытъ земледѣльческаго народа казарменную дисциплину и сдѣлала изъ всей Россіи военныя поселенія, то можетъ завтра другая необходимость все это уничтожить, такъ какъ Александръ II уничтожилъ аракчеевскія поселенія; эпоха военнаго деспотизма пройдетъ, оставивъ по себѣ неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленныя въ тяжкой и суровой школѣ.

Порогъ, за который Европа зацѣпилась, для насъ почти не существуетъ. Въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужаго — мы имѣемъ шагъ передъ народами вполнѣ сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами; рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи, сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее, дѣло праздное; живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобъ равно воспользоваться силами, хорошо ли онѣ пріобрѣтены или дурно, кровью ли достались или мирнымъ путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, несложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

Читалъ я ваши споры объ общинѣ; они очень любо-

пытны, но меньше чѣмъ кажется идутъ къ дѣлу. Родовое ли начало сельской общины или государственное была ли земля общинная, помѣщичья или великокняжеская, скрѣпило ли крѣпостное право общину или нѣтъ, — все это необходимо привести въ ясность; но для насъ всего важнѣе *настоящее* положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя какъ онъ есть, Государство и крѣпостное право по своему сохранили родовую общину; постоянное, *зимующее* начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось—общинное владѣніе землею, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ возрости новая общественная жизнь, почву, которой какъ нашего чернозема почти нѣтъ въ Европѣ.

Вотъ почему, любезный другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, внутри радуясь, что я русскій.

Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь, необыкновенно важна; вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицемъ къ лицу съ огромнымъ *экономическимъ* переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. И это не все, вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими соціально-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы, — не есть ли это торжественное вступленіе въ будущій воз-

растъ нашъ? Вся новая программа нашей исторической дѣятельности такъ проста, что тутъ не надобно генія, а просто глаза, чтобы знать что дѣлать. Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаетъ ему видѣть дорогу и оно пропускаетъ удивительное время. Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы; какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла и сжатое сердце стукнуло вольнѣе!

Мало чувствъ больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, *что можно теперь, сейчасъ* ринуться впередъ, что все подъ руками и что не достаетъ одного пониманья и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ даромъ топливо, даромъ теряется сила, и все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключъ, не боясь взрыва.

Пусть же знаютъ наши кондукторы, что народы прощаютъ многое — варварство Петра и развратъ Екатерины, прощаютъ насилія и злодѣйства, если они только чуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманье, но блѣдную шаткость, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть — ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй.

Мое страстное нетерпѣніе въ этомъ случаѣ нисколько не противурѣчитъ моей самоотверженной покорности трагическимъ судьбамъ Европы. Тутъ я вижу близкую возможность, я ее осязаю, я дотрогиваюсь до нея; на Западѣ ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ на сію минуту. Еслибъ я не былъ русскій, я давнымъ давно уѣхалъ бы въ Америку.

Ты знаешь, что я не фаталистъ и ни въ какія пред-

опредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое „совершенствованіе человѣчества.“ Природа и исторія плетутся себѣ съ дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда, гдѣ ворота отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*; что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ, —я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота; если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по своей святой землѣ, подъ которой лежатъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько крови. Можетъ быть!

.... Но неужели въ самомъ дѣлѣ, выступивъ одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнемъ въ болотѣ, давъ міру зрѣлище огромныхъ силъ и совершенной неспособности ихъ употреблять? Что-то перечитъ сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнѣнія, тяжела эта потеря времени, силы!... Когда же падетъ завѣса *съ ихъ глазъ?* И чего они боятся идти по такому громкому зову будущаго? „Новая эпоха наступаетъ для Россіи,“ говорили мы, услышавъ о смерти Николая, говорятъ теперь всѣ русскіе журналы, говоритъ иными словами самъ государь. Ну, такъ пусть же она будетъ *новая*.

Во всемъ, что дѣлается, видно нашу несчастную

страсть къ предисловіямъ и введеніямъ, на которыхъ мы любимъ съ самодовольствомъ останавливаться. Какъ будто достаточно рѣшиться что нибудь сдѣлать, чтобъ дѣло и было сдѣлано.

Мало традицій имѣетъ петербургское императорство, но и онѣ какъ ядро на ногахъ Александра II. Какъ медленно и не прямо идетъ онъ по тому пути реформъ, о которыхъ самъ столько натолковалъ! Какъ мелко плаваетъ его самодержавная ладья! Этимъ шагомъ мы въ двѣсти лѣтъ врядъ догонимъ ли современную Пруссію. А все николаевское преданіе, николаевская политика и —что можетъ хуже всего— николаевскіе люди.

Пора перестать тупо бояться человѣческаго языка, бѣлаго дня изъ трусости передъ какой-то призрачной революціей, на которую нѣтъ готовыхъ элементовъ. Пора отказаться отъ нелѣпаго вмѣшательства во всѣ европейскія дрязги, поддерживая всякій разъ сторону тиранства, грубой силы, вопіющей неправды. Чортъ съ нимъ со всѣмъ съ этимъ дипломатическимъ вліяніемъ, за которое всѣ народы насъ ненавидятъ. Это не русская политика, а николаевская, голштинская. Николай сдѣлалъ изъ сентиментальнаго священнаго союза полицейскую стачку. Зачѣмъ же Александръ продолжаетъ ту же роль? Русское императорство совсѣмъ не связано съ судьбою вѣтхихъ европейскихъ троновъ, зачѣмъ же онъ хочетъ дѣлить безъ нужды всѣ ихъ гнусности и обрушивать на себя всѣ ненависти, заслуженныя тѣми?

Съ дѣлежа Польши отношеніе новой имперіи къ старой Европѣ измѣнилось. Но память о преступленіи должна вести не къ одному страху потерять неправо нажитое, а къ угрызенію совѣсти, къ раскаянію. Что же сдѣлалъ Александръ II для покаянья? У насъ остал-

ся въ памяти одинъ только пѣсенный напѣвъ, которымъ онъ окончилъ свою рѣчь въ Варшавѣ, — Pas de rêveries ! Pas de rêveries !

Pas de rhétorique ! Pas de rhétorique ! скажемъ и мы въ свою очередь. Ужъ у насъ то нѣтъ мечтаній ! Задавленные властью, неправосудіемъ, взятками, безгласностью, неуваженіемъ къ лицу, мы хотимъ безбоязненно говорить, чтобъ обмѣняться другъ съ другомъ мыслями, обличить злоупотребленія, отъ которыхъ само правительство краснѣетъ и которыя оно никогда не остановитъ безъ гласности. Мы хотимъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти и всей податной Россіи отъ палокъ, конечно это не rêveries, это очень положительно и чрезвычайно немного.

Да, это очень немного, но въ томъ-то и состоитъ наша юность, наша сила, что намъ такъ мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться впередъ. Мы не помощи просимъ отъ правительства, а чтобъ оно не мѣшало. Западъ напротивъ, имѣя такъ *много,* не можетъ воспользоваться своими богатствами, они ему достались не легко, онъ скупъ на нихъ, онъ консерваторъ, какъ всякій имущій. Намъ нечего беречь. Конечно нищета сама по себѣ еще не есть право на иную будущность и долгое рабство на свободу, но вотъ тутъ-то, идучи изъ противуположныхъ началъ къ противуположнымъ цѣлямъ, я встрѣчаюсь не съ Славянофилами, а съ нѣкоторыми изъ ихъ мыслей.

Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по всходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни — несознанное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла европейская мысль.

Вотъ отчего, любезный другъ, вы нашли созвучную

струну въ моемъ направленіи и въ направленіи, болѣе нежели ложномъ, вредномъ и опасномъ московскихъ литературныхъ старообрядцевъ, этихъ православныхъ Іезуитовъ, наводящихъ унынie на всякаго живаго человѣка. И вотъ отчего, горячо принимая новую общественную религію, возникшую на дымящихся кровью поляхъ реформаціи и революціи, съ біеніемъ сердца перечитывая великія сказанія тѣхъ временъ, я отворачиваюсь отъ современной Европы и мало имѣю общаго съ жалкими наслѣдниками сильныхъ отцовъ.

Не станемъ спорить о путяхъ, цѣль у насъ одна, будемте же дѣлать всѣ усилія, каждый по своимъ мышцамъ, на своемъ мѣстѣ, чтобъ уничтожить всѣ заборы, мѣшающіе у насъ свободному развитію народныхъ силъ, поддерживающіе негодный порядокъ вещей, будемте равно будить сознаніе народа и самаго правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо къ тебѣ словами: *На работу, на трудъ, на трудъ въ пользу русскаго народа, который довольно въ свою очередь поработалъ на насъ!*

Лондонъ, 3 февраля 1857.

ЛИШНІЕ ЛЮДИ И ЖЕЛЧЕВИКИ.

.. Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ *лишняго*, потерянаго человѣка — только потому, что онъ развился въ *человѣка* являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ...

...Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь напротивъ, къ нашимъ огромнымъ запашкамъ не достаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пѣнять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ свищъ или лѣнтяй...

КОЛОКОЛЪ 1859, л. 44.

Эти два разряда лишнихъ людей, между которыми сама природа воздвигла Обломовскій хребетъ, а генеральное межеваніе исторіи вырыло пограничную яму, именно ту, въ которой схороненъ Николай постоянно смѣшиваются. А потому мы хотимъ, съ Катоновскимъ пристрастіемъ къ дѣлу побѣжденныхъ, вступиться за стариковъ. Лишніе люди были тогда столько же *необходимы*, какъ *необходимо* теперь, чтобъ ихъ не было.

Ничего нѣтъ плачевнѣе, какъ середь возникающей дѣятельности, неустроенной еще и угловатой, но пол-

ной стремленій и начинаній встрѣчать этихъ оторопѣлыхъ, нервно-разслабленныхъ юношей, теряющихся передъ упругостью практической работы и чающихъ дароваго разрѣшенія трудностей и отвѣтовъ на вопросы, которые они никогда ясно не могли поставить.

Мы этихъ вольноопредѣляющихся въ лишніе люди отводимъ, и такъ какъ французы признаютъ истинными гренадерами только les vieux de la vieille, такъ мы признаемъ почетными и *дѣйствительно* лишними людьми только *николаевскихъ*. Мы сами принадлежали къ этому несчастному поколѣнію и догадавшись, очень давно, что мы лишніе на берегахъ Невы, препрактически пошли вонъ, какъ только отвязали веревку.

Себя намъ стало нечего защищать, но бывшихъ товарищей жаль, и мы хотимъ оборонить ихъ отъ слѣдующаго за ними выпуска больныхъ изъ Николаевскаго лазарета.

Нельзя не раздѣлять здоровый, реалистическій взглядъ, который въ послѣднее время, въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ Обозрѣній, сталъ выбивать тощую, моральную точку зрѣнія на французскій манеръ, ищущую личной отвѣтственности въ общихъ явленіяхъ. Историческіе слои, также худо какъ геологическіе, обсуживаются уголовной палатой. И люди говорящіе, что не на взяточниковъ и казнокрадовъ слѣдуетъ обрушивать громы и стрѣлы, а на среду дѣлающую взятки зоологическимъ признакомъ цѣлаго племени, на примѣръ *безбородыхъ Русскихъ*—совершенно правы.

Мы только и желаемъ, чтобъ николаевскіе лишніе люди состояли на правахъ взяточниковъ и пользовались бы привилегіями дарованными казнокрадамъ. Они это тѣмъ больше заслужили, что они не только лишніе люди, но почти всѣ люди умершіе; а взяточники и казно-

крады живутъ и не только въ довольствѣ, но и въ историческомъ оправданіи.

Съ кѣмъ тутъ сражаться, надъ кѣмъ смѣяться, — съ одной стороны упавшіе отъ утомленія, съ другой помятые машиной; винить ихъ за это такъ же невеликодушно, какъ винить золотушныхъ и лимфатическихъ дѣтей за худосочіе ихъ родителей.

Серьезный вопросъ можетъ быть одинъ — точно ли эти болѣзненныя явленія были обусловлены средой, обстоятельствами?....

Кажется, въ этомъ сомнѣваться трудно.

Нечего повторять о томъ, какъ туго, тяжело развивалась Русь. Кнутомъ и татарами насъ держали въ невѣжествѣ, топоромъ и нѣмцами насъ просвѣщали и въ обоихъ случаяхъ рвали намъ ноздри и клеймили желѣзомъ. Петръ I такимъ клиномъ вбилъ намъ просвѣщеніе, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, черезъ полтораста лѣтъ, мы начинаемъ понимать, какъ раздвинулась эта трещина. Ничего общаго между ними; съ одной стороны—грабежъ и презрѣніе, съ другой—страданіе и недовѣріе. Съ одной стороны ливрейный лакей, гордый своимъ общественнымъ положеніемъ, и надменно показывающій это; съ другой—обобранный мужикъ, ненавидящій его и скрывающій это. Никогда турокъ рѣзавшій, уводившій женщинъ въ гаремы, не тѣснилъ такъ систематически и не презиралъ такъ нагло франка и грека, какъ шляхетская Русь — Русь крестьянскую. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы единоплеменная каста, взявшая верхъ, сдѣлалась бы до такой степени чужестранной, какъ наше служилое дворянство. Ренегатъ всегда доходитъ до крайности, до нелѣпаго и отвратительнаго; до того наконецъ, чтобъ сажать человѣка въ тюрьму, потому

что онъ будучи литераторомъ *одѣвается по русски*, не пускать его въ трактиръ, потому что онъ въ кафтанѣ и подпоясанъ кушакомъ. Это колосально и напоминаетъ индѣйскую Азію!

На закраинахъ этихъ, дико противопоставленныхъ другъ другу міровъ, развились странныя явленія, указывавшія въ самой сломанности своей на потаенныя силы, которымъ неловко, которыя ищутъ другого. Сюда принадлежатъ на первомъ планѣ Раскольники и Декабристы, а потомъ всѣ Западники и Восточники, Онѣгины и Ленскіе, лишніе и желчевые люди — всѣ они, какъ вѣтхозавѣтные пророки, были вмѣстѣ протестомъ и надеждой; ими Россія усиливалась отдѣлаться отъ петровскаго періода, или переработать его въ свое настоящее тѣло и въ свою здоровую плоть. Эти патологическія образованія (формаціи), вызванныя условіями имъ современной жизни, непремѣнно пройдутъ съ перемѣной условій, такъ какъ теперь уже прошли *лишніе люди;* но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они заслуживали судъ и осужденіе, развѣ только отъ своихъ младшихъ товарищей по службѣ? И это на томъ основаніи, на которомъ одинъ изъ жителей Бедлама съ негодованіемъ показывалъ на больнаго, называвшаго себя апостоломъ Павломъ, въ то время какъ онъ, самъ Христосъ, навѣрное зналъ, что это не Павелъ апостолъ, а просто лавочникъ изъ Флитъ-стрита.

Вспомнимъ, какъ развились лишніе люди.

Казнь на Кронверской куртинѣ 13 Іюля 1826 года не могла разомъ остановить или измѣнить потокъ тогдашнихъ идей, и дѣйствительно, въ первую половину Николаевскаго тридцатилѣтія, продолжалась, исчезая и входя внутрь, традиція Александровскаго времени и Декабристовъ. Дѣти, захваченные въ школахъ, осмѣли-

вались держать прямо свою голову: они не знали еще, что они арестанты воспитанія.

Такъ они и вышли изъ школъ.

Это уже далеко не тѣ свѣтлые, самонадѣянные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими намъ являются при выходѣ изъ лицея Пушкинъ и Пущинъ. Въ нихъ уже нѣтъ ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распущеннаго разгула Полежаева, ни даже свѣтлой грусти Веневитинова. Но еще въ нихъ хранилась вѣра, унаслѣдованная отъ отцевъ и старшихъ братьевъ, вѣра въ то что „*она взойдетъ — заря плѣнительнаго счастья*“, вѣра въ западный либерализмъ, которому вѣрили тогда всѣ — Лафайетъ и Годефруа Каваньякъ, Берне и Гейне. Испуганные и унылые они чаяли выйти изъ ложнаго и несчастнаго положенія. Это та послѣдняя надежда, которую каждый изъ насъ ощущалъ передъ кончиной близкаго человѣка. Одни доктринеры, красные и пестрые — все равно, легко принимаютъ самые страшные выводы, потому что они ихъ собственно принимаютъ in effigie, на бумагѣ.

Между тѣмъ каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ страшную истину, что не только правительство противъ нихъ, съ висѣлицей и шпіонами, съ обручемъ, которымъ палачъ сжималъ голову Пестелю, и съ Николаемъ, надѣвавшимъ этотъ обручъ на всю Россію, но что и *народъ не съ ними*, или по крайней мѣрѣ что онъ совершенно чужой: если онъ и не доволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны. Рядомъ съ этимъ подавляющимъ сознаніемъ, съ другой стороны, развивалось больше и больше сомнѣніе въ самыхъ основныхъ, незыблемыхъ основаніяхъ западнаго воззрѣнія. Почва пропадала подъ ногами; по неволѣ въ такомъ недоумѣніи приходилось въ самомъ дѣлѣ идти на

службу, или сложить руки и сдѣлаться *лишнимъ, праздным*ъ. Мы смѣло говоримъ, что это одно изъ самыхъ трагическихъ положеній въ мірѣ. Теперь лишніе люди анахронизмъ, но вѣдь Ройе Колларъ или Бенжаменъ Констанъ были бы теперь тоже анахронизмомъ, однако нельзя же за это пустить въ нихъ камнемъ.

Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьи, не зная какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ тупымъ, стихійнымъ упорствомъ, затапливая всѣ нивы и всѣ всходы. Знатокъ своего дѣла, онъ съ 1831 года началъ воевать съ дѣтьми; онъ понялъ, что въ ребяческомъ возрастѣ надобно вытравлять все человѣческое, чтобъ сдѣлать вѣрноподданныхъ по образу и по подобію своему.

Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ растегнутый воротникъ. И это избіеніе душъ младенческихъ продолжалось тридцать лѣтъ!

Отраженный въ каждомъ инспекторѣ, директорѣ, ректорѣ, дядькѣ — стоялъ Николай передъ мальчикомъ въ школѣ, на улицѣ, въ церкви, даже до нѣкоторой степени въ родительскомъ домѣ, стоялъ и смотрѣлъ на него оловянными глазами безъ любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не замѣтятъ ли *глаза* какой нибудь ростокъ свободной мысли, какое нибудь человѣческое чувство.

А кто знаетъ, что за химическое измѣненіе въ составѣ ребячей крови и нервной пульпы дѣлаетъ застращенное чувство, остановленное слово, слово скрывшееся, чувство подавленное?

Испуганные родители помогали Николаю; они скрывали отъ дѣтей единственное благородное воспоминаніе,

чтобъ спасти ихъ невѣденіемъ. Молодежь росла безъ традицій, безъ будущато — кромѣ карьеры. Канцелярія и казарма мало по малу побѣдили гостинную и общество, аристократы шли въ жандармы, Клейнмихели—въ аристократы; ограниченная личность Николая мало по малу отпечатлѣлась на всемъ, всему придавая какой-то казенный, правильный видъ,—все опошляя.

Разумѣется, середь этого несчастія не все погибло. Ни одна чума, ни даже тридцатилѣтняя война не избила всего. Человѣкъ живущъ. Потребность человѣческаго развитія, стремленіе къ независимой самобытности уцѣлѣло, и притомъ всего больше въ двухъ македонскихъ фалангахъ нашего образованія, въ московскомъ университетѣ и царско-сельскомъ лицеѣ; онѣ пронесли черезъ все царство мертвыхъ душъ, на молодыхъ плечахъ своихъ, кивотъ, въ которомъ лежала будущая Россія, ея живую мысль, ея живую вѣру въ грядущее.

Исторія не забудетъ ихъ.

Но въ этой борьбѣ и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затянулись и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе изъ подлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими, больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и

желчевики, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, не смотря на XVIII вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму, и à la longue не можетъ выносить наводящія унынie лица Невскихъ Даніиловъ, мрачно упрекающихъ людей, зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

Смѣна имъ идетъ; мы уже видимъ, какъ изъ дальнихъ университетовъ, изъ здоровой Украйны, съ здороваго сѣверовостока, являются совсѣмъ иные люди съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами, и можетъ намъ старикамъ еще придется черезъ болѣзненное поколѣніе протянуть руку кряжу свѣжему, который кротко простится съ нами и пойдетъ своей широкой дорогой.

Типъ желчныхъ людей мы изучили не на мѣстѣ, и не по книгамъ, мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ съ 1850 года.

Первое, что насъ поразило въ нихъ, это легость, съ которой они отчаявались во всемъ, злая радость ихъ отрицанія и страшная безпощадность. Послѣ событій 1848 г., они были разомъ поставлены на высоту, съ которой видѣли пораженіе республики и революціи, вспять идущую цивилизицію, поруганныя знамена — и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли искры жизни, они шли дальше пустыремъ логической дедукціи, и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ, послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной

бойкостью, но которые какъ духи умершихъ представляютъ сущность уже вышедшую изъ жизни — а не жизнь. Въ этихъ выводахъ, русскій вообще пользуется передъ европейцемъ страшнымъ преимуществомъ, у него тутъ нѣтъ ни традиціи, ни роднаго, ни привычки. Всего безопаснѣе по опаснымъ дорогамъ проходитъ человѣкъ, не имѣющій ни чужаго добра, ни своего.

Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ, юнымъ натурамъ, а людямъ, которыхъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ составамъ. Послѣ 1848 г. въ Петербургѣ нельзя было жить. Самодержавіе дошло до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, до инструкціи преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній, до Бутурлинскаго проэкта закрыть университеты, до подписи цензора Елагина на трафаретахъ. Чему же дивиться, что юноши, вырвавшіеся изъ этой пещеры, были юродивые и больные?

Потомъ они завяли безъ лѣта, не зная ни свободнаго размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокой слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой нибудь тикъ, и сверхъ этого личнаго тика, у всѣхъ одинъ общій—какое-то снѣдающее ихъ, раздражительное и *свернувшееся* самолюбіе. Отъ обидъ, отъ униженій, отъ отрицанія всѣхъ правъ личности, у нихъ развилось затаенное притязаніе на удивленіе; эти неразвившіеся таланты, неудавшіеся геніи скрывались подъ личиною униженія и скромности. Всѣ они были ипохондрики и физически больные, не пили вина и боялись открытыхъ оконъ, всѣ съ изученнымъ отчаяніемъ смотрѣли на настоящее, и напоминали монаховъ, которые изъ любви къ ближнимъ доходили до ненависти ко всему человѣческому, и проклинали все на свѣтѣ изъ желанія что нибудь благословить.

Половина ихъ постоянно каялась, другая постоянно карала.

Да, у нихъ остались глубокіе рубцы на душѣ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился въ нихъ самихъ; вотъ откуда ихъ безпокойный тонъ, языкъ saccadé, и вдругъ расплывающійся въ бюрократическое празднословіе, уклончивое смиреніе и надменные выговоры, намѣренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и безпокойная нетерпимость директора департамента.

Этотъ fion директорскаго распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго сиплаго крика, напоминающаго густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

Тонъ не бездѣлица.

Das was innen — das ist draussen!

Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т. е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святаго до проклятія. Къ тому же, они съ такимъ aplomb преувеличиваютъ все на свѣтѣ — и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое „бутылками и пребольшими“ у нихъ готово мрачное „нѣтъ-съ бочками сороковыми!“

— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ (говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ sehr ausgezeichnet in seinem Fache), дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneghine?... И извольте видѣть, они образовались иначе, міръ, ихъ окружающій, имъ слишкомъ грязенъ, не довольно натертъ воскомъ, замараютъ ру-

ки, замаряютъ ноги. То ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и притомъ спокойно ѣсть да пить.

Мы было ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Но Даніилъ и слушать не хотѣлъ о раздѣлѣ, ему не было дѣла ни до Обломовскаго хребта, ни до того, что въ мѣди отлитой Николай покоится въ бозѣ, и именно потому и отлитъ въ мѣди. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи и въ качествѣ homo Benkendorfii testes, защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали, или дѣлали вздоръ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того правда они не умѣли.

— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена, напримѣръ Чаадаевъ, онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе и Чаадаева *высочайшей ложью* объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатавшаго статью въ „*Телескопѣ*,“ сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора старика Бол-

дырева отставили, Чаадаевъ сдѣлался праздным человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки — запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ Денницѣ, цензора Глинку посадили на гауптвахту, — Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Н. Полевого конечно нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ изворотливый, а все таки крылья „*Телеграфа*“ подвязали, и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

— А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грановскій умѣлъ читать лекціи, они не сложили рукъ.

— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи въ виду тройки и казематъ, то не ясно ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этимъ.

— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы?

— За тѣмъ вѣроятно, что у нихъ было на столько денегъ, чтобъ не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобъ кто нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти. Впрочемъ, не вы первые замѣтили этотъ недостатокъ въ практическомъ трудѣ у лишнихъ людей; бдительное правительство наше, для пополненія этого недостатка, посылало ихъ въ каторжную работу.

— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

— Какъ на вовсе не веселую необходимость.

— Почему же имъ не дѣлить общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Да во первыхъ родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и по несчастію не такъ были воспитаны.

— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

— За тѣмъ что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской; можетъ это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи церкаріевъ, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобъ они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ соціализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

— Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ, это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе, и нѣтъ ни одного страданія, которому бы нельзя было не отказать въ немъ. Мученики первыхъ вѣковъ вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь. Римскіе Мухановы, Тимашевы, Лужины заставляли христіянъ склоняться въ прахъ предъ августѣйшимъ изображеніемъ цезаря, христіяне не хотѣли сдѣлать этой пустой уступки, ихъ травили звѣрями. Они были сумашедшіе, Римляне полоумные, тутъ нѣтъ мѣста ни сочувствію, ни удивленію... но тогда прощай не только Термопилы съ Голгоѳой, но и Софоклъ съ

Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ Исторіи.

Данилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ въ спорѣ, не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему: „Воля ваша, а вѣдь это пустое дѣло гнать людей или умершихъ или приготовляющихся къ смерти, и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ — военные и штатскіе, помѣщики и попы; знаете ли что, если васъ особенно прельщаетъ censura morum и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что нибудь оригинальное. Я вамъ пожалуй укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей."

— Какіе же типы?

— Ну да хоть бы литературнаго ruffiano.

— Не понимаю.

— Въ блѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, но большей частію это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они или были со стороны правительства, или шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лезли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту, мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои

слезы о народномъ страданьи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ тоже время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ!

Не знаю, согласился ли мой Даніилъ....

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА

ДАШКОВА

„Очень бы мнѣ хотѣлось, пишетъ Миссъ Катринъ Вильмотъ своимъ роднымъ въ Ирландію изъ деревни Дашковой, чтобъ вы могли взглянуть на самую Княгиню. Въ ней все, языкъ и платье — все оригинально; чтобъ она ни дѣлала, она рѣшительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о такомъ. Она учитъ каменщиковъ класть стѣны, помогаетъ дѣлать дорожки, ходитъ кормить коровъ, сочиняетъ музыку, пишетъ статьи для печати, знаетъ до конца церковный чинъ и поправляетъ священника, если онъ не такъ молится, знаетъ до конца театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они сбиваются съ роли; она докторъ, аптекарь, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противоположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, съ своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она, нисколько не думая, говоритъ разомъ по французски, по итальянски, по русски, по англійски, путая всѣ языки вмѣстѣ.

„Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства.“

Все это вѣрно, но Миссъ Вильмотъ забываетъ, что сверхъ того Дашкова родилась *женщиной и женщиной* осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашковою русская *женская личность*, разбуженная петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ участія въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ подъ плѣсни московскаго застоя, что-то сильное, многостороннее, дѣятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ Академіи, признала политическое равенство обоихъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на Западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи.

Въ русской исторіи, бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣ событія отъ смерти Елизаветы до Тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ-за Варяговъ, Новгородцевъ, Кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатыя кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи петропа-

вловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ петербургскихъ канцеляріяхъ, въ то время какъ подъ окнами зимняго дворца ревѣла дикая крамола и мятежъ, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ, и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, которую онъ пріобрѣлъ не больше, какъ *семдесятъ пять* лѣтъ тому назадъ. Протверживать исторію этихъ временъ очень полезно и для правительства, чтобъ оно не забывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаявались.

Я желалъ бы хоть въ кратцѣ объяснить мою мысль. Вся Европа и, что гораздо хуже, всѣ русскіе принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ за такую несокрушимую всегдашность русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть совсѣмъ напротивъ устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки, случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но не соединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ; но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ? Все это поддѣлки въ родѣ Чатертона; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы

для того, чтобы окружить новое уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Это военная и гражданская диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти, но прочна она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, ее вызвавшія, останутся тѣ же и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется, встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода, дѣлающій фрунтъ, и цѣлый городъ, торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служитъ пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями одного человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти — помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта, можетъ закружиться въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла, и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опятъ на пароходъ и плыть куда нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстгаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; страшать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: Отчего же Николай не могъ въ эти тридцать лѣтъ забыть

„дурные четверть часа,“ проведенные имъ *при защитѣ* Зимняго Дворца 14 декабря 1825. Отчего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Оттого, что онъ понялъ сначала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ *силой*. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе, были вѣрны; рядомъ съ Самодержавіемъ онъ поставилъ Православіе и Народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противорѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлеталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понялъ, что, идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ на столько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развер-

нуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее, Русь жила на распашку и кой какъ собралась, подгоняемая татарами въ иконописное, т. е. суздальско-византійское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства, и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что-то* говорило, что-то, *говорящее* до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обвѣтшалыми и тяжелыми платьями бездна силъ и мощи. Это *что-то* и есть молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человѣкъ догадался, что чего бы ни стоило, надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дресировка Петра I и такихъ преемниковъ его какъ Биронъ, разумѣется, поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни. Такъ какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что-то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства, не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ, одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Воротиться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающейся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, десятокъ поврежденныхъ Славянофиловъ — и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколѣніе и совершенно не знаетъ.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, тупоумные принцы, едва умѣвшіе говорить по русски, нѣмки и дѣти садились за престолъ, сходили съ престола, дворцемъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригантовъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіи всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно *петровская идея*. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Бирон, Минихъ и самые Долгорукіе, хотѣвшіе ограничить императорскую власть, не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой.*) Елизавета и Екатерина II льстятъ православію,

*) О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что

льстятъ народности для того, чтобъ овладѣть тропомъ но осѣвшись на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто нибудь.

Противодѣйствія новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія мы видимъ въ однихъ *неправославныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ „старовѣровъ“ была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непремѣнно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоановны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны, находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ свои двѣсти тысячъ войска; Киргизъ-Кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе татары соединились съ турками; Малороссія громко роптала, всс оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ—старо-руская партія въ Россіи — никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полиботки, ни Мазепы!

И только полтораста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя и этотъ представитель и вождь—Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностію удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ—это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петров-

Бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

скую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ — онъ деспотъ а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устроивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину онъ противопоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну и за тѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая, переходя изъ рукъ въ руки, дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являться, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Меншикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови, разврата — l'ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель—d'una tragedia—representato nel un lupanar.

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархическирыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, *то локалъ* остается тотъ же; исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растлѣнный Версаль, съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ какъ на философскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждется французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наслѣдственности царской власти, Наполеонъ думалъ, что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Стааль, что онъ только „счастливая случайность," она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокламаціи 22 февраля 1813 ихъ подданнымъ; „Страхъ удерживаетъ ваши правительства, не останавливайтесь на этомъ, если ваши государи подъ вліяніемъ малодушія и подобострастья ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастіе — вести ихъ къ свободѣ и чести".

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицію своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго папу всѣхъ реакцій. Онъ даже съ явнымъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майбороды.

Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно дѣлается консервативнымъ. Россія отрѣклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобъ выйти изъ душнаго и тѣснаго состоянія, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи и можетъ держаться императорство. Масло, которымъ будутъ смазывать паровозы на новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочнѣе вѣнчаетъ на царство, нежели елей Успѣнскаго Собора.

Вѣрно ли понята нами императорская власть, ярко и живо показываютъ превосходныя записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута, если бѣглый отчетъ нашъ объ ихъ содержаніи, заставитъ читателей взять въ руки самую книгу.

Въ 1744 году императрица Елизавета и великій князь Петръ Ѳедоровичъ крестили дочь Екатерину, родившуюся у графа Романа Воронцова, брата великаго канцлера. Семья Воронцовыхъ принадлежала къ тому небольшому числу олигархическаго барства, которые вмѣстѣ съ наложниками императрицъ управляли тогда, какъ хотѣли Россіей, круто переходившей изъ одного государственнаго быта въ другой. Они хозяйничали въ царствѣ точно такъ, какъ теперь у богатыхъ помѣщи-

ковъ дворовые управляютъ дальними и ближними волостями.

Немѣщицу Елизавету Петровну любили, вовсе не потому, что она заслуживала это, ее любили за то, что покойница Анна Іоановна держала нѣмца Бирона управляющимъ, а у насъ нѣмцевъ управляющихъ терпѣть не могутъ. Она была народнѣе Анны Іоановны и Анны Леопольдовны; сверхъ петровской крови она имѣла всѣ недостатки русскаго характера — т. е. пила иногда запоемъ и всегда до того, что вечеромъ не могла дождаться, пока горничныя ее раздѣнутъ, а разрѣзывала шнурки и платья. Она ѣздила на богомолья, ѣла постное, была суевѣрна и страстно любила рядиться, — послѣ нея осталось 15,000 платьевъ, — любила пуще всего драгоцѣнные камни, какъ наши богатыя купчихи и вѣроятно имѣла столько же вкусу какъ онѣ, о чемъ можно судить потому, что она убрала себѣ цѣлую комнату янтаремъ.

Господа жили тогда съ своимъ дворомъ совсѣмъ на другой ногѣ, нежели теперь, между ними была какая-то близость и фамильярность, и не смотря на взрывы самовластья, они чувствовали новость своей власти и необходимость въ опорѣ.

Вдругъ напр. изъ Оперы императрица Елизавета беретъ Шувалова и ѣдетъ съ нимъ пить чай къ графу Воронцову, попробовать его венгерскаго, посплетничать, а если очень завруться, то „урѣзать„ или „отрѣзать“ языкъ кому нибудь, смотря по винѣ, и все это отечески, безъ шума, по домашнему и не подписывая изъ человѣколюбія ни одного смертнаго приговора.

Когда императрицыной крестницѣ минуло четырнадцать лѣтъ, у нея сдѣлалась корь. Корь и оспа были не шуткой въ тѣ времена, а чуть не государственнымъ

преступленіемъ; корь, оспа могли пристать къ Павлу Петровичу — къ этой будущей надеждѣ всея Россіи! Особый указъ воспрещалъ всякое сношеніе съ дворомъ семьямъ, въ которыхъ была страшная болѣзнь. Нашу больную графиню поскорѣе уложили и отправили въ деревню за семдесятъ верстъ, полагать надобно, что воздухъ тогда не былъ вреденъ для кори. Съ графиней послали старуху нѣмку и чопорную вдову русскаго маіора; умная, бойкая и живая дѣвочка, выздоровѣвшая отъ кори, чуть не умерла отъ скуки съ своими собесѣдниками; по счастію она нашла въ деревнѣ довольно значительную бибіотеку. Четырнадцатилѣтняя графиня знала четыре языка кромѣ русскаго, котораго она не знала и которому порядкомъ выучилась, бывши за мужемъ, въ угожденіе свой свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бэйля и пр. Чтеніе у нея превратилось въ страсть, тѣмъ не меньше книги не разогнали ея тоски, она груститъ и возвращается въ Петербургъ томной, нездоровой. Императрица посылаетъ къ ней своего доктора—и этотъ докторъ Боэргавъ; онъ говоритъ, что это ничего, что тѣло здорово, но что воображеніе больно... словомъ, что ей четырнадцать лѣтъ.

Послѣ Боэргава родные со всѣхъ сторонъ бросаются на бѣдную дѣвушку и съ неутомимой жестокостью принимаются ее разсѣевать, утѣшать, кормить; мучатъ ее разспросами, совѣтами. А она проситъ объ одномъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ, она тогда читала de l'entendement Гельвеція.

Лекарство вскорѣ нашлось само собою.

Разъ вечеромъ графиня, довольно свободно располагавшая собой, отправляется къ Самариной, остается у нея ужинать, приказавъ прислать за собой карету. Въ оди-

надцать часовъ вечера она выходитъ, карета подана; но ночь такъ хороша, на улицахъ никого нѣтъ и она идетъ пѣшкомъ, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встрѣчается высокій, стройный мущина, онъ знакомъ съ ея провожатой, начинаетъ съ ней говорить и обращаетъ нѣсколько словъ къ графинѣ.

Графиня приходитъ домой и мечтаетъ о прекрасномъ офицерѣ. Офицеръ пріѣзжаетъ къ себѣ влюбленный въ прекрасную графиню.

Зачѣмъ терять золотое время, графиня уже не ребенокъ, это было въ 1759 году, ей пятнадцать лѣтъ; офицеръ молодъ, богатъ, блестящъ, очень высокъ, служитъ въ Преображенскомъ полку, принадлежитъ къ старинной фамиліи. Родные благословляютъ. помѣщица позволяетъ—ихъ женятъ. И наша графиня дѣлается княгиней Дашковой.

Черезъ полтора года послѣ ихъ свадьбы, Дашкова, будучи во второй разъ беременна, оставалась одна въ Москвѣ, въ то время какъ мужъ ея ѣздилъ въ Петербургъ. Его отпускъ окончился и онъ просилъ отсрочки. Преображенскимъ полкомъ тогда начальствовалъ Великій Князь, онъ тотчасъ бы отсрочилъ Дашкову отпускъ, но дѣла становились серьезны, и онъ хотѣлъ сблизиться съ офицерами. Императрица дышала на ладонъ, Шуваловы, Разумовскіе, Панины интриговали съ Великой Княгиней и безъ нея въ пользу Павла, даже въ пользу несчастнаго Іоанна — и въ всего больше въ свою собственную пользу. Великаго Князя не любили, онъ не былъ злой человѣкъ, но въ немъ было все то, что русская натура ненавидитъ въ нѣмцѣ — gaucherie, грубое простодушіе, вульгарный тонъ, педантизмъ и высокомѣрное самодовольство, доходящее до презрѣнія всего русскаго. Елизавета, бывшая вѣчно навеселѣ не

могла ему простить, что онъ всякій вечеръ былъ пьянъ; Разумовскій, что онъ хотѣлъ Гудовича сдѣлать Гетманомъ, Панинъ за его фельдфебельскія манеры; гвардія за то, что онъ ей предпочиталъ своихъ голштинскихъ солдатъ; дамы за то, что онъ вмѣстѣ съ ними приглашалъ на свои пиры актрисъ, всякихъ нѣмокъ; духовенство ненавидѣло его за его явное презрѣніе къ восточной церкви. Видя приближающуюся кончину Елизаветы и боясь быть оставленнымъ всѣми, неуклюжій Петръ Ѳедоровичъ принялся угощать и ласкать офицеровъ и все это дѣлалъ съ чрезвычайной неловкостью. Между прочимъ ему хотѣлось также увѣриться и въ Дашковѣ, который командовалъ ротой, поэтому онъ, не отказывая ему въ отпускѣ, призвалъ его въ Ораніенбаумъ.

Князь, повидавшись съ Петромъ Ѳедоровичемъ, отправился обратно въ Москву, на дорогѣ у него заболѣло горло, сдѣлалась лихорадка, не желая обезпокоить жены онъ велѣлъ свезти себя къ своей теткѣ Новосильцевой, думая, что боль въ горлѣ утишится, и голосъ нѣсколько возвратится; вмѣсто того у него сдѣлалась жаба и сильный жаръ.

Въ это самое время мать князя Дашкова и ея сестра княгиня Гагарина сидѣли въ спальнѣ нашей княгини вмѣстѣ съ повивальной бабкой, ожидая черезъ нѣсколько часовъ ея разрѣшенія. Дашкова еще была на ногахъ и вышла зачѣмъ-то въ другую комнату, тамъ ее давно поджидала горничная, и сообщила ей по секрету о пріѣздѣ больнаго мужа, говоря, что онъ у тетки и умоляя не выдавать ее, потому что всѣмъ строго на строго запрещено было сообщать ей эту новость. Княгиня вскрикнула при этой неожиданной вѣсти; по счастію старухи ничего не слыхали. Оправившись, она взошла

какъ ни въ чемъ не бывало въ спальню, увѣрила ихъ, что всѣ ошиблись, что роды еще не скоро, уговорила ихъ идти отдохнуть, обѣщая священнѣйшимъ образомъ послать за ними, если что случится.

Лишь только старухи ушли, княгиня бросилась со всей горячностью своего характера умолять повивальную бабку—проводить ее къ мужу. Добрая нѣмка думала, что она сошла съума и начала на своемъ силезскомъ нарѣчіи уговаривать ее, прибавляя безпрерывно: „Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ должна буду дать Богу отвѣтъ за убіеніе невинныхъ“. Княгиня объявила ей рѣшительно, что если бабушка не хочетъ ее провожать, то она пойдетъ одна и никакая сила въ мірѣ ее не остановитъ. Страхъ подѣйствовалъ на старушку; но когда Дашкова ей сказала, что имъ надобно идти пѣшкомъ, чтобъ Княгиня не услыхала скрипъ саней, она снова уперлась и стояла неподвижно, „точно будто ноги ея пустили корни въ полъ“. Наконецъ уладилось и это; на лѣстницѣ у Дашковой возвратились боли и притомъ сильнѣе, снова бабушка стала ее уговаривать, но она, уцѣпившись руками за поручья лѣстницы, была непреклонна.

Онѣ вышли за вороты и, не смотря на боли, добрались до дому Новосильцовой. Изъ свиданья съ мужемъ Дашкова помнитъ одно, что она увидѣла его блѣднаго, больнаго, лежавшаго въ забытьи, она только успѣла бросить одинъ взглядъ и безъ памяти упала на полъ. Въ этомъ положевіи люди Новосильцовой снесли ее на носилкахъ домой, гдѣ впрочемъ никто не подозрѣвалъ ея отсутствія. Новыя еще больше наряженныя боли привели ее въ память, она послала за свекровью и за теткой, а черезъ часъ родила сына Михайлу.

Въ шесть часовъ утра перевезли больнаго мужа;

мать положила его въ другой комнатѣ, запретивъ имъ имѣть всякія сношенія въ предупрежденіе того, чтобъ жаба не пристала къ родильницѣ, а въ сущности изъ маленькой ревности. Молодые супруги тотчасъ начинаютъ чувствительную переписку, что конечно для состоянія родильницы было опаснѣе жабы, которая совсѣмъ не заразительна; они пишутъ записочки днемъ и ночью до тѣхъ поръ, пока старуха ихъ находитъ, бранитъ горничныхъ и обѣщаетъ обобрать перья, карандаши и бумагу.

Женщина, которая умѣла такъ любить, и такъ выполнять волю свою вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль въ то время, въ которое она жила и въ той средѣ, къ которой принадлежала.

Двадцать восьмаго Іюля 1761 года, переѣхали Дашковы въ Петербургъ. „День, говоритъ она, который двѣнадцать мѣсяцевъ спустя сдѣлался такъ памятенъ и такъ *достославенъ* для моего отечества“.

Въ Петербургѣ ее ждало приглашеніе Великаго Князя — переѣхать въ Ораніенбаумъ. Ей не хотѣлось ѣхать, и отецъ насилу уговорилъ ее занять его дачу недалеко отъ Ораніенбаума. Дѣло въ томъ, что она уже тогда терпѣть не могла Великаго Князя, а была предана всѣмъ сердцемъ его женѣ. Еще въ родительскомъ домѣ она была представлена Великой Княгинѣ; Екатерина ее приласкала, умная и образованная дѣвушка ей понравилась. Екатерина умѣла той улыбкой, тѣмъ abandon, которымъ она очаровывала тридцать лѣтъ всю Россію, дипломатовъ и ученыхъ всей Европы, привязать къ себѣ Дашкову на вѣки. Съ перваго свиданія Дашкова любитъ Екатерину страстно, „обожаетъ ее“, какъ пансіонерки обожаютъ своихъ старшихъ со-

воспитанницъ; она влюблена въ нее, какъ мальчики бываютъ влюблены въ тридцатилѣтнихъ женщинъ.

За то она чувствуетъ такое же искренное отвращеніе отъ своего крестнаго отца Петра Ѳедоровича. Но хорошъ и онъ былъ, нечего сказать, мы это сейчасъ увидимъ.

Родная сестра Дашковой—Елизабета Романовна была открытой любовницей Великаго Князя. Онъ думалъ, что Салтыковъ и Понятовскій, эти счастливые предшественники Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Новосильцовыхъ, Потемкиныхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Корсаковыхъ, Зоричей, Завадовскихъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ и цѣлой шеренги плечистыхъ virorum obscurorum, дали ему право не слишкомъ скупиться на свое сердце и вовсе не скрывать своихъ предпочтеній.

Отношеніе его къ Великой Княгинѣ уже было таково, что при первомъ представленіи Дашковой, онъ ей сказалъ; „Позвольте надѣяться, что вы намъ подарите не меньше времени, чѣмъ Великой Княгинѣ".

Съ своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтенія къ Екатеринѣ. Великій Князь замѣтилъ это и спустя нѣсколько дней отвелъ разъ Дашкову въ сторону и сказалъ ей „съ простотой своей головы и съ добротой своего сердца", какъ она выражается—„Помните что безопаснѣе имѣть дѣло съ честными простаками, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ большими умами, которые выжмутъ изъ васъ сокъ до капли, а потомъ какъ апельсинную корку выбросятъ за окно".

Дашкова, отклоняя рѣчь, замѣтила ему, что императрица настоятельно изъявляла свое желаніе, чтобъ они одинаковымъ образомъ оказывали уваженіе какъ его высочеству, такъ и Великой Княгинѣ.

Тѣмъ не менѣе ей было необходимо являться иногда на великокняжескія куртажныя попойки. Характеръ этихъ праздниковъ былъ нѣмецки-казарменный, грубый и пьяный. Петръ Ѳедоровичъ, окруженный своими голштинскими генералами, (т. е. по словамъ Дашковой капралами и сержантами прусской службы, дѣтьми нѣмецкихъ мастеровыхъ, которыхъ родители не знали куда дѣть за безпутство и отдали въ солдаты), не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на рукахъ.

Разъ за ужиномъ при Великой Княгинѣ и многочисленныхъ гостяхъ зашла рѣчь о сержантѣ гвардіи Челищевѣ и о предполагаемой связи, которую онъ имѣлъ съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы, Великій Князь, уже сильно опьянѣвшій, замѣтилъ, что Челищеву слѣдовало бы отрубить голову для примѣра другимъ офицерамъ, чтобъ они не заводили шашней съ царскими родственницами. Голштинскіе сикофанты изъявляли всевозможными знаками свое одобреніе и сочувствіе, Дашкова не могла выдержать, чтобъ не замѣтить, что ей кажется очень безчеловѣчнымъ казнить за такое неважное преступленіе.

— Вы еще ребенокъ, отвѣчалъ Великій Князь, ваши слова доказываютъ это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни значитъ поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество, отвѣчала Дашкова, вы пугаете насъ нарочно; за исключеніемъ старыхъ генераловъ, мы всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, принадлежимъ къ поколѣнію, никогда не видавшему смертной казни въ Россіи.

— Это ничего не значитъ—возразилъ Великій Князь — хорошъ за то былъ и порядокъ во всемъ. Говорю

вамъ, что вы еще дитя и ничего не смыслите въ этихъ дѣлахъ.

Всѣ до одного молчали. „Я готова — отвѣчала Дашкова — сознаться, что не въ состояніи понять ихъ: но не могу не радоваться при мысли, что ваша тетушка еще здравствуетъ и занимаетъ престолъ".

Глаза всѣхъ обратились на смѣлую женщину. Великій Князь ничего не отвѣчалъ; онъ удовлетворился только тѣмъ, что высунулъ языкъ—милая шутка, которую онъ часто употреблялъ вмѣсто отвѣта, особенно будучи въ церкви.

Разговоръ этотъ, начавшій политическую карьеру Дашковой, замѣчателенъ сверхъ всего тѣмъ, что эти нероновскія рѣчи говорилъ самый кроткій въ мірѣ человѣкъ, никогда никого не казнившій. За столомъ было множество гвардейскихъ и кадетскихъ офицеровъ, слова Дашковой разнеслись съ быстротой молніи по всему городу. Онѣ пріобрѣли ей большую извѣстность, которую она сначала не умѣла цѣнить и которая сдѣлала изъ нея одинъ изъ центровъ и чуть ли не главный, около котораго собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была въ восхищеніи отъ того, что Великой Княгинѣ чрезвычайно понравился ея отвѣтъ. „Время, грустно прибавляетъ она, не научило еще меня тогда, какъ опасно говорить правду государямъ; если они и могутъ иногда это простить, то царедворцы никогда не прощаютъ".

Дружба ея къ Екатеринѣ растетъ. Елизавета жила тогда въ Петергофѣ, тамъ *разъ въ недѣлю* Великой Княгинѣ было разрѣшено видѣть своего сына. Возвращаясь изъ дворца, она обыкновенно заѣзжала за Дашковой, брала ее съ собой и оставляла на весь вечеръ. Когда ей нельзя было заѣхать, она писала къ ней ко-

ротенькія записочки; отсюда возникла ихъ дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и послѣ отъѣзда съ дачи. Онѣ пишутъ о литературѣ, о мечтахъ, пишутъ о Вольтерѣ и о Руссо, стихами и прозой.

„Какія стихи и какая проза! — пишетъ Великая Княгиня къ Дашковой—и это въ семьнадцать лѣтъ. Я умоляю васъ не пренебрегать такимъ талантомъ. Можетъ я и не совсѣмъ безпристрастный судья, ваше лестное пристрастіе ко мнѣ виновато въ томъ, что вы избрали меня предметомъ стиховъ. Обвиняйте меня въ гордости сколько угодно, но я все таки скажу, что давно не читала такихъ правильныхъ и поэтическихъ произведеній.“

Екатерина съ своей стороны посылаетъ ей свои статьи и съ большей настойчивостію требуетъ, чтобъ она ихъ никому не показывала. „При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я обязана жить, всякій поводъ послужитъ къ самымъ непріятнымъ вымысламъ.“ Она до того боится, что проситъ Дашкову адресовать письма на имя ея горничной Катерины Ивановны и жжетъ ихъ, прочитавши. Что она называетъ „ничтожными поводами,“ можно догадаться по одному письму, гдѣ она опять говоритъ о своей рукописи; Дашкова возвратила ее съ большими похвалами и удостовѣряя ее, что она не выходила изъ ея рукъ. О содержаніи рукописи нигдѣ не сказано ни слова; но что это не были „правильные и поэтическіе стихи,“ это видно изъ слѣдующихъ словъ (посьмо 21): „Вы снимаете съ меня мои обязанности относительно моего сына, я вижу въ этомъ новое доказательство доброты вашего сердца. Я была глубоко потрясена знаками преданности, съ которыми меня встрѣтилъ народъ въ тотъ день. Никогда не была я такъ счастлива.“

Это письмо писано вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы, но мы еще не дошли до ея кончины.

Въ концѣ декабря 1761 года разнесся слухъ, что Елизавета очень больна. Дашкова распростуженная лежала въ постели, когда до нея дошла эта вѣсть. Мысль объ опасности великой княгини поразила ее, она съ нею также мало могла улежаться, какъ съ мыслію о болѣзни мужа; а потому, закутавшись въ шубу, морозной ночью 20 декабря отправилась она въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Не желая, чтобъ ее видѣли, Дашкова оставила карету въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца и пошла пѣшкомъ на маленькое крыльцо съ той стороны, гдѣ были комнаты великой княгини, не зная вовсе къ нимъ дороги. По счастію она встрѣтилась съ Катериной Ивановной, съ извѣстной горничной Екатерины; она сказала ей, что великая княгиня въ постелѣ; но Дашкова требовала, чтобъ она доложила, говоря, что ей непремѣнно надобно видѣться съ ней сейчасъ. Горничная, знавшая ее и ея преданность великой княгинѣ, повиновалась ей. Екатерина, знавшая, что Дашкова серьезно больна и что слѣдственно безъ особенно важныхъ причинъ не явилась бы ночью въ морозъ, велѣла ее принять.

Сначала она ее осыпала упреками за то, что не бережется, и видя, что она озябла, сказала ей: „Милая княгиня, прежде всего васъ надобно согрѣть, подите сюда ко мнѣ въ постель, подъ одѣяло“; укутавши ее, она спросила наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Въ теперичномъ положеніи дѣлъ, отвѣчала Дашкова, когда императрицѣ остается жить только нѣсколько дней, можетъ нѣсколько часовъ, надобно, не теряя времени, принять мѣры противъ грозящей опа-

сности и отвратить отъ васъ грозящую опасность. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ, я докажу вамъ, что я достойна этого. Если вы уже имѣете опредѣленный планъ, употребите меня, распоряжайтесь мной, я готова.

Великая княгиня залилась слезами и, прижимая руку Дашковой къ сердцу, сказала ей: „Увѣряю васъ, что у меня никакого плана нѣтъ, я не могу ничего предпринять и думаю, что мнѣ остается одно—ожидать съ твердостью, что случится. Я отдаюсь на волю божію и на него одного полагаю мои надежды.

— Въ такомъ случаѣ ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что касается до меня, я чувствую въ себѣ довольно силы и усердія, чтобъ ихъ всѣхъ увлечь, и повѣрьте мнѣ, что нѣтъ жертвы, которая бы меня остановила.

— Ради бога, перебила Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ противодѣйствовать злу, которое въ сущности кажется неотвратимо. Если вы погубите себя изъ-за меня, вы только прибавите къ моей несчастной судьбѣ вѣчное мученіе.

— Все что я могу вамъ сказать, это то, что я не сдѣлаю шага, который могъ бы васъ запутать, или могъ бы быть опасенъ вамъ. Что бы ни было, пусть падетъ на меня, и если моя слѣпая преданность къ вамъ поведетъ меня на эшафотъ, вы никогда не будете его жертвой.

Великая Княгиня хотѣла возражать, но Дашкова*), перерывая ея рѣчь, взяла ея руку, прижала къ губамъ и, сказавши что боится продолжать бесѣду, просила ее

*) Дидро въ чрезвычайно интересной статьѣ своей о знакомствѣ съ Дашковой, говоря объ этомъ происшествіи, прибавляетъ, что Екатерина сказала ей: „Вы — или ангелъ или демонъ“. — „Ни то, ни другое, отвѣчала Дашкова, но императрица умираетъ и васъ надобно спасти“.

отпустить. Глубоко тронутыя, онѣ оставались нѣсколько минутъ въ объятіяхъ другъ друга, и Дашкова осторожно покинула до высшей степени взволнованную Екатерину.

Добавимъ къ этой чувствительной сценѣ, что Екатерина все таки обманула Дашкову; она поручала свою судьбу въ это время не одному Богу, но и Григорью Орлову, съ которымъ обдумывала свой планъ и Орловъ уже въ тиши старался вербовать офицеровъ.

Въ Рождество императрица скончалась. Петербургъ мрачно принялъ эту новость и сама Дашкова видѣла, какъ Семеновскій и Измайловскій полки проходили угрюмо и съ глухимъ ропотомъ мимо ея дома.

Петръ Ш, провозглашенный императоромъ, не хранилъ никакого декорума, попойки продолжались. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Елизаветы, онъ посѣтилъ отца Дашковой и черезъ ея сестру изъявилъ свое неудовольствіе, что не видитъ ее при дворѣ. Нечего было дѣлать, Дашкова отправилась: Петръ Ш, понизивъ голосъ, сталъ ей говорить о томъ, что она наконецъ навлечетъ на себя ея негодованіе и можетъ потомъ очень горько раскаяться въ томъ, „потому что легко можетъ придти время, въ которое Романовна (такъ называлъ онъ свою любовницу) будетъ на мѣстѣ *той*“.

Дашкова сдѣлала видъ, что не понимаетъ и торопилась занять свое мѣсто въ любимой игрѣ Петра Ш. Въ этой игрѣ (campis) каждый играющій имѣетъ нѣсколько марокъ; у кого остается послѣдняя, тотъ выигрываетъ. Въ игру каждый клалъ десять импріаловъ, что по тогдашнимъ доходамъ Дашковой составляло не малую сумму, особенно потому, что когда проигрывалъ Петръ Ш, онъ вынималъ марку изъ кармана и клалъ ее въ пулю, такимъ образомъ онъ почти всегда вы-

игрывалъ. Какъ только игра кончилась, государь предложилъ другую, Дашкова отказалась; онъ пристаетъ до того къ ней, чтобъ она играла, что, пользуясь „правами избалованнаго ребенка“, она сказала ему, что она недостаточно богата, чтобъ проигрывать навѣрное, что еслибъ его величество игралъ какъ всѣ, то по крайней мѣрѣ были бы шансы выигрыша. Петръ III отвѣчалъ своими „привычными буфонствами“ и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядомъ залъ, наполненныхъ придворными и разными чинами, она подумала, что попала на маскарадъ, никого нельзя было узнать. Она не могла видѣть безъ смѣха семидесятилѣтняго князя Трубецкаго, одѣтаго въ первый разъ отроду въ военный мундиръ, затянутаго, въ сапогахъ со шпорами, словомъ, совсѣмъ готоваго на самый отчаянный бой. „Этотъ жалкій старичишка, прибавляетъ она, представлявшійся больнымъ и страждущимъ, какъ это дѣлаютъ нищіе, пролежалъ въ постелѣ, пока Елизавета кончалась; ему стало лучше, когда Петръ III былъ провозглашенъ, но узнавши, что все обошлось хорошо, онъ тотчасъ вскочилъ, вооружился съ ногъ до головы и явился героемъ въ Измайловскій полкъ, по которому числился“.

Кстати къ мундирамъ, къ этой пагубной страсти, которая перешла отъ Петра III къ Павлу, отъ Павла ко всѣмъ его дѣтямъ, ко всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ; Панинъ, завѣдывавшій воспитаніемъ Павла, сѣтовалъ на то, что Петръ III ни разу не присутствовалъ при его испытаніяхъ. Голштинскіе принцы, его дяди, уговорили его наконецъ; онъ остался очень доволенъ и произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи. Чтобъ понять всю нелѣпость этого, надобно себѣ

представить блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, любившаго чопорно одѣваться, тщательно чесавшагося и напоминавшаго собой царедворцевъ Людовика XIV. Панинъ ненавидѣлъ капральскій тонъ Петра III, мундиры и весь этотъ вздоръ. Когда Мельгуновъ привезъ ему радостную вѣсть о генеральствѣ, Панинъ хотѣлъ лучше бѣжать въ Швецію на житье, чѣмъ надѣть мундиръ. Это дошло до Петра III; онъ переименовалъ его въ соотвѣствующій статскій чинъ, но не могъ довольно надивиться Панину. — „А я право, говорилъ онъ, всегда считалъ Панина умнымъ человѣкомъ!“

Пока Петръ III рядилъ въ героевъ своихъ придворныхъ, шли обычныя церемоніи похоронъ. Императрица не выходила изъ своихъ комнатъ, и являлась только на панихиды. Изрѣдка приходилъ и Петръ III и всегда держалъ себя неприлично, шептался съ дамами, хохоталъ съ адъютантами, насмѣхался надъ духовенствомъ, бранилъ офицеровъ и даже рядовыхъ за какія нибудь пуговицы. „Неосторожно, говорилъ англійскій посолъ Кейтсъ князю Голицыну, начинаетъ новый императоръ свое царствованіе, этимъ путемъ онъ дойдетъ до презрѣнія народнаго, а потомъ и до ненависти“.

Петръ III какъ будто нарочно все дѣлалъ, чтобъ возбудить эту ненависть. Разъ вечеромъ, при Дашковой, императоръ разглагольствовалъ по обыкновенію о своемъ поклоненіи Фридриху II и вдругъ обращаясь къ статсъ-секретарю Волкову, который былъ при Елизаветѣ главнымъ секретаремъ Верховнаго Совѣта, спросилъ его, помнитъ ли онъ, какъ они хохотали надъ постоянной неудачей тайныхъ повелѣній, посылаемыхъ въ дѣйствующую армію. Волковъ за одно съ Великимъ Княземъ, сообщавшій прусскому королю всѣ распоряженія и такимъ образомъ уничтожавшій ихъ дѣйствіе,

до того растерялся отъ словъ Петра III, что чуть не упалъ въ обморокъ. Но императоръ продолжалъ шуточнымъ тономъ разсказывать, какъ они во время войны предавали непріятелю страну, въ которой онъ былъ наслѣдникомъ престола.

При заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, въ которомъ онъ постыдно уступилъ все купленное русской кровью, не было мѣры радости и ликованью. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Между прочимъ Петръ III далъ большой обѣдъ, на который были приглашены всѣ послы и три первые класса. Послѣ обѣда государь предложилъ три тоста, которые пили при пушечной пальбѣ — за здоровье императорской фамиліи, за здоровье короля прусскаго, за продолженіе заключеннаго мира.

Когда императрица пила тостъ за царскую фамилію, Петръ III послалъ своего адъютанта Гудовича, который стоялъ возлѣ его стула, спросить ее, зачѣмъ она не встала. Екатерина отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ ея супруга, ея сына и ея самой, то она не думала, чтобъ его величеству угодно было, чтобъ она встала. Когда Гудовичъ передалъ ея отвѣтъ, императоръ велѣлъ ему возвратиться и сказать императрицѣ, что она „дура“*) и должна знать, что его дяди, голштинскіе принцы, принадлежатъ также къ императорской фамиліи. Этого мало, боясь, что Гудовичъ смягчитъ грубое выраженіе, онъ самъ повторилъ сказанное имъ черезъ столъ, такъ что большая часть гостей слышала. Императрица на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но желая какъ можно скорѣе окончить эту исто-

*) Слово „дура“ поставлено въ англійскомъ текстѣ латинскими буквами.

рію, она обратилась къ камергеру Строгонову, стоявшему за ея стуломъ и просила его начать какой нибудь разговоръ. Строгоновъ, самъ глубоко потрясенный происшествіемъ, началъ съ притворно веселымъ видомъ что то болтать. Выходя изъ дворца онъ получилъ приказаніе ѣхать въ свою деревню и не оставлять ее безъ особаго разрѣшенія.

Происшествіе это необыкновенно повредило Петру III; всѣ жалѣли несчастную женщину, грубо оскорбленную пьянымъ капраломъ. Этимъ расположеніемъ естественно должна была воспользоваться Дашкова. Она становится отчаяннымъ заговорщикомъ, вербуетъ, уговариваетъ, сондируетъ — и притомъ ѣздитъ на балы, танцуетъ, чтобъ не подавать подозрѣнія. Князь Дашковъ, обиженный Петромъ III, что-то отвѣчалъ ему передъ фрунтомъ. Княгиня боясь послѣдствій выхлопотала ему какое-то порученіе въ Константинополь и съ тѣмъ вмѣстѣ дала ему совѣтъ „торопиться медленно“. Удаливши его, она окружаетъ себя офицерами, которые ввѣряются съ полнымъ довѣріемъ восемнадцатилѣтнему шефу.

Около Петра III были и другіе недовольные, но заговорщиками они не были и по лѣтамъ, и по положенію; они были рады воспользоваться перемѣной, но дѣлать ее, подвергая голову плахѣ, было трудно для какого нибудь Разумовскаго или Панина. Настоящіе заговорщики были Дашкова съ своими офицерами и Орловъ съ своими приверженцами.

О Разумовскомъ Дашкова говоритъ: „Онъ любилъ отечество настолько, насколько вообще могъ любить этотъ апатическій человѣкъ. Погрязшій въ богатствѣ, окруженный почетомъ, хорошо принятый при новомъ дворѣ и любимый офицерами, онъ впалъ въ равнодушіе и облѣнился“.

Панинъ былъ государственный человѣкъ и глядѣлъ дальше другихъ; его цѣль состояла въ томъ, чтобъ провозгласить Павла императоромъ, а Екатерину правительницей. При этомъ онъ надѣялся ограничить самодержавную власть. Онъ сверхъ того думалъ достигнуть переворота какими-то законными средствами черезъ Сенатъ.

Все это далеко не оправдалось Дашковой. Къ тому же ропотъ и неудовольствіе солдатъ росло. Позорный миръ съ одной стороны и безумная война съ Даніей, которую Петръ III хотѣлъ начать изъ за Голштиніи, безъ всякой серьезной причины, раздражали умы. Война эта сдѣлалась у него пунктомъ помѣшательства; самъ Фридрихъ II письменно уговаривалъ его отложить ее.

Говорятъ, что молодая заговорщица употребила особыя орудія краснорѣчія, чтобъ убѣдить упорнаго Панина дѣйствовать съ ней за одно. Панинъ до того увлекся ея умомъ, ея энергіей и сверхъ того красотой, что на старости лѣтъ страстно влюбился въ нее. Дашкова со смѣхомъ отвергала его любовь, но не находя другихъ средствъ сладить съ нимъ, она рѣшидась склонить его *собою*. Послѣ этого Панинъ былъ въ ея рукахъ. Справедливость требуетъ сказать, что княгиня въ двухъ мѣстахъ своихъ записокъ съ негодованіемъ опровергаетъ этотъ слухъ.*)

Не смотря на то, что заговорщики могли расчитывать на Разумовскаго и на Панина и сверхъ того на новгородскаго Архіепископа; не смотря на то, что множество офицеровъ было завербовано, опредѣленнаго плана дѣйствія у нихъ не было. Связанные общей

*) Дидро упоминаетъ въ вышеприведенной статьѣ, что Дашкова ему говорила съ величайшимъ озлобленіемъ объ этомъ.

цѣлью, они не могли согласиться въ образѣ дѣйствія, Дашкова, снѣдаемая жгучей дѣятельностію, сердится на медленность, не знаетъ что дѣлать и ѣдетъ наконецъ на свою дачу за Краснымъ Кабакомъ. Дача эта была первой личной собственностью Дашковой, она тотчасъ принялась за обстройку, роетъ каналы, разбиваетъ сады. „Не смотря, говоритъ она, на привязанность, которую я имѣла къ этому первому клочку земли, который былъ мой, я не хотѣла дать имени моей дачѣ, желая ее посвятить имени того святаго, который будетъ праздноваться въ тотъ день, когда успѣхъ увѣнчаетъ наше великое предпріятіе". „Дайте скорѣе названіе моей дачѣ!" пишетъ она къ императрицѣ, больная въ лихорадкѣ, которую захватила въ болотѣ, заѣхавъ въ него верхомъ по поясъ. Императрица ничего не понимаетъ и думаетъ, что у ея друга въ самомъ дѣлѣ горячка.

Но бѣлая горячка собственно была у Петра III; пока Дашкова садитъ акаціи и расчищаетъ дорожки, Петръ III быстро идетъ подъ гору; одна глупость смѣняется другою, одна безобразная пошлость другой вдвое безобразнѣйшей. Пророчество Кейтса сбывалось, общественное мнѣніе переходило отъ презрѣнія къ ненависти.

Австрійское гоненіе греческой церви въ Сербіи заставило многихъ Сербовъ прибѣгнуть къ императрицѣ Елизаветѣ съ просьбою отвести имъ земли на югѣ Россіи. Елизавета сверхъ земель велѣла имъ отпустить значительную сумму денегъ на подъемъ и переселеніе. Одинъ изъ ихъ повѣренныхъ Хорватъ, хитрый интриганъ завладѣлъ землей и деньгами и вмѣсто исполненія условій, на которыхъ была дана земля, сталъ распоряжаться переселенцами какъ своими крестьянами.

Сербы принесли жалобу, Елизавета велѣла разобрать дѣло, но прежде чѣмъ оно кончилось, она умерла. Хорватъ, услышавъ о ея смерти, явился въ Петербургъ и началъ съ того, что далъ по двѣ тысячи червонныхъ тремъ лицамъ, приближеннымъ къ Петру Ш, — Л. Нарышкину, который былъ нѣчто въ родѣ придворнаго шута, генералу Мульгунову и генералъ-прокурору Глѣбову. Два послѣднихъ отправились къ императору и разсказали ему прямо о взяткѣ. Петръ Ш былъ очень доволенъ ихъ откровенностію, расхвалилъ ихъ и прибавилъ, что если они дадутъ ему половину, то онъ самъ пойдетъ въ сенатъ и велитъ рѣшить дѣло въ пользу Хорвата. Они подѣлились — императоръ сдержалъ слово, и за двѣ тысячи червонныхъ потерялъ сотни тысячъ новыхъ переселенцовъ; видя, что ихъ товарищи обмануты правительствомъ, — они не рискнули переселяться.

По окончаніи дѣла, Петръ Ш услышалъ о томъ, что Нарышкинъ скрылъ отъ него свою взятку, и чтобъ наказать его за такой недостатокъ дружескаго довѣрія, отнялъ у него всю сумму. И потомъ долгое время спустя поддразнивалъ Нарышкина, спрашивая его — „что онъ дѣлаетъ съ Хорватскими червонцами?“

Вотъ еще милый анекдотъ о Петрѣ Ш. Разъ послѣ парада императоръ, очень довольный Измайловскимъ полкомъ, возвращался съ Разумовскимъ домой; вдругъ онъ услышалъ издалека шумъ; его любимецъ Арапъ дрался съ профосомъ. Сначала зрѣлище это понравилось Петру Ш, но вдругъ онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ: „Нарцисъ не существуетъ больше для насъ“. Разумовскій, который ничего не могъ понять, спросилъ, что такъ вдругъ опечалило его величество. „Развѣ вы не видите, вскричалъ онъ, что я не могу больше дер-

жать при себѣ человѣка, дравшагося съ профосомъ. Онъ обезчещенъ — навсегда обезчещенъ". Фельдмаршалъ, показывая видъ, что совершенно входитъ въ его глубокія соображенія, замѣтилъ, что честь Нарциса можно возстановить, проведя его подъ знаменами полка. Мысль эта привела Петра III въ восторгъ; онъ сейчасъ позвалъ негра, велѣлъ ему пройти подъ знаменами и находя это не вполнѣ достаточнымъ, велѣлъ оцарапать его пикой знамени, чтобъ онъ могъ своею кровью смыть обиду. Бѣдный Арапъ чуть не умеръ отъ страха, генералы и офицеры едва, едва могли удержаться отъ негодованія и смѣха. Одинъ Петръ III совершилъ съ величайшей торжественностью весь обрядъ очищенія Нарциса.

И этотъ шутъ царствовалъ?... за то не долго!

Вечеромъ 27 Іюня, Григорій Орловъ пришелъ къ Дашковой сказать ей, что капитанъ Пасекъ, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ заговорщиковъ арестованъ. Орловъ засталъ у нея Панина; терять времени, откладывать было теперь невозможно. Одинъ лимфатическій, медленный и осторожный Панинъ совѣтовалъ ждать завтрашній день, узнать прежде какъ и за что арестованъ Пасекъ. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый сказалъ, что пойдетъ узнать о Пасекѣ. Дашкова просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталь. Лишь только Панинъ уѣхалъ, Дашкова набросила на себя сѣрую мужскую шинель и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву, одному изъ заговорщиковъ.

Не далеко отъ дома Дашкова встрѣтила всадника, скакавшаго во весь опоръ. Дашкова, не смотря на то, что никогда не видала братьевъ Орлова, догадалась, что это одинъ изъ нихъ; поровнявшись съ всадникомъ она назвала его; онъ остановилъ лошадь, Дашкова на-

звала ему себя. „Я къ вамъ, сказалъ онъ, Пасекъ схваченъ какъ государственный преступникъ, четыре часовыхъ у дверей и два у окна. Братъ пошелъ къ Панину а я былъ у Рославлева“.

— Что онъ очень встревоженъ?

— Есть таки.

— Дайте, знать пашимъ, Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они собирались сейчасъ въ Измайловскій полкъ, и готовились бы принять императрицу. Потомъ скажите, что я совѣтую вашему брату или вамъ, какъ можно скорѣе ѣхать въ Петергофъ за императрицей, скажите ей, что карета ужъ приготовлена мной, скажите, что я умоляю ее не мѣшкать и скакать въ Петербургъ.

Наканунѣ Дашкова, узнавши отъ Пасека о сильномъ ропотѣ солдатъ и боясь, чтобъ чего не вышло, написала на всякій случай къ Шкуриной, женѣ императрицына камердинера, чтобъ она послала карету съ четырмя почтовыми лошадьми къ своему мужу въ Петергофъ и велѣла бы ей дожидаться у него на дворѣ. Панинъ смѣялся надъ этими ненужными хлопотами, полагая, что переворотъ еще не такъ близокъ; обстоятельства показали насколько предусмотрительность Дашковой была необходима.

Разставшись съ Орловымъ, она возвратилась домой. Къ вечеру портной долженъ былъ ей принести мужское платье и не принесъ, въ женскомъ она была слишкомъ связана. Чтобъ не подать подозрѣнія, она отпустила горничную и легла въ постель; но не прошло получаса, какъ она услышала стукъ въ наружную дверь. Это былъ меньшой Орловъ, котораго старшіе братья прислали спросить ее, не рано ли тревожить императрицу; Дашкова вышла изъ себя, осыпала упреками его

и всѣхъ его братьевъ; „какая тутъ рѣчь, говорила она, о томъ, потревожится императрица или нѣтъ, лучше ее безъ памяти, въ обморокѣ привезти въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть заключенію или вмѣстѣ съ нами эшафоту. Скажите братьямъ, чтобъ сейчасъ же кто нибудь ѣхалъ въ Петергофъ.“

Орловъ согласился съ нею.

Тутъ наступили для Дашковой мучительные часы одиночества и ожиданія, она трепещетъ за свою Екатерину, представляетъ ее себѣ блѣдной, пзнуренной, въ тюрьмѣ, идущей на казнь и „все это по *нашей* винѣ.“ Измученная и въ лихорадкѣ ждетъ она вѣсти изъ Петергофа, въ четыре часа она пришла; императрица выѣхала въ Петербургъ.

Какъ Алексѣй Орловъ ночью взошелъ въ павильонъ къ Екатеринѣ, которая спокойно спала и также въ глаза не знала Орлова, какъ и Дашкова, но тотчасъ рѣшилась ѣхать въ каретѣ, приготовленной у Шкурина; какъ Орловъ сѣлъ кучеромъ и загналъ лошадей такъ, что императрица была вынуждена съ своей горничной идти пѣшкомъ; какъ они потомъ встрѣтили порожнюю телѣгу, какъ Орловъ нанялъ ее и демократически въ ней повезъ Екатерину въ Петербургъ, — все это извѣстно.

Измайловскіе солдаты приняли Екатерину съ восторгомъ; ихъ увѣрили, что Петръ III хотѣлъ въ эту ночь убить ее и ея сына. Изъ казармъ солдаты съ шумомъ и крикомъ проводили ее въ Зимній Дворецъ, провозглашая ее на улицахъ царствующей императрицей; препятствій не было никакихъ. Народъ бѣжалъ толпами къ дворцу, сановники собирались, архіепископъ, окруженный духовенствомъ, со святою водой ждалъ въ соборѣ новую государыню.

Когда Дашкова съ чрезвычайными усиліями пробралась до Екатерины, онѣ бросились другъ къ другу въ объятія и могли только выговорить: „Ну слава богу, слава богу!“ Потомъ Екатерина разсказала ей, какъ они ѣхали изъ Петергофа. Потомъ онѣ опять бросились обнимать другъ друга. „Я не знаю, говоритъ Дашкова, былъ ли когда смертный больше счастливъ, какъ я въ эти минуты!“

„И, прибавляетъ она, когда я думаю, какими несоразмѣрно малыми средствами сдѣлался этотъ переворотъ, безъ обдуманнаго плана, людьми вовсе посогласными между собою, имѣвшими разныя цѣли, нисколько не похожими ни образованіемъ, ни характеромъ, то участіе перста божія мнѣ становится ясно.“

Переворотъ конечно былъ необходимъ, но если перстъ божій такъ прямо участвовалъ въ немъ, то въ этотъ день руки у бога все же не совсѣмъ были чисты.

Напаловавшись до сыта, Дашкова замѣтила, что на императрицѣ екатерининская лента, а не андреевская; она тотчасъ побѣжала къ Панину, сняла съ него ленту, надѣла ее на императрицу, а екатерининскую ленту и звѣзду положила себѣ въ карманъ.

Императрица изъявила желаніе стать во главѣ войска и идти въ Петергофъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ она велѣла Дашковой сопровождать ее. Императрица взяла мундиръ у капитана Талызина, Дашкова у сержанта Пушкина. Оба мундира были прежней преображенской формы. Какъ только императрица пріѣхала въ Петербургъ, солдаты безъ всякаго приказа сбросили съ себя новые мундиры и надѣли петровскіе.

Пока Дашкова переодѣвалась, собрался чрезвычайный совѣтъ подъ предводительствомъ Екатерины, составленный изъ высшихъ сановниковъ и сенаторовъ,

бывшихъ подъ рукой. Часовые, поставленные у дверей залы, пропустили въ нее молодаго офицера съ смѣлой поступью и отважнымъ видомъ. Никто кромѣ императрицы не узналъ въ немъ Дашковой, она подошла къ Екатеринѣ и сказала, что караулъ очень плохъ, что такъ пожалуй пропустятъ и Петра III, если онъ вдругъ явится (какъ мало знала этого шута сама Дашкова!); караулъ немедленно былъ усиленъ; между тѣмъ императрица, перерывая диктованіе манифеста Теплову, сказала членамъ, кто этотъ молодой офицеръ, такъ sans façon взошедшій и начавшій шептаться съ ней. Всѣ сенаторы встали, чтобъ привѣтствовать ее. „Я покраснѣла до ушей отъ такого почета, прибавляетъ милый сержантъ, и даже нѣсколько смѣшалась.

„Вслѣдъ за тѣмъ, взявъ нужныя мѣры для спокойствія столицы, сѣли мы на лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ сдѣлали смотръ двѣнадцати тысячамъ человѣкъ, принявшимъ императрицу съ восторгомъ."

Въ красномъ Кабакѣ инсуррекціонная армія сдѣлала привалъ: надобно было дать отдыхъ людямъ, бывшимъ на ногахъ двѣнадцать часовъ. Императрица и Дашкова, которыя совсѣмъ не спали послѣднія ночи, были сильно утомлены. Дашкова взяла у полковника Кара шинель, постлала ее на единственный диванъ, бывшій въ небольшой комнатѣ занятой ими гостинницы, разставила часовыхъ и бросилась на диванъ вмѣстѣ съ Екатериной, не скидывая мундира, съ твердымъ намѣреніемъ нѣсколько уснуть; но спать было невозможно и онѣ проболтали все время, строя планы и вовсе забывая объ опасности.

Нельзя не признаться, что есть что-то необыкновенно увлекательное въ этой отвагѣ двухъ женщинъ, перерѣшающихъ судьбу имперіи, въ этой революціи,

дѣлаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными въ нее, между которыми на первомъ планѣ красавица 18-ти лѣтъ, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ и съ саблей въ рукахъ.

Несчастный Петръ III въ это время ѣздилъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, не умѣя ничего придумать, ни на что рѣшиться. Онъ искалъ Екатерину по комнатамъ павильона, за шкапами и дверями, какъ будто она съ нимъ играла въ жмурки, и не безъ самодовольства повторялъ „Романовнѣ“: „Вотъ видишь, что я правъ, я былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ что нибудь, я всегда говорилъ, что эта женщина способна на все.“

Еще возлѣ него стоялъ престарѣлый вождь Минихъ, еще вся Россія и часть Петербурга были не противъ него, но онъ уже совсѣмъ растерялся. Давъ опытъ невѣроятной трусости подъ Кронштадтомъ, онъ велѣлъ императорской яхтѣ грести не къ флоту, а снова къ Ораніенбауму; дамы боялись качки и моря, онъ самъ боялся всего. Ночь была тихая, мѣсячная; жалкій императоръ спрятался въ каютѣ съ своими куртизанами, а на палубѣ сидѣли въ мрачной задумчивости, съ досадой, стыдомъ и грустью на сердцѣ два героя — Минихъ и Гудовичъ; они теперь увидѣли, что противъ воли нельзя спасать людей. Въ четыре часа утра пристали они снова къ Ораніенбауму и съ понурыми головами, тайкомъ взошли во дворецъ. Петръ III принялся писать письмо къ Екатеринѣ.

Въ тѣ же четыре часа сѣдлали двухъ лихихъ коней, одного для императрицы, другого для Дашковой, и вотъ онѣ снова веселыя и исполненныя энергіи передъ войскомъ, выступившимъ въ пять часовъ въ походъ и остановившимися отдохнуть у Троицкаго монастыря.

Тутъ начали являться одинъ за другимъ гонцы Петра Ш, привозя одно предложеніе глупѣе другого; онъ отказывался отъ престола, просился въ Голштинію, признавалъ себя виноватымъ, недостойнымъ царствовать. Екатерина требовала, чтобъ онъ безусловно сдался, въ избѣжаніе большихъ золъ и обѣщала за это устроить ему наивозможно лучшую жизнь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, по его выбору.

Войско Екатерины спокойно заняло Петергофъ; Орловъ, ѣздившій на рекогносцировку, не нашелъ никого. Голштинцы, окружавшіе Петра въ Ораніенбаумѣ и преданные ему, были готовы умереть за него, но онъ приказалъ имъ не защищаться; онъ хотѣлъ бѣжать, велѣлъ приготовить лошадь, но сѣлъ не на нее, а въ коляску съ Романовной и Гудовичемъ и печально самъ повезъ свою повинную голову виновной женѣ своей. Его провели потихоньку въ дальнюю комнату дворца. Романовну и Гудовича, который и тутъ себя велъ съ необыкновеннымъ благородствомъ, арестовали; Петра Ш накормили, напоили и свезли въ Ропшу подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова, Пасека, Барятинскаго и Баскакова. Ропшу онъ избралъ самъ; она ему принадлежала, когда онъ еще былъ великимъ княземъ. Другіе впрочемъ говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Ропшѣ, а въ имѣньи Разумовскаго.

Дашкова видѣла его письма къ императрицѣ. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ отрѣченіи, въ другомъ о лицахъ, которыхъ желалъ бы оставить при себѣ, исчисляетъ все, что ему нужно для житья, при чемъ именно упоминаетъ о запасѣ бургонскаго и табаку. Онъ еще требовалъ, говорятъ, скрипку, библію и разные романы, причемъ прибавлялъ, что хочетъ сдѣлаться философомъ.

Вечеромъ въ день занятія Петергофа, Дашкова, возвращаясь отъ принцесы Голштинской на половину императрицы, натолкнулась на Орлова. который во внутреннихъ комнатахъ ея лежалъ въ растяжку на диванѣ извиняясь тѣмъ, что онъ ушибъ себѣ ногу. Онъ распечатывалъ какой то большой пакетъ; подобные пакеты Дашкова видала у своего дяди — вицеканцлера; ихъ употребляли для самыхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, сообщаемыхъ государямъ отъ верховнаго совѣта. „Что вы это дѣлаете?“ спросила его Дашкова съ изумленіемъ.

— Мнѣ императрица приказала.

— Не можетъ быть—отвѣчала Дашкова, вы не имѣете оффиціальнаго званія на это.

Въ это время пришли доложить, что солдаты вломились въ дворцовые погреба и пьютъ венгерское касками, принимая его за медъ. Орловъ не двинулся. Дашкова сейчасъ отправилась внизъ, приняла грозный видъ и своимъ тоненькимъ голосомъ возстановила порядокъ. Довольная успѣхомъ, она отдала имъ всѣ деньги, бывшія съ ней и потомъ выворотивъ кошелекъ, сказала, что средствъ у нея меньше нежели желанія, но что по возвращеніи въ Петербургъ имъ позволятъ пить на казенный счетъ, послѣ этого она возвратилась.

Къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, былъ придвинутъ столъ накрытый на три куверта. Взошла императрица, заняла мѣсто и пригласила сѣсть Дашкову, Все это такъ поразило Княгиню, что она не могла скрыть своего волненія. Императрица замѣтила это и спросила что съ ней?

— Ничего, отвѣчала Дашкова, вѣроятно усталь отъ неспанныхъ ночей и отъ волненія.

Екатерина, желая вызвать Дашкову на любезности

Орлову, сообщила ей, что, не смотря на всѣ ея просьбы, онъ оставляетъ военную службу и просила ее помочь ей, чтобъ его уговорить. „Меня, говорила она, обвинятъ въ страшной неблагодарности, если онъ оставитъ службу“. Но Дашкова, оскорбленная своимъ открытіемъ, отвѣтила, что ея величество имѣетъ столько средствъ награждать за услуги, что ей вовсе ненужно прибѣгать къ насилію.

„Я только тогда, прибавляетъ она, убѣдилась, что между ними une liaison.“

Думали, что она обидѣлась этимъ изъ ревности, и не ошиблись. Только она ревновала не Орлова; ни его, ни его братьевъ она никогда не любила и не уважала, она ревновала императрицу; ей не нравился ни выборъ, ни тонъ; а сверхъ того ея мечты объ исключительной довѣренности о мечтательной дружбѣ, о всемогущемъ вліяніи блѣднѣли, изчезали передъ ея открытіемъ. И дѣйствительно съ этого вечера у Дашковой былъ соперникъ и врагъ; она это почувствовала на другой день послѣ переворота.

Слова юродиваго Петра III объ апельсинной коркѣ стали сбываться съ чрезвычайной быстротой. Императрица на другой день послѣ своего воцаренія начинаетъ цѣнить и награждать услуги Дашковой, начинаетъ быть благодарной, т. е. перестаетъ быть другомъ.

Дашкова, послѣ торжественнаго въѣзда въ Петербургъ, отправилась къ отцу, къ дядѣ и главное взглянуть на свою малютку. Не надобно забывать, что у нашего преображенскаго сержанта есть дочь Настя, которую онъ горячо любитъ, и съ которой ему хочется поиграть, наигравшись до сыта императорской короной. Домъ ея отца былъ полонъ солдатъ, поставленныхъ долею въ охраненіе его, и долею потому, что „Рома-

новна“ была привезена къ нему въ домъ. Вадковскій присылалъ спросить ординарца, нуженъ ли весь караулъ; Дашкова, поговоривши съ нимъ по французски, сказала дежурному офицеру, что половина солдатъ не нужна и что она ихъ отпускаетъ.

Когда она воротилась во дворецъ, Екатерина приняла ее съ недовольнымъ видомъ, караульный офицеръ былъ на лицо и говорилъ съ Орловымъ. Императрица сдѣлала Дашковой выговоръ за самовольное распоряженіе и замѣтила даже то, что она при солдатахъ говорила по французски. Дашкова глубоко огорченная выслушала выговоръ, ничего не отвѣчала и, чтобъ перемѣнить разговоръ, подала Екатеринѣ ленту и орденъ, которыя положила вчера въ карманъ.

„Потише, потише, сказала императрица, я должна была вамъ сдѣлать выговоръ за вашу поспѣшность, вы не имѣли права сами смѣнять солдатъ, но я также должна наградить васъ за ваши услуги“, при этомъ она надѣла ей на шею возвращенную ленту.

Вмѣсто того, чтобъ стать, какъ это дѣлается въ этихъ случаяхъ, на колѣни передъ императрицей, Дашкова печально сказала ей: „в. в., простите меня за то, что я хочу сказать; приходитъ время, въ которое правда должна быть изгнана изъ вашего присутствія; предупреждая его, я прошу васъ взять назадъ этотъ орденъ; какъ украшеніе—я не умѣю его довольно цѣнить; если это награда — какъ бы она велика ни была, она не можетъ вознаградить мои услуги, онѣ ничѣмъ не могутъ быть заплачены, потому что онѣ не продажныя“.

— Но, замѣтила императрица, обнимая ее и оставляя ленту, дружба имѣетъ свои права, развѣ я и ихъ лишусь теперь?

Дашкова снова довольна, цалуетъ ея руку и осьмнадцать лѣтъ берутъ свое, она черезъ полъвѣка не забываетъ съ удовольствіемъ прибавить: „Представьте себѣ меня въ мундирѣ, со шпорой на одномъ сапогѣ, съ видомъ пятнадцатилѣтняго мальчика и съ красной екатерининской лентой черезъ плечо“. Новый кавалеръ скачетъ опять къ Настѣ—ей показаться, присутствуетъ при ея ужинѣ и наконецъ раздѣвшись бросается въ постель; но и на этотъ разъ сонъ бѣжитъ отъ раздраженныхъ нервъ, или пугаетъ грезами; удивительныя картины послѣднихъ дней, которыя она не только прожила, но отчасти сдѣлала, безпрестанно проходятъ въ ея воображеніи.

Важное участіе ея въ 28 Іюнѣ не отрицала сама императрица, напротивъ, когда старый и лукавый Бестужевъ ей представлялся, она ему сказала: „Кто бы могъ подумать, что дочь Романа Воронцова поможетъ мнѣ сѣсть на престолъ“.

Вѣсть объ убійствѣ Петра III исполнила Дашкову ужасомъ и отвращеніемъ; она до такой степени была взволнована и возмущена этимъ пятномъ „на переворотѣ, который не стоилъ ни капли крови“, что не могла настолько переломить себя, чтобъ ѣхать на другой день во дворецъ, Она минуетъ въ своихъ запискахъ всѣ подробности этого гадкаго происшествія, гдѣ три офицера, изъ которыхъ одинъ былъ гигантъ, полчаса работали, чтобъ удушить салфеткой отравленнаго арестанта, какъ будто нельзя было подождать четверти часа. Она полагаетъ, что Екатерина не знала впередъ о намѣреніи А. Орлова; вѣрнѣе то, что Дашкова не имѣла понятія о участіи Екатерины, которая тщательно умѣла скрывать, что хотѣла; о ея интригѣ съ Григорьемъ Орловымъ не только не зналъ ни Панинъ, ни

другіе заговорщики; но, какъ мы сейчасъ видѣли, ни сама Дашкова.

Екатерина поняла, что было на душѣ у Дашковой и увидѣвши ее, стала съ ужасомъ говорить о томъ, что случилось.

— Да, в. в., отвѣчала Дашкова, смерть эта слишкомъ скоро и рано пришла для вашей и для моей славы.

Проходя пріемной залой, она громко при всѣхъ сказала, что конечно А. Орловъ пощадитъ ее своимъ знакомствомъ. Слишкомъ двадцать пять лѣтъ они не кланялись и не говорили другъ съ другомъ.

Весьма вѣроятно, что Екатерина не давала приказанія убить Петра III; Александръ сдѣлалъ больше, онъ рѣшительно требовалъ чтобъ не *убивать до смерти* Павла, отправляя къ нему ватагу крамольныхъ олигарховъ. Мы знаемъ изъ Шекспира, какъ даются эти приказанія, взглядомъ, намекомъ, молчаніемъ. Зачѣмъ Екатерина поручила надзоръ за слабодушнымъ Петромъ III злѣйшимъ врагамъ его? Пасекъ и Баскаковъ хотѣли его убить за нѣсколько дней до 27 Іюня, будто она не знала этого? И зачѣмъ же убійцы были такъ нагло награждены?

Дашкова приводитъ въ оправданіе Екатерины письмо отъ Орлова къ ней, писанное тотчасъ послѣ убійства, и которое она ей показывала. Письмо это, говоритъ она, носило явные слѣды внутренняго безпокойства, душевной тревоги, страха и нетрезваго состоянія. Письмо это береглось у императрицы въ особой шкатулкѣ съ другими важными документами. Павелъ послѣ смерти матери велѣлъ при себѣ разобрать эти бумаги князю Безбородкѣ; дойдя до этого письма Павелъ прочелъ его императрицѣ въ присутствіи Нелидовой. Потомъ онъ велѣлъ Растопчину прочесть его Великимъ Князьямъ.

Я слыхалъ о содержаніи этого письма отъ достовѣрнаго человѣка, который самъ его читалъ; оно въ этомъ родѣ: „Матушка императрица, какъ тебѣ сказать, что мы надѣлали, такая случилась бѣда, заѣхали мы къ твоему супругу, и выпили съ нимъ вина; ты знаешь, каковъ онъ бываетъ хмѣльной, слово за слово, онъ насъ такъ разобидѣлъ, что дѣло дошло до драки. Глядимъ, а онъ упалъ мертвый. Что дѣлать—возьми наши головы, если хочешь, или милосердая матушка, подумай, что дѣла не воротишь, и отпусти нашу вину".*)

Дашкова, увлеченная любовью къ Екатеринѣ, вѣритъ или по крайней мѣрѣ притворяется, что вѣритъ, что и Мировичъ поступилъ безъ ея вѣдома; а о худшей, самой позорной и гнусной исторіи всего царствованія, о похищеніи А. Орловымъ и де Рибасомъ княжны Таракановой совсѣмъ не упоминаетъ.

Оттого-то между прочимъ, что она вѣрила и хотѣла вѣрить въ идеальную Екатерину, она и не могла удержаться въ милости. А она была бы славнымъ министромъ. Безспорно одаренная государственнымъ умомъ, она сверхъ своей восторженности имѣла два большихъ недостатка, помѣшавшіе ей сдѣлать карьеру; она не умѣла молчать, ея языкъ рѣзокъ, колокъ и не щадитъ никого кромѣ Екатерины; сверхъ того она была слишкомъ горда, не хотѣла и не умѣла скрывать своихъ антипатій, словомъ, не могла „принижать своей личности", какъ выражаются московскіе старовѣры.

Вообще дружба Екатерины съ Дашковой была невозможна. Екатерина хотѣла царить не только властію, но всѣмъ на свѣтѣ геніемъ, красотой; она хотѣла одна обращать на себя вниманіе всѣхъ, у ней было ненасы-

*) Таковъ смыслъ письма, за слова я не отвѣчаю, я его повторилъ черезъ долгое время по памяти.

тимое желаніе нравиться. Она была еще въ полномъ блескѣ своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лѣтъ. Женщину слабую, потерянную въ лучахъ ея славы, молящеюся ей, не очень красивую, не очень умную она вѣроятно умѣла бы удержать при себѣ. Но энергическую Дашкову, говорившую о *своей собственной* славѣ, съ ея умомъ, съ ея огнемъ и съ ея девятнадцатью годами, она не могла вынести возлѣ себя.

Она отдалилась отъ нея съ быстротой истинно царской неблагодарности. Въ Москвѣ послѣ коронаціи старый грѣшникъ Бестужевъ предложилъ написать императрицѣ адресъ и просить ее отъ имени всѣхъ подданныхъ снова избрать себѣ супруга. Григорій Орловъ, тогда уже сдѣланный княземъ имперіи, мѣтилъ въ цари. Это возмутило всѣхъ порядочныхъ людей. Канцлеръ Воронцовъ попросилъ аудіенцію и предупредилъ Екатерину, предполагая, что она не знаетъ, что дѣлается. Екатерина удивилась и хотѣла намылить Бестужеву голову.

Хитровъ, одинъ изъ преданныхъ заговорщиковъ 27 Іюня, громко говорилъ, что онъ скорѣе убьетъ Орлова, или пойдетъ на плаху, чѣмъ признаетъ его императоромъ. Само собой разумѣется, что при этомъ общемъ ропотѣ говорила и Дашкова; это дошло до Екатерины. Вдругъ вечеромъ секретарь императрицы Тепловъ пріѣзжаетъ къ Дашкову и велитъ его вызвать. Императрица пишетъ ему слѣдующую записку: „Я искренно желаю не быть въ необходимости предать забвенію услуги княгини Дашковой за ея неосторожное поведеніе. Припомните ей это, когда она снова позволитъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ“.

Дашкова не отвѣчала на это письмо ни слова, держалась въ сторонѣ и стала послѣ смерти князя, слу-

чившейся въ 1768, проситься въ чужіе края. „Я очень могла ѣхать безъ спросу, говоритъ она (навѣрное не грезившая во снѣ, что черезъ восемьдесятъ лѣтъ глупый законъ почти совсѣмъ лишитъ Россію права переходить границу и еще менѣе того, что правительство станетъ грабить по большимъ дорогамъ, принуждая каждаго путешественника платить за себя выкупъ), но мое званіе статсъ-дамы клало на меня обязанность спросить высочайшее разрѣшеніе.“

Не получивъ отвѣта, она отправилась въ Петербургъ и при первомъ представленіи просила Екатерину отпустить ее за границу для излеченія дѣтей. „Мнѣ очень жаль, отвѣчала Екатерина, что такая печальная причина заставляетъ васъ ѣхать. Но безъ всякаго сомнѣнія, княгиня, вы можете располагать собой, какъ вамъ угодно.“

Гдѣ это время, когда онѣ лежали подъ однимъ одѣяломъ на постелѣ и плакали и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара цѣлую ночь о государственныхъ реформахъ?

Въ чужихъ краяхъ Дашкова оживаетъ, становится опять та же гордая, неугомонная, неукротимая, дѣятельная, всѣмъ интересующаяся, всѣмъ занимающаяся.

Въ Данцигѣ на стѣнѣ въ гостиницѣ виситъ большая картина, представляющая какое-то сраженіе пруссаковъ съ русскими, въ которомъ, разумѣется, русскіе побиты. На первомъ планѣ представлена группа нашихъ солдатъ, стоящихъ на колѣняхъ передъ пруссаками и просящихъ помилованія. Дашкова не можетъ этого вынести, она подбиваетъ двухъ русскихъ пробраться потихоньку ночью съ ней въ залу, съ масляными красками и кистями, запираетъ за ними двери и принимается съ своими товарищами перерисовывать мундиры, такъ что

къ утру уже пруссаки стояли на колѣняхъ и просили пощады у русскихъ солдатъ. Окончивши картину, Дашкова послала за почтовыми лошадьми, и прежде чѣмъ хозяинъ спохватился, она уже катила по дорогѣ въ Берлинъ, отъ души смѣясь при мысли объ его удивленіи.

Въ Гановерѣ она отправляется одна съ Каменской въ оперу. Такъ мало были онѣ похожи на добрыхъ нѣмокъ, что принцъ мекленбургскій, начальствовавшій въ городѣ, послалъ узнать кто онѣ такія. Адъютантъ его, безъ церемоніи, взошелъ въ ложу, въ которой былъ еще двѣ нѣмки, и спросилъ нашихъ дамъ не иностранки ли онѣ. Дашкова сказала, что „да“. — Его свѣтлость, прибавилъ онъ, желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Имя наше, отвѣчала Дашкова, не можетъ быть интересно ни для герцога, ни для васъ; какъ женщины, мы имѣемъ право умолчать кто мы и не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Сконфуженный адъютантъ ушелъ. Нѣмки, съ самаго начала почувствовавшія неопродолимое уваженіе къ нашимъ дамамъ, смотрѣли на нихъ съ подобострастіемъ, услышавъ храбрый отвѣтъ Дашковой. Видя, что нѣмки считаютъ ихъ за большихъ барынь, Дашкова, учтиво обращаясь къ нимъ, сказала, что если она не хотѣла отвѣчать дерзкому запросу принца, то передъ ними она не имѣетъ причины утаивать, кто онѣ. — „Я оперная пѣвица, а моя подруга танцовщица; мы обѣ безъ мѣста и ищемъ гдѣ нибудь найти выгодный контрактъ.“ Нѣмки раскрыли глаза, покраснѣли до ушей и не только оставили свою вѣжливость, но старались, насколько ложа позволяла, сѣсть къ нимъ спиною.

Въ Парижѣ Дашкова окружена всѣми знаменитостя-

ми, со всѣми дружится, кромѣ Руссо; къ нему она не хочетъ ѣхать за его лицемѣрную скромность, за натянутую оригинальность. За то Дидро у нея на самой короткой ногѣ, сидитъ съ ней цѣлые вечера têtе à têtе и разсуждаетъ обо всемъ на свѣтѣ. Дашкова доказываетъ ему, что крѣпостное состояніе не такъ дурно, какъ думаютъ, запутываетъ его въ софизмы, и удобовпечатлительный Дидро готовъ согласиться на минуту.

Входитъ человѣкъ и докладываетъ, Мадамъ Неккеръ и Мадамъ Жоффрен' пріѣхали. „Не принимать! кричитъ Дидро, не спрашиваясь Дашковой, сказать, что дома нѣтъ. — Мадамъ Жоффрен' превосходнѣйшая женщина въ мірѣ, но первая трещетка въ Парижѣ; я рѣшительно не хочу, чтобъ она, не имѣя времени васъ хорошенько узнать, пошла пороть всякій вздоръ. Я не хочу, чтобъ кощунствовали надъ моимъ идоломъ.“ И Дашкова велитъ сказать, что она больна.

Рюльеръ, писавшій о Россіи и именно въ 1762 году, хочетъ непремѣнно ее видѣть. Дидро не велитъ принимать и его; онъ завладѣлъ Дашковой для себя.

Въ Лондонѣ Дашкова знакомится съ Паоли, но ей не нравятся его „итальянскія гримассы,“ не идущія великому человѣку. Въ Женевѣ она ходитъ къ Вольтеру, удивляется ему, но не можетъ не посмѣяться съ какимъ-то докторомъ надъ тѣмъ, что Вольтеръ сердится, выходитъ изъ себя, проигрывая въ шашки и притомъ дѣлаетъ самыя уморительныя рожи. Докторъ замѣчаетъ, что эти рожи корчитъ не одинъ Вольтеръ, велитъ своей собакѣ поднять морду, и Дашкова катается со смѣху отъ необыкновеннаго сходства. Изъ Женевы она ѣдетъ въ Спа; тамъ она живетъ въ большой интимности съ мистрисъ Гамильтонъ и, прощаясь съ ней, романически клянется пріѣхать черезъ пять

лѣтъ для свиданія съ нею, если не увидится прежде и, что еще болѣе романически, дѣйствительно пріѣзжаетъ.

Чувство дружбы самой пламенной, самой дѣятельной, чуть ли не было преобладающимъ въ этой женщинѣ, гордой и упрямой. Глубоко обиженная поведеніемъ Екатерины, она преждевременно состарилась. Дидро говоритъ, что ей съ виду казалось лѣтъ подъ сорокъ, въ то время, какъ она была тогда двадцати семи лѣтъ. Любила ли она кого послѣ смерти мужа, была ли любима, этого не видать изъ записокъ; но навѣрно можно сказать, что ни одинъ мущина не игралъ никакой значительной роли въ ея жизни. Послѣ Екатерины, она со всѣмъ пыломъ голоднаго сердца привязалась къ Гамильтонъ. И подъ старость дружба материнская, безконечно нѣжная, согрѣла ея жизнь; я говорю о Миссъ Вильмотъ, издательницѣ ея записокъ.

Изъ Спа она возвратилась въ Москву, въ домъ своей сестры Полянской; эта Полянская съ своимъ скромнымъ прозаическимъ именемъ ничто иное, какъ знаменитая „Романовна,“ которая легко, еслибъ не была Полянская, могла бы быть императерицей всероссійской.

Тучи, которыя заволакивали небо Дашковой, начали было разчищаться. Вліяніе Орловыхъ слабло. Императрица, узнавъ о ея пріѣздѣ, прислала ей шестдесятъ тысячъ рублей на покупку имѣнія.

Но Дашкова рѣшительно не могла уживаться съ фаворитами и дѣйствительной близости между нею и дворомъ не было. Теперь ее начало сильно занимать воспитаніе сына; горячая поклонница англійскихъ учрежденій и Англіи, она рѣшается ѣхать съ сыномъ въ Эдинбургъ. Къ тому же, она видитъ себя совершенно лишней въ Зимнемъ Дворцѣ.

Собираясь снова въ путь, она сосватала свою дочь за Щербинина. На дорогѣ въ деревню къ женихову брату, куда Дашкова ѣздила цѣлымъ обществомъ, чей-то слуга упалъ съ козелъ и трое саней проѣхали по немъ; онъ былъ оглушенъ и сильно ушибенъ; надобно было пустить кровь, но какъ? — у Дашковой есть съ собой портфель съ хирургическими инструментами, купленный въ Лондонѣ; она достаетъ ланцетъ, но никто не берется пустить кровь; больной остается безъ помощи, тогда Дашкова, побѣждая сильное чувство отвращенія, открываетъ ему жилу и, отлично сдѣлавъ операцію, чутъ не падаетъ сама въ обморокъ.

Въ Эдинбургѣ Дашкова является окруженной первыми знаменитостями, Робертсономъ, Блеромъ, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ. Она пишетъ длинныя письма къ Робертсону, излагаетъ ему подробно свой планъ воспитанія: она хочетъ, чтобъ ея сынъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ, окончилъ свое ученье въ два года съ половиной, и потомъ ѣхалъ на службу, сдѣлавъ путешествіе по всей Европѣ.

Робертсонъ полагаетъ, что ему нужно четыре года, Дашкова думаетъ, что это слишкомъ много. Для этого она подробно пишетъ, что сынъ ея уже знаетъ и что долженъ знать.

Языки: Латинскій. Начальныя трудности всѣ побѣждены.
Англійскій. *Князь* очень хорошо понимаетъ прозу и отчасти стихи.
Нѣмецкій. Понимаетъ совершенно все.
Французскій. Знаетъ какъ свой собственный языкъ.

Словесность: Онъ знаетъ лучшія классическія произ-

веденія, его вкусъ больше образованъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ его возрастъ. Онъ имѣетъ излишнюю наклонность къ критицизму, что, можетъ, составляетъ единственный недостатокъ его.

Математика: Весьма важная отрасль ученія. Онъ довольно успѣлъ въ разрѣшеніи сложныхъ задачъ, но я хочу, чтобъ онъ шелъ дальше въ алгебрѣ.

Гражданская и военная архитектура: Я хочу, чтобъ онъ подробно изучилъ ихъ.

Исторія и государствен. учрежденія: Онъ знаетъ всеобщую исторію и въ особенности исторію Германіи, Англіи и Франціи, но ему слѣдуетъ еще подробнѣе пройти исторію; онъ можетъ заниматься ею дома съ учителемъ.

Теперь вотъ что я желаю, чтобъ онъ изучилъ: 1. Логику и философію мышленія (ph. of reasoning). 2. Опытную физику. 3. Нѣсколько химіи. 4. Философію и натуральную исторію. 5. Естественное право, народное право, публичное и частное право въ приложеніи къ законодательству европейскихъ народовъ. 6. Этику. 7. Политику.

Эту обширную программу она дѣлитъ на пять семестровъ и потомъ, какъ всегда, исполняетъ ее въ точности. Сынъ ея въ 1779 году выдержалъ экзаменъ на магистра (Master of arts); говорятъ, она его замучила,

изъ него дѣйствительно ничего не вышло; къ тому же онъ и умеръ очень молодъ, но виновато ли въ этомъ ученье — мудрено сказать.

Послѣ экзамена Дашкова тотчасъ ѣдетъ въ Ирландію, царитъ въ дублинскомъ обществѣ, сочиняетъ церковную музыку, которую поютъ въ часовнѣ Магдалины при огромномъ стеченіи народа, „желавшаго, какъ она выражается, послушать, какъ сѣверные медвѣди конпонируютъ.“ Вѣроятно опытъ удался, потому что вслѣдъ за тѣмъ она хлопочетъ, съ Давидомъ Гарикомъ, объ исполненіи на сценѣ ея музыкальныхъ сочиненій и пишетъ длинную инструкцію своему сыну, въ родѣ наставленій Полонія, какъ ему слѣдуетъ путешествовать....

Изъ Англіи она отправляется въ Голландію; въ Гарлемѣ она пріѣзжаетъ къ знакомому доктору и тамъ встрѣчаетъ князя Орлова, уже женатаго и въ немилости. Въ тотъ же день Орловъ пришелъ къ ней и притомъ во время обѣда. Его посѣщеніе Дашковой „было столько же мало ожиданно, сколько мало пріятно.“

— Я пришелъ къ вамъ не какъ непріятель, а какъ другъ и союзникъ, сказалъ Орловъ, садясь на кресло. Затѣмъ молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на сына Дашковой и замѣтилъ: „Вашъ сынъ записанъ въ кирасиры, а я шефъ кавалергардскаго полка; если вы желаете, я попрошу императрицу перевести его въ мой полкъ, это ему дастъ повышеніе.“

Дашкова поблагодарила его за доброе намѣреніе, но сказала, что не можетъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что о его службѣ уже писала къ князю

Потемкину и не хочетъ безъ причины сдѣлать противъ него что либо.

— Что же тутъ непріятнаго для него? спросилъ князь, почувствовавшій жало; впрочемъ, какъ хотите, располагайте мной; вашъ сынъ сдѣлаетъ карьеру, трудно сыскать молодаго человѣка *красивѣе* его.

Дашкова вспыхнула отъ досады и разговоръ прекратился. Но при слѣдующей встрѣчѣ Орловъ, обращаясь прямо къ молодому Дашкову, сказалъ: „Какая жалость, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы пріѣдете; я увѣренъ, что вы замѣните теперичнаго фаворита при первомъ появленіи при дворѣ; я съ удовольствіемъ занялся бы моей теперичной должностію— утѣшать отставныхъ.“

Внѣ себя отъ негодованія Дашкова выслала сына и сказала Орлову, что она находитъ весьма неприличнымъ, что онъ такъ говоритъ съ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и такъ компрометируетъ императрицу, въ уваженіи къ которой она его воспитываетъ; что касается до фаворитовъ, Дашкова просила его вспомнить, что она никогда не знала и не признавала ни одного изъ нихъ.

Послѣ этого они разъѣхались. Орловъ отправился въ Швейцарію, Дашкова въ Парижъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ее осматривающую французскія крѣпости съ сыномъ и съ полковникомъ Самойловымъ по особому дозволенію маршала Бирона. Изъ Франціи она ѣдетъ въ Италію и тутъ совершенно погружается въ картины и статуи, занята камеями и антиками, покупаетъ для подарка императрицѣ картину Анжелики Кауфманъ, ѣздитъ къ папѣ, къ аббату Гальяни и наконецъ отправляется въ Россію черезъ Вѣну.

Въ Вѣнѣ у нея горячій споръ съ Кауницомъ. Кау-

ницъ, у котораго она обѣдала, назвалъ Петра I политическимъ творцомъ Россіи. Дашкова замѣтила ему, что это западный предразсудокъ. Кауницъ не сдался, Дашкова еще меньше. Она соглашалась, что Петръ сдѣлалъ чрезвычайно много для Россіи, но находила, что матеріалъ былъ готовъ и что рядомъ съ геніальнымъ употребленіемъ его онъ его безчеловѣчно гнулъ и ломалъ.

— Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ сношеніями съ другими народами, торговлей, не торопясь, достигнулъ бы того, до чего дошелъ насиліемъ и жестокостію. Дворянству и крѣпостнымъ стало хуже отъ его необузданной страсти къ нововведеніямъ; у однихъ онъ отнялъ охраняющій судъ (?), къ которому они только и могли прибѣгать въ случаѣ притѣсненій; у другихъ отнялъ всѣ привилегіи. И для чего все это? Для того, чтобъ расчистить дорогу военному деспотизму, т. е. самой худшей формѣ правленія изъ всѣхъ существующихъ. Изъ одного тщеславія онъ такъ торопился обстроить Петербургъ, что сгубилъ тысячи работниковъ въ болотахъ. Онъ не только обязывалъ помѣщиковъ ставить извѣстное число крестьянъ, но заставлялъ ихъ поневолѣ строить себѣ домы, по собственнымъ своимъ планамъ, не спрашивая ихъ, нужны они имъ или нѣтъ. Одно изъ главнѣйшихъ зданій — адмиралтейство и доки, стоившее очень много, поставлено на берегу рѣки, которую никакой трудъ человѣческій не сдѣлаетъ судоходной, не только для военныхъ кораблей, но и для купеческихъ.

— Однакожъ, замѣтилъ Кауницъ, все же нельзя безъ умиленія видѣть монарха, который самъ съ топоромъ въ рукѣ учится на корабельной верфи.

Неумолимая Дашкова и этого не пропустила. — „Ваше превосходительство, отвѣтила она, вѣрно шутите. Кто можетъ лучше васъ знать, какъ дорого время для монарха и есть ли ему досугъ заниматься какимъ нибудь мастерствомъ. Петръ I имѣлъ средства выписать не только корабельщиковъ, но и адмираловъ. Мнѣ кажется, что теряя время въ Саардамѣ, работая топоромъ и учась площаднымъ голландскимъ поговоркамъ и корабельнымъ терминамъ, которыми онъ исказилъ русскій языкъ, онъ просто забылъ свой долгъ".

Я предвижу, какъ возвеселятся православныя души московскихъ славянъ при чтеніи этого спора; они должны непремѣнно въ родительскую субботу помянуть блинами съ постнымъ масломъ нашу княгиню!

Іосифъ II былъ болѣнъ, онъ желалъ, чтобъ Дашкова осталась еще нѣсколько дней, но она получила приглашеніе для себя и для сына отъ Фридриха II присутствовать на его маневрахъ. Она видѣлась впрочемъ съ Іосифомъ II запросто въ кабинетѣ естественной исторіи.

Черезъ недѣлю Дашкова на маневрахъ, гдѣ Фридрихъ II учитъ 42,000 человѣкъ и куда онъ никогда не пускалъ женщинъ; но Дашкову особенно пригласилъ. Сама принцесса заѣзжала за ней, довезла до мѣста, гдѣ король хотѣлъ встрѣтиться съ княгиней и просила ее выйти изъ кареты, говоря; „Милая княгиня, король хочетъ съ вами здѣсь встрѣтиться, но такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть этого стараго ворчуна, то я поѣду дальше". И Дашкова остается въ *невинномъ* tête à tête съ Фридрихомъ II, который беретъ съ собой ее и сына на военную инспекцію провинцій.

Въ Іюлѣ 1782 года Дашкова возвратилась въ Петербургъ. Императрица назначила ее президентомъ Академіи наукъ. Дашкова сначала, кажется въ первый разъ

отроду, смѣшалась и хотѣла отказаться. Она написала рѣзкое письмо къ императрицѣ, и въ двѣнадцать часовъ ночи поѣхала съ нимъ къ Потемкину. Потемкинъ былъ уже въ постели, однако принялъ ее. Онъ прочиталъ письмо, изорвалъ его и бросилъ на полъ, но видя, что Дашкова сердится, сказалъ ей: „Тутъ есть перо и бумага, пишите, пожалуй, опять, но только все это вздоръ, зачѣмъ вы отказываетесь, императрица носится второй день съ этой мыслію. Въ этомъ званіи вы будете чаще видѣться съ ней; а дѣло то въ томъ, сказать по правдѣ, что она со скуки пропадаетъ постоянно окруженная дураками".

Краснорѣчіе Потемкина побѣдило Дашкову; она ѣдетъ въ Сенатъ присягать на новую должность, и съ той минуты становится президентомъ consommé. Она просила знаменитаго старца Эйлера ввести ее въ конференцъ залу Академіи; ей хотѣлось явиться подъ эгидой науки передъ академиками. Она представилась имъ не молча, какъ вообще русскіе президенты, а съ рѣчью — послѣ которой видя, что первое мѣсто возлѣ президента занято Штеелиномъ, она обернулась къ Эйлеру и сказала: „Сядьте, гдѣ вамъ угодно, каждое мѣсто занятое вами будетъ первое".

Потомъ она съ обычной дѣятельностью своей принимается за искорененіе злоупотребленій, т. е. кражъ; увеличиваетъ число воспитанниковъ, улучшаетъ типографію и наконецъ предлагаетъ императрицѣ основаніе русской академіи. Екатерина назначаетъ ее президентомъ и въ новой академіи. Дашкова опять произноситъ рѣчь. „Вамъ извѣстны, господа, говоритъ она между прочимъ, богатство и обиліе нашего языка. Переведенное на него мощное краснорѣчіе Цицерона, мѣрное величіе Виргилія, увлекательная прелесть Демосѳена и

легкой языкъ Овидія, не теряютъ ничего изъ своихъ красотъ.... но намъ не достаетъ точныхъ правилъ, предѣлы и значенія словъ не опредѣлены, въ нашъ языкъ взошло много иностранныхъ оборотовъ"; а потому она и предлагаетъ работать надъ грамматикой и надъ русскимъ академическимъ словаремъ. Она сама собирается дѣлить труды академиковъ и дѣйствительно принимается за словарь. Казалось императрица была довольна ею. Дѣятельность Дашковой въ это время поразительна. Она предпринимаетъ изданіе сцеціальныхъ географическихъ картъ разныхъ губерній, издаетъ періодическое обозрѣніе — „Любители русскаго слова", въ немъ участвуетъ сама императрица, фонъ Визинъ, Державинъ и пр.

Ея отношенія къ императрицѣ явнымъ образомъ лучше. Между ними снова завязывается переписка; переписка идетъ о издаваемомъ ими обозрѣніи, объ разныхъ литературныхъ предметахъ. Письма эти, имѣющія мало общаго интереса, чрезрычайно рѣзко показываютъ, насколько хорошій тонъ, образованность, человѣчность понизились въ Зимнемъ Дворцѣ. Екатерина не отдаетъ приказы, не командуетъ записками, не держится въ условныхъ формахъ, не боится шутки; она увѣрена въ себѣ и императрица часто уступаетъ умной женщинѣ. Прусско-гатчинскій тонъ. приведенный въ канцелярскую форму Николаемъ, замѣнилъ грубой безграмотностью мягкость образованнаго языка.

Все было бы хорошо, еслибъ только Дашкова могла ужиться съ фаворитами; она еще всѣхъ лучше ладила съ Потемкинымъ, можетъ, потому, что Потемкинъ былъ умнѣе ихъ всѣхъ; съ Ланскимъ, потомъ съ Мамоновымъ она была на ножахъ, Зубовъ ябедничалъ на нее и много вредилъ ей.

Лѣтомъ 1783 года, Дашкова была въ Финляндіи съ императрицей, имѣвшей тамъ свиданіе съ шведскимъ королемъ. Ланской присталъ къ Дашковой, почему въ вѣдомостяхъ, издававшихся при академіи, изъ лицъ бывшихъ при императрицѣ, упомянута она одна. Дашкова объяснила ему, что это вовсе не ея вина, что статьи о дворѣ присылаются готовыми и печатаются безъ измѣненія. Ланской продолжалъ дуться и ворчать, это надоѣло Дашковой. „Послушайте, сказала она ему, вы должны знать, что хотя для меня всегда честь и счастье обѣдать съ императрицей, но я право не могу этому до того дивиться, чтобъ печатать въ газетахъ. Я слишкомъ привыкла къ этому; ребенкомъ я обѣдывала на колѣняхъ у императрицы Елизаветы, дѣвочкой за ея столомъ. Для меня это слишкомъ натурально, чтобъ хвастаться“.

Ланской разгорячился, но Дашкова видя, что, зала начинаетъ наполняться, подняла голосъ и громко сказала: „Милостивый государь, люди, которыхъ вся жизнь была посвящена общественному благу, не всегда имѣютъ особенную силу и счастіе, но всегда въ правѣ требовать, чтобъ съ ними обращались безъ дерзости. Тихо продолжая свой путь, они переживаютъ всѣ эти метеоры одного дня, которые лопаются и пропадаютъ безслѣдно“.

Растворились двери и взошла императрица. Ея появленіе окончило разговоръ. Какъ же Ланскому было ее не ненавидѣть? Хорошо еще что онъ скоро умеръ.

Возвратившись изъ Финляндіи, Дашкова принимаетъ у себя своего друга, Мистрисъ Гамильтонъ; она везетъ ее съ собою въ новую деревню, тамъ она дѣлаетъ сельской праздникъ, встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солью переселенныхъ мужиковъ, представляетъ ихъ англичанкѣ и

объявляетъ имъ, что отселѣ новая деревня будетъ называться Гамильтоново. Послѣ этого она съ ней ѣздитъ по другимъ имѣньямъ, въ калужской, смоленской, кіевской и тамбовской губерніяхъ.

На слѣдующій годъ Дашкова была поражена семейнымъ несчастіемъ. Сынъ ея былъ въ арміи у Румянцова, мать была довольна, что его не было въ Петербургѣ. Подъ конецъ и Потемкинъ имѣлъ на него виды. Онъ прислалъ разъ за нимъ, поздно вечеромъ, Самойлова и Самойловъ намекалъ матери о ихъ проэктѣ. Дашкова отказывалась участвовать въ немъ и сказала, что если это случится, она воспользуется силой своего сына, чтобъ выхлопотать себѣ многолѣтній заграничный отпускъ. Поэтому-то она и была довольна, что сынъ ея уѣхалъ въ Кіевъ. Но въ Кіевѣ его ждала другая стрѣла любви, не сверху, а снизу.

Однажды, выходя изъ спальни императрицы, Дашкова встрѣтилась съ Ребиндеромъ; тотъ добродушно поздравилъ ее съ вступленіемъ ея сына въ законный бракъ. Дашкова остолбенѣла, Ребиндеръ смѣшался, онъ не имѣлъ понятія, что сынъ Дашковой обвѣнчался тайно. Она была обижена какъ мать и какъ гордая женщина; съ одной стороны mésalliance, съ другой недовѣріе. Ударъ сильно палъ на ея грудь, она занемогла.

Черезъ два мѣсяца сынъ написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ея дозволенія жениться; новый ударъ, ложь, робость, обманъ. Къ тому же онъ такъ мало зналъ нравъ своей матери, что вмѣстѣ съ своимъ письмомъ прислалъ письмо отъ фельдмаршала Румянцова, явнымъ образомъ написанное по его просьбѣ. Румянцевъ убѣждалъ Дашкову разрѣшить сыну бракъ, говорилъ о предразсудкахъ аристократическаго происхожденія и непрочности богатствъ и дошелъ, по словамъ

Дашковой, до такой нелѣпости, что, не имѣя по своимъ отношеніямъ никакого на то права, давалъ совѣтъ въ дѣлѣ такой важности между матерью и сыномъ.

Уязвленная съ двухъ сторонъ, Дашкова написала саркастическое письмо къ Румянцеву, въ которомъ объясняла ему:—„Что между разными глупостями, которыми полна ея голова, по счастію нѣтъ особенно преувеличеннаго уваженія къ аристократическому происхожденію; но что еслибъ она была одарена такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ какъ графъ, то употребила бы его на то, чтобъ показать превосходство хорошаго воспитанія надъ дурнымъ".

Къ сыну письмо ея поразительно просто, вотъ оно. „Когда твой отецъ вознамѣрился жениться на графинѣ Воронцовой, онъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Москву испросить позволеніе своей матери. Ты женатъ; я это знала прежде, да знаю и то, что моя свекровь не больше меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ."

Должно быть и послѣ этого объясненія, семейныя дѣла ее много огорчали. Ея дочь разсталась съ мужемъ. Миссъ Вильмотъ пропустила нѣсколько страницъ въ запискахъ, послѣ которыхъ Дашкова продолжаетъ такъ: „Все было черно въ будущемъ и въ настоящемъ.... я такъ изстрадалась, что иной разъ приходила мнѣ въ голову мысль о самоуничтоженіи".

И такъ демонъ семейныхъ непріятностей сломилъ и ее, такъ какъ сломилъ многихъ сильныхъ. Семейныя несчастія оттого такъ глубоко подтачиваютъ, что онѣ подкрадываются въ тиши и что борьба съ ними почти невозможна; въ нихъ побѣда бываетъ худшее. Онѣ вообще похожи на яды, о присутствіи которыхъ узнаешь тогда, когда болью обличается ихъ дѣйствіе т. е. когда человѣкъ уже отравленъ....

Между тѣмъ пришла и французская революція. Екатерина состарившаяся, изнесшаяся въ развратѣ, бросилась въ реакцію. Это ужъ не заговорщица 27 Іюня, говорившая Бецкому: „Я царствую по волѣ Божіей и по избранію народному“, не петербургскій кореспондентъ Вольтера, не переводчикъ Беккарія и Филанжери, разглагольствующій въ Наказѣ о вредѣ цензуры и о пользѣ собранія депутатовъ со всего царства русскаго. Въ 1792 г. мы въ ней находимъ старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла... и какъ бы въ залогъ того, что дикая реакція еще на долго побьетъ всѣ ростки вольнаго развитія на Руси, передъ ея смертью родился Николай; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этотъ страшный тормазъ, которому было назначено скомандовать „баста“ петровской эпохѣ и тридцать лѣтъ задерживать путь Россіи!

Дашкова, аристократка и поклонница англійскихъ учрежденій, не могла сочувствовать революціи; но еще менѣе могла она раздѣлять лихорадочную боязнь слова рукоплескать наказаніямъ за мысль.

Екатерина испугана брошюркой Радищева; она видитъ въ ней „набатъ революціи“. Радищевъ схваченъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Братъ Дашковой — Александръ Воронцовъ, любившій и покровительствовавшій Радищеву, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву.

Чередъ за Дашковой. Вдова Княжнина просила Дашкову издать въ пользу дѣтей его послѣднюю трагедію ея мужа на счетъ Академіи. Сюжетъ былъ взятъ изъ исторіи покоренія Новагорода. Княгиня велѣла ее напечатать. Фельдмаршалъ Салтыковъ, „котораго, говоритъ Дашкова, нельзя было обвинить, чтобъ онъ когда либо прочелъ какую нибудь книгу“, прочелъ именно

эту и натолковалъ Зубову о ея вредномъ направленіи, Зубовъ сказалъ императрицѣ. На другой день петербургскій полицмейстеръ пріѣхалъ въ библіотеку Академіи обирать экземпляры зажигательной трагедіи якобинца Княжнина: а вечеромъ самъ генералъ-прокуроръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой объявить о неудовольствіи императрицы за изданіе въ свѣтъ опасной пьэсы. Дашкова холодно отвѣчала ему, что вѣрно никто не читалъ эту трагедію и что она безъ сомнѣнія меньше вредна, чѣмъ французскія пьэсы, которыя даютъ въ Эрмитажѣ.

Эксъ-либеральная Екатерина встрѣтила Дашкову съ нахмуреннымъ челомъ. „Что я такое сдѣлала, спросила она ее, что вы *печатаете противъ* меня и моей власти такія опасныя книги".

— И ваше величество, въ самомъ дѣлѣ это думаетъ? спросила Дашкова.

— Трагедію эту слѣдовало бы сжечь рукою палача.

— Сожгутъ ли ее рукой палача или нѣтъ, это не касается до меня. Мнѣ отъ этого не придется краснѣть Но ради Бога, государыня, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на дѣйствіе столь противоположное вашему характеру, прочтите всю пьэсу.

На этомъ разговоръ и окончился. На другой день Дашкова явилась на большой выходъ и рѣшилась, если императрица не позоветъ ее, какъ это всегда бывало, въ свою уборную, — подать въ отставку. Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Самойловъ. Онъ съ видомъ покровительства подошелъ къ Дашковой и сказалъ ей, чтобъ она была покойна, что императрица не гнѣвается на нее.

Дашкова и этого не могла вынесть и отвѣчала ему по своему обыкновенію громкимъ голосомъ: — „Я не

имѣю причины безпокоиться, у меня совѣсть чиста. Мнѣ было бы очень прискорбно, еслибъ императрица сохранила несправедливое чувство ко мнѣ; но я не удивилась бы и тогда, въ мои лѣта несправедливости и несчастія давно перестали удивлять меня".

Императрица помирилась съ ней и хотѣла ей еще разъ объяснить, почему она такъ поступила. Дашкова вмѣсто отвѣта отвѣчала ей: „Между нами, государыня, пробѣжала сѣрая кошка, не будемте ее снова вызывать".

Но Петербургъ становится ей тяжелъ, онъ ей надоѣдаетъ, она „чувствуетъ себя совершенно одинокой въ этой средѣ, которая становится ей съ каждымъ днемъ противнѣе". Отвращеніе это было такъ велико, что Дашкова рѣшилась оставить дворъ, Петербургъ, свою публичную дѣятельность, свою Академію наукъ и россійскую Академію, наконецъ свою императрицу, и ѣхать хозяйничать въ деревню.

„Съ глубокой горестью думала я о томъ, что разстаюсь можетъ на всегда съ государыней, которую я любила страстно и любила гораздо прежде, нежели она была на тронѣ — когда *она* имѣла меньше средствъ осыпать меня благодѣяніями, нежели я находила случаевъ оказывать ей услуги. Я продолжала любить ее, не смотря на то, что она не всегда относительно меня поступала такъ, какъ бы ей подсказывало ея собственное сердце, ея собственная голова".

Только! — и ни слова досады, порицанія за совершенное отсутствіе сердца, за неблагодарность, она и тутъ даетъ почувствовать, что виновата не Екатерина, а *другіе*.

Прощаніе этихъ женщинъ было замѣчательно, императрица сказала ей сухо и съ злымъ лицомъ: „Желаю

вамъ счастливаго пути". Дашкова удивилась; не поняла ничего и вышла вонъ, поцаловалъ ея руку. На другой день утромъ пріѣхалъ къ ней Трощинскій, секретарь императрицы и отъ ея имени вручилъ ей незаплоченный счетъ портнаго, работавшиго на Щербинина. Императрица велѣла ей сказать, что она удивляется, какъ Дашкова можетъ ѣхать изъ Петербурга, не исполнивъ обѣщанія заплатить долги дочери. Зубовъ, ненавидѣвшій Дашкову и покровительствовавшій портному, довелъ эти дрязги до императрицы. Оказалось въ дополненіе, что счетъ былъ вовсе не Щербининой, а ея мужа, который жилъ съ нею врозь.

Дашкова, совершенно возмущенная этимъ унижепіемъ, твердо рѣшилась на вѣки оставить Петербургъ.

Но такія натуры не складываютъ рукъ въ пятдесятъ лѣтъ съ чѣмъ нибудь и въ полномъ обладаніи силъ. Дашкова дѣлается отличной хозяйкой, строитъ домы, чертитъ планы и разбиваетъ парки. Въ ея саду не было ни одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела мѣста. Она отстроила четыре дома и съ гордостью говоритъ, что мужики ея одни изъ богатѣйшихъ въ околодкѣ.

Середь этихъ сельскихъ заботъ и построекъ, вдругъ пріѣзжаетъ Серпуховскій предводитель, съ разстроеннымъ лицемъ. — Что съ вами? спрашиваетъ Дашкова — Развѣ вы не знаете? отвѣчаетъ предводитель, императрица скончалась.

Дочь Дашковой бросилась къ ней, думая, что ей дурно. — „Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся за меня, сказала Дашкова, мнѣ ничего, да и умереть въ эту минуту было бы счастіе. Судьба моя хуже, мнѣ назначено еще увидѣть всѣ благія начинанія уничтоженными и мое отечество надшимъ и несчастнымъ".

При этихъ словахъ у нея сдѣлались спазмы и она отдалась чувству глубокаго горя.

Дашкова не замедлила испытать на себѣ державную руку поврежденнаго сына Петра Ш. Сначала она получила указъ о своей отставкѣ; Дашкова просила генералъ-прокурора Самойлова засвидѣтельствовать ея благодарность государю за снятіе съ нея бремени, которое становится ей не подъ силу нести.

Спустя нѣсколько времени, Дашкова поѣхала въ Москву. Но къ ней тотчасъ явился московскій генералъ-губернаторъ, и объявилъ ей приказъ Павла немедленно ѣхать назадъ въ деревню и тамъ вспоминать 1762 г. Дашкова отвѣчала, — „что она никогда не забывала этотъ годъ, но что соображаясь съ волею государя она будетъ размышлять о времени, которое равно не оставило ей ни угрызеній совѣсти, ни раскаянія“.

Братъ ея Александръ, желая успокоить ее, говорилъ ей, что Павелъ все это дѣлаетъ теперь для возстановленія памяти своего отца, что послѣ коронаціи дѣла пойдутъ лучше. Дашкова пишетъ ему, пріѣхавъ въ Троицкое: „Любезнѣйшій братъ, вы пишете мнѣ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы очень ошибаетесь въ его характерѣ. Когда тиранъ разъ ударилъ свою жертву, то онъ будетъ повторять удары до тѣхъ поръ, пока сокрушитъ ее окончательно. Сознаніе невинности и чувство негодованія послужатъ мнѣ вмѣсто мужества, чтобъ перенести невзгоду, до тѣхъ поръ, пока и васъ мои родные не захватитъ его расходившаяся злоба. Въ одномъ будьте увѣрены, что никакія обстоятельства не заставятъ меня ничего ни сдѣлать, ни сказать, чтобы могло меня унизить“.

„Разсматривая мою прошлую жизнь, прибавляетъ она

— я не безъ внутренняго утѣшенія сознаю въ себѣ довольно твердости характера, испытаннаго многими несчастіями, чтобъ не быть увѣренной, что я снова найду силу перенести новыя бѣдствія".

Она вѣрно поняла характеръ этого добивающаго, горячечнаго, мелкаго тирана. Едва прошло нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда въ Троицкое, какъ явился изъ Москвы курьеръ отъ генералъ-губернатора. Павелъ приказывалъ Дашковой немедленно ѣхать въ деревню своего сына, въ какой-то дальній уѣздъ новгородской губерніи и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній.

Дашкова отвѣчала, что она готова исполнить волю государя и что ей совершенно безразлично, гдѣ она окончитъ свои дни, но что она совсѣмъ не знаетъ, ни этого имѣнья, ни дороги туда, что ей надобно выписать изъ Москвы или управляющаго ея сына или какого нибудь крестьянина изъ той деревни, знающаго проселочныя дороги.

Собравшись и доставши проводника, Дашкова поѣхала зимой, въ стужу и притомъ на долгихъ въ свою ссылку; окруженная архаровскими шпіонами, сопровождаемая добрымъ родственникомъ своимъ Лаптевымъ, котораго она не могла уговорить, чтобъ онъ не ѣздилъ и не подвергался бы страшнымъ гоненіямъ опьянѣвшаго самовластія.

Но какъ первое условіе помѣшательства состоитъ именно въ непослѣдовательности, то Дашкова тутъ ошиблась, и когда Павлу донесли о томъ, что Лаптевъ ее провожалъ, онъ сказалъ—„это не такая юбка, какъ наша молодежь, онъ умѣетъ носить штаны".

Обыкновенно подобнаго рода мимолетнымъ проблескамъ человѣческаго чувства у Павла и у другихъ даютъ гораздо больше цѣны, чѣмъ они заслуживаютъ.

Что сдѣлалъ бы Павелъ, еслибъ вся молодежь умѣла „носить штаны“, такъ какъ Лаптевъ — развѣ у него мало было Архаровыхъ, Аракчеевыхъ, Обольяниновыхъ, чтобъ ихъ пытать, ковать въ цѣни и ссылать. (Паленъ и Бенигсенъ показали ему впрочемъ, что „насить штаны“ можно еще лучше!)

Въ этихъ оправданіяхъ жертвъ лежитъ послѣднее довершающее оскорбленіе, ими злодѣи примиряются съ своей совѣстью. Потемкинъ разъ при Сегюрѣ ударилъ какого-то полковника и спохватившись сказалъ послу: „Какъ же съ ними иначе поступать, когда они все выносятъ“.

А какъ отвѣчалъ бы Потемкинъ на его пощечину или на вызовъ?...

Дашкова поселилась въ крестьянской избѣ; для дочери заняли другую и третью для кухни. Къ прочимъ неудобствамъ этой жизни въ захолустьѣ присоединилось то, что для сокращенія дороги, зимой ссыльныхъ въ Сибирь изъ Петербурга водили мимо оконъ Дашковой. Образъ одного молодаго офицера долго преслѣдовалъ ее; это былъ какой-то дальній родственникъ ея; узнавъ что Дашкова тутъ, онъ пожелалъ ее видѣть; какъ ни опасно было такое свиданіе, но она приняла его. Судорожное подергиваніе лица и болѣзненный видъ поразили Дашкову; это было слѣдствіе пытокъ, которыми были свихнуты и расчленены его члены. Что же сдѣлалъ этотъ преступникъ? — Онъ въ казармахъ что-то сказалъ о Павлѣ и на него донесли. — А вѣдь можетъ и онъ хорошо „носилъ штаны“ до тѣхъ поръ, пока не свихнули ему рукъ!

Передъ весеннимъ разливомъ рѣкъ, которыя на долгое время отрѣзали бы Дашкову отъ всякихъ сообщеній, она написала письмо къ императрицѣ Маріи Ѳе-

доровнѣ и вложила въ него просьбу о разрѣшеніи ей переѣхать въ Калужскую деревню. Тонъ письма ея къ Павлу не могъ ему понравиться; она говорила въ немъ, что можетъ столько же недостойно ей писать это письмо, сколько недостойно его читать, но что религія и человѣколюбіе ставятъ ей въ обязанность сдѣлать послѣдній опытъ, чтобъ избавить всѣхъ своихъ отъ тяжелой ссылки.

Павелъ по обыкновенію взбѣсился и велѣлъ отобрать у Дашковой бумагу и чернила, воспретить ей всякую переписку, усилить надзоръ и не знаю что еще. „Меня, говорилъ онъ, не такъ легко свергнуть съ престола“. Съ этимъ былъ отправленъ курьеръ. Но императрица и Нелидова подъучили великаго князя Михайла Павловича умилосердить разъяреннаго отца и маленькой фаня Амбургъ съ помощью жены и любовницы успѣли; Павелъ схватилъ перо и написалъ: „Княгиня Екатерина Романовна, такъ какъ вы желаете возвратиться въ ваше калужское имѣнье, то я вамъ оное разрѣшаю; пребываю къ вамъ благосклонный, Павелъ“.

Пришлось Архарову отправлять другого курьера, по счастію второй обогналъ перваго.

Въ 1798 году, Павелъ вдругъ полюбилъ князя Дашкова, осыпалъ всякими незаслуженными милостями и подарилъ ему имѣнье. Дашковъ просилъ Куракина доложить Павлу, что онъ желаетъ вмѣсто имѣнья разрѣшить его матери жить гдѣ она хочетъ. Павелъ разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобъ она никогда не оставалась въ томъ городѣ, гдѣ онъ.

Мать была прощена. Теперь пришла очередь сына. Судили какого-то Алтести за злоупотребленія, а главное за его близость съ Зубовымъ. Дашковъ сказалъ Лопу-

хину, что Алтести правъ. Вечеромъ онъ получилъ слѣдующую цидулку:

„Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ не касающіяся, то я васъ отставилъ отъ вами занимаемыхъ должностей.

Павелъ.“

Дашковъ, боясь худшаго, отправился въ свое тамбовское имѣнье.

Наконецъ 12 марта 1801 года жизнь Павла „пришла къ концу,“ какъ говоритъ Дашкова; она съ умиленіемъ и глубокой радостію узнала, что этотъ вредный человѣкъ пересталъ существовать. „Сколько разъ, продолжаетъ она, благодарила я небо за то, что Павелъ сослалъ меня, онъ меня спасъ этимъ отъ унизительной обязанности являться при дворѣ такого государя.“

При Александрѣ она снова свободно вздохнула.... при его дворѣ ей можно было явиться, не отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, но она уже себя не чувствуетъ дома въ новой сферѣ. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина посылала ей счетъ портнаго. Старуха Дашкова сердится на молодое поколѣніе, окружающее Александра, и находитъ, что всѣ они или *якобинцы* или капралы.

Одно свѣтлое явленіе останавливаетъ ее, и она съ почтительной любовью, съ благоговѣніемъ смотритъ на него и привязывается къ нему; грустное и никѣмъ не оцѣненное, это задумчивое существо печально прошло залами зимняго дворца и исчезло, какъ тѣнь; объ немъ забыли бы, еслибъ иной разъ мы не встрѣчали на стѣнахъ извѣстной картины 1815 года, представляющей императора Александра I съ императрицей *Елисаветой Алексѣевной* примирителями Европы.

Къ запискамъ Дашковой Миссъ Вильмотъ приложила

прекрасно сдѣланный портретъ Елисаветы Алексѣевны; несчастная женщина стоитъ сложивъ руки; грустно смотритъ она съ бумаги, внутренняя печаль и какое-то недоумѣніе видны въ глазахъ, вся фигура выражаетъ одну мысль: „я здѣсь чужая“; она даже какъ-то такъ подобрала платье и складки, какъ будто сейчасъ готова уйдти.

Какая странная судьба ея и Анны Павловны, жены цесаревича!

Послѣ коронаціи, Дашкова увидѣла, что ей нѣтъ въ самомъ дѣлѣ мѣста при новомъ дворѣ, и стала собираться на покой въ Троицкое. Въ своемъ почетномъ удаленіи она снова становится властью. Къ ней ѣздятъ родные и знакомые, потухающія знаменитости и восходящія свѣтила.

Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины;
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный;
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть у пристани и вновь пуститься въ путь.

Сама Дашкова часто наѣзжала въ Москву. Въ ней она пользовалась большимъ уваженіемъ, царила, какъ законодательница тона и вкуса; вѣчно дѣятельная и неутомимая, она являлась на балы и обѣды и притомъ всѣхъ раньше. Молодыя дамы и барышни трепетали ея суда и замѣчаній, мущины добивались чести быть ей представленными.

На другомъ краю Москвы, не далеко отъ Донскаго монастыря, въ дворцѣ, окруженномъ садами, доживалъ свой вѣкъ другой живой памятникъ екатерининскихъ временъ. Жилъ онъ угрюмо, сохраняя вопреки лѣтъ свое атлетическое сложеніе и дикую энергію своего характера. Онъ въ 1796 съ нахмуреннымъ челомъ, но безъ раскаянія пронесъ по всему Петербургу корону человѣка, имъ задушеннаго; сотни тысячъ человѣкъ указывали на него пальцемъ; его товарищъ, князь Барятинскій блѣднѣлъ и былъ близокъ къ обмороку; старикъ жаловался только на подагру.

Но суровая жизнь его не должна была пройти несогрѣтою. Возлѣ него подростала дѣвочка кроткая, нѣжная, необыкновенно граціозная и исполненная талантовъ. Ею надменный старикъ сталъ жить сердцемъ; онъ сдѣлался ея няней, холилъ ее, берегъ, ухаживалъ за нею и любилъ безмѣрно, какъ только могла бы ее любить покойная мать.

Сидя на своемъ диванѣ, онъ заставлялъ свою дочь плясать по цыгански и по русски, съ упоеньемъ и внутренней гордостью слѣдилъ за ея движеніями, утирая иногда слезу съ глазъ, которые сухо и жестокосердо видали столько ужасовъ.

Пришло наконецъ время старику вывести въ свѣтъ свое сокровище; но кому поручить ее, въ чье женское покровительство отдать этотъ береженый цвѣтокъ? Есть правда одна женщина, которой бы онъ повѣрилъ, которая могла бы съ своимъ необыкновеннымъ тактомъ направить ея первые шаги, — это княгиня Дашкова; но они въ ссорѣ. Она не простила ему, что сорокъ два года тому назадъ онъ запятналъ ея революцію.

И вотъ надменный Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Орловъ Чесменскій, котораго и Павелъ не сломилъ,

записываетъ милостиваго пріема у княгини Екатерины Романовны и, получивъ дозволеніе представить ей свою дочь, торопится съ радостію воспользоваться имъ и ѣдетъ къ ней съ своей Аннушкой.

Дашкова вышла къ нему на встрѣчу; кланяясь, цаловалъ старикъ у нея руку; оба были взволнованы, наконецъ Дашкова сказала ему: „Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами, графъ, и столько событій измѣнили міръ, въ которомъ мы нѣкогда жили, что мнѣ, право, кажется, что мы теперь встрѣчаемся тѣнями на томъ свѣтѣ. Присутствіе этого ангела (прибавила она, съ чувствомъ прижимая къ груди дочь своего бывшаго врага), вновь соединяющаго насъ, еще больше поддерживаетъ эту мысль.“

Орловъ въ восторгѣ цалуетъ руку у Миссъ Вильмотъ, которая его боится, не смотря на то, что называетъ его „величавымъ старцемъ,“ и съ удивленіемъ видитъ на его груди портретъ Екатерины, покрытый одними алмазами, гайдуковъ, стоящихъ въ передней, и съ ними карлу, шутовски одѣтаго.

Графъ зоветъ Дашкову къ себѣ и дѣлаетъ одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ пировъ, о которыхъ мы слыхали преданія въ дѣтствѣ, пировъ, напоминающихъ Версаль и Золотую Орду. Сады горятъ огнями, домъ настежь, толпы дворовыхъ въ богатыхъ маскарадныхъ костюмахъ наполняютъ залы, музыка гремитъ, столы ломятся; словомъ, пиръ горой. Ему есть кому теперь поручить свою дочь!

Въ разгарѣ пиршества отецъ ее зоветъ, дѣлается кругъ, и она пляшетъ, пляшетъ съ шалью и пляшетъ съ тамбуриномъ, пляшетъ по русски; старикъ бьетъ тактъ и смотритъ въ глаза Дашковой; старуха доволь-

на, толпа молчитъ, благоговѣя передъ чиномъ отца и передъ необычайной граціей дочери; „она танцовала, говоритъ Миссъ Вильмотъ, съ такой простотой, съ такой природной прелестью, съ такимъ достоинствомъ и выраженіемъ, что ея движенія казались ея языкомъ.“

Послѣ каждаго танца она бѣжитъ къ отцу и цалуетъ его руку, Дашкова ее хвалитъ, отецъ велитъ ей поцѣловать и у нея руку... но ему показалось, что она разгорячилась и онъ старательно самъ закутываетъ ее въ шаль, чтобъ она не простудилась.

За ужиномъ, при громѣ трубъ и литавръ, Графъ стоя пьетъ здоровье Дашковой; потомъ раздаются ея любимыя русскія пѣсни, смѣняемыя цѣлымъ оркестромъ. А тутъ грянулъ и польскій, и Орловъ ведетъ Дашкову въ залу, гдѣ звуки роговой музыки удивляютъ нашу ирландку, никогда не слыхавшую этого приложенія крѣпостнаго состоянія къ искусству.

Наконецъ, Дашкова собирается, и Графъ, кланяясь ей и цалуя руку, благодаритъ, что она посѣтила его бѣдный домишко.

Такъ-то праздновалъ Чесменскій Орловъ свое замиреніе съ старушкой Дашковой, и такъ-то этотъ суровый, жестокій человѣкъ любилъ свою дочь.

Я и самъ чуть не помирился съ нимъ вмѣстѣ съ княгиней Екатериной Романовой. Дики были времена, въ которыя они жили, дики и поступки его; петровская Русь еще была въ броженіи, не будемъ же его судить строже Дашковой, и если на томъ свѣтѣ много можетъ молитва родителей, то на этомъ отпустимъ Орлову многое за любовь его къ дочери.

А и ея судьба была странна. Я ее видѣлъ раза два мальчикомъ, потомъ видѣлъ въ 1841 году въ Новгородѣ; она жила возлѣ Юрьева монастыря. Вся жизнь ея

была однимъ долгимъ, печальнымъ покаяніемъ за преступленіе, не ею совершенное, одной молитвой объ отпущеніи грѣховъ отца, однимъ подвигомъ искупленія ихъ. Она не вынесла ужаса, который въ нее вселило убійство Петра III и сломилась подъ мыслью о вѣчной карѣ отца. Весь свой умъ, всю орловскую энергію она устремила къ одной цѣли, и мало по малу совершенно отдалась мрачному мистицизму и изувѣрству. Призванная по рожденію, по богатству, по талантамъ на одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, она прожила свой вѣкъ со скучными монахами, съ старыми архіереями, съ разными прокаженными, святошами, юродивыми. Говорятъ, что послѣ 1815 года, нѣмецкіе владѣтельные принцы искали ея руки, она всѣмъ отказывала; Александръ оказывалъ ей большое вниманіе, она удалилась отъ двора. Дворецъ ея больше и больше пустѣлъ и совсѣмъ замолкнулъ наконецъ; не раздавался уже въ немъ ни стукъ старинныхъ чашъ, ни хоры пѣсенниковъ, и никто не заботился больше о береженныхъ скакунахъ. Однѣ черныя фигуры бородатыхъ монаховъ мрачно ходили по аллеямъ сада и смотрѣли на фонтаны, точно все еще продолжались похороны Алексѣя Григорьевича—и, въ самомъ дѣлѣ, это была молитва объ успокоеніи его души.

Въ залѣ, гдѣ она кружилась и вилась цыганкой, въ отроческой чистотѣ, не понимая смысла знойныхъ движеній азіатскаго танца, гдѣ плавно и потупя взоръ, она плясала съ стыдливо поднятой рукой наши томныя, женственныя пляски и гдѣ плакалъ грозный отецъ, глядя на нее, тамъ теперь сидѣлъ Фотій, ограниченный фанатикъ, говорилъ безсвязныя рѣчи и вносилъ еще больше ужаса въ разбитую душу; дочь надменнаго чесменскаго графа смиренно слушала его зловѣщую рѣчь,

тщательно покрывая его ноги шалью, можетъ, той самой, въ которую ее завертывалъ отецъ!

„Анна. говорилъ Фотій, принеси мнѣ воды," и она бѣжала за водой; „теперь сядь и слушай."—Она садилась и слушала.—Бѣдная женщина!

Сады свои и дворецъ въ Москвѣ она подарила государю. Зачѣмъ? Не знаю. Необъятныя имѣнья, заводы, все пошло на украшеніе Юрьевскаго монастыря; туда перевезла она и гробъ своего отца; тамъ въ особомъ склепѣ теплится надъ нимъ вѣчная лампада, шепчется молитва, тамъ былъ приготовленъ и ея саркофагъ, еще пустой, когда я его видѣлъ. Въ ризахъ иконъ и въ архимандритскихъ шапкахъ печально мерцаютъ въ церковномъ полусвѣтѣ орловскія богатства, превращенныя въ яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотѣла закупить судъ божій.

А Екатерина обирала у монастырей имѣнья и раздавала ихъ Орловымъ и другимъ любовникамъ. Немезида!

... Записки Дашковой насъ оставляютъ около этого времени. Самыя подробности о ея свиданіи съ Орловымъ мы взяли изъ писемъ двухъ сестеръ Вильмотъ.

Миссъ Мери Вильмотъ, тоскуя о потери своего брата и скучая дома, приняла предложеніе княгини Дашковой погостить у нея годъ-другой. Миссъ Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница Мистрисъ Гамильтонъ) съ дѣтства наслышалась объ этой необыкновенной женщинѣ, о томъ, какъ она осьмнадцати лѣтъ стояла во главѣ заговора, какъ носилась на конѣ передъ возмутившимися полками, какъ потомъ жила въ Англіи и гостила въ Ирландіи, была президентомъ Академіи и писала страстныя письма къ Гамильтонъ. Молодая дѣвушка представляла себѣ ее чѣмъ-то

фантастическимъ, „феей и отчасти колдуньей," и именно потому рѣшилась (въ 1803 году) къ ней ѣхать.

Подъѣзжая къ Троицкому, ей, впрочемъ, сдѣлалось такъ жутко и не по себѣ, что она рада была бы воротиться, еслибъ это было возможно.

На встрѣчу ей вышла небольшаго роста старушка, въ длинномъ, темномъ, суконномъ платьѣ, со звѣздой на лѣвомъ боку и съ чѣмъ-то въ родѣ колпака на головѣ. На шеѣ у нея былъ старый затасканный платокъ, —разъ въ сырую погоду вечеромъ на прогулкѣ, за двадцать лѣтъ, Мистрисъ Гамильтонъ показала ей этотъ платокъ, съ тѣхъ поръ она его берегла, какъ святыню. Но если нарядъ ея дѣйствительно сбивался на колдунью, то благородныя черты лица и безконечно нѣжное выраженіе взгляда съ перваго раза очаровали ирландку. „Въ ея пріемѣ, говоритъ она, было столько истины, столько теплоты, достоинства и простоты, что я полюбила ее прежде, чѣмъ она сказала что нибудь."

Миссъ Мери, съ перваго дня, совершенно подъ ея вліяніемъ, сама удивляется этому, сердится на себя, но не можетъ противостоять влеченію къ славной старушкѣ. Ей все нравится въ ней, даже ея ломанный англійскій языкъ, придающій что-то дѣтское ея рѣчамъ. „Лѣта и жизнь, говоритъ она, успокоила и смягчили ея черты, и гордое выраженіе ихъ, еще оставившее легкіе слѣды, смѣнилось снисходительностью."

Но вѣдь какъ же и полюбила ее Дашкова! Она ее любитъ страстно, какъ нѣкогда Екатерину. Свѣжесть чувствъ, ихъ женская нѣжность, потребность любви и столько юности сердца въ шестьдесятъ лѣтъ изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы, вотъ что находитъ Миссъ Мери въ Троицкомъ; чтобъ ее разсѣять, Дашкова ѣдетъ въ Москву,

возитъ ее по баламъ, показываетъ монастыри, представляетъ императрицамъ, украшаетъ цвѣтами ея комнату, проводитъ вечера съ ней, читая письма Екатерины и другихъ знаменитостей.

Миссъ Вильмотъ проситъ ее, умоляетъ писать свои записки. — „И то — говоритъ Дашкова — чего я никогда не хотѣла сдѣлать ни для родныхъ, ни для друзей, я дѣлаю для нея.“

Она ей пишетъ и посвящаетъ свои записки.

Въ 1805, Дашкова выписала сестру Миссъ Мери, Миссъ Катринъ, которая была тогда во Франціи и должна была ее покинуть, преслѣдуемая въ качествѣ англичанки. Сестры нисколько не похожи другъ на друга. Мери, существо нѣжное, кроткое, обрадовавшееся, что есть къ кому прислониться, согрѣться подъ чьимъ-то крыломъ; она привязывается къ Дашковой, какъ слабый плющъ къ старому, но крѣпкому дереву; она ее называетъ my russian mother; она пріѣхала къ ней изъ маленькаго городишка и ничего не видала прежде, кромѣ своего „изумруднаго острова.“ Ея сестра, живая и вспыльчивая, независимая въ мнѣніяхъ, жившая въ Парижѣ, умная и насмѣшливая, безъ особенной любви и терпимости, развязнѣе на языкъ. Къ тому же ей положительно многое не нравится въ Россіи,—и потому ея письма исполнены для насъ своего рода интереса.

„Россія, говоритъ она, похожа на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку—дикую, неловкую, на которую надѣли парижскую модную шляпку. Мы живемъ здѣсь въ XIV или XV столѣтіи.“ *)

Крѣпостное состояніе поражаетъ ее гораздо больше,

*) Миссъ Вильмотъ думала сказать колкость и сдѣлала комплиментъ. Жаль только, что она не знаетъ возраста дикой дѣвочки!— Это не ея лѣточисленіе!

чѣмъ добродушную ея сестру. Напрасно Дашкова показываетъ ей благосостояніе своихъ крестьянъ. „Имъ хорошо, пишетъ Миссъ Катринъ, при княгинѣ, но каково будетъ послѣ?“ Каждый помѣщикъ кажется ей однимъ изъ желѣзныхъ колецъ, которыми скована Россія.

Въ жалкомъ подобострастіи, въ позорномъ раболѣпіи нашего общества она очень справедливо находитъ отраженіе рабства. Она съ изумленіемъ видитъ въ залахъ и гостинныхъ опять холоповъ безъ всякаго нравственнаго чувства собственнаго достоинства. Ее удивляютъ гости, которые не смѣютъ садиться и часы цѣлые стоятъ у дверей, переступая съ ноги на ногу, которымъ кивaютъ головой, чтобъ они ушли. „Понятіе добра и зла смѣшивается въ Россіи съ понятіемъ быть въ милости или въ немилости. Достоинство человѣка легко опредѣляется по адрессъ-календарю, и отъ государя зависитъ, чтобъ человѣка безусловно принимали за змѣю или за осла.“

Московскіе тузы не запугали ее млечнымъ путемъ своихъ звѣздъ, своей тяжеловатой важностью и скучными своими обѣдами.

„Мнѣ кажется, пишетъ она послѣ праздниковъ 1806 г., что я все это время носилась между тѣнями и духами екатерининскаго дворца. Москва—императорскій политическій Элизіумъ Россіи. Всѣ особы, бывшія въ силѣ и власти при Екатеринѣ и Павлѣ и давно замѣщенныя другими, удаляются въ роскошную праздность лѣниваго города, сохраняя *мнимую* значительность, которую имъ уступаютъ изъ учтивости. Вліяніе, сила давно перешли къ другому поколѣнію, тѣмъ не менѣе оберъ-камергеръ императрицы Екатерины II, князь Голицынъ все также обвѣшанъ регаліями и ор-

денами, подъ бременемъ которыхъ склоняются еще больше къ землѣ его девяносто лѣтъ отъ роду; все также, какъ во дворцѣ Екатерины, привязанъ брильянтовый ключъ къ его скелету, одѣтому въ шитый кафтанъ, и все также важно принимаетъ онъ знаки уваженія своихъ товарищей-тѣней, раздѣлявшихъ съ нимъ во время оно власть и почести.

„Рядомъ съ нимъ другой пестрый оборотень (goudy revenant) графъ Остерманъ, нѣкогда великій канцлеръ; на немъ висятъ ленты всевозможныхъ цвѣтовъ: красныя, голубыя, полосатыя; восемдесятъ три года скопились на его головѣ, а онъ все еще возитъ цугомъ свой стучащій кость объ кость остовъ, обѣдаетъ съ гайдуками за своимъ столомъ и наблюдаетъ торжественный этикетъ, которымъ былъ окруженъ, занимая свое мѣсто.“

Въ числѣ тѣней видала она и графа А. Орлова. „Рука, задушившая Петра III, осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выдается портретъ императрицы, Екатерина улыбается съ него въ своей вѣчной благодарности.“

Миссъ Вильмотъ называетъ еще Корсакова, котораго можно принять за „мерцающее привидѣніе изъ брильянтовъ,“ князя Барятинскаго и еще кой-кого изъ этихъ людей другого, прошедшаго міра, „откуда они захватили придворную болтовню о важныхъ ничтожностяхъ, надменность, тщеславіе, пустую суету, въ которой находятъ свое счастіе и свое горе.“

И она съ негодованіемъ заключаетъ: „А вѣдь раскрытый гробъ стоитъ у ихъ подгибающихся ногъ, грозя предать скорому забвенію ихъ мишурныя существованія.“

„Всѣ эти важные старцы окружены женами, дочеря-

ми, внучками, разряженными въ пухъ и сидящими въ раззолоченныхъ комнатахъ, патріархально заставляя плясать передъ собой своихъ горничныхъ и безпрестанно подчуя варенъемъ. Въ наружности ихъ есть что-то французское, къ тому же, воспитанныя француженками, онѣ хорошо говорятъ на этомъ языкѣ и одѣваются по послѣднимъ парижскимъ модамъ. Но въ сущности дамы эти очень мало любезны; ихъ образованіе совершенно внѣшнее, и милой легкости французскаго общества здѣсь вовсе нѣтъ. Когда московская дама оглядитъ васъ съ ногъ до головы, поцалуетъ васъ разъ пять-шесть, когда и двухъ разъ было бы, кажется, за глаза довольно, увѣритъ васъ въ своей вѣчной дружбѣ, скажетъ въ лицо, что вы прелестны и милы, распроситъ о цѣнѣ каждой вещи вашего наряда и поболтаетъ о предстоящемъ балѣ въ залѣ дворянскаго собранія, ей нечего больше сказать."

Обѣихъ сестеръ поражаетъ изъ рукъ вонъ пошлый обычай являться въ чужихъ брильянтахъ на балы. Притомъ всѣ знаютъ, чьи они; такъ какая-то княгиня Голицына давала своимъ пріятельницамъ брильянтовый поясъ и головной уборъ, необыкновенной цѣны и знакомый всему городу. Разъ она украсила ими племянницу Дашковой; молодая барышня совсѣмъ забыла, что и княгиня пріѣдетъ: неумолимая и строгая, она ненавидѣла, само собою разумѣется, эти выставки чужихъ богатствъ. Барышня такъ перепугалась, увидя Дашкову, что весь вечеръ пряталась. Но пришло роковое время ужина, озябнувшая Миссъ Мери надѣла шаль; эта мысль показалась ей спасительной и она взяла свою, чтобъ прикрыть рѣки алмазовъ отъ Дашковой. Усѣлись, Дашкова противъ, суповая чаша немножко спасала, но головной уборъ горитъ, какъ жаръ. Даш-

кова посмотрѣла. У бѣдной дѣвочки вышли пятны на лицо и навернулись слезы... Дашкова не сказала ни слова.

Миссъ Вильмотъ, во многомъ не согласныя въ оцѣнкѣ людей и фактовъ, тотчасъ соединяются, какъ только рѣчь идетъ о Дашковой. Ѣдкое перо Миссъ Катринъ теряетъ весь свой ядъ, говоря о княгинѣ. Въ началѣ статьи мы помѣтили ея характеристику Дашковой. Она въ ней оцѣнила всего меньше сторону женскую, нѣжную, для которой любовь была потребность. Эту сторону ея сердца гораздо лучше поняла Миссъ Мери, а все таки покинула ее.

Въ 1807 году уѣхала Миссъ Катринъ, Мери хотѣла ѣхать спустя нѣкоторое время. Ее остановило страшное событіе, поразившее Дашкову.

Дашкова, безмѣрно любя своего сына, никогда собственно не прощала его брака, никогда не хотѣла принять его жены; съ сыномъ, впрочемъ, она была въ перепискѣ, но не видалась съ нимъ. Сколько ни просили ее, и особенно Миссъ Вильмотъ, которой вліяніе было такъ безгранично,—обиженное сердце матери, которое не умѣли смягчить тотчасъ послѣ брака, не могло переломить себя и вполнѣ примириться. Въ 1807 году, лишь только Дашкова пріѣхала въ Москву, ея сынъ занемогъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Ударъ этотъ былъ страшенъ для старушки, онъ сократилъ ея жизнь; позднее раскаяніе налегло на нее всей неотвратимой тяжестью. Она послала за невѣсткой. И эти женщины, надѣлавшіе другъ другу столько вреда, никогда не видавшись, и ненавидѣвшія другъ друга, откровенно и безсмысленно, рыдая бросились въ объятія другъ друга, возлѣ гроба человѣка, котораго онѣ такъ любили, и помирились на вѣки.

Существованіе Дашковой было сломано. Одно утѣшеніе оставалось у нея, это ея дитя, ея подруга, ея ирландская дочь, но она собиралась домой.

Зачѣмъ ѣхала она, этого я не понимаю. Трудно удержаться отъ чувства досады, видя, какъ не нужно Миссъ Вильмотъ покидаетъ Дашкову для своихъ ирландскихъ родныхъ, которыхъ роль въ ея жизни чрезвычайно ограничена и съ которыми ей должно было быть очень скучно.

Дашкова, испуганная своимъ одиночествомъ, хочетъ ѣхать съ ней въ Ирландію, окончить существованіе, „которое не имѣетъ больше потомства и должно изсякнуть.“ Миссъ Вильмотъ уговариваетъ ее не ѣздить; обѣщаетъ ей пріѣхать опять; старухѣ тяжело. Миссъ Мери, щадя ее, уѣзжаетъ тайкомъ, но задержанная въ Петербургѣ отъѣздомъ корабля и невѣроятно глупыми мѣрами полиціи, принятыми противъ англичанъ, по поводу тогда объявленной войны, она рѣшается снова ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву; образъ старушки со слезами на глазахъ раздираетъ ей сердце, она пишетъ ей о своемъ намѣреніи.

Радости, благодарности Дашковой нѣтъ мѣры... но какъ же торжествовать ей эту новость? Она посылаетъ въ тюрьму выпустить пять человѣкъ, сидящихъ за долги, и поручаетъ имъ отслужить молебенъ.

Но горесть разлуки была только отдалена; упорная Миссъ Мери поставила на своемъ и все таки уѣхала. Удрученная горемъ Дашкова, простившись съ своимъ другомъ, легла въ постель. Ночью Миссъ Вильмотъ еще разъ тихо взошла въ ея спальню. Княгиня, проплакавшая цѣлый день, заснула, „выраженіе ея лица было дѣтски спокойно; я тихо поцѣловала ее и удалилась.“ Онѣ не видались больше.

Полная пустота, въ которой изрѣдка мелькали эти скучныя „тѣни,“ покрытыя звѣздами и пудрой, все больше и больше дряхлѣвшія, окружила послѣдніе дни нашей княгини. Ея мысли обращены къ молодой дѣвушкѣ съ грустью и мечтательной нѣжностью, отъ которой становится больно и тяжело; какъ-то ясно чувствуется, что этой грусти не будетъ больше утѣшенія.

„Что я скажу вамъ, my beloved child, пишетъ она 25 октября 1809 года, чтобы не огорчило васъ. Я печальна, очень печальна, слезы текутъ изъ глазъ моихъ и я никакъ не могу привыкнуть къ нашей разлукѣ. Я построила нѣсколько мостовъ, насажала нѣсколько сотъ деревьевъ, говорятъ, что удачно; меня все это разсѣваетъ на минуту, но горесть моя снова возвращается.“

Октября 29 она пишетъ: „И какъ все перемѣнилось послѣ васъ въ Троицкомъ. Театръ закрытъ, не было ни одного представленія, фортепьяны молчатъ и даже горничныя не поютъ. Но зачѣмъ я говорю это вамъ, вы окружены родными, счастливы, довольны...“

Она пишетъ ей еще нѣсколько строкъ 6 ноября и оканчиваетъ свое письмо англійскимъ God bless you!

Знала ли Мери, что благословеніе это было сдѣлано умирающей рукой? Меньше нежели черезъ два мѣсяца, а именно, 4 января 1810, *не стало* княгини Екатерины Романовны.

Пять лѣтъ до своей смерти, 27 октября 1805 года, она такъ заключила свои записки: „Съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями, мнѣ пришлось вынести много бѣдствій; я сломилась бы подъ ними, еслибъ моя совѣсть не была чиста... Теперь я гляжу безъ страха и безпокойства на приближающееся разрушеніе мое.“

Какая женщина! Какое сильное и богатое существованіе!

СМЕРТЬ СТАНИСЛАВА ВОРЦЕЛЯ.*)

Третьяго Февраля 1857 г., въ небольшой улицѣ недалеко отъ Россель Сквера, въ бѣдной, крошечной комнатѣ нижняго этажа угасла тихо и едва замѣтно святая и великая жизнь.

Мало политическихъ именъ всплыли послѣ бурь и потрясеній послѣдняго десятилѣтія съ такой чистотою и окруженные такимъ уваженіемъ, какъ имя Ворцеля. Польша считаетъ мученикомъ больше. Она должна съ нами подѣлиться своими Чети-минеями, они намъ нужны для примѣра и поученія сыновей нашихъ.

Да, Ворцель былъ *святой* человѣкъ, я избираю именно это слово, потому что оно ближе всѣхъ выражаетъ главный характеръ его. Вся жизнь его была однимъ подвигомъ безпредѣльнаго самоотверженія, безграничной преданности. Все, что насъ поражаетъ въ жизни святыхъ, мы встрѣчаемъ въ немъ, только человѣчественнѣе, т. е. съ большей любовью.

Родившись въ роскоши и блескѣ высшей польской аристократіи, онъ умеръ въ крайности и демократомъ. Выходя изъ своего отечества, когда оно сломилось подъ желѣзной лапой Николая, онъ на порогѣ его стряхнулъ свои титла и пошелъ на чужбину, оставивъ казнѣ все достояніе свое. О послѣднемъ упоминаю мимо-

*) *Пол. Зв.* Т. III стр. 388.

ходомъ, потому что нѣтъ въ мірѣ народа, который бы легче славянъ терялъ богатства свои, поляки, кажется, довольно это доказали. Ворцель не для того оставилъ Польшу, чтобъ искать спокойной гавани и сложить руки, какъ тѣ римляне первыхъ вѣковъ, которые, отказываясь отъ мірскихъ благъ, удалялись куда нибудь въ ѳиваидскія степи, только чтобъ не видать разрушающагося міра и изъ своего farniente дѣлали религію отчаянія. На чужбинѣ-то именно и начался его неусыпный, продолжительный трудъ образованія и развитія демократической партіи польской эмиграціи.

Среди лишеній, несчастій, болѣзней, оставленный своей семьей, женой, дѣтьми, Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лѣтъ къ ряду до послѣдняго дня своей жизни съ той свѣтлой ясностью, съ тѣмъ кроткимъ самоотверженіемъ, которое даетъ успокоившаяся вѣра и незыблемая надежда.

Слышалъ ли кто нибудь отъ Ворцеля какую нибудь жалобу, лично до него касающуюся? Онъ иногда былъ печальнѣе обыкновеннаго, вотъ и все. Былъ ли кто нибудь свидѣтелемъ, часто видаясь съ нимъ, одной изъ тѣхъ минутъ горечи, гдѣ негодованіе заглушаетъ вѣрованія и слова холоднаго сомнѣнія срываются съ устъ, слова, которыми человѣкъ мститъ за свои страданія? Я не былъ, а зналъ его довольно коротко.

Это была одна изъ тѣхъ цѣльныхъ, я скажу фанатическихъ натуръ, проникнутыхъ одной великой мыслью, имѣющихъ одну великую цѣль, и равно дошедшихъ до великой сердечной кротости и до совершенно непреклонной воли. Такихъ людей мы часто встрѣчаемъ напр. во времена Возрожденія и Реформаціи. У нихъ нѣтъ возврата, нѣтъ устали, они уже разъ съ *главнымъ* покончили, до *остальнаго* имъ дѣла нѣтъ, они уже все

отдали, все принесли на жертву, осталось идти, осталось выполнять, „ora e sempre!“ По дорогѣ нищета, одиночество, измѣны, плачъ слабыхъ, крикъ отсталыхъ, смерть близкихъ, цѣпи, висѣлица, — не сворачивать же за этимъ съ дороги? Тотъ же спокойный, строгій, постоянный шагъ.

—Таковъ былъ Ворцель и таковъ ближайшій другъ его, человѣкъ, котораго онъ страстно любилъ — Іосифъ Маццини.

Неизмѣнный стражъ Польши, онъ всегда былъ готовъ, всегда на своемъ постѣ. Ледрю-Ролленъ напомнилъ, въ своей рѣчи на могилѣ Ворцеля, трогательныя слова его, которыя за день или за два до своей смерти, онъ, не имѣя силъ сказать, написалъ умирающей рукой: „Я выстоялъ мой чередъ, какъ слѣдуетъ человѣку, я донесъ мой крестъ, пусть другой меня смѣнитъ“.

При этихъ словахъ Ледрю-Роллена мнѣ вспомнилось другое время. Нѣсколько дней послѣ февральской революціи, Ламартинъ, въ родѣ тѣхъ дикихъ, которые ложатся въ постель вмѣсто родильницы, принималъ поздравленія съ рожденіемъ республики. Въ числѣ депутацій была кучка посѣдѣлыхъ бойцовъ, съ печальной отвагой на лицѣ; вожатый ихъ сказалъ Ламартину т. е. не Ламартину, а Французской Республикѣ: „На всякой перекличкѣ народовъ въ годину боя, на всякой призывъ къ оружію за свободу, Польша отвѣчаетъ; *Здѣсь!* Она готова по первому зову идти на помощь народамъ утѣсненнымъ, она видитъ въ каждомъ освобожденіи — освобожденіе Польши“. И въ этихъ словахъ Ворцеля (если не ошибаюсь) звучало что-то печальное, невольно сбивавшееся на упрекъ забытаго, оставленнаго союзника. Неизмѣнный стражъ, онъ и послѣ былъ на лицо,

но заснувшіе народы не звали его, и тяжелое колесо самовластья проѣхало по его костямъ.

Да, чуденъ былъ удѣлъ польскихъ выходцевъ, мраченъ и исполненъ поэзіи. „Задавленные силой, преданные западными правительствами, поляки (какъ я писалъ нѣкогда), сражаясь на каждомъ шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли съ собой свою родину и не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцевъ. Народы выходили на встрѣчу; цари сторонились, чтобъ дать имъ пройти. Европа тридцатыхъ годовъ проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать, будто какое-то угрызеніе совѣсти набѣжало на ея душу. Благородный образъ польскаго выходца, этого крестоваго рыцаря свободы, сильно врѣзался въ народную память, онъ искупалъ вѣкъ молодушный и холодный".

Съ тѣхъ поръ и это перемѣнилось. Напрасно Польша внѣ родины откликалась во всѣ грозные дни борьбы и опасности, напрасно въ первыхъ рядахъ каждаго боя за волю, стоялъ, мечтая о своей родинѣ, бѣлокурый сынъ Польши и самоотверженно лилъ свою кровь! Польша была забыта. Несчастіе, продолжающееся слишкомъ долго, изнашиваетъ сочувствіе.

Но... пусть кроткая тѣнь нашего усопшаго друга низведетъ миръ и покой на нашу душу.

Будемъ же говорить объ немъ.

Въ концѣ 1852 года, возвращаясь изъ Италіи, я встрѣтилъ Ворцеля въ Лондонѣ. Время было печальное, со всѣхъ сторонъ обложило черными тучами. Весь европейскій материкъ былъ быстро увлекаемъ какой-то неистовой силой въ то старческое варварство, въ ко-

торомъ онъ теперь находится. Дикая, грубая реакція торжествовала вездѣ. Я старался оторваться отъ печальнаго зрѣлища этой агоніи, заря новаго утра мнѣ виднѣлась съ *другой стороны* и я сосредоточилъ всѣ мои силы на образованіе центра русской пропаганды въ Лондонѣ. Я сообщилъ Ворцелю мою мысль. Надобно было видѣть радость, участіе, дружбу, съ которыми онъ меня слушалъ — и онъ, представитель польской демократіи, помогалъ мнѣ самымъ дѣятельнымъ образомъ въ учрежденіи трибуны для вольнаго русскаго слова. Добрый и прекрасный другъ! Я какъ теперь вижу его, съ изнуреннымъ лицомъ и сѣдыми волосами, съ голосомъ сломаннымъ болѣзнію, но съ взглядомъ, въ которомъ горѣли умъ и энергія, когда онъ, держа въ своихъ рукахъ первый отпечатанный по русски въ Лондонѣ листъ, говорилъ мнѣ: „Боже мой, Боже мой, русская свободная типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ минутъ послѣдняго времени стираетъ этотъ клочекъ бумаги, замаранный голландской сажей!“. Потомъ онъ сжалъ мнѣ обѣ руки и повторилъ:—„Да, мы должны идти вмѣстѣ, у насъ одна цѣль и тѣже враги!“

Русская типографія сначала была соединена съ типографіей польскаго демократическаго общества; Ворцель предложилъ мнѣ всѣ свои средства, чтобъ первые летучіе листы и брошюры дошли черезъ Польшу въ Россію.

Demokrata Polski, объявляя объ открытіи русской типографіи и печатая переводы моихъ статей, помѣстилъ братское воззваніе къ русскимъ, протягивая имъ на миръ и забвеніе свою обиженную руку. Тогда-то знаменитый историкъ Мишле написалъ мнѣ: „Какая же ненависть имѣетъ право продолжаться, когда поляки соединяются съ русскими?“

Во время войны, ненависть и страхъ снова усилили враждебное расположеніе къ намъ. Ограниченные и печальные безумцы мстили за свою боязнь, нарочно смѣшивая каждаго русскаго, хотя бы онъ былъ Пестель или Муравьевъ съ оффиціальной Россіей. Ворцель, котораго война не ослѣпила ни на минуту, возсталъ съ негодованіемъ противъ этой систематической клеветы. Сначала онъ защитилъ публично Бакунина (котораго и до сихъ поръ *милосердый* императоръ держитъ въ крѣпости), потомъ и меня, когда пришелъ мой чередъ пройти подъ этими душами грязи.

Замѣчательно, что такой животной ненависти къ русскимъ почти совсѣмъ нѣтъ у поляковъ, которые одни въ свѣтѣ въ правѣ насъ ненавидѣть. Поляки не требуютъ отъ насъ какъ доказательствъ цивизма, чтобъ мы измѣнили отечеству, и въ подтвержденіе нашей искренности, чтобъ мы позорили нашъ народъ. Какъ только русскій подходитъ къ полякамъ съ сердцемъ облпвающимся кровью за всѣ ужасы, надѣланные русскимъ правительствомъ, краснѣя нашихъ общихъ цѣпей, поляки его принимаютъ какъ брата. Бакунинъ испыталъ это, какъ многіе другіе, какъ я самъ. „Мы васъ любимъ, сказалъ мнѣ разъ Ворцель, говоря объ этомъ, именно потому, что вы любите вашу родину; иначе вы не были бы съ нами, а были бы равнодушный человѣкъ, оставившій свою родину для собственнаго удовольствія“.*)

За то, прежде, чѣмъ Ворцель закрылъ на вѣки глаза, онъ еще видѣлъ съ большею радостью успѣхъ русской пропаганды, ея распространеніе, матеріалы, которые получались изъ Россіи, требованіе книгъ и наши

*) Ворцель въ этомъ смыслѣ помѣстилъ двѣ статьи въ La Nation Belge, въ Ноябрѣ 1853 года.

отправки. Онъ говорилъ со мной обо всемъ объ этомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, недѣль за пять до кончины.

Подробности его біографіи я переведу впослѣдствіи изъ брошюры, которую хотятъ издать его польскіе друзья; здѣсь я прибавлю только нѣсколько строкъ общей характеристики этого замѣчательнаго человѣка.

Ворцель былъ человѣкъ по преимуществу религіозный. Тотъ мистическій складъ, который мы видимъ почти у всѣхъ польскихъ поэтовъ, имѣлъ глубокіе корни въ душѣ Ворцеля, не смущая впрочемъ нисколько его свѣтлаго ума. Это былъ умъ діалектическій, чрезвычайно тонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистый. Одаренный въ высшей степени способностью отвлеченнаго мышленія, онъ естественно сдѣлался глубокимъ математикомъ. Но съ своимъ живымъ и удободвижимымъ умомъ, онъ не могъ ограничиться астрономіей и механикой, а послѣдовательно изучилъ всѣ естественныя науки. Его знанія были изумительны. Онъ занимался всѣмъ, интересовался всѣмъ, помнилъ все. Онъ свободно и изящно говорилъ по французски, англійски и нѣмецки, основательно зналъ древнія и новыя литературы. Я иногда прибѣгалъ къ нему какъ къ энциклопедіи и всегда тотчасъ получалъ отвѣтъ; добросовѣстный во всемъ, онъ иногда на другой день присылалъ мнѣ записку, если ошибался въ чемъ нибудь. Эта масса знаній съ радужнымъ хроматизмомъ, который ей придавалъ его мистическій элементъ и составляла особенную прелесть его возрѣнія и его рѣчей.

Но все это, наука и мистицизмъ, исторія и математика, все это было у Ворцеля на второмъ планѣ. Религія его — постоянная мысль всей его жизни — была *религія Польши*. Все остальное было для него отдыхъ, разсѣяніе. Отдавши все на жертву — семью, богатство,

цѣлую жизнь — своему дѣлу, онъ хотѣлъ даже самой смертью своей быть полезенъ Польшѣ. Чувствуя приближеніе своего конца, онъ послалъ за Маццини и за двумя-тремя друзьями. Слабый, истощенный, задыхающійся, онъ лежалъ на своемъ маленькомъ диванѣ и не могъ говорить. Нѣсколько оправившись, онъ сдѣлалъ знакъ Маццини, чтобъ тотъ приблизился; его исхудалые, измученные черты приняли торжественно строгое выраженіе и онъ потухшимъ голосомъ, перерываясь для тяжелаго дыханія, требовалъ отъ Маццини священнаго обѣта, чтобъ Польша не была забыта при пробужденіи народовъ. Это было грозное „Клянитесь!“*), произнесенное на краю гроба духомъ народа, пожертвованнаго другими народами. Маццини взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ и прочелъ ихъ больному. Подавленный чувствами, старикъ не могъ произнести ни слова... черты его преобразились, глаза еще разъ освѣтились выраженіемъ счастія, ими и нѣмой улыбкой на устахъ благодарилъ умирающій своего друга, ему казалось было легче оставить теперь свой постъ.

Недѣлю спустя Маццини, говоря со мной объ этомъ, былъ еще сильно потрясенъ и весь подъ вліяніемъ этого благодарящаго взора, въ которомъ чудно встрѣтились вдохновенная надежда и смерть. Я вспомнилъ Доминикиново причащеніе св. Іеронима передъ смертью, на ватиканскихъ стѣнахъ, тоже выраженіе, тоже лице и таже вѣра идущая за гробъ, восторженная и преданная!

Девятаго Февраля, выходцы всѣхъ странъ..... послѣдніе обломки всѣхъ кораблекрушеній безъ различія партій и странъ, безъ зова собрались передъ убогой квар-

*) „Swear!“ Гамлетова отца.

тирой покойника. Ничего не было приготовлено, все сдѣлалось само собой, англичанинъ принялъ на себя расходъ, итальянцы явились съ музыкой, русскіе помогли полякамъ донести гробъ до могилы, куда его проводило обвитое крепомъ знамя Италіи и красное знамя будущей Республики. Каждое слово, сказанное Ледрю-Ролленомъ на могилѣ, было словомъ примиренія и кротости. День былъ весенній, солнце, такъ рѣдко свѣтящее на лондонскія улицы, придавало что-то торжественное этому пиру смерти. И вдругъ на насъ повѣяло какимъ-то духомъ мира и согласія. Откуда-то взявшаяся надежда посѣтила разомъ сердца многихъ и многіе спросили сами себя: „Отчего разъединеннымъ членамъ великой семьи несчастья и изгнанья не остаться также соединенными на общее дѣло, какъ они теперь соединены около могилы одного изъ своихъ?“

И этотъ слабый свѣтъ примиренія сошелъ въ утѣшеніе намъ среди мрака и потерь, въ которыхъ мы живемъ—отъ гроба святаго мученика!

О еслибъ это было возможно—какой памятникъ ære perennius воздвигся бы Ворцелю!

10 Февраля 1857.

APHORISMATA*)

По поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова

Сочиненіе Прозектора и Адъюнктъ-Профессора

ТИТА ЛЕВІАѲАНСКАГО

Милостивый Государь и Господинъ Редакторъ (имени и отчества, извините, не знаю).

Въ заграничной періодикѣ, издаваемой вами, я съ удовольствіемъ прочиталъ введеніе въ Психіатрію добрѣйшаго наставника и товарища моего д-ра Крупова. Я Семена Ивановича зналъ лично, любилъ, уважалъ и, могу сказать, отдалъ ему послѣдній дружескій долгъ, т. е. вскрылъ послѣ кончины его тѣло и обнаружилъ хроническую болѣзнь въ печени, которой онъ и не предполагалъ, но которая свела его въ могилу.

Увлекательная теорія покойнаго, во время ея появленія, сильно подѣйствовала на меня. Я долгое время былъ подъ ея вліяніемъ и самъ вездѣ на практикѣ, въ житейскихъ отношеніяхъ и въ книгѣ пріискивалъ новые факты и свидѣтельства въ подтвержденіе главныхъ положеній ея. Такъ напр. я въ одномъ англійскомъ авторѣ, Биронѣ, нашелъ замѣчательную по вѣрности мысль, что „еслибъ изъ Бедлама выпустить больныхъ, а здоровыхъ внѣ Бедлама находящихся запереть, то значительной перемѣны не было бы замѣтно“ (Vid. Don Juan, Can. XIV, v. 87). Другой англійскій писатель, Вильямъ Шекспиръ (читанный мною въ переводѣ одного изъ моихъ сотоварищей Н. Хр. Кетчера), намекнулъ на это, говоря, что „сумасшедшаго датскаго принца затѣмъ и посылаютъ въ Ан-

*) *Пол. Зв.*, томъ VIII, стр. 130.

См. „Докторъ Круповъ“ Т. III, стр. 327 настоящ. изданія. Изд.

глію, чтобъ его состояніе не было замѣтно въ странѣ, гдѣ всѣ поврежденные.“ Не удивительно, что именно на этомъ островѣ и выразился первый свободный, энергическій протестъ одного лично поврежденнаго, который, содержась въ больницѣ, сказалъ врачу: „Весь свѣтъ меня считаетъ поврежденнымъ, а я весь свѣтъ считаю такимъ же. Бѣда моя въ томъ, что *большинство* со стороны всего свѣта.“

Но не буду наполнять моего письма цитатами; скажу напротивъ, что впослѣдствіи во мнѣ возникли нѣкоторыя сомнѣнія, не въ главномъ положеніи д-ра Крупова, однако же въ вещахъ очень важныхъ.

Лѣтами гораздо постарѣе меня, С. И. принадлежалъ еще къ слушателямъ знаменитаго профессора М. Я. Мудрова, въ силу чего и получилъ нѣсколько религіозно-мистическое и отчасти франкъ-массонское направленіе.

Я же, какъ студентъ Дядковскаго и М. Г. Павлова, ими былъ наведенъ на направленіе болѣе философское. Наведенъ, но не удовлетворенъ, а оставленъ на собственныя силы.

Нѣкоторыя возраженія я тогда помѣтилъ и для большей доступности написалъ ихъ по латынѣ. Но не только не далъ имъ никакого развитія, но даже не привелъ въ систематическій порядокъ.

По обязанностямъ моего служенія, я посвящаю время свое людямъ, уже кончившимъ свою жизнь и, такъ какъ долгъ относительно ихъ, и мой интересъ, собственно начинаются съ полицейскаго удостовѣренія о приключившейся кончинѣ, то и не трудно понять, что имѣя большую практику, какъ отъ университетской больницы, такъ и отъ военнаго госпиталя, поставляющаго намъ въ обиліи трупы, я занимался психіатрическими возраженіями, въ феріахъ и каникулахъ, не какъ моимъ спеціальнымъ дѣломъ, но скорѣе отдохновительнымъ exiга.

Впослѣдствіи, при возрастающихъ занятіяхъ, благодаря акклиматизаціи холеры и укорененію простаго и возвратнаго тифа, я забылъ о моей тетради, какъ вдругъ одинъ изъ коллеговъ, ѣздившій въ Германію, привезъ съ собой нумеръ издаваемой вами періодики (имя его, по причинамъ, понятнымъ вамъ, я считаю долгомъ, до поступленія его въ прозекторскую, умолчать) — въ немъ я нашелъ сочиненіе учителя и наставника моего, д-ра Крупова, вульгаризированнымъ на французскій языкъ. Невольно вспомнилъ я тетрадку свою, перечиталъ ее, исправилъ, мѣстами переблѣлилъ и, пользуясь отправленіемъ за границу нашего добрѣйшаго Киліана Вильгельмовича, профессора теологической Екзегезы и автора извѣстнаго сочиненія объ отношеніи богословія къ анатоміи и христіанства

къ терапіи — рѣшился послать вамъ. Если вы не найдете ничего неприличнаго въ помѣщеніи сего слабаго, но искренняго опыта, мое уваженіе къ памяти Семена Ивановича, не допустило-бы меня ни въ какомъ случаѣ до выраженій, лишенныхъ урбанности), то сочту это для себя одолженіемъ, ибо въ отечествѣ нашемъ послѣ уничтоженія цензуры и увеличенія отвѣтственности, не полагаю, чтобъ это сочиненіе было къ печати допущено; особенно при нынѣшнемъ теократическомъ направленіи полиціи и администраціи и полицейской тенденціи православныхъ служителей алтаря.

Пожелаете ли перевести или напечатать по латынѣ мои *афоризмата*, это совершенно зависитъ отъ васъ. Полагаю, латинскій языкъ популярнѣе.

Позвольте, М. Г., г. Редакторъ,
засвидѣтельствовать о чувствахъ
глубокоуваженія, съ которыми
пребываю
Титъ Левіаѳанскій
Prosector et anatomiae professor adj.

P. S. Адреса не пишу, такъ какъ отвѣта по почтѣ получить не желаю, по обстоятельствамъ, моего уваженія къ вамъ не уменьшающимъ...

T. L. pr.

.....Левіаѳанскій, Левіаѳанскій, да еще Титъ! Я думалъ, что съ Титомъ Каменецкимъ, издавшимъ тридцать тисненій всеобщей, пространной и краткой географіи, Титы въ Россіи кончились. Вѣрно псевдонимъ тоже „по обстоятельствамъ, не уменьшающимъ уваженіе.“ Что касается до фамиліи — семинарія за такими бездѣлицами не останавливается — развѣ нѣтъ у насъ разныхъ Крестовоздвиженскихъ, Федоростудитенскихъ, Геѳсеманійскихъ, Ризоположенскихъ, не говоря о старыхъ знакомыхъ Круциферскомъ и Кафернаумовѣ?

При письмѣ была тетрадь, написанная мельчайшимъ шрифтомъ, семинарскимъ почеркомъ и медицинской латынью. Я по латыни никогда хорошо не зналъ, да и то, что зналъ, забылъ. По счастію, теперь во всѣхъ

городахъ игорныхъ, гидро-терапевтическихъ и гидро-минеральныхъ заводятъ православныя часовни. Переводъ сдѣланъ мною собща съ однимъ священникомъ; усердно благодаря его, я долженъ въ очистку его сказать, что онъ сталъ мнѣ помогать только послѣ явственнаго удостовѣренія съ моей стороны, что все, относящееся до религіи у Тита Левіаѳанскаго какъ и д-ра Крупова, относится къ лжекатолической религіи и къ лютеровымъ ересямъ, а не къ православной церкви, о которой никогда никто не думаетъ.

Когда я перевелъ первый аѳоризмъ, я испугался, но вскорѣ догадался, что прозекторъ „лично“ сумашедшій, въ доказательство чего и печатаю переводный отрывокъ. Батюшка полагаетъ, что въ прозектора вторгся Вельсевулъ — тотъ самый, который нѣкогда былъ сосланъ въ свиней. Можетъ быть! Спорить не стану — а я все думалъ, что онъ давно истраченъ на *трихины!*

APHORISMATA.

I.

Вѣрность, съ которой многоуважаемый авторъ разбираемой мною диссертаціи, опредѣлилъ *родовое* единство двухъ видовъ помѣшательства, повальнаго и личнаго, составляетъ неоспоримую заслугу д-ра Крупова.

Онъ былъ весьма близокъ къ тому, чтобы вывести прочный фундаментъ для медицинскаго пониманія *всемірной исторіи.* Но, по несчастію, онъ, какъ многіе изъ великихъ врачей до него, отступая отъ опыта, допустилъ преждевременныя заключенія *о цѣли,* и черезъ

то запутался въ религіозно-метафизическія фантасмагоріи.

Авторъ въ „историческомъ безуміи“ видитъ *средство* (кѣмъ взятое?) „благодѣтельную горячку,“ какъ онъ выражается, для излѣченія отъ „животности“ и видитъ его медленное, но вѣрное уменьшеніе, а посему и ожидаетъ *перерожденія рода человѣческаго*, что многіе дѣлали и прежде него, но главное состоитъ въ томъ, что онъ на *этомъ свѣтѣ* ждетъ свою метемпсихозу.

Допуская это, мы изъ предверья науки уносимся въ пучину мистическихъ волнъ и возвратимся къ младенческимъ степенямъ ума и пониманія — которые и были можетъ быть полезны и необходимы для мозговаго роста, какъ прорѣзываніе зубовъ, но которые въ совершеннолѣтіи безъ уродства повторяться не должны. Сюда мы причисляемъ всякаго рода *ожиданія*: пророковъ, мессій, пятаго царства, втораго пришествія, братства, справедливости и другихъ предназначенныхъ прогрессовъ.

Притомъ замѣтимъ, что всѣ послѣдовательные богословы, храмовые *), церковные и академическіе, ставили всегда отвлеченный идеалъ свой, какъ бы они его ни понимали, внѣ исторической жизни, что значительно уменьшаетъ погрѣшность ихъ.

Такъ язычники искали его въ до-историческомъ времени, въ дикомъ состояніи, называемомъ *золотымъ вѣкомъ*, въ него переносили свои мечты о непорочности, незнаніи, простотѣ и другихъ отрицательныхъ добро-

*) Т. е. не Темпліеры, а язычники, молитву творившіе въ капищахъ, божницахъ и „храмахъ,“ въ противоположность христіанамъ, молитвословящимъ въ церквахъ.

(Примѣчаніе батюшки, помогавшаго въ переводѣ.)

дѣтеляхъ и положительныхъ неразвитіяхъ, которыми преисполнены и поднесь орангутанги и лемуры. Такъ христіанство ожидало въ сущности царства небеснаго, а не земнаго. Оно сѣяло *здѣсь* для предвѣчнаго жнитва *тамъ*. Церковь считала здѣшнюю жизнь, которой надобно было пройти, дурной дорогой и старалась слегка и немного посыпать ее щебнемъ, нисколько не думая объ окончательномъ ея устройствѣ. Для христіанства смерть главное и счастливое событіе, оттого-то оно въ свое цвѣтеніе никогда не отказывало ни въ благословеніи войнамъ, ни въ сожженіи, гарротированіи и иныхъ казняхъ еретикамъ. Смерть для христіанъ была выпускнымъ экзаменомъ низшихъ учебныхъ заведеній, съ правомъ на вступительный экзаменъ заведеній высшихъ и загробныхъ.

Остальные теологи безцерковные, какъ Вольтеръ и Руссо и другіе бого и антропотеофилы прошлаго вѣка и нашего, всѣ принимали для исполненія идеала своего *иной свѣтъ*, или такъ называемый *тотъ свѣтъ*, о которомъ, по занятіямъ моимъ въ прозекторской, я всего меньше имѣлъ случай сдѣлать какія нибудь наблюденія, и дѣйствительно не знаю, существуетъ онъ или нѣтъ, и если существуетъ, то какъ къ нашему прилагается. Для меня всегда было неясно (и я смиренно въ томъ вижу отсутствіе выспреннихъ способностей), какъ можетъ *привычка къ существованію* переживать *существующаго* Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не объ объективномъ бытіи, т. е. о бытіи *въ самомъ дѣлѣ того свѣта*, но о логичности его постановленія у теологовъ безцерковныхъ и церковныхъ.

Даже тѣ изъ богослововъ, которые, какъ *деисты*, сознаютъ, что они *постичь* не могутъ высшее существо и только *чтутъ его, не понимая*—сознаваясь, что ничего,

ни хорошаго, ни дурнаго о немъ не знаютъ — и они приняли несовмѣстимость понятія здѣшней жизни съ освобожденіемъ отъ ея условій. Въ силу чего они, допуская прогрессъ, допустили „*безконечность*“ его, т. е. поставили цѣлью усилій человѣческихъ поступательное движеніе безъ достиженія, что совершенно подходитъ къ психіатрической діагнозѣ безумія, блестяще чиноположенной нашимъ авторомъ.

Какъ же онъ, *сей*)* врачъ, постигнувшій, что люди дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ извѣстнаго состоянія мозга, называемаго нами патологическимъ или фантасмагорическимъ, какъ же онъ не понялъ, что другаго *чистаго* мозга вовсе нѣтъ и быть не можетъ, какъ чистаго (математическаго) маятника, какъ нормально здороваго человѣка. Онъ думаетъ, что это будетъ по излеченіи, а мы спрашиваемъ, какъ же *постоянное состояніе* какого нибудь животнаго рода или вида можетъ излѣчиться, хотя бы оно имѣло свои неудобства, какъ слѣпота крота — это не болѣзнь, а *особенность*, *признакъ*.

Какъ же, повторяю, врачъ, чиноположившій отличительныя свойства того, что называется безуміемъ, въ силу котораго окружающіе предметы сознаются неправильно, но и не произвольно, въ болѣзненномъ упорствѣ сохранить это сознаніе, даже при вредѣ себѣ, въ стремленіи къ цѣлямъ несуществующимъ, съ упущеніемъ цѣлей дѣйствительныхъ, могъ усомниться въ его вѣчной необходимости для исторіи и прогресса.

Семенъ Ивановичъ, прослѣдившій свою мысль у постели больнаго, у своего очага (съ кухаркой Матреной

*) Батюшка непремѣнно просилъ оставить „сей;“ онъ находилъ, что *этотъ* „указательно“—а *сей* „сугубо указательно.“

Бучкиной), въ домѣ друзей своихъ (у Анны Феодоровны), въ присутственныхъ мѣстахъ своего города, во Всеобщей Аугсбургской газетѣ, въ путешествіяхъ отъ Магелана, Васко-де-Гама, Марка Поло „до Дюмонъ Дюрвиля," въ бытописаніяхъ отъ Геродота, Тита Ливія „до отечественнаго Карамзина," — какъ же онъ, видя такъ много, не усмотрѣлъ главнаго (не будемъ упрекать человѣка, сдѣлавшаго много, за то, что онъ не сдѣлалъ всего—силы человѣка сочтены): что безъ хроническаго, родоваго помѣшательства прекратилась бы всякая государственная дѣятельность, что съ излѣченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастьи, какъ поетъ старинная пѣсня, а *въ безуміи.*

Безъ него мы были бы сведены на логику и математику.

Оставимъ же навсегда дѣтскую кичливость, съ которой шведъ Линней, лучше знавшій воспроизводительныя части растеній, чѣмъ мозги человѣческіе, назвалъ человѣка (какъ Правительствующій Сенатъ императрицу Екатерину II) *мудрымъ*, homo sapiens, и противупоставилъ ему человѣка безумнаго— homo insanus —человѣка съ безконечнымъ творчествомъ мѣняющаго idées fixes и пункты помѣшательства и постоянно пребывающаго вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая манія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ умопомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждятся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи.

Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И такъ, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымыселъ—творчество слова.

Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей и въ жалкомъ здравомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она-то и находится подъ безвыходнымъ самовластьемъ разума, въ то время, какъ человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все сковано въ природѣ желѣзною необходимостью, она не усовершается, не домогается, не ждетъ обновленья и искупленья, она только перерабатывается, „не вѣдая, что творитъ,“—и въ эту-то кабалу, въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкаютъ человѣка подъ предлогомъ излѣченія?

Отнимите у людей сказки и бредни, библіи и апокалипсисы, вѣру въ пришествіе вѣчнаго міра и таковаго же братства—и родъ человѣческій, какъ Калигула, возжелаетъ имѣть едину главу и едину каротиду, чтобъ перерѣзать ее однимъ ударомъ бистурія.

Посему и не удивительно, что всѣ пророки и законодатели ставили въ основу своей проповѣди и закона какое нибудь страшное безуміе или фантазію; что всѣ моралисты соединяются на томъ, что самый необходимый даръ есть *даръ вѣры*, а вѣрить только въ то и надобно, чего доказать нельзя.

Жидовствующій французскій богословъ, Ренанъ*), сказалъ, что „человѣкъ, по инстинкту, плететъ религію, какъ паукъ паутину.“ Мѣтко, но съ той разницей, что паукъ плететъ паутину для прокормленія и отъ голода, а человѣкъ начинаетъ плести, когда наѣстся до сыта, что паукъ тянетъ нить изъ себя, чтобъ осѣтить муху, а человѣкъ тянетъ религію, чтобъ уловить умъ свой, какъ начало антисоціальное и разъѣдающее.

*) Батюшка было поставилъ, какъ въ текстѣ, „Ренанусъ,“ но я просилъ его отнять „усъ,“ а то пришлось бы Кине называть Квинетусомъ и Оливье Олеаріусомъ.

Необходимость фантазіи, сказки, лжи, религіи неотрицаема, и дѣло вовсе не въ основахъ, не въ теодицеяхъ, не въ догматахъ (и въ личномъ безуміи, главное совсѣмъ не въ пунктѣ помѣшательства; патологическое состояніе можетъ быть одно и то же, воображаетъ ли себя больной сверчкомъ въ щели или шавкой на дворѣ). Только поверхностные и сентиментальные наблюдатели могли негодуя удивляться, что человѣка третьяго дня травили львами и тиграми за то, что онъ не вѣритъ въ громовержца а вѣритъ въ спасителя, вчера жгли за то, что онъ вѣритъ въ спасителя, но не вѣритъ въ завѣдующаго дѣлами его папу, а сегодня убиваютъ французами за то, что онъ вѣрить въ папу какъ въ управителя Христова, но не вѣритъ въ него, какъ въ царя итальянскаго.

Посему-то я всегда и оправдывалъ самаго послѣдовательнаго религіознаго инквизитора и гонителя — Максимиліана Робеспьера; онъ стоитъ гораздо выше Діоклеціана, Кальвина, Филиппа II и др., чему, конечно, обязанъ успѣхамъ философіи и гуманности въ XVIII вѣкѣ. Тѣ жгли своихъ противниковъ, онъ рубилъ головы людямъ не за то, что они *не такъ* вѣрили, какъ онъ, а просто за то, что они не вѣрили ни во что, кромѣ разума. Онъ очень послѣдовательно казнилъ Анархиса Клоца и его товарищей, понимая, что какъ только изъ подъ ногъ человѣка выдернуть треножникъ мистики, такъ онъ и падетъ въ самое жалостное положеніе.

Все, что намъ дорого и изъ за чего мы такъ обильно льемъ кровь ближняго, а иногда и свою, все имѣетъ глубокіе корни въ безуміи и не имѣетъ *ихъ равъ его*... Безконечность и безсмертіе, честь и слава, воля человѣческая и воля божія, обѣ свободныя, одна подчиненная другой и *объ другъ другу не мѣшающія, не смотря*

на необходимость, въ коей обѣ движутся*). Будто это можно понять, не сойдя съ ума?... Да и зачѣмъ воздерживаться, когда все зоветъ къ безумію, все жило и живетъ имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто настроилъ величественные храмы и воздвигъ цѣлые лѣса мрамора и порфира для славы божіей? Кто одержалъ всѣ побѣды, которыми гордятся вѣка? Кто надѣвалъ лавровые вѣнки на свирѣпыхъ, окровавленныхъ бойцевъ, стоявшихъ на грудахъ труповъ? Кто отводилъ руку народа отъ сохи, далъ ему вмѣсто ея мечъ и сдѣлалъ его изъ пахаря земли пахаремъ смерти, убійцей по ремеслу, побѣдителемъ и завоевателемъ, безъ которыхъ не было бы ни Ассиріи, ни Пруссіи (привычка къ цензурѣ постоянно заставляетъ меня умалчивать о любезномъ отечествѣ)?... Кто?... Будто разумъ?... Кто позволяетъ богатому наслаждаться всѣми дарами и благами жизни возлѣ массъ голодныхъ, холодныхъ, оборванныхъ? Кто вѣшаетъ для порядка и кто ведетъ человѣка на казнь съ поднятымъ челомъ и гордостью, все равно умираетъ ли онъ (по выраженію одного нѣмецкаго стихотворца) за императора въ красныхъ штанахъ или за императора въ бѣлыхъ штанахъ?...

Пусть же великое и покровительствующее безуміе, хранящее и утѣшающее, исправляющее и ведущее насъ чрезъ вѣка и океаны, пусть же оно и впредь сопровождаетъ насъ во вѣки вѣковъ, пока родъ человѣческій не поглотится геологическимъ переворотомъ. И пусть передъ его торжественнымъ шествіемъ несется, какъ и прежде, то лучезарное, то въ облакахъ, то пол-

*) На счетъ замѣчательнаго остро-безумнаго сочетанія совершеннаго произвола съ совершенной необходимостью, какъ о сильнѣйшемъ признакѣ, пишу особый аргументъ.

ное, то съ ущербомъ, *свѣтило разума*, пребывающее, какъ луна, все въ томъ же разстояніи отъ земнаго шара, какъ бы онъ ни торопился.

А посему, наставникъ и другъ, Семенъ Ивановичъ, воскликнемъ вмѣстѣ съ латинскимъ классикомъ, но относя слова его къ святому безумію рода человѣческаго: Tu urbes peperisti, tu homines dissipatos in societates convocasti!

Т. Левіаѳанскій.

Не знаю, помнитъ ли теперь кто нибудь небольшую повѣсть мою „Докторъ Круповъ.“ Она была напечатана въ 1847 году въ „Современникѣ“ и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *Круповъ* явился во французскомъ переводѣ въ одномъ парижскомъ Revue. *Двадцать* лѣтъ спустя, въ 1867 году, меня просили прочесть что нибудь въ близкомъ кругу друзей, собиравшихся то у насъ, то у извѣстнаго физіолога *Шифа* во Флоренціи. Я вспомнилъ переводъ *Крупова* и прочелъ его. Слушатели были очень довольны, Шифъ настоятельно требовалъ, чтобы я перепечаталъ его. Одинъ итальянскій литераторъ просилъ текстъ для перевода на итальянскій языкъ. Мой Круповъ, какъ Лазарь, снова ожилъ. Перечитывая его, мнѣ пришли въ голову „рефлексіи и контроверзіи“ прозектора Левіаѳанскаго и я ихъ написалъ собственно для Шифа.

Карлъ Фогтъ, смѣясь, требовалъ отвѣта Левіаѳанскому, обвиняя его въ скрытомъ деизмѣ, на томъ основаніи, что онъ своего бога спряталъ въ *фонарь*, котораго вовсе нѣтъ. Но я побоялся, что одна и та же шутка утомитъ.

ЕЩЕ РАЗЪ БАЗАРОВЪ*)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Вмѣсто письма, любезный другъ, посылаю тебѣ диссертацію, да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора, я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, которую совсѣмъ забылъ, и очень радъ этому, т. е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія. Въ своей односторонности, она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

Вѣрно ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ узналъ *себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеалъ.

— „Но въ чемъ же можетъ быть интересенъ для насъ идеалъ г. Писарева? Писаревъ бойкій критикъ, онъ писалъ много, писалъ обо всемъ, иногда о такихъ предметахъ, которые зналъ, но все это не даетъ его идеалу права на общее вниманіе.“

Въ томъ-то и дѣло, что это не его личный идеалъ, а тотъ идеалъ, который *до* Тургеневскаго Базарова и послѣ *него* носился въ молодомъ поколѣніи и вопло-

*) *Пол. Зв. Т VIII, стр. 141.*

щался не только въ разныхъ героевъ повѣстей и романовъ, но въ живыя лица, старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ Базаровщину. То, что Писаревъ говоритъ, я слышалъ и видѣлъ десять разъ; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и, собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго Базарова.

Базаровъ для Тургенева больше, чѣмъ посторонній, для Писарева больше, чѣмъ свой; для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой desideratum.

Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь отъ Тургеневскаго Базарова, какъ отъ шаржи, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было непріятно, что Писаревъ опростоволосился, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ его не вѣрно понялъ.

Писаревъ знаетъ сердце своего Базарова до тла, онъ исповѣдуется за него. „Можетъ быть," говоритъ онъ, „Базаровъ въ глубинѣ души признаетъ многое изъ того, что отрицаетъ на словахъ, и можетъ быть именно это признаваемое, это затаившееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества." Мы считаемъ эту нескромность, заглянувшую такъ далеко въ чужую душу, очень важной.

Дальше Писаревъ такъ характеризуетъ своего героя: „Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно (ясно, что это не Тургеневскій Базаровъ), именно вслѣдствіе этой громадности. Удовлетворить Базарова могла бы только *цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія**).

*) Юность любитъ выражаться разными несоизмѣримостями и

„Б. вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется, или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ, имъ управляетъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора. Впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ никакого высокаго помысла и при всемъ этомъ силы огромныя. Если Базаровщина *болѣзнь*, то она болѣзнь нашего времени и ее приходится выстрадать, не смотря ни на какія ампутаціи и палліативы.

„Б. смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать *свои полу-презрительныя и полу-покровительственныя отношенія* къ тѣмъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было. Въ его цинизмѣ двѣ стороны — внутренняя и внѣшняя, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой иронiи, *безпричинная и безцѣльная* рѣзкость въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму. Б. не только эмпирикъ, онъ кромѣ того неотесаный буршъ. Въ числѣ почитателей Б. найдутся навѣрное такіе люди, которые будутъ восхищаться его грубыми манерами, слѣдами бурсацкой жизни, будутъ подражать этимъ манерамъ, составляющимъ во всякомъ случаѣ *недостатокъ*, а не достоинство*).

поражать воображеніе безконечно великими образами. Послѣдняя фраза мнѣ такъ и напоминаетъ Карла Мора, Фердинанда и Донъ-Карлоса.

*) Предсказаніе сбылось. Странная вещь это взаимодѣйствіе лю-

„Такіе люди всего чаще вырабатываются при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни; отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства, человѣкъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, на мечту человѣкъ смотритъ, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣженности, нравственныя страданія онъ считаетъ мечтательными, нравственныя стремленія и подвиги — придуманными и нелѣпыми. *Онъ чувствуетъ отвращеніе къ фразистости.*“

За тѣмъ Писаревъ представляетъ генеалогическое дерево Базарова: Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, Рудины и Бельтовы — Базарова. (По волѣ или по неволѣ вынужены Декабристы, не знаю).

Усталые, скучающіе люди замѣняются людьми, стремящимися къ дѣлу, жизнь бракуетъ обоихъ, какъ не годныхъ и не полныхъ. „Пострадать имъ иногда придется, но сдѣлать дѣло никогда не удается. Общество къ нимъ глухо и неумолимо. Они не умѣютъ ужиться съ его условіями, ни одинъ изъ нихъ не дослужился до *начальниковъ отдѣленія*. Иные утѣшаются, становясь профессорами и работая для будущаго поколѣнія.“ От-

Отдей на книгу и книги на людей. Книга беретъ весь складъ изъ того общества, въ которомъ возникаетъ, обобщаетъ его, дѣлаетъ болѣе наглядным и рѣзкимъ и вслѣдъ за тѣмъ бываетъ обойдена реальностью. Оригиналы дѣлаютъ шаржу своихъ рѣзко оттѣненныхъ портретовъ и дѣйствительныя лица вживаются въ свои литературныя тѣни. Въ концѣ прошлаго вѣка всѣ нѣмцы сбивали немного на Вертера, всѣ нѣмки на Шарлоту; въ началѣ нынѣшняго университетскіе Вертеры стали превращаться въ „разбойниковъ,“ не настоящихъ, а шиллеровскихъ. Русскіе молодые люди, пріѣзжавшіе послѣ 1862, почти всѣ были изъ „Что дѣлать?“ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ базаровскихъ черть.

рицательная польза, приносимая ими, не подлежитъ сомнѣнію. Они размножаютъ людей *неспособныхъ* къ практической дѣятельности, вслѣдствіе чего самая практическая дѣятельность, или, вѣрнѣе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постояннно понижается въ мнѣніи общества.

„Казалось (послѣ крымской кампаніи), что Рудинству приходитъ конецъ, что за эпохой безплодныхъ мечтаній и стремленій наступаетъ эпоха кипучей и полезной дѣятельности. Но миражъ разсѣялся. Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями, изъ за нихъ выдвинулось новое поколѣніе, которое *съ укоромъ и насмѣшкой* отнеслось къ своимъ предшественникамъ. „Объ чемъ вы ноете, чего вы ищите, чего просите отъ жизни? Вамъ небось счастья хочется? Да вѣдь мало что! Счастье надо завоевать. Есть силы, берите его. Нѣтъ силъ—*молчите*, а то и безъ васъ тошно!“ Мрачная, сосредоточенная энергія сказывалась въ этомъ *недружелюбномъ* отношеніи молодаго поколѣнія къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе сходилось съ лучшими людьми предъидущаго, симпатіи и антипатіи были общія; *желали они одного и того же*, но люди прошлаго *метались и суетились*. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, не подаются ни на какіе компромисы и *ни на что не надѣятся*. Они также безсильны, какъ Рудины, но они **сознали** свое безсиліе.

„Я не могу дѣйствовать теперь, думаетъ каждый изъ этихъ новыхъ людей, не стану и пробовать, *я презираю все, что меня окружаетъ* и не стану скрывать моего презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду, когда почувствую себя сильнымъ. Не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинаютъ думать и изслѣдовать... суевѣрія и авто-

ритеты разбиваются въ дребезги и міросозерцаніе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представленій. Имъ дѣла нѣтъ, идетъ ли за ними общество; они полны собой, своей внутренней жизнью. Словомъ, у Печориныхъ *есть воля безъ знанія*, у Рудиныхъ — *знаніе безъ воли*, у Базаровыхъ — *и знаніе, и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое."

Тутъ все есть, какъ видишь, если нѣтъ ошибки, и характеристика, и классификація—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

Но мы этого счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ. Мы не Карлъ V и никакъ не хотимъ, чтобы насъ хоронили живыми.

Странныя судьбы *отцовъ и дѣтей!* Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ—это ясно, что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ—и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ увлекъ Тургенева, и вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ.

Оттого-то и вышло, что часть молодаго поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но мы вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, не смотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ, во время нашей молодости и теперь существуютъ.

Мало ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и то же время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его; безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но

не представляютъ самой рѣзкой и характеристичной стороны своего поколѣнія, стороны, наиболѣе выражающей его интензивность. Писаревскій Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ *сыновьями*; въ то время, какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ.

Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги, и по моему очень хорошо сдѣлалъ—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, за то въ лучшую.

Что бы ему было прислать Базарова въ Лондонъ? Плюгавый Писемскій не побоялся путевыхъ расходовъ для взбаламученныхъ уродцевъ своихъ. Мы, можетъ быть, доказали бы ему на берегахъ Темзы, что можно и не дослуживаясь до *начальника отдѣленія* приносить не меньше пользы, чѣмъ приноситъ любой *начальникъ департамента*, что общество не всегда глухо и неумолимо, когда протестъ попадаетъ въ тонъ, что дѣло иногда удается, что у Рудиныхъ и Бельтовыхъ иной разъ бываетъ и воля, и настойчивость, и что, видя невозможность дѣятельности, къ которой они стремились по внутреннему влеченію, они бросали *многое*, уѣзжали на чужбину и заводили, „не метавшись и не суетясь,“ русскую книгопечатню и русскую пропаганду.

Вліяніе лондонскаго станка отъ 1856 до конца 1863 года не только практическій фактъ, но фактъ историческій. Стереть его нельзя, съ нимъ надобно примириться.

Базаровъ въ Лондонѣ увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и пересталъ бы относиться къ намъ „съ укоромъ и насмѣшкой.“

Я признаюсь откровенно, мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ—противно. Повторяю, сказанное („Былое и Думы,“ IV томъ): „Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ.

Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дойдетъ дѣло до исторіи — тотчасъ въ сторону методъ физіологическій, и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

Онѣгины и Печорины прошли.

Рудины и Бельтовы проходятъ.

Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

На его смѣну напрашивался уже типъ, въ веснѣ дней своихъ сгнившій, типъ православнаго студента, *консерватора и казенно-коштнаго патріота*, въ которомъ отрыгнулось все гнусное императорской Руси, и который самъ сконфузился послѣ серенады Иверской и молебна Каткову.

Всѣ возникнувшіе типы пройдутъ и всѣ съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея.

А потому, не интереснѣе ли, вмѣсто того, чтобы стравлять Базарова съ Рудинымъ, разобрать въ чемъ *красныя нитки*, ихъ связующія, и въ чемъ причины ихъ

возникновеній и ихъ превращеній? Почему именно эти формы развитія вызвались нашей жизнью и почему онѣ такъ переходили одна въ другую? Несходство ихъ очевидно, но чѣмъ нибудь были же онѣ и близки другъ другу.

Типы легко схватываютъ различія, для рѣзкости въ нихъ увеличиваютъ углы и выпуклости, обводятъ густой краской предѣлы, обрываютъ связи, переливы теряются и единство остается вдали, за туманомъ, какъ поле, соединяющее подошвы горъ, далекихъ другъ отъ друга, ярко освѣщенными вершинами.

Къ тому же мы грузимъ на плечи типовъ больше, чѣмъ они могутъ вынести и придаемъ имъ въ жизни значеніе, котораго они не имѣли или имѣли въ ограниченномъ смыслѣ. Брать Онѣгина за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснувшагося слоя совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни.

Типъ того времени, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ типовъ новой исторіи—это *декабристъ*, а не Онѣгинъ. Русская литература не могла до него касаться цѣлыя сорокъ лѣтъ, но онъ отъ этого не сталъ меньшимъ.

Какъ у молодаго поколѣнія не достало ясновидѣнія, такта, сердца понять все величіе, всю силу этихъ блестящихъ юношей, выходящихъ изъ рядовъ гвардіи, этихъ баловней знатности, богатства, оставляющихъ свои гостиныя и свои груды золота, для требованія человѣческихъ правъ, для протеста, для заявленія, за которое—и они знали это—ихъ ждали веревка палача и каторжная работа?—Это печальная загадка.

Сердиться на то, что эти люди явились въ единственномъ сословіи, въ которомъ было какое нибудь

образованіе, какой нибудь досугъ и какая нибудь обезпеченность—безсмысленно. Еслибъ эти „князья, бояре, воеводы," эти статсъ-секретари и полковники не проснулись первые отъ нравственнаго голода и ждали, чтобъ ихъ разбудилъ голодъ физическій, то не было бы не только ноющихъ и безпокойныхъ Рудиныхъ, но и почившихъ въ своемъ „единствѣ воли и знанія" Базаровыхъ. А былъ бы какой нибудь полковой лекарь, который морилъ бы солдатъ, обкрадывая ихъ на пайкахъ и лекарствахъ и продавалъ бы прикащику Кирсанова свидѣтельства о естественной смерти засѣченныхъ крестьянъ, или былъ бы повытчикъ-взяточникъ, вѣчно пьяный, лупилъ бы четвертаки съ крестьянъ и подавалъ бы шинель и калоши его превосходительству, начальнику губерніи, Кирсанову. Да сверхъ того не было бы ни смертельнаго удара крѣпостному состоянію, ни всего того, что работаетъ подъ тяжелой корой власти, подтачивая императорскіе горностаи и стеганый помѣщичій халатъ.

Счастье, что рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ и дворнѣ,, въ насилованіи и сѣченіи дома, въ раболѣпствѣ въ Петербургѣ, нашлись такіе, которыхъ „затѣи" состояли въ томъ, чтобъ вырвать изъ ихъ рукъ розгу и добиться простора, не ухарству на отъѣзжемъ полѣ, а простора уму и человѣческой жизни. Была ли эта затѣя ихъ серьезнымъ дѣломъ, ихъ страстью—они это доказали на висѣлицѣ, на каторгѣ... они это доказали, возвратившись черезъ тридцать лѣтъ изъ Сибири.

Если въ литературѣ сколько нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста—это въ Чацкомъ.

Въ его озлобленной, желчевой мысли, въ его моло-

домъ негодованіи слышится здоровый порывъ къ дѣлу, онъ чувствуетъ, чѣмъ недоволенъ, онъ головой бьетъ въ каменную стѣну общественныхъ предразсудковъ и пробуетъ, крѣпки ли казенныя рѣшетки. Чацкій шелъ прямой дорогой на каторжную работу, и если онъ уцѣлѣлъ 14 Декабря, то навѣрно не сдѣлался ни страдательно тоскующимъ, ни гордо презирающимъ лицомъ. Онъ скорѣе-бросился бы въ какую нибудь негодующую крайность, какъ Чаадаевъ, сдѣлался бы католикомъ, ненавистникомъ славянъ или славянофиломъ, но не оставилъ бы ни въ какомъ случаѣ своей пропаганды, которой не оставлялъ ни въ гостиной Фамусова, ни въ его сѣняхъ, и не успокоился бы на мысли, „что его часъ не насталъ.“ У него была та безпокойная неугомонность, которая не можетъ выносить диссонанса съ окружающимъ и должна или сломить его, или сломиться. Это—то броженіе, въ силу котораго невозможенъ застой въ исторіи и невозможна плѣсень на текущей, но замедленной волнѣ ея.

Чацкій, еслибъ пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 Декабремъ въ страхѣ и трепетѣ, сплюснутое терроромъ, выросшее пониженное, задавленное — черезъ нихъ протянулъ бы горячую руку намъ. Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти rimes croisées черезъ поколѣнія не рѣдкость, даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ дѣтьми Базарова встрѣтимся симпатично и они съ нами „безъ озлобленія и насмѣшки.“

Чацкій не могъ бы жить сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надмѣнномъ самообоготвореніи; онъ не былъ на столько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетво-

реніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей, вся сущность его.

Но именно эта-то сторона и не нравится Базарову, она-то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. „Молчите въ своемъ углу, коли силъ нѣтъ что нибудь дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно, говоритъ онъ—побиты, ну и сидите побитые... что вамъ ѣсть что ли нечего, что плачете, это все барскія затѣи," и т. д.

Писаревъ долженъ былъ такъ говорить за Базарова, этого требовала его роль.

Не играть роли, пока она нравится, трудно. Снимите съ Базарова его мундиръ, заставьте его забыть жаргонъ, на которомъ онъ говоритъ, дайте ему волю *просто*, безъ *фразы* (ему, который такъ ненавидитъ *фразерство*!) сказать одно слово, дайте ему на минуту забыть свою ежевую обязанность, свой искуственно сухой языкъ, свою стегающую роль и мы объяснимся во всемъ остальномъ въ одинъ часъ.

„Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ новое поколѣніе сходилось съ прошедшимъ. Симпатіи и антипатіи, говоритъ Писаревъ, были общи, желали они одного и того же... въ глубинѣ души они признаютъ многое, что отрицаютъ на словахъ." Мудрено ли послѣ этого столковаться.

Но пока облаченье не снято, Базаровъ послѣдовательно требуетъ отъ людей, сдавленныхъ всѣмъ на свѣтѣ, оскорбленныхъ, измученныхъ, лишенныхъ и сна и возможности на яву дѣлать что нибудь, чтобъ они не говорили о боли, это сильно сбивается на Аракчеевщину.

На какомъ же основаніи отнять право на горькую жалобу Лермонтова напр., на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ въ са-

момъ дѣлѣ былъ бы лучше николаевскій острогъ, еслибъ въ немъ тюремные сторожа были также раздражительно нервны и привязчивы, какъ Базаровъ — и подавили бы эти голоса?

— Да зачѣмъ они? Что проку?

— А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

— Онъ не можетъ иначе.

— А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ словъ, жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утомляетъ боль. Ihm, говоритъ Гёте, gab ein Gott zu sagen was er leidet.

— А намъ что за дѣло?

— Можетъ вамъ и нѣтъ, такъ другимъ можетъ *есть;* но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя.* Съ точки зрѣнія исторіи оно переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падающія невзгоды—особенно не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израиль, ожидавшій Мессію, и вовсе не зная, что отъ сѣмени Онѣгиныхъ и Рудиныхъ родится Базаровъ.

Въ сущности нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дѣятельности, *нашъ* протестъ противъ существующаго *иначе*, чѣмъ у нихъ, и что мотивъ того и другаго не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ

эволюцій—шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера развились статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его—выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности.

„Если, говоритъ Писаревъ, Базаровщина болѣзнь нашего времени, то ее придется выстрадать.“

Ну и довольно. Болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала.

Худшая услуга, которую Тургеневъ оказалъ Базарову, состоитъ въ томъ, что не зная, какъ съ нимъ сладить, онъ его казнилъ тифомъ. Это такая ultima ratio, противъ которой никто не устоитъ. Уцѣлѣй Базаровъ отъ тифа, онъ навѣрное развился бы вонъ изъ Базаровщины, по крайней мѣрѣ въ науку, которую онъ любилъ и цѣнилъ въ физіологіи, и которая не мѣняетъ своихъ пріемовъ, лягушка ли или человѣкъ, эмбріологія ли или исторія у нея въ передѣлѣ.

„Базаровъ выбилъ изъ своей головы всякіе предразсудки, затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ. Онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, *не потрудился* подумать *и съ плеча* произнесъ приговоръ надъ незнакомымъ предметомъ. Эта заносчивость *свойственна намъ* вообще, она имѣетъ свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но за то порой приводитъ къ грубымъ ошибкамъ.“

Наука спасла бы Базарова, онъ пересталъ бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ и не скрываемымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ больше, чѣмъ Еванге-

ніе къ независимости, ненависть къ рабству, уваже
къ Западу и революціи, вѣру въ возможность пере
рота въ Россіи, страстное желаніе участвовать въ нем
юность и непочатость силъ.

Все это переработалось, стало инымъ, но осно
цѣлы.

Что же наше поколѣніе завѣщало новому?

Нигилизмъ.

Вспомнимъ немного, какъ было дѣло.

Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ подъ туго пр
давленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. І
всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та пер
мѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета
пониманья, что въ болѣзни *есть поворотъ* къ лучшем
что силы очень слабы, но будто поднялись — друг
тонъ. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическом
мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, больше раздражительны
но и больше здоровый. Наружно все было мертво под
николаевскимъ льдомъ, но что-то пробудилось въ со
наніи, въ совѣсти — какое-то чувство неловкости, не
довольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло в
полумракѣ темнаго царства.

Я эту перемѣну видѣлъ своими глазами, пріѣхавш
изъ ссылки, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербург
Но я увидѣлъ это въ кругахъ литераторовъ и ученых
Другой человѣкъ, котораго остзейская антипатія к
русскому движенію ставитъ выше подозрѣнія въ пр
страстіи, разсказалъ не такъ давно, какъ онъ, возвра
тившись въ сороковыхъ годахъ въ петербурскую ар
стократію казармъ, послѣ отсутствія нѣсколькихъ лѣт
былъ озадаченъ послабленіемъ дисциплины. Флигел
адъютанты, гвардейскіе полковники роптали, критик
вали мѣры правительства, были недовольны самы

ліе, смиренію. Она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что такое *свысока*, она ничего не презираетъ, никогда не лжетъ для роли, и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда какъ врачъ, никогда какъ палачъ, еще меньше съ враждебностью и ироніей.

Наука—я вѣдь не обязанъ скрывать нѣсколько словъ въ тиши душевной—наука—*любовь*, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Прошедшее оставляетъ въ исторіи *ступню*, по которой наука, рано или поздно, возстановляетъ былое въ основныхъ чертахъ. Утрачивается одно случайное, освѣщеніе—подъ тѣмъ или другимъ угломъ, подъ которымъ оно проходило. Апотеозы и клеветы, пристрастія и зависти все это вывѣтривается и сдувается. Легкая ступня, занесенная пескомъ, изчезаетъ; ступня, имѣвшая силу и настойчивость выдавить себя на камнѣ, и воскресшая подъ рукой честнаго труженика.

Связи, степени родства, завѣщатели и наслѣдники и ихъ взаимныя права, все раскроется геральдикой науки.

Безъ предшественниковъ родятся только богини, какъ Венера изъ пѣны морской. Минерва умнѣе ее, родилась изъ готовой головы Юпитера.

Декабристы — наши великіе отцы, Базаровы — наши блудные дѣти.

Мы отъ декабристовъ получили въ наслѣдство возбужденное чувство человѣческаго достоинства, стремле-

иколаемъ. Его это до того ошеломило, огорчило, испу-
ло за будущность самодержавія, что онъ въ смятеніи
ха почувствовалъ за обѣдомъ у флигель-адъютанта
чуть ли не въ присутствіи самаго Дуббельта, какъ
жду сыромъ и грушей родился *нигилизмъ*.

Онъ не узналъ новорожденнаго, но новорожденный
лъ. Машина, завинченная Николаемъ, стала подавать-
, онъ ее свинтилъ на другую сторону и всѣ это по-
вствовали, одни говорили, другіе молчали, запрещали
ворить, но тѣ и другіе поняли, что въ сущности все
етъ плохо, что всему тяжело, и что отъ этой тяже-
и никому нѣтъ прока.

Замѣшался въ дѣло смѣхъ, дурной товарищъ всякой
ыли, а *самодержавіе*—религія. Мерзость и запустѣ-
низшей администраціи дошли до того, что прави-
льство отдало ее на поруганье. Николай Павловичъ,
ираврившій со смѣху въ своей ложѣ надъ Сквозникомъ-
ухановскимъ и Держимордой, помогалъ пропагандѣ,
догадываясь, что смѣхъ послѣ высочайшаго одобрѣ-
, пойдетъ быстро вверхъ по табели о рангахъ.

Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости
брики Писарева трудно. Въ жизни все состоитъ изъ
ѣливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и
ехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей и нача-
ь люди съ знаніемъ безъ воли?

Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ран-
ра, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ
гами былъ товарищъ Бѣлинскаго, онъ былъ вмѣстѣ
нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной без-
ежности печоринскаго направленія, противъ котора-
возставали уже и славянофилы и мы.

Кстати я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣть Хомя-

кова и его „братчиковъ?“ Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ и его вліяніе колосально.

И такъ, оставляя lapides crescunt, planta crescunt et vivunt... Писарева, пойдемъ далѣе.

Тайныхъ обществъ не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико. Круги, составленные изъ людей, больше или меньше испытавшихъ на себѣ медвѣжью лапу правительства, смотрѣли чутко за своимъ составомъ. Всякое другое дѣйствіе кромѣ слова, и то маскированнаго, было невозможно, за то слово пріобрѣло мощь и, не только печатное, но еще больше живое слово, меньше уловимое полиціей.

Двѣ батареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандой, въ главѣ ея становится, въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ — Бѣлинскій. Университетскія каѳедры превращаются въ налои, лекціи въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

Вдругъ еще взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ и угрызеніе совѣсти, и пожалуй не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ „Мертвыхъ душъ“ не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь—и смѣхъ и плачъ, и книга и рѣчь, и Гегель*)

*) Діалектика Гегеля — страшный таранъ, она не смотря на свое

и исторія—все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціонаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма* — зарницы той совершеннѣйшей свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму идти впередъ своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась. Времена чернѣе и тяжеле начала николаевскаго царствованія наступили послѣ февральской революціи. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

Темная, семилѣтняя ночь пала на Россію и въ ней то сложился, развился и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали *нигилизмомъ*.

Нигилизмъ (повторяю сказанное недавно въ Колоколѣ)—это логика безъ стриктуры, это наука безъ догматовъ, это безусловная покорность опыту и безропотное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы они ни были, если они вытекаютъ изъ наблюденія, требуются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *что нибудь* въ ничего, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что нибудь*, оптическій обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ—здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все мѣшавшее разуму. Къ тому же это было время Фейербаха, der kritischen Kritik...

Идетъ это названіе къ дѣлу или нѣтъ, это все равно, къ нему привыкли, оно принято друзьями и врагами, оно попало въ полицейскій признакъ, оно стало доносомъ, обидой у однихъ — похвалой у другихъ. Разумѣется, если подъ *нигилизмомъ* мы будемъ разумѣть обратное творчество, т. е. превращеніе фактовъ и мыслей въ *ничего*, въ безплодный скептицизмъ, въ надменное „сложа руки“, въ отчаяніе, ведущее къ бездѣйствію, тогда настоящіе *нигилисты* всего меньше подойдутъ подъ это опредѣленіе, и одинъ изъ величайшихъ нигилистовъ, бросившій въ нихъ перюбимый философъ Шопен-

лущая объясненія кого-то приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „такъ это я не для себя сознаю, а для духа... что же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать, что мнѣ за забота до его сознанія...“ Онъ былъ *нигилистъ*.

Когда Бакунинъ уличалъ бирлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанья и парижскихъ революціи 1848 года въ консерватизмѣ — онъ былъ вполнѣ *нигилистъ*. Вообще всѣ эти межеванія и ревнивыя с ванія ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильс антагонизма.

Когда Петрашевцы пошли на каторжную работу за то, что „хотѣли ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы и разрушить основы общества“, какъ говоритъ сентенція, выкрадывая выраженія изъ инквизиторской записки Липранди—они были *нигилистами*.

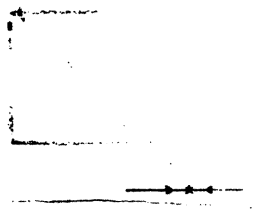
Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе сознался себя, долею сталъ доктриной, принялъ въ себя многое

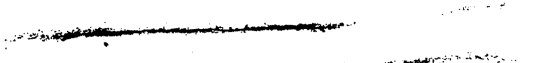
изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... все это неоспоримо.

овыхъ началъ, принциповъ, онъ не внесъ.

гдѣ же они?

то я жду отвѣта отъ тебя или пожалуй отъ будь другаго, и тогда буду продолжать.





На этомъ томъ останавливается пока полное собраніе сочиненій А. И. ГЕРЦЕНА. Остаются статьи, напечатанныя въ „Колоколѣ,“ за исключеніемъ немногихъ, которыя помѣщены въ настоящемъ изданіи, и двѣ-три статьи, помѣщенныя въ „Полярной Звѣздѣ.“ Все это вмѣстѣ составитъ еще тома три, можетъ быть четыре. Все капитальное вошло въ 10 выпущенныхъ томовъ. Издатели надѣются, что успѣхъ этихъ томовъ позволитъ имъ вскорѣ окончить изданіе.